

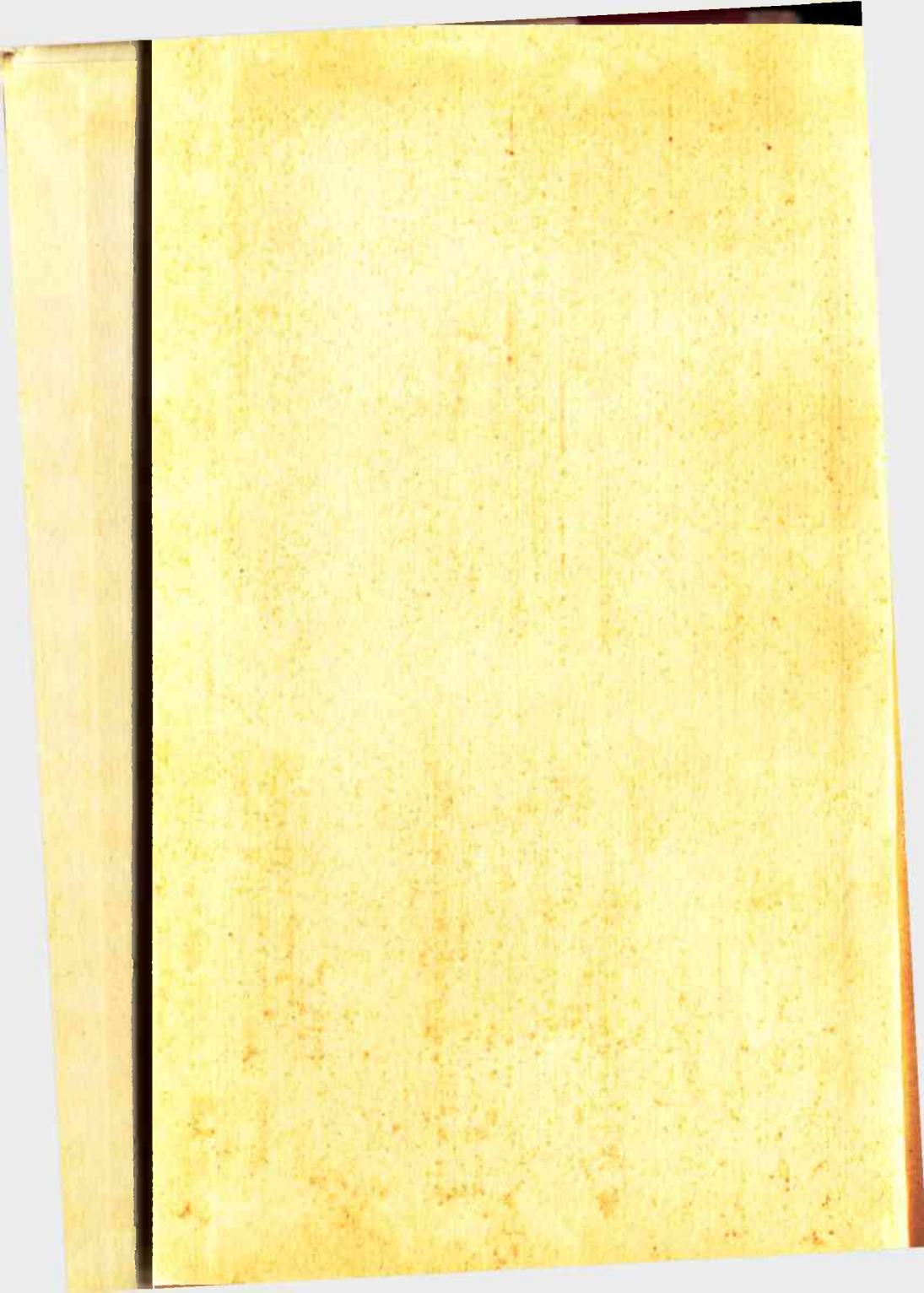
379

Вопросы советского языкознания

В. В. ИВАНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. И В А Н О В

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЯЗЫКА В X—XII вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1968

Иванов В. В.

И20 Историческая фонология русского языка. (Развитие фонологической системы древнерусского языка в X—XII вв.) М., «Просвещение», 1968.

358 с.

Работа Иванова В. В. освещает историю развития фонологической системы русского языка в период X—XII вв. и объясняет, как изменялись фонологические отношения в связи с теми процессами, которые происходили в это время в русском языке. Исследование связано с разработкой методов изучения истории звукового строя как истории системных отношений.

7-1-2
99-66

4Р

ОТ АВТОРА

В настоящей книге делается по существу первая попытка дать очерк исторической фонологии русского языка. Несмотря на то что наука об истории фонологической системы различных языков имеет более чем тридцатилетнюю давность, до сих пор почти не существует исследований, в которых со всей возможной полнотой раскрывались бы фонологические отношения и изменение этих отношений в истории русского языка. Поэтому свою основную задачу автор видит в том, чтобы показать, как складывались и развивались фонологические связи на различных этапах истории русского языка.

Теория исторической фонологии разрабатывается в трудах видных советских и зарубежных лингвистов. В настоящее время ряд основных положений этой теории уже получил достаточно отчетливое выражение. Считая их вполне приемлемыми, автор полагает возможным опереться на эти положения, хотя и видит вместе с тем необходимость их дальнейшего развития. Однако надо иметь в виду, что многие теоретические проблемы исторической фонологии еще не разработаны или разработаны недостаточно. Именно поэтому, прежде чем рассматривать фонологические отношения в истории русского языка, автор считает необходимым изложить те теоретические вопросы, которые представляются ему основными в исторической фонологии. Возможно, что решение данных вопросов, какое принимается в книге, не является окончательным — этого и трудно ожидать, если учесть всю их сложность. Однако автор полагает, что сама дискуссионность решений может быть только полезна для науки. Поэтому он думает, что, чем больше

сомнений и споров вызовет книга, тем скорее можно будет ожидать появления новых работ в области исторической фонологии русского языка, в которых будут предложены, возможно, лучшие решения проблем этой науки.

Вопросы исторической фонологии русского языка нашли отражение в ранее вышедшей книге автора «Историческая грамматика русского языка» (изд. «Просвещение», М., 1964); однако, во-первых, в силу специфики указанной книги как вузовского учебника в ней не могли быть освещены сугубо специальные историко-фонологические вопросы; во-вторых, за время, прошедшее после выхода «Исторической грамматики русского языка», ряд положений, выдвинутых в ней, подвергся автором пересмотру, и поэтому есть различия в толковании некоторых проблем исторической фонологии русского языка в ранней и настоящей книгах автора.

Книга рассчитана на преподавателей пединститутов и университетов и на студентов старших курсов, уже изучивших историческую грамматику русского языка. Она может быть полезна также и учителям средней школы, интересующимся историей родного языка и стремящимся познать закономерности его развития.

Автор выражает свою глубокую признательность члену-корреспонденту АН СССР профессору Р. И. А в а н е с о в у, ознакомившемуся с рукописью книги и сделавшему ценные указания и замечания, позволившие улучшить предлагаемую работу.

Автор также будет благодарен за все замечания, высказанные читателями этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ КАК НАУКА, ЕЕ ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ

1 Значение истории языка как науки общеизвестно: она не только раскрывает пути развития языков, показывает основные этапы их эволюции, но и помогает понять структуру и особенности современного состояния языка. Уже не раз говорилось и писалось о том, как историческими процессами в развитии русского языка объясняются многие явления в его современной звуковой, морфологической и лексической системе. Именно в раскрытии сущности и характера современных явлений заключается одна из задач исторической фонетики, исторической морфологии и исторической лексикологии любого, в том числе и русского языка.

Общеизвестно также и значение исторической фонетики для истории морфологической и лексической системы языка: многие явления в морфологии и лексике имеют своей первопричиной фонетические процессы. Отсюда становится понятным, что изменение звуков не может не привести к изменению морфем и, в конечном счете, к преобразованию морфологической структуры слова, с одной стороны, а с другой — к преобразованию корней, т. е. к появлению новых слов в языке. Поэтому история звуковой системы приобретает важное значение для общей истории развития структуры данного, в частности русского, языка.

Однако история звуковой стороны языка — это не просто история изменения и развития отдельных звуков, а история сложных связей и отношений единиц звуковой системы, которые называются фонемами, — это история фонологических отношений, характерных для данного языка на разных этапах его развития.

Если учесть, что языкознание не ограничивается при изучении звуков речи их физиолого-акустическими свойствами, а выдвигает на первый план проблему фонетики и фонологии звуков в языке, т. е. рассматривает их как средство, служащее коммуникативным целям языка, то можно понять, какие задачи стоят перед историком звуковой системы данного языка.

Как известно, звуки речи выступают в языке в качестве знаков, необходимых для различения звуковых оболочек слов и их форм, — в качестве фонем. Фонетическая система языка является системой фонем, связанных между собой определенными и подчас сложными отношениями. Отношения фонем, или фонологические отношения, и изучаются в фонетике языка, точнее, в ее наиболее важной стороне — в фонологии. Иначе говоря, фонология — это учение о системе фонем, характерной для данного языка на данном этапе его развития.

Следовательно, в лингвистике есть задача изучения истории фонологических отношений, истории системы фонем. Этим и занимается сравнительно молодая область исторического языкознания — историческая (или диакроническая) фонология, являющаяся высшей ступенью исторической фонетики языка.

2 Проблемы исторической фонологии в настоящее время приобрели очень важное значение и привлекают внимание многих исследователей в области истории различных языков. Существует достаточно много работ как общего, так и частного характера, связанных с изучением исторической фонетики того или иного языка, разрабатываемой в фонологическом аспекте, в плане изучения истории фонологических систем в разные эпохи развития данного языка. Вместе с тем создаются работы, в которых ставятся общие проблемы, связанные с изучением причин изменения фонологических систем, и раскрываются эти изменения в истории отдельных языков. В статье «Принципы исторической фонологии» Р. Якобсон писал: «Для традиционной исторической фонетики была характерна изолированная трактовка звуковых изменений, т. е. там не было внимания к системе, которая переживает эти изменения... Фонология противопоставляет атомистически-изолированному методу ком-

плексный, или ...общий метод; каждое фонологическое явление представляется как часть целого, которое включает в себя как целое различные высшие ступени. Согласно этому, первый принцип исторической фонологии звучит так: каждое изменение рассматривается в соответствии с той системой, внутри которой оно происходит. Звуковое изменение может быть понято только в том случае, если выяснена его функция в языковой системе»¹. И далее: «Каждая фонологическая единица внутри данной системы должна быть представлена в ее взаимоотношениях ко всем единицам системы до и после происшедшего звукового изменения, независимо от того, повлекло ли за собою это изменение изменение фонетических реализаций различных фонологических единиц, или нет»².

Таким образом, задача исторической фонетики заключается не в том, чтобы представить изолированные изменения тех или иных звуков в истории данного языка, а в том, чтобы показать эволюцию фонологической системы, где все элементы связаны между собой определенными отношениями, и установить причины этой эволюции именно в данном направлении. Решение этой задачи, а отсюда и правильное понимание развития фонологической системы предполагает прежде всего ясное представление о месте каждой фонологической единицы данного языка внутри его системы, — представление о связях и взаимоотношениях элементов системы изучаемого языка, как они могут быть определены до и после происшедших изменений. А это, в свою очередь, означает, что, прежде чем ставить вопрос о путях развития данной фонологической системы, необходимо иметь исчерпывающее представление о состоянии этой системы в тот момент ее развития, который принимается за исходный, или за «точку отсчета» в дальнейших изменениях, в дальнейшей эволюции. Состояние же фонологической системы возможно представить при условии, повторяем, подробного и тщательного описания всех связей и отношений между элементами, образующими эту систему.

Иначе говоря, диахроническая фонология начинается с синхронного описания системы, принимаемой за исход-

¹ R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 4, 1931, S. 247—248.

² Там же, стр. 248.

ную. Конечно, выбор этой исходной точки не произволен — он определяется уже известными фактами в фонетической истории изучаемого языка, подсказывающей решение вопроса подобного выбора, — но он и условен, во-первых, в том смысле, что, выбранная в качестве исходной, эта система в действительности является лишь эталом в развитии изучаемого языка, а во-вторых, в синхронной системе, избранной в качестве исходной (впрочем, так же как и в других синхронных системах, устанавливаемых для определенных периодов развития языка), всегда наличествуют такие элементы, которые являются н а с л е д и е м прошлого, и такие элементы, которые возни-кают внутри данной системы. Следовательно, описание фонологической системы на данном периоде его развития должно учитывать, что «во всякой фонологической системе в любой момент ее истории существуют зоны, где подготавливаются или уже происходят изменения»¹.

При этом следует помнить о том, что эволюция фонологической системы есть изменение отношений внутри этой системы, связанное с изменением материальной стороны элементов системы: «... историк языка имеет дело прежде всего не с фонемами, а со звуками. Однако ему приходится постоянно вступать в область фонологии. Вот почему с одинаковым вниманием он должен относиться как к истории фонетических процессов, так и к истории фонематических отношений»².

Последнее положение важно особенно потому, что оно подчеркивает неразрывную связь фонологии и фонетики как двух аспектов исследования звуковой материи: изучение системы фонологических отношений не может и не должно вестись в отрыве от звуковой материи языка и нельзя превращать фонологию в чистую абстракцию, никак не связанную со звуковой стороной, с фонетикой данного языка как таковой. Поэтому в дальнейшем изложении всегда учитывается конкретная звуковая материя изучаемого языка, а не только те функции и те отношения, которыми характеризовалась его фонологическая система.

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 54.

² С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 128.

3 Рассматривая историю звуковой системы, историк языка не может не поставить вопроса о причинах эволюции этой системы. Это чрезвычайно важный и сложный вопрос, по-разному решаемый в лингвистике. Различные взгляды на причины, вызывающие изменения в звуковой стороне языка, можно свести к двум диаметрально противоположным точкам зрения. Одна из них заключается в том, что причину языковой эволюции видят в физиологических изменениях звуков и полагают, что эти изменения вызывают перестройку фонологической системы. «В языке постоянно идет борьба между системными отношениями и фонетическими (физиологическими) процессами, которые разрушают эти отношения. Изменение физической природы звука обычно не вызывается собственно языковыми факторами. Источник этого изменения находится вне языка, так как изменение звука может не вызываться условиями функционирования языка... Системные отношения могут сдерживать фонетические процессы. Но они вынуждены постепенно уступать, так как эти процессы сильнее коррелятивных связей. Они разрушают эти связи, нарушают систему. Однако это не приводит к разрушению системы, так как в таком случае разрушился бы сам язык... В результате физиологических изменений постепенно происходит перестройка самой системы. Устанавливаются новые корреляции»¹.

Таким образом, согласно этой точке зрения, причины изменения звуковой системы лежат вне языка — в физиологической эволюции звуков речи. Не трудно понять, что, принимая эту точку зрения, лингвист, по существу, отказывается от объяснения причин изменения системы, ибо установить, почему в истории языков изменилась физиология тех или иных звуков, невозможно. В этом случае историк языка лишь констатирует сам факт изменения звука и рассматривает результаты этого изменения, как они сказались на функционировании системы языка.

Представители противоположной точки зрения видят причину эволюции внутри языка, в характере фонологической системы и полагают, что функциональная необходимость и давление системы вызывают или не вызывают фонетическую эволюцию. «Традиционная артикуляция и

¹ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 127.

даже вся совокупность различных реализаций той или иной фонемы может измениться, если видоизменится характер или направление давления, оказываемого системой»¹. При этом под давлением системы понимается ее тяготение к внутренне логичной, экономной организации. Однако, как это можно легко доказать, не все явления и изменения могут быть объяснены характером связей и отношений внутри фонологической системы, и поэтому «принцип экономии» не оказывается универсальным.

Нет никакого сомнения в том, что проблема причинности является одной из важнейших проблем исторической фонологии, решение которой может быть найдено только в результате тщательного изучения фонологических отношений в языке на разных этапах его развития. Есть основания предполагать, что подобное изучение может подсказать правильное направление в поисках причин языковой эволюции. Точно так же есть основания предполагать, что в основе возникновения изменений лежит не одна какая-либо причина, а комплекс их, и именно этот комплекс и обуславливает развитие того или иного процесса в языке. Таким образом, вопрос о причинности изменений может быть поставлен только после анализа всех необходимых фактов и явлений, а не наоборот.

4 Теоретические проблемы исторической фонологии, сформулированные более 30 лет назад в работах Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого и конкретизированные ими и другими лингвистами в ряде исследований фонологической эволюции отдельных, прежде всего славянских языков², получили в недавние годы дальнейшее развитие и уточнение. Были выдвинуты новые проблемы и задачи, которые

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 44.

² См.: R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe, Prague, 1929; R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 4, 1931; N. S. Trubetzkoy, Über die Entstehung der gemeintwestslavischen Eigentümlichkeiten auf dem Gebiete des Konsonantismus, «Zeitschrift für slavische Philologie», 1930, Bd. VII, H. 3—4; N. S. Trubetzkoy, Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj, «Zeitschrift für slavische Philologie», 1931, Bd. XIII, H. 1—2; N. S. Trubetzkoy, Zur Ent-

требуют решения, были созданы работы, помогающие понять пути развития фонологических систем различных языков.

К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть как упомянутые выше работы, так и другие, довольно многочисленные исследования, посвященные отдельным вопросам истории фонологических отношений в славянских, и в том числе в русском, языках¹. Однако в дальнейшем в том или ином плане к некоторым из них необходимо будет обращаться при анализе конкретных проблем истории фонологической системы русского языка, принимая или не принимая те решения, какие предлагаются в этих работах.

Задача восстановления истории фонологической системы данного языка не может не представлять серьезных трудностей не только в силу того, что, как уже отмечалось, пока

wicklung phonologischen Vokalsystem der Altkirchenslavischen, «Annales academicee scientiarum fennicae», sér. 13, t. 27, Helsinki, 1932; N. S. Trubetzkoy, Die Entwicklung der Gutturalen in den slavischen Sprachen, «Сборник в чест на проф. Л. Милетич», София, 1933; В. Навгапек, Ein phonologischer Beitrag zur Entwicklung der slavischen, Palatalreihen, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 8, 1939, и др.

¹ Кроме упоминавшихся выше работ Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого, Б. Гавранка, можно назвать еще следующие: N. S. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1954; K. Horálek, Úvod do studia slovanských jazyků, Praha, 1953; E. Koschmider, Die Palatalitätskorrelation in Slavischen, Heidelberg, 1958; N. Van Wijk, La genèse de la mouillure des consonnes dans les langues slaves, «Slavia», r. XV, s. 1, Praha, 1937; F. V. Mareš, Vznik slovenského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty, «Slavia», r. XXV, s. 4, 1956; M. Komárek, Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystem, «Zeitschrift für Slavistik», 1954, Bd. 1, H. 4; Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *у*. «Вестник МГУ», 1941, №1; Л. Э. Калнынь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIII, М., 1956; она же, Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, изд. АН СССР, 1961; К. В. Горшкова, Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. «Славянская филология», вып. 5, изд. МГУ, 1963; она же, Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. «Вопросы языкознания», 1964, № 5; она же, Из истории консонантных диалектных различий русского языка. «Филологические науки», 1964, № 4; В. Г. Руделев, К фонологической интерпретации русского аканья. «Вопросы языкознания», 1963, № 2; В. В. Колесов. Падение редуцированных в статистической интерпретации, «Вопросы языкознания», 1964, № 2; И. Лекков, Насоки в развоја на фонолоичните системи на славянските езици, София, 1960, и др.

еще остаются неясными и требуют решения многие по существу не разработанные в науке вопросы, но и в силу чрезвычайно широкого объема необходимой работы. Поэтому в настоящее время едва ли можно дать полную и всеобъемлющую картину эволюции фонологической системы русского языка на всем протяжении его истории. Однако начать решать эту задачу в определенных и достаточно широких рамках возможно уже сейчас. Одно из таких решений и предлагается в настоящей работе.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

1 Пути развития фонологической системы возможно выяснить, если сравнивать фонологические отношения данного языка на различных этапах его истории. Это значит, что необходимо произвести ряд синхронных срезов и установить характер связи и отношений фонологических единиц внутри системы в тот или иной период.

Следовательно, возникает задача определить периодизацию истории фонологической системы русского языка и наметить те эпохи, для которых целесообразно сделать описание фонологических отношений.

Как видно, это возможно осуществить, если опереться при определении периодов, для которых целесообразно провести синхронные срезы, на известные факты в истории русского языка. Исходя из этого, мы принимаем за исходный период приблизительно конец X — начало XI в., определив лингвистические границы его следующими рамками — после утраты носовых и до смягчения полумягких согласных. Именно для этого периода целесообразно сделать первый синхронный срез и считать систему древнерусского языка конца X — начала XI в. за «точку отсчета» в фонологической эволюции.

Второй синхронный срез целесообразно произвести для периода, отстоящего по времени на относительно близком расстоянии от первого и определяемого границами — после смягчения полумягких и до падения редуцированных. Оба эти периода охватывают эпоху древнерусского языка как единого языка всех восточных славян.

Определить третий срез в его границах несколько сложнее: с одной стороны, он может быть определен как период

падения редуцированных — приблизительно вторая половина XII в.; однако конечная временная граница здесь оказывается расплывчатой. Это связано с тем, что в русской фонологической системе падение редуцированных вызвало такие изменения, которые коренным образом перестроили отношения фонологических единиц внутри этой системы; однако вместе с тем процессы в развитии фонетического строя, вызванные падением редуцированных, охватывали длительный период времени и не одновременно получали свое завершение в истории русского языка. Вообще говоря, все эти процессы, как и те, которые не были вызваны утратой редуцированных, но получили развитие после XII в., нашли свое окончательное завершение к концу XVI—началу XVII в. Поэтому можно было бы сделать синхронный срез для этой эпохи и представить систему для данного периода времени. Однако в этом случае окажется, что этот последний срез в целом совпадает с современной фонологической системой, так как после начала XVII в. никаких серьезных переломных этапов в истории фонологических отношений в русском языке уже не было, а с другой стороны, окажется, что из поля зрения выпадут все те процессы, которые определили выделение языка великорусской народности, отличного от языков украинской и белорусской народностей, а в языке великорусской народности — развитие его акающего и окающего диалектов. Поэтому, как видно, более целесообразно оставить открытой вторую временную границу третьего синхронного среза, ибо до конца древнерусского периода не получили завершения многие из тех процессов, которые возникли после падения редуцированных, но которые закончились позже распада древнерусского языка ¹.

2 В предлагаемой работе рассматривается история фонологических отношений древнерусского языка с конца X — начала XI в., который принимается как исходный момент, и до эпохи XIII в., когда в результате падения

¹ Ср.: А. В. Исаченко, К вопросу о периодизации истории русского языка. «Вопросы теории и истории языка», изд. ЛГУ, 1963, стр. 156—157.

редуцированных произошла коренная перестройка древнерусской фонетической системы. Известно, что древнерусский язык в указанных хронологических границах являлся единым языком всего восточного славянства, хотя, конечно, имел диалектное варьирование на территориях своего распространения. Однако для эпохи конца X — начала XI в. науке известны лишь немногие диалектные черты древнерусского языка в области фонетики, и только с падением редуцированных такие особенности оказываются более отчетливыми и значительными, начиная определять его распад на три отдельных восточнославянских языка, оформившийся окончательно к XIV—XV вв. Именно поэтому кажется возможным, восстанавливая фонологическую систему конца X — начала XI в., представлять ее как единую для всего древнерусского языка, не учитывая при этом диалектных особенностей. Это тем более возможно потому, что остаются неизвестными границы распространения даже тех немногих особенностей диалектного характера, которые можно предположить для данной эпохи. Конечно, сказанное не означает, что диалектные особенности обязательно должны быть игнорированы, — наоборот, было бы весьма целесообразно рассмотреть диалектное варьирование системы древнерусского языка на разных территориях его распространения. К сожалению, мы не имеем возможности сделать это в силу ограниченного объема данной книги. И поэтому, и только поэтому, описание фонологической системы древнерусского языка конца X — начала XI в. и последующих периодов дается, так сказать, в ее «идеальном» виде, т. е. как единой системы для всех носителей этого языка.

Итак, в первой части книги дается описание фонологических отношений в древнерусском языке начала XI в.

Второй ее частью явится интерпретация тех изменений, которые были вызваны смягчением полумягких согласных, и представление тех фонологических отношений, какие возникли в результате этого процесса.

Говоря о третьей части работы, следует иметь в виду сложности, связанные с изучением истории фонологической системы русского языка на поздних этапах ее развития. Речь идет о том, что на этих поздних этапах историю русского языка трудно представить себе вне истории диалектных отношений, все более усложняющихся вплоть до XVII в. Однако вопросы, связанные с интерпретацией диа-

лектных фонологических систем, развивающихся в эпоху после XII в., остаются за пределами настоящей работы¹.

И поэтому в третьей части книги будут установлены изменения фонологических отношений, вызванные падением редуцированных, но не будет представлена фонологическая система русского языка в его диалектном варьировании.

¹ В определенной степени эти вопросы получили освещение в монографическом исследовании К. В. Горшковой. См.: К. В. Горшкова, Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Автореферат, изд. МГУ, 1965.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

1 Если историческая фонология является наукой о развитии фонологических систем различных языков, то, следовательно, она прежде всего связана с описательной, или синхронной, фонологией, изучающей фонологические отношения в определенном состоянии того или иного языка. Это значит, что теория исторической фонологии опирается на общую теорию фонологии, без которой невозможно какое-либо описание фонологической системы изучаемого языка.

Все это определяет необходимость рассмотреть прежде всего те основные понятия теории фонологии, которые принимаются в данной работе и на которые опирается все дальнейшее изложение. При этом надо иметь в виду, что ряд таких понятий принимается в качестве готовых, так, как они выработаны в предшествующих фонологических исследованиях; некоторые же из них требуют подробного анализа, ибо их использование в теории фонологии не представляется достаточным или приемлемым.

Наиболее полное выражение теория фонологического описания получила в труде Н. С. Трубецкого «Основы фонологии»¹.

Хотя некоторые положения этой книги и не представляются достаточно приемлемыми при трактовке фонологи-

¹ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, 1939 (русский перевод: Н. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960).

ческих отношений древнерусского языка, все же кажется возможным опереться на ту систему фонологического описания, какая изложена в «Основах фонологии». Это относится прежде всего к теории оппозиций фонем, их типов и соотношений, которая в целом принимается при описании древнерусской фонологической системы, а также к теории различительных признаков гласных и согласных и их соотношения в системе языка. Таким образом, теория оппозиций и теория различительных признаков фонем излагаются в дальнейшем в соответствии с идеями, выдвинутыми Н. С. Трубецким. Правда, в ряде случаев его идеи требуют уточнения, — это будет оговорено в соответствующих разделах предлагаемой работы.

В книге не приняты принципы дихотомической, или бинарной, теории Р. Якобсона, М. Халле и К. Фанта¹, так как, по нашему мнению, эта теория мало помогает понять действительные отношения древнерусского языка. Сущность дихотомической, или бинарной, теории, как известно, заключается в том, что все противопоставления фонем в системе являются двучленными (например, противопоставление согласных как твердых и мягких или как глухих и звонких, а гласных как лабиализованных и нелабиализованных). Если и есть противопоставления, которые кажутся не двучленными, а многочленными (например, противопоставление гласных нижнего, среднего и верхнего подъемов), то сторонники бинарной теории сводят и их к двучленным, опираясь при этом на акустические характеристики гласных и согласных звуков².

Конечно, возможно, что в каких-то определенных рамках, при достаточно прозрачных фонологических отношениях бинарная теория может оказать реальную помощь при описании системы фонем данного языка, однако априорное предположение, что все элементы в системе обязательно связаны лишь дихотомически, или бинарно, не позволяет представить объективную картину фонологических отношений в системе языка, особенно прошлых

¹ См.: R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle, Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates, 1952.

² С принципами дихотомической теории и ее применением к анализу языковой системы можно познакомиться по книге С. К. Шау-мьяна «История системы дифференциальных элементов в польском языке» (изд. АН СССР, 1958).

эпох его развития, ибо эти отношения намного сложнее, чем можно думать, опираясь на рассматриваемую теорию.

При характеристике гласных и согласных фонем древнерусского языка в работе используются артикуляционные, а не акустические их признаки. Это объясняется тем, что классификация фонем по артикуляционным признакам дает отчетливо выраженные противопоставления и определенно идентифицирует ту или иную фонему в системе древнерусского языка. Конечно, артикуляционная характеристика единиц звуковой системы языка прошлых эпох может быть дана только в общем плане — без тех подробностей, которые могут входить в эту характеристику, если речь идет о современном состоянии языка, а кроме того, такая характеристика является в определенной степени условной, ибо она опирается не на реальное образование тех или иных звуков в прошлом, а на представления о характере их образования в настоящее время.

Все то, о чем говорилось выше, не затрагивало некоторых кардинальных проблем фонологии, и прежде всего не затрагивало вопросы, связанные с понятием фонемы и с понятием дифференциального признака, требующие специального рассмотрения.

2 Обращаясь к понятию фонемы, мы прежде всего принимаем то положение, согласно которому фонемой является такая звуковая единица, которая, будучи независимой по своему качеству, самостоятельно может различать звуковые оболочки слов и их форм¹. Следовательно, мы признаем фонему за реальную единицу языка, а не за абстрактный комплекс определенных признаков. Однако фонема, являясь звуковой единицей, в то же время не совпадает со звуком речи, хотя и реализуется в этих звуках. Конкретные звуки речи есть манифестации фонем, но не сами фонемы.

Для того чтобы понять это, надо учесть, что фонемы, служащие для различения звуковых оболочек слов и форм языка, выступают в составе этих слов и форм, т. е. в определенных фонетических позициях. А это означает, что качество той или иной звуковой единицы всегда в определенной степени обусловлено ее положением по отношению

¹ См.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 21.

к другим звуковым единицам, входящим в состав данной звуковой оболочки. Говоря точнее, в каждом отдельном случае у звуковой единицы есть такие признаки, которые не зависят от позиции, и такие признаки, которые обусловлены позицией. Независимые от позиции признаки являются конститутивными для данной звуковой единицы; зависимые же признаки являются переменными, или подвижными. Таким образом, например, в современном русском языке в словах [вал], [в'·ал], [вá·л'ик] и [в'áл'ит'] выступает одна и та же звуковая единица [а], характеризующаяся наличием двух конститутивных признаков: нижним подъемом языка и отсутствием лабиализации. В то же время различия между [а], [·а], [а·] и [ǎ], связанные с изменением звука по ряду — непременному или переднему, — полностью зависят от качества соседних согласных. Два указанных конститутивных признака этой звуковой единицы противопоставляют ее другим звуковым единицам системы гласных русского языка, способным употребляться в тех же фонетических условиях (ср. например, [вал] — [вол] — [въл], [в'·ал] — [в'·ол] — [в'ил] и т. п.) и характеризующимся также наличием определенных конститутивных признаков. Попадая в тождественные фонетические условия, разные звуковые единицы, противопоставляясь друг другу своими конститутивными признаками, образуют фонемы данного языка. Иначе говоря, звуковая единица образует фонему языка своими конститутивными признаками, или — что то же — фонема есть пучок конститутивных признаков звуковой единицы. Но если в качестве звуковой единицы входят не только конститутивные, но и переменные признаки, то в своей совокупности они представляют реализацию, или манифестацию, данной фонемы в определенных фонетических условиях. Следовательно, в рассмотренном выше ряду [вал], [в'·ал], [вá·л'ик], [в'áл'ит'] одна и та же фонема [а] выступает в четырех своих разновидностях, или манифестациях, различия между которыми обусловлены различиями фонетических позиций. Итак, «фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами... Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем»¹.

¹ Н. С. Трубейко́й, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 45.

Следовательно, в системе противопоставлений фонема определяется как пучок конститутивных признаков, отличающих одну фонему от другой; в качестве же реальной звуковой единицы фонема выступает каждый раз в своей отдельной манифестации, и различия этих манифестаций зависят от переменного признака, присущего данной звуковой единице.

Если принять все эти положения, то возникает сложный вопрос о возможности наличия у звуковой единицы только конститутивных признаков. Рассуждая теоретически, можно признать, что если звуковая единица, употребляясь в составе слова или формы, обладает каким-то переменным признаком, зависящим от позиции, то фонема выступает не менее чем в двух манифестациях. В этом случае фонема как пучок конститутивных признаков не будет тождественна ее реальным звуковым манифестациям. Если же звуковая единица будет обладать только конститутивными признаками, то она как фонема и в системе противопоставлений, и в качестве звуковой реальности будет определяться тождественно — как пучок конститутивных признаков. В этом случае фонема будет выступать всегда в одном и том же, присущем ей виде.

Однако возможно ли, чтобы звуковая единица в составе слов и форм не имела бы обусловленных позицией сторон своего качества? Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть только отрицательным, однако при этом надо иметь в виду, что понятие обусловленного позицией признака и понятие переменного, или подвижного, признака не обязательно должны совпадать: признак может быть обусловленным, но в то же время не быть переменным. Это обстоятельство объясняется характером условий варьирования позиций, в которых в системе языка выступают те или иные фонемы. Так, например, древнерусская фонема [o], в какой бы позиции ни выступала, всегда сохраняла свои конститутивные признаки — среднюю степень подъема языка, заднюю зону образования и наличие лабиализации — и поэтому данная фонема выступала лишь в одной манифестации, представляющей собой совокупность только конститутивных признаков. Это значит, что условия функционирования [o] в древнерусском языке были таковыми, что воздействие на ее качество со стороны соседних звуков было фактически равно отсутствию этого воздействия. Ведь в самом деле, почему

у гласных современного русского языка ряд образования является не конститутивным, а переменным признаком? Это объясняется тем, что мы можем противопоставить формы типа [tot] и [t'ót'ь] и сделать на основе этого противопоставления вывод, что задняя зона образования [o] зависит от того факта, что [o] оказалось между твердыми согласными, а передняя зона [õ] зависит от того факта, что [o] — между мягкими согласными. Значит, и в том и в другом случае качество [o] по признаку ряда обусловлено, однако обусловленность определяет переменность этого признака лишь потому, что есть противопоставленность, обнаруживающая изменение по ряду в зависимости от качества соседних согласных. Если бы в языке была возможность употребления [o] только в позиции между твердыми, то его задняя зона была бы обусловлена этой позицией, но не являлась бы его переменным признаком, так как отсутствовали бы противопоставления, обнаруживающие изменения этого гласного по ряду. Поэтому в таких условиях задняя зона образования, будучи обусловлена позицией, оставалась бы конститутивным признаком фонемы [o]. Именно так обстояло дело с этой фонемой в древнерусском языке, и поэтому там она как звуковая единица полностью исчерпывалась совокупностью конститутивных признаков.

Подобное положение может характеризовать систему, в которой условия употребления звуковых единиц являются ограниченными в том смысле, что они, эти единицы, выступают и могут выступать лишь в определенном фонетическом окружении, и поэтому варьирование их позиций может быть очень незначительным, хотя и полностью не исключенным.

Следует иметь в виду, что даже в такой системе, где условия варьирования позиций звуковых единиц ограничены, воздействие со стороны соседних звуковых единиц на данную фонему может оказываться достаточно значительным, — таким, когда в результате этого воздействия начинает изменяться конститутивный признак звуковой единицы. Это значит, что условия употребления данной фонемы в системе определяют возможность появления ее в соседстве с такими единицами, которые создают противопоставления, обнаруживающие изменения качества звуковой единицы в соседстве с разными другими звуковыми единицами. Так, например, в древнерусском языке фонема [a] могла оказаться и после твердого, и после мягкого соглас-

ного, что определяло некоторые позиционные изменения данной единицы — причем изменения, затрагивающие один из конститутивных признаков фонемы [a] — зону образования.

Следует иметь в виду, что принципиально существуют две возможности изменения конститутивного признака фонемы.

В первом случае это изменение приводит к тому, что на месте одного признака возникает другой, который может выступать в системе языка как конститутивный, но в данной позиции обусловлен фонетическим положением звуковой единицы. Например, конститутивный признак звонкости [д] в слове [пруда́] утрачивается в конце слова — [прут], в результате чего на месте звонкости оказывается признак глухости, который, являясь обусловленным в приведенном случае позицией, в то же время в системе языка может быть и конститутивным, выступая в независимой позиции и характеризуя иную фонему (ср. [прута́]). При таком изменении конститутивного признака звуковая единица в зависимой позиции будет иметь новый набор признаков, соответствующий набору конститутивных признаков другой фонемы, хотя в этом новом наборе один признак не будет конститутивным для данной единицы. В этом случае одна фонема в своей звуковой манифестации будет совпадать с манифестацией другой фонемы того же языка.

Во втором случае изменение конститутивного признака не приводит к тому, что на его месте возникает иной, который может быть конститутивным в системе языка и характеризовать фонему в независимой позиции. При таком изменении конститутивного признака манифестация одной фонемы не совпадает с манифестацией какой-либо другой фонемы данного языка и, следовательно, данная фонема определяется тем же самым набором конститутивных признаков, что и в независимой позиции. Иначе говоря, подобное изменение конститутивного признака не меняет фонологической характеристики фонемы. Так, например, в древнерусском языке твердые согласные фонемы характеризовались определенными конститутивными признаками, среди которых свое место занимал и признак твердости. Условия варьирования позиций этих согласных (кроме [k], [r], [x]) давали возможность воздействия на них последующих гласных переднего ряда, что приводило к появлению манифестаций этих фонем в виде так называемых полумягких согласных. Однако признак полумягкости не выступал в древнерусском языке в каче-

стве необусловленного: он всегда характеризовал согласные лишь в определенных позициях. При этом появление полумягких согласных не приводило к совпадению манифестаций разных фонем, и фонологическая характеристика твердых оставалась прежней.

Таким образом, есть различие между тем изменением фонемы, которое приводит к совпадению ее манифестаций с манифестациями иной фонемы, и тем изменением, которое не приводит к такому совпадению. В связи с тем что при совпадении манифестаций одной фонемы с манифестацией другой фонемы состав характеризующих их признаков оказывается одинаковым, в связи с этим целесообразно считать, что в обусловленной позиции выступает особая фонологическая единица (по терминологии проф. Р. И. Аванесова — слабая фонема¹, по терминологии Н. С. Трубецкого и Пражской школы фонологов — архифонема²), а не разновидность изменяющейся фонемы. При таком понимании разновидностями, или вариантами, фонемы будут лишь те ее звуковые манифестации, которые не совпадают по своему звуковому качеству с манифестациями иных фонем.

В зависимости от двух рассмотренных типов изменения конститутивных признаков звуковой единицы находится возможность или невозможность нейтрализации фонем в системе языка. Если при изменении конститутивного признака манифестация данной фонемы в определенной позиции совпадает с манифестацией другой фонемы, то в языке возникает позиция нейтрализации, т. е. позиция неразличения двух единиц, в данном положении при различении их в ином положении (ср. [пру́да] — [прута́] и [прут], равное как *пру́д*, так и *прут*). Если же при изменении конститутивного признака такого совпадения манифестаций двух фонем нет, то позиция нейтрализации отсутствует. Надо иметь в виду, что в языке вообще мо-

¹ См.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 29.

² См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 87. См. также: Й. Вакхек, Лингвистический словарь Пражской школы, русский перевод, Изд. иностр. лит., М., 1964, стр. 37. Несмотря на то что этот термин сейчас мало употребляется, в дальнейшем изложении принят именно он, ибо, как представляется, этот термин наиболее экономен и ясно включается в систему терминологии настоящей работы.

гут осуществляться обе эти возможности, но может и отсутствовать нейтрализация. В этом случае система языка характеризуется тем, что в ней оказывается невозможным изменение одного конститутивного признака в другой, т. е. в такой системе набор конститутивных признаков у манифестаций разных фонем будет всегда различным.

Все то, что говорилось о характере изменения конститутивных признаков, относилось лишь к таким случаям, когда один конститутивный признак, подвергаясь изменениям, заменялся другим, могущим выступать как конститутивный в системе языка, или к таким, когда изменение конститутивного признака не меняло фонологической характеристики данной звуковой единицы. Однако в истории развития языка может случиться и так, что конститутивный признак звуковых единиц превращается в переменный, т. е. перестает быть фонологически значимым во всей системе языка, хотя был таковым в прошлые эпохи. Именно так произошло в истории русского языка с признаком образования гласных по ряду, который из конститутивного превратился в переменный, характеризующий всю фонологическую систему этого языка. Подобное превращение может осуществиться лишь в том случае, если в системе языка возникнут такие условия варьирования позиций звуковых единиц, когда эти единицы обнаружат возможности своего употребления в различном звуковом окружении. Тогда может возникнуть тот переменный признак, который будет характеризовать всю фонологическую систему образовывать различные разновидности одной фонемы в тех или иных позиционных условиях.

Итак, звуковая единица может иметь конститутивные — фонологически значимые признаки и переменные — фонологически незначимые. Фонемы образуются конститутивными признаками звуковых единиц; различия же звуковых манифестаций фонем зависят от характера переменных признаков.

Следовательно, одна фонема отличается от другой набором конститутивных признаков, или иначе: если одна звуковая единица имеет один набор конститутивных признаков, а другая отличается хотя бы одним из таких признаков при тождестве остальных, — перед нами выступают две фонемы; если же две звуковые единицы имеют один и тот же набор конститутивных признаков и отличаются переменным признаком или таким изменением одного из конститу-

тивных, которое не приводит к совпадению их с иной звуковой единицей, — перед нами не две фонемы, а две разновидности одной фонемы.

Возможность разного набора конститутивных признаков у звуковых единиц обуславливает наличие разных фонем в языке; возможность же наличия переменных признаков или возможность в определенном отношении изменений конститутивных признаков у звуковых единиц обуславливает факт варьирования фонем, т. е. факт различного звукового выражения одной и той же фонемы, или различной ее манифестации.

3 Итак, две фонетические единицы могут быть фонологически тождественны и нетождественны, т. е. выступать по отношению друг к другу как самостоятельные фонемы или как разновидности одной фонемы. Как известно, вопрос о фонологическом тождестве и нетождестве звуковых единиц связывается в современной фонологии с дистрибутивным анализом, т. е. с анализом возможностей употребления в речевом потоке этих единиц, — возможностей, характерных для изучаемого языка. Если две звуковые единицы, с точки зрения их дистрибуции, обнаруживают тождественность позиций их употребления, то эти две единицы относятся друг к другу как самостоятельные фонемы. Если же, наоборот, две единицы не встречаются в тождественных фонетических позициях, то их отношения оказываются иными. В этом случае вводится принцип так называемой дополнительной дистрибуции: две звуковые единицы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, если в речевом потоке они не встречаются в одной и той же фонетической позиции. Учитывая тот факт, что подобные отношения означают взаимоисключаемость двух звуковых единиц в той или иной позиции, можно сделать вывод, что такие единицы являются разновидностями одной фонемы. Так, если в современном русском языке [a] может быть под ударением между твердыми согласными, а [ä] только между мягкими, то [a] и [ä] находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и являются разновидностями одной фонемы.

При всей кажущейся на первый взгляд ясности этого принципа он в действительности оказывается недостаточным. Критику принципа дополнительной дистрибуции

можно найти в ряде фонологических работ¹, и увидеть слабые стороны этого принципа, вообще говоря, не очень трудно. Они заключаются, во-первых, в том, что две единицы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, могут вместе с тем быть разными фонемами, а во-вторых, в том, что, наоборот, две единицы, не находящиеся в таких отношениях, могут оказаться аллофонами одной фонемы.

Иначе говоря, в том виде, в каком данный принцип был сформулирован первоначально, он не может быть принят. Однако в то же время это вовсе не означает, что принцип дополнительной дистрибуции вообще неприменим и не может быть использован в фонологическом анализе. Он требует более точного определения и более осторожного использования и в этом случае может дать положительные результаты.

В самом деле, нельзя абсолютно утверждать, что если две звуковые единицы данной системы находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то они являются аллофонами одной фонемы. Этого нельзя утверждать уже потому, что в фонологической системе в подобных отношениях могут оказаться такие две единицы, которые имеют друг с другом лишь общую принадлежность к группе гласных или согласных, будучи во всем остальном совершенно различными. Именно поэтому может оказаться, что в системе языка две звуковые единицы не встречаются в речевом потоке в тождественных фонетических позициях, хотя и не являются разновидностями одной фонемы.

Таким образом, первое ограничение в применении рассматриваемого принципа заключается в том, что аллофонами одной фонемы две звуковые единицы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, будут лишь тогда, когда такая дистрибуция сопровождается совпадением этих единиц по большинству присущих им конститутивных признаков.

Второе ограничение в применении рассматриваемого принципа связано с характером отличительных признаков звуковых единиц, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции. Здесь следует иметь в виду, что одни из

¹ См., в частности: С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 98—100.

этих признаков могут быть полностью обусловлены положением данных звуковых единиц на синтагматической оси, тогда как другие — не зависят от этого положения. В том случае, когда отличительные признаки данных двух единиц полностью обусловлены положением их на синтагматической оси, эти единицы (при соблюдении указанного выше первого условия) должны быть расценены как аллофоны одной фонемы. В тех же случаях, когда это обстоятельство не имеет места, такая оценка двух единиц представляется неприемлемой.

4 Употребляясь в тождественной фонетической позиции, две звуковые единицы выступают как самостоятельные фонемы и играют различительную роль. Такую роль данные две единицы могут выполнить лишь в том случае, если они отличаются друг от друга какими-то определенными конститутивными признаками.

Однако конститутивные признаки не являются однозначными: одни из них оказываются соотносительными, или релевантными, другие — несоотносительными, или нерелевантными. Релевантным данный признак является тогда, когда в языке есть хотя бы две фонемы, сходные друг с другом во всем, кроме наличия или отсутствия данного признака. Так, глухость русской фонемы [т] является конститутивным и релевантным признаком, так как существует звонкая фонема [д], которая сходна с [т] всеми конститутивными признаками, кроме глухости-звонкости. Наоборот, глухость фонемы [х] не является релевантным признаком, так как в русском языке нет соответствующей звонкой фонемы. Конститутивные релевантные признаки фонемы называются *дифференциальными* признаками. С этой точки зрения нерелевантные конститутивные признаки являются *недифференциальными*, так как они не противопоставляют друг другу фонем, отличающихся лишь наличием или отсутствием таких признаков, однако они остаются признаками, входящими в объем содержания данной фонемы. В связи с тем что одна и та же фонема может противопоставляться разным другим фонемам по различным дифференциальным признакам, — в связи с этим фонема может включать в свой объем несколько таких признаков, или образовывать *пучок дифференциальных признаков*.

Таким образом, фонему, как таковую, образуют конститутивные признаки звуковой единицы, среди которых не все обязательно являются дифференциальными. Фонема включает в себя ряд дифференциальных признаков, но может не исчерпываться этими признаками. Поэтому принимаемое некоторыми лингвистами определение фонемы как пучка дифференциальных признаков не кажется правомерным.

В связи с определением понятия дифференциального признака возникает ряд вопросов, требующих разрешения.

Первым из них является вопрос о том, когда и при каких условиях могут противопоставляться друг другу две фонологические единицы языка. Общеизвестно, что сравнивать и, следовательно, противопоставлять две единицы друг другу возможно лишь в том случае, если у них есть основание для сравнения, т. е. те общие признаки, которые объединяют данные две единицы. Иначе говоря, противопоставляя две фонемы, или ставя их в оппозицию, мы заранее предполагаем, что у этих двух фонем есть что-то общее, что позволяет их сравнивать. Однако это общее может быть весьма различным для разных пар фонем. Можно было бы сказать, что у всех фонем данного языка есть то общее, что они являются фонологическими единицами, фонемами, т. е. принадлежат звуковой системе этого языка. С этой точки зрения можно было бы противопоставить фонемы, скажем, [т] и [о] или [с] и [и] и т. д. и построить оппозиции этих фонем.

Надо сказать, что в системе фонологических противопоставлений принципиально могут быть установлены тождественные условия употребления гласных и согласных фонем, однако, во-первых, подобные позиции являются ограниченными и не могут быть поставлены в ряд с позициями противопоставления внутри систем гласных и согласных; во-вторых же, при построении оппозиций гласных по отношению к согласным (и наоборот) возникает сложный вопрос определения дифференциальных признаков таких противопоставлений, причем, как видно, в этих случаях установить такие признаки не представляется возможным. В этом случае фонологические единицы оказываются в отношениях полной дизъюнкции.

Поэтому, определяя общее основание двух сравниваемых единиц одной фонологической системы, целесообразно установить те пределы, за которыми общее основание перестает

существовать. Этим пределом является принадлежность данных двух единиц или системе гласных, или системе согласных фонем.

Итак, те или иные единицы фонологической системы могут иметь разные общие основания для сравнения: у них может быть больше или меньше общих признаков, у них может быть и один общий признак. Так, в системе древнерусского языка противопоставление, например, [и] и [е] покоится на общем основании, включающем два признака — передняя зона образования и отсутствие лабиализации; противопоставление [п] и [б] — на общем основании — шумность, смычность, губность, твердость; противопоставление же [и] и [у] — на общем основании, включающем лишь один признак — верхний подъем языка, а противопоставление [т] и [р] — на двух общих признаках — переднеязычность и твердость. Если же представить такие оппозиции, как [е] — [у] или [п] — [ц'], то окажется, что у этих пар фонем нет никаких общих признаков, кроме отнесенности к системе гласных или к системе согласных. Эта отнесенность и является тем пределом, за которым фонологические единицы данной системы нецелесообразно противопоставлять друг другу. Принадлежность системе гласных или системе согласных может выступать лишь в качестве единственного признака, определяющего общее основание, но не в совокупности с другими общими признаками. Иначе говоря, этот признак только тогда выступает как общее основание, когда никакие другие признаки в этом качестве не оказываются.

5 Однако если так обстоит дело с определением общего основания, то вопрос о дифференциальном признаке оказывается чрезвычайно сложным.

Если фонема представляет собой пучок конститутивных признаков, среди которых одни являются релевантными, а другие нерелевантными, и если две фонемы могут иметь частично совпадающие и частично несовпадающие конститутивные признаки, — то, следовательно, противопоставления внутри системы оказываются неидентичными. С одной стороны, две противопоставляющиеся друг другу фонемы могут совпадать по всем конститутивным признакам, кроме одного; с другой — они могут иметь только один общий признак и не совпадать по всем остальным. Если

в этом последнем случае несовпадающие конститутивные признаки являются релевантными, то возникает вопрос, можно ли считать их равно дифференциальными или надо видеть в одном из них действительно дифференциальный, а в других — избыточные. При этом следует иметь в виду, что под избыточностью признака могут пониматься разные явления. С одной стороны, избыточным признаком признается такой конститутивный признак фонемы, который является нерелевантным в данной системе. Так, например, избыточным может считаться признак глухости [x] современного русского языка, ибо в последнем отсутствует фонема [ɣ]. В таком понимании проблема отделения избыточных признаков от дифференциальных не представляет серьезных трудностей. Однако, с другой стороны, эта проблема оказывается сложной для решения, если речь идет о различии двух фонем по нескольким признакам, равно являющимся релевантными. В этом случае под избыточным признаком должен пониматься такой, который мог бы быть признан дифференциальным, но в данном противопоставлении оказывается «излишним», ибо и без учета этого признака две фонемы противопоставляются друг другу и вполне точно идентифицируются в системе.

Как представляется, целесообразно считать конститутивные нерелевантные признаки не избыточными, а дополнительными и отделить их от релевантных. Избыточным же признаком следует полагать, как говорилось, «излишний» релевантный признак. Как установить, что именно данный признак является дифференциальным, а другие — избыточными? Эти вопросы осложняются и тем, что одни из различительных признаков могут подвергаться нейтрализации в определенных фонетических условиях, а другие — не подвергаются такой нейтрализации. В связи с этим некоторые лингвисты полагают, что дифференциальным надо считать лишь тот признак, который подвергается нейтрализации, т. е. вводят это понятие в понятие дифференциального признака¹. Возможно, что в том языке, где нейтрализация фонем в определенных фонетических условиях действительно

¹ См.: П. С. Кузнецов, О дифференциальных признаках фонем. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 59; П. С. Кузнецов, Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их. «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 199—266.

осуществляется, указанное положение может помочь решению вопроса о дифференциальных и избыточных признаках. Однако в качестве теоретического положения оно едва ли приемлемо. Дело здесь заключается в том, что в языке могут противопоставляться друг другу разные фонемы, но признаки, по которым они противопоставляются, ни в каких фонетических условиях не нейтрализуются. Так обстояло дело, например, в древнерусском языке начала XI в., где конститутивными признаками гласных фонем являлись степень подъема языка, наличие или отсутствие лабиализации и передняя или непредняя зона образования. По одному, двум или всем трем этим признакам отличались друг от друга древнерусские гласные фонемы, однако ни один из них не подвергался нейтрализации¹. Точно так же признак твердости-мягкости являлся конститутивным признаком согласных фонем, но и он не нейтрализовался в каких-либо фонетических условиях. Таким образом, если считать, что дифференциальным является лишь тот признак, который может нейтрализоваться, то окажется, что в древнерусском языке начала XI в. ни один конститутивный признак фонем, по существу, не может быть признан за дифференциальный.

Как представляется, едва ли верно решать вопрос таким образом — скорее надо полагать, что понятие дифференциального признака не должно включать в себя понятие нейтрализации, хотя последнее очень важно для характеристики фонологической системы языка.

Таким образом, две данные фонемы могут противопоставляться друг другу при определенном общем основании не одним, а двумя или больше конститутивными признаками. Если эти конститутивные признаки являются одновременно релевантными, то решение вопроса о том, какой из этих признаков дифференциальный, а какой — избыточный, может быть достигнуто лишь в том случае, если в системе данного языка есть действительные основания для подобного разграничения. Если же система языка не позволяет решить этот вопрос однозначно, то в этом случае целесообразно признать, что данные две фонемы противопоставляются не по одному, а по двум или более дифференциальным признакам. Таким образом, допустимо сказать, что данная фонема может противопоставляться другой

¹ Об определенной возможности начала этого процесса см. ниже.

фонеме не обязательно одним, но не менее чем одним дифференциальным признаком. Впрочем, надо иметь в виду, что подобная сложность возникает лишь тогда, когда данные две фонемы находятся в определенном положении по отношению к их общему основанию. Если они имеют такое общее основание, которое включает в себя несколько конститутивных признаков, то эти фонемы достаточно близки друг другу и их дифференциальный признак выделяется ясно и отчетливо; если же у данных двух фонем общим основанием является лишь то, что обе они гласные или обе они согласные, то в этом случае их противопоставление друг другу осложняется. При этих двух крайних случаях могут возникнуть промежуточные. Так, в области гласных древнерусского языка противопоставление [и] и [е] осуществляется по одному дифференциальному признаку — степени подъема языка, — тогда как общим основанием, как уже говорилось, выступают переднее образование и отсутствие лабиализации; противопоставление [и] и [о], наоборот, таково, что они различаются и степенью подъема языка, и отсутствием-наличием лабиализации, и зоной образования; общее же основание у них — только то, что они гласные. Наконец, такое противопоставление, как [е] — [о], при общем основании «средний подъем языка» обнаруживает различия по зоне образования и отсутствию-наличию лабиализации. Если бы древнерусская система покоилась на том, что задние гласные обязательно лабиализованы, а передние — не лабиализованы, то можно было бы считать, что признак переднее-непереднее образование является дифференциальным, а отсутствие-наличие лабиализации — избыточным. Однако если действительно передние гласные древнерусского языка были не лабиализованными, то задние не обязательно были связаны с лабиализацией. Правда, в пределах средней зоны по степени подъема языка не было таких членов, которые отличались бы только наличием или отсутствием лабиализации, но это наблюдалось в пределах верхней зоны по степени подъема (ср. [ы] и [у]), и это обстоятельство, как кажется, говорит о том, что отсутствие-наличие лабиализации в противопоставлении [е] — [о] не может быть расценено как избыточный признак, ибо проблема дифференциальных признаков должна решаться не для отдельных звеньев системы, а применительно ко всей системе данного языка.

Таким образом, если достаточно определить гласную как фонему средней зоны по степени подъема языка и переднюю или как средней зоны по степени подъема языка и непреднюю, то и без учета отсутствия или наличия лабиализации можно установить, что в первом случае в древнерусском языке была фонема [e], а во втором — [o]. Но точно так же [e] может быть определена как фонема среднего подъема нелабиализованная, а [o] — как фонема среднего подъема лабиализованная без учета зоны образования. И нельзя сказать, какое из этих двух определений более соответствует действительности, так как противопоставленность по зоне образования и противопоставленность по отсутствию-наличию лабиализации оказываются в равных отношениях друг к другу. В то же время в зоне верхнего подъема уже недостаточно определить фонему как непреднюю без указания на характер лабиализации, так как непредние гласные верхнего подъема [ы] и [у] различались по отсутствию-наличию лабиализации. Итак, как видно, при реконструкции прошлого состояния языка проблема отделения дифференциального и избыточного признаков решается в общем довольно сложно, и в ряде случаев, возможно, следует отказаться от решения этого вопроса.

6 Для того чтобы закончить рассмотрение вопроса о дифференциальных признаках фонем, необходимо оговорить еще одно обстоятельство и ввести одно новое понятие, важное в дальнейшем изложении.

Рассуждая вновь теоретически, можно думать, что если фонемы представляют собой совокупность конститутивных признаков, то при противопоставлении их друг другу одни из этих признаков, будучи одинаковыми у двух фонем, составят их общее основание, а другие, будучи различными, явятся их различительными признаками. Отсюда может быть сделан вывод, что в том или ином противопоставлении фонем, в той или иной их оппозиции, совокупность общих и различительных признаков вполне определенно будет идентифицировать каждую фонему данной системы. Так, если в оппозиции [т] — [д] в качестве общего основания выступают шумность, смычность, переднеязычность, твердость, а в качестве дифференциального признака — глухость-звонкость, то совокупность общих

признаков + глухость вполне определенно и однозначно идентифицирует фонему [т], а совокупность общих признаков + звонкость — фонему [д]. Точно так же в оппозиции [и] — [у] в качестве общего основания выступает верхний подъем языка, а в качестве дифференциальных признаков — отсутствие-наличие лабиализации и передняя-непередняя зона образования; в этом случае объединение общего основания и различительных признаков вполне однозначно идентифицирует каждую фонему рассматриваемой оппозиции.

Однако такие прозрачные отношения в фонологической системе существуют не всегда. Эта система может оказаться более сложной, и отношения между ее членами в этом случае определяются иным образом.

Вообще говоря, то, что рассматривалось как теоретическая возможность, может осуществиться в языке, где фонологическая система строится таким образом, что большинство конститутивных признаков фонем одновременно является релевантным. Если же фонологическая система характеризуется слабостью релевантных отношений конститутивных признаков, то связи внутри системы оказываются более сложными. В частности, в этом случае может оказаться, что совокупность общих признаков фонем данной оппозиции и их различительных, дифференциальных признаков определенно не идентифицирует члены этой оппозиции. Так, например, в древнерусском языке система согласных характеризовалась тем, что каждая согласная фонема определялась совокупностью ряда конститутивных признаков, связанных с местом и способом образования, с участием голоса и шума, а также с качеством по глухости-звонкости и твердости-мягкости; однако если признаки места и способа образования и участия голоса и шума являлись в большинстве случаев релевантными, то глухость-звонкость и твердость-мягкость были релевантными лишь у части фонем древнерусского языка. И поэтому при противопоставлении согласных фонем могло оказаться, что совокупность общих признаков членов данной оппозиции и их дифференциального признака или признаков вполне определяет саму эту оппозицию, но одновременно не дает точной идентификации каждой фонемы, входящей в данную оппозицию. Так, в оппозиции [в] — [с] при общем основании шумность, фрикативность, твердость в качестве дифференциального признака выступает губность-перед-

неязычность (или губно-зубность — зубность), однако в этом случае совокупность общих и дифференциального признаков точно идентифицирует только один член оппозиции, а именно [в], но не дает такой идентификации второго члена оппозиции, так как совокупность признаков шумности, фрикативности, твердости и переднеязычности (или зубности) была характерна в древнерусском языке не только для [с], но и для [з]. Здесь нельзя выдвинуть в качестве дифференциального признак глухости-звонкости, так как звонкость [в] нерелевантна в силу отсутствия в древнерусском языке фонемы [ф]. Точно так же в оппозиции [в] — [с'], где в качестве общего основания выступает шумность и фрикативность, а в качестве дифференциального признака — губность-переднеязычность, идентификация второго члена оппозиции затрудняется тем, что совокупность признаков шумности, фрикативности и переднеязычности была характерна не только для [с'], но и для [з']. Здесь в качестве дифференциальных признаков не может быть выдвинута ни глухость-звонкость, ни твердость-мягкость в силу нерелевантности признаков звонкости и твердости у [в].

Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, для идентификации второго члена подобной оппозиции необходимо учитывать те его признаки, которые в данной оппозиции не выступают в качестве дифференциальных, но которые могут быть такими в других оппозициях (например, глухость [с] в оппозиции [с] — [з] или глухость и мягкость [с'] в оппозиции [с'] — [з]); во-вторых, если с точки зрения характера общего основания и дифференциального признака оппозиции [в] — [с] и [в] — [з], так же как оппозиции [в] — [с'] и [в] — [з'], оказываются однозначными, то каждую пару оппозиций можно свести к одной, где в качестве второго члена будет выступать не конкретная фонема [с] или [с'], а особая единица фонологической системы, которая будет противопоставлена [в] по дифференциальному признаку губность-переднеязычность при одном общем основании. Эту особую единицу можно назвать *п о л и ф о н е м о й*. Таким образом, под полифонемой понимается такая фонологическая единица, которая противопоставляется конкретной фонеме этой системы или другой полифонемой, но которая сама не является конкретной фонемой, т. е. реально не выступает в данном языке. Иначе говоря, понятие полифонемы связано с логическими построениями оппозиций фонем, но не отражает реального

состава и изменений этих фонем; однако полифонемы являются отражением соотношений фонем в системе языка, причем наличие их, по существу, определяет асимметричность этой системы, ибо при таком положении вещей противопоставленность отдельных фонем друг другу оказывается отчетливо не выраженной.

Итак, понятие полифонемы вводится в связи со слабостью в древнерусском языке релевантных отношений по глухости-звонкости и твердости-мягкости. Это значит, что полифонема в каждом случае противопоставления соответствует двум или четырем фонемам, реально выступающим в языке в оппозициях к иным фонемам, причем она соответствует всегда или парным глухим-звонким, или парным твердым-мягким, или, наконец, парным по обоим этим признакам согласным фонемам. В связи с этим в работе введены цифровые индексы. Индекс (1) при знаке полифонемы означает, что эта последняя соответствует парным глухим-звонким, индекс (2) — парным твердым-мягким, индекс (3) — парным по глухости-звонкости и по твердости-мягкости согласным фонемам¹. Таким образом, обозначение члена оппозиции через $[C_1]$ указывает, что под полифонемой скрываются (или полифонема соответствует) фонемы $[c]$ и $[z]$, т. е. оппозиция, например, $[n] — [C_1]$ равна реально выступавшим в древнерусском языке оппозициям $[n] — [c]$ и $[n] — [z]$. Обозначение $[C_2]$ указывает на то, что полифонема соответствует $[c]$ и $[c']$, т. е. оппозиция $[t] — [C_2]$ равна оппозициям $[t] — [c]$ и $[t] — [c']$. Обозначение $[C_3]$ указывает на то, что полифонема соответствует фонемам $[c]$, $[c']$, $[z]$, $[z']$, т. е. оппозиция, например, $[v] — [C_3]$ равна оппозициям $[v] — [c]$, $[v] — [c']$, $[v] — [z]$, $[v] — [z']$.

Из сказанного должно быть ясно, что понятие полифонемы следует отличать от понятия а р х и ф о н е м ы, которое связано с явлением нейтрализации дифференциальных

¹ Обозначение полифонем через индексы 1, 2, 3 внешне совпадает с введенным проф. Р. И. Аванесовым обозначением через такие же индексы слабых по признаку глухости-звонкости, или по признаку твердости-мягкости, или по двум этим признакам фонем современного русского языка (см.: Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 208). Однако надо иметь в виду, что Р. И. Аванесов применяет эти обозначения к реальным звуковым единицам, а в настоящей работе они прилагаются к логически построенным единицам фонологической системы русского языка.

признаков. Архифонема — это та звуковая единица, которая выступает в позиции нейтрализации на месте двух единиц, различающихся в ином фонетическом положении.

Если наличие полифонем свидетельствует об асимметричности фонологической системы, то, наоборот, существование в языке архифонем может говорить о развитии в его системе таких связей, которые определяют отчетливые противопоставления и отношения фонологических единиц.

7 В связи с проблемой общего основания оппозиций фонем и дифференциальных признаков, а также в связи с введением понятия полифонемы еще два важных момента требуют рассмотрения в общем плане.

Во-первых, как известно, если между членами двух или нескольких оппозиций отношения оказываются одинаковыми в том смысле, что они противопоставляются по одному или одним и тем же дифференциальным признакам, то такие оппозиции являются *пропорциональными*.

Однако в системе, где слабо развиты релевантные связи, отношения между оппозициями могут оказываться сложными, и их интерпретация требует предварительного согласия в некоторых пунктах. Может быть так, что две или несколько оппозиций имеют такие члены, которые противопоставляются по одному и тому же дифференциальному признаку, имея разные общие основания. При этом один из членов данных оппозиций является общим для них, а два других различны, но признак, их различающий, оказывается нерелевантным в данных оппозициях. Кроме того, различие в общем основании у этих оппозиций касается вновь того конститутивного признака, который не является релевантным в данной оппозиции. Так, например, обстоит дело в уже упоминавшихся оппозициях [в] — [с] и [в] — [з] в древнерусском языке. У членов этих оппозиций были разные основания для сравнения: у членов первой оппозиции — шумность, фрикативность, твердость, а у членов второй — шумность, фрикативность, твердость и звонкость, т. е. здесь прибавлялся конститутивный признак [в] и [з], не являющийся релевантным в силу отсутствия глухой пары у [в]. Дифференциальный признак в обеих этих оппозициях был один — губность-передне-

язычность. Казалось бы, можно построить пропорцию $[в — с] = [в — з]$, однако этого сделать нельзя, так как у этих двух оппозиций есть один общий член — $[в]$ и, по существу, отношение их друг к другу не пропорционально, а тождественно: различие по глухости-звонкости не играет здесь роли в силу нерелевантности данного признака. В этом случае представляется возможным, как это и было сделано выше, признать здесь наличие полифонемы и свести эти две оппозиции в одну. Правда, дело при этом осложняется, так как основание для сравнения у данных оппозиций различно и поэтому сведение их в одну кажется неверным. Это возражение может быть отведено, если будет принято во внимание, что различие в общем основании касается нерелевантного конститутивного признака, в силу чего отношения $[в] — [с]$ и $[в] — [з]$ действительно оказываются тождественными. Таким образом, сведение нескольких оппозиций к одной (или, во всяком случае, к меньшему их числу) путем введения логического понятия полифонемы возможно не только в том случае, когда две оппозиции имеют один общий член и один и тот же дифференциальный признак, но и тогда, когда различие в общем основании подобных оппозиций связано с различием членов этих оппозиций по конститутивному нерелевантному признаку.

Во-вторых, если при определении дифференциального признака той или иной оппозиции необходимо учитывать релевантность или нерелевантность конститутивного признака, то при определении основания для сравнения подобный характер признака не подлежит учету: в основание для сравнения включаются все общие конститутивные признаки данных двух единиц, независимо от того, релевантны они или нерелевантны. Так, если в оппозиции $[x] — [с']$ твердость-мягкость не может считаться дифференциальным признаком в силу нерелевантного характера твердости $[x]$, то глухость обеих этих фонем должна быть включена в основание для сравнения, несмотря на такую же нерелевантность этого признака у $[x]$. Таким образом, определение, с одной стороны, дифференциальных признаков, а с другой — общих признаков основания для сравнения у данных двух членов оппозиции строится на разных принципах, и это различие не может не учитываться при построении оппозиций фонем.

Как известно, фонологическое описание связано еще с целым рядом понятий, на которые опирается фонология. К ним относятся понятия нейтрализации, уже упоминавшееся выше, корреляции и коррелятивных связей в системе фонем и некоторые другие. Несмотря на то что и в этих вопросах есть ряд неразработанных или спорных моментов, представляется целесообразным не выносить их на обсуждение до анализа материала, а выяснить их в связи с этим анализом. Поэтому подобные теоретические вопросы фонологии будут рассмотрены ниже, в соответствующих разделах, посвященных отдельным проблемам истории фонологической системы русского языка.

Однако есть еще и такие вопросы, которые требуют предварительного обсуждения, ибо без этого невозможно перейти к непосредственному рассмотрению фонологических отношений в истории изучаемого языка. Это вопросы о разграничении задач фонологического описания и различных уровней фонологического исследования, в связи с чем встает проблема установления функциональной нагрузки единиц фонологической системы. Сюда же примыкает и вопрос об источниках исследования истории фонологических отношений.

9 Описывая фонологическую систему языка, фонолог должен разграничивать два вопроса: один — вопрос о составе фонем, характерном для языка изучаемого периода, будь то XI в. или современный этап развития; второй — вопрос о функциональной значимости, или о функциональной нагрузке, фонологических единиц данной системы. В связи с этим стоит вопрос о разграничении различных уровней изучения фонологической системы.

Решая первый вопрос, фонолог не стремится определить, насколько та или иная фонологическая единица действительно значима в данной системе, действительно выполняет различительную роль в реальном составе слов и форм изучаемого языка. Решая этот первый вопрос, фонолог ставит своей целью установить состав единиц, различающихся в тождественных фонетических позициях, т. е.

установить количество фонем и их разновидности в системе данного языка.

Если, например, два гласных звука могут находиться в положении после одинакового по качеству согласного и перед одинаковым по качеству согласным (а тем более после одного и того же согласного и перед одним и тем же согласным) и в слоге, равном по отношению к ударению, — то эти два гласных являются самостоятельными фонемами изучаемого языка. Или если, скажем, два согласных звука могут находиться в положении перед одним и тем же гласным, то они, эти согласные, являются также самостоятельными фонемами изучаемого языка. Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что установить состав фонем данного языка возможно путем определения состава тех элементов звуковой системы, которые могут находиться в тождественных фонетических условиях и противопоставляться тем самым друг другу. Это значит, что для определения состава фонем достаточно установить модели сочетаемости звуковых единиц и противопоставленность этих моделей, при этом не обязательно определять наличие реальных слов или их форм, различающихся по этим единицам. Иначе говоря, состав фонем изучаемого языка устанавливается вполне определенно уже на уровне модели. Это первый уровень и первая ступень фонологического изучения системы языка.

Однако этого уровня недостаточно при решении второго вопроса — вопроса о функциональной нагрузке.

Нет сомнений в том, что установление состава фонем данного языка не исчерпывает фонологической характеристики его системы, ибо решение этого вопроса не позволяет определить место той или иной фонологической единицы или противопоставления в системе и установить, какую роль данная единица или противопоставление выполняли в языке как средстве общения. Это возможно сделать лишь при установлении степени функциональной нагрузки, падающей на ту или иную фонологическую единицу или противопоставление. Установление степени функциональной нагрузки позволяет говорить об устойчивости или неустойчивости отдельных звеньев изучаемой системы, а тем самым — о возможности изменения этих звеньев в процессе развития языка. Говоря о термине «функциональная нагрузка», А. Мартине писал, что «он означает число лексических пар, которые были бы полными омони-

мами, если бы не то обстоятельство, что одно слово содержит член А данного противопоставления там, где другое слово содержит другой его член В»¹. Следовательно, только определив функциональную нагрузку, возможно сказать, что какое-либо противопоставление двух фонологических единиц не просто осуществляется в соответствующих тождественных фонетических условиях, но что при его помощи различаются звуковые оболочки реально существующих слов и форм данного языка, и поэтому неразличение этих единиц или утрата одной из них может привести к нарушению коммуникативных связей, выполняемых языком.

Сказанное можно проиллюстрировать одним простым примером современного русского языка. Нет никаких оснований отрицать, что [ц] и [ч'], точно так же как [п] и [б], являются в современном русском языке самостоятельными фонемами: это легко доказать, установив возможность употребления всех этих единиц в одной и той же фонетической позиции, например, перед [e]: *цел, чек, пел, бел*, или перед [y]: *цуг, чум, пук, бур*, или перед [a]: *царь, чай, парь, баня*. Однако если построить оппозиции всех этих четырех фонем по отношению друг к другу:

[ц] — [ч']	[ч'] — [п]	[п] — [б]
[ц] — [п]	[ч'] — [б]	
[ц] — [б]		

то окажется, что в их числе одна оппозиция — [ц] и [ч'] — отличается от всех остальных оппозиций отсутствием функциональной нагруженности. Если все оппозиции, кроме [ц] — [ч'], служат для различения звуковых оболочек разных слов и форм, то указанная оппозиция этой особенностью, можно сказать, не обладает совершенно. Ср.:

[ц] — [п]: *цел — пел, ценный — пенный, цехом* (тв. п. от *цех*) — *пехом* (прост.);

[ц] — [б]: *цел — бел, цель — бель, царство — барство, цуг [цук] — бук*;

[ч'] — [п]: *читать — питать, часть — пать, чар* (род. п. мн. ч. от *чары*) — *пар, чуть — путь*;

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 79.

[ч'] — [б]: *чей — бей, черт — борт, чурка — бурка;*
[п] — [б]: *пил — бил, пук — бук, пор (в до сих пор) — бор, пыл — был* и т. д.

Для [ц] — [ч'] есть только иноязычная пара *цех — чех*, специальные *цокать — чокать*, звукоподражательные *цапать — чапать* и явно искусственное ЦУМ (Центральный универмаг) — *чум*. Если учесть малую распространенность подобных слов, то можно сказать, что данная оппозиция, по существу, не используется в языке как средство общения. Именно это обстоятельство позволяет существовать такому диалектному явлению, как цоканье, в ряде русских говоров.

Таким образом, для установления степени функциональной нагрузки необходимо перейти с уровня модели на следующую ступень фонологического исследования — на уровень *с л о в о ф о р м ы*, т. е. слова в его конкретной форме. Только в том случае, если на уровне словоформы обнаруживается противопоставление звуковых единиц в тождественных фонетических условиях, можно говорить о функциональной нагруженности данной единицы фонологической системы. При этом тождественность фонетических условий в этом случае определяется уже не так, как она определялась ранее, при установлении состава фонем: здесь уже недостаточно того, чтобы данные единицы находились до или после одних и тех же по качеству других единиц звуковой системы. Тождественность фонетических условий на уровне словоформы определяется *т о ж д е с т в о м* звуковых оболочек двух или нескольких словоформ при различии только одной единицы, находящейся на уровне модели в одинаковых фонетических условиях с другой единицей.

Таким образом, если, например, при противопоставлении [зол] и [з'óрън] устанавливается наличие фонем [з] и [з'], то это осуществляется на уровне модели: для такого решения достаточно того, чтобы [з] и [з'] находились перед одним и тем же гласным [о] в начальном ударном слоге, т. е. существуют противопоставленные модели [зо] — [з'·о]; если, далее, при противопоставлении [бор] и [бúлкъ] устанавливается наличие фонем [о] и [у], то это осуществляется также на уровне модели: для такого решения достаточно того, чтобы [о] и [у] находились после и перед одним и тем же по качеству согласным и в одном и том же ударном слоге,

т. е. существуют противопоставленные модели [бор] — [бул]. Но всего этого недостаточно, чтобы сказать, что единицы фонологической системы [з] и [з'] или [о] и [у] выполняют действительно различительную роль по отношению друг к другу, т. е. функционально нагружены. Уровень модели и характер тождественности фонетической позиции не позволяют решить этот важнейший вопрос.

Наоборот, при противопоставлении, например, [бор] — [бур] тождественность фонетических условий определяется тождеством в с е й звуковой оболочки данных двух словоформ, за исключением одной звуковой единицы, находящейся в тождественных фонетических условиях как на уровне модели, так и на уровне словоформы с другой звуковой единицей. Точно так же, например, при противопоставлении словоформ [бурк] — [булк] звуковые единицы [р] и [л] выполняют различительную роль, находясь в тождественных фонетических условиях на уровне модели и на уровне словоформы. И в этих случаях можно говорить, что противопоставленность [о] и [у] или [р] и [л] функционально нагружена.

Таковы два основных уровня, которые должны учитываться при фонологическом изучении системы языка.

9 В плане различения двух уровней фонологического исследования заслуживает внимания одно положение, вполне определенно сформулированное еще Н. С. Трубецким и получившее в дальнейшем развитие в теории «минимальных пар». Н. С. Трубецкой, разграничивая фонологически существенные и фонологически несущественные противоположения звуковых единиц, писал: «Звуковые противоположения, которые могут дифференцировать значения двух слов данного языка, мы называем фонологическими (или смыслоразличительными) оппозициями. Наоборот, такие звуковые противоположения, которые не обладают этой способностью, мы определяем как фонологически несущественные... Противоположение *o — i* в немецком языке является смыслоразличительным (фонологическим); ср. *so* = «так» — *sie* = «они», *Rose* = «роза» — *Riese* = «великан»; но противоположение переднеязычного *r* увулярному *ʀ* не является смыслоразличительным, поскольку в немецком нет ни одной пары слов, которая различалась бы этими

звуками»¹. Таким образом, оказывается, что фонологичность оппозиции определяется Н. С. Трубецким не по факту наличия или отсутствия позиции противопоставления, а по факту наличия или отсутствия слов, различаемых данным противопоставлением.

Едва ли возможно признать правильность этого положения, если понимать его так, как оно высказано Н. С. Трубецким: в этом случае пришлось бы признать, что если в языке две единицы встречаются в тождественной фонетической позиции, но в этом языке нет ни одной пары слов, различающихся данным противопоставлением, то эти две единицы не могут быть признаны самостоятельными фонемами изучаемого языка. Подобное утверждение противоречило бы действительности и переводило бы проблему установления фонемного состава языка совершенно в иную плоскость.

Не случайно стремление провести этот принцип в фонологических исследованиях вызвало и вызывает серьезные возражения. Можно сослаться в связи с этим на возражения, высказываемые Л. Р. Зиндером. Говоря о том, что в исследованиях по фонологии, посвященных определению состава фонем отдельных языков, метод минимальных пар широко применялся для выявления фонемных противопоставлений, причем считалось, что наличие подобных пар обязательно для доказательства фонологичности фонетического различия, он пишет: «Дальнейшее развитие этой точки зрения привело к тому, что поиски минимальных пар стали расцениваться не только как исследовательский прием; в минимальных парах стали видеть обязательное условие существования в данном языке соответствующего фонемного противопоставления. В настоящее время широко распространен взгляд, согласно которому для возникновения фонемного противопоставления необходимо и достаточно существования хотя бы одной минимальной пары». Однако: «Минимальные пары... не могут иметь приписываемого им значения уже в силу того обстоятельства, что в большинстве случаев они относятся к совершенно не связанным между собой семантическим сферам... Приписываемая минимальным парам роль невозможна, кроме того и главным образом потому, что различия в плане содержа-

¹ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 38.

ния не требуют обязательного различия в плане выражения... Минимальные пары являются не причиной, а следствием наличия фонемного противопоставления»¹. Со всеми этими положениями можно согласиться, если считать, что фонологичность противопоставления звуковых единиц определяется наличием противопоставленных моделей, а не наличием противопоставленных слов. Конечно, в языке сначала возникает фонологическая модель, которая впоследствии может наполниться содержанием, но которая может и остаться моделью, и это последнее никак не будет говорить об отсутствии в языке фонологического противопоставления тех или иных звуковых единиц.

Однако вместе с тем последнее положение Л. Р. Зиндера о том, что «не может быть оправдано обязательное привлечение минимальных пар и как исследовательский прием, так как наличие или отсутствие их в языке является случайностью»², едва ли может быть принято в такой формулировке. Конечно, привлечение минимальных пар не может быть исследовательским приемом при решении проблемы фонемного состава и наличия в языке фонологических противопоставлений фонетических единиц, но оно может быть таким приемом при решении проблемы функциональной нагрузки, когда перед исследователем стоит задача установить, является ли данное фонологическое противопоставление «пустой клеткой», не заполненной реальным содержанием, или это противопоставление таково, что оно выполняет реальную различительную роль в языке как средстве общения. В том или другом случае вопрос о роли фонологического противопоставления будет решаться по-разному, и это тем более будет очевидно в истории языка, где функциональная нагруженность или ненагруженность отдельных оппозиций фонем может быть связана с их судьбой в развитии данного языка. Что касается «случайности» отсутствия минимальных пар, то, если даже признать возможность такой «случайности», вместе с тем надо учитывать и возможность закономерности этой «случайности», — подобный вопрос может быть правильно решен при условии учета функционирования всей системы фоно-

¹ Л. Р. Зиндер, О минимальных парах. «Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии» (Тезисы докладов), изд. АН СССР, 1963, стр. 28—29.

² Там же.

логических противопоставлений, так как только это может помочь установить действительные причины отсутствия минимальных пар.

Итак, не наличие противопоставленных слов, а наличие противопоставленных моделей определяет фонологичность или нефонологичность той или иной оппозиции звуковых единиц; минимальные же пары слов определяют степень функциональной нагруженности уже установленной модели противопоставления, а не являются доказательством наличия этой модели.

10 Ставя перед собой задачу изучения истории фонологических отношений в древнерусском языке, мы сталкиваемся с необходимостью определить источники фактического материала, на которые возможно опираться при решении этой задачи.

Как известно, история языка, в частности история фонетической системы, строится на основе изучения памятников письменности прошлых эпох, данных современной диалектологии и привлечения фактов сравнительно-исторического исследования родственных и неродственных языков.

Изучая графику и орфографию памятников, исследуя структуру современных диалектов, используя факты иных языков, лингвист шаг за шагом восстанавливает те процессы и явления, которые были характерны для фонетики изучаемого им языка на определенных этапах его развития. В подходе ко всем этим источникам, в интерпретации фактов письменности и живых говоров существовали и существуют различные взгляды, однако в истории русского языкознания выработались методы восстановления истории фонетической системы языка в прошлые эпохи его развития. Эти методы достаточно хорошо известны, и поэтому нет необходимости подробно их характеризовать, хотя, надо сказать, они продолжают совершенствоваться и развиваться во многих современных работах по исторической фонетике¹. Однако важно подчеркнуть другое, а именно то, что в результате длительного и глубокого изучения памятников и диалектов истории русского языка накопили такое количество фактов, которое дало возможность им восстановить

¹ См., в частности: К. В. Горшкова, О методах изучения письменных памятников как источников исторической фонетики русского языка. «Вестник МГУ», сер. VII, вып. 4, 1963, стр. 81—87.

основные явления и процессы в развитии фонетической системы этого языка. Труды в области исторической фонетики русского языка А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, Н. Н. Дурново, исследования в этой же области советских лингвистов Р. И. Аванесова, В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова, П. Я. Черных и др. дали возможность создать общую историю фонетической системы русского языка как строгую научную концепцию.

Конечно, А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, Н. Н. Дурново, не говоря уже о А. И. Соболевском и Н. М. Каринском, принадлежавших иной школе исторического языкознания, были далеки от современных фонологических идей в истории русского языка, но можно утверждать, что без их работ, без усилий их лингвистической мысли невозможно было само возникновение исторической фонологии. Иначе говоря, историческая фонология русского языка возникла как новая ступень исторической фонетики, и ее наблюдения и выводы основываются на прочном фундаменте, заложенном классическим русским языкознанием. Возникнув еще до осознания учеными необходимости изучения системных отношений в фонетической структуре языка, традиционная историческая фонетика дала в руки историков русского языка те необходимые факты и сведения, исследуя которые современный фонолог делает определенные выводы об истории развития звуковой системы как взаимообусловленной и взаимосвязанной во всех своих элементах.

Следовательно, ставя перед собой задачу фонологического изучения истории звуковой системы древнерусского языка в эпохи, охватывающие периоды с конца X до середины XII в., мы прежде всего опираемся на те знания, которые добыты наукой о развитии этой системы еще до возникновения исторической фонологии. Это значит, что в основу фонологического описания кладутся в целом уже известные факты истории звуковой системы русского языка, — кладется то, что является общепризнанным в исторической фонетике этого языка, и предполагается, что данные, полученные наукой в результате изучения памятников письменности и диалектов, являются вполне достоверными и в определенной степени достаточными для восстановления общей картины фонологических связей в древнерусском языке. Вместе с тем все эти факты, представляемые в традиционном языкознании в той или иной степени как разрозненные, требуют иного осмысления при изучении их

в фонологическом аспекте: они требуют прежде всего установления внутренних отношений в системе древнерусского языка, установления тех связей в этой системе, которые определяли сам ее характер. В этом плане известные факты могут получить иное освещение, чем они получали его прежде.

Конечно, сказанное может вызвать возражение в том отношении, что иной общий взгляд на историю фонетической системы может обусловить и иное понимание фактов письменности и диалектов. А это влечет за собой необходимость нового изучения памятников и современных говоров. Вероятно, определенная доля истины в таком возражении есть, однако, как представляется, подобный пересмотр, а вернее — уточнение самих фактов, более важен при изучении относительно поздних эпох в истории русского языка, чем период X—XII вв.: сложное диалектное дробление языка в эпоху после падения редуцированных, нашедшее свое отчетливое отражение в памятниках письменности, многообразие этих памятников и расширение территорий, на которых они были созданы, неизученность многих из них в историко-диалектологическом отношении — все это обуславливает то обстоятельство, что многие из явлений, представлявшихся ранее в достаточной мере выясненными, на самом деле требуют нового осмысления в связи с новыми фактами, полученными наукой. Для начального же этапа истории русского языка, для эпохи до падения редуцированных, дело обстоит несколько иначе: у нас нет оснований полагать, что те представления о явлениях и процессах в истории звуковой системы древнерусского языка, которые выработаны в классическом русском языкознании, не отражают достаточно объективно той реальной действительности, какая была характерна для эпохи конца X — середины XII в. Наоборот, как кажется, вполне возможно опираться на эти представления и считать «заданным», «заранее данным» все те факты, которые известны науке об истории русского языка указанного периода его развития, не обращаясь вновь к изучению памятников письменности и диалектов для получения этих фактов.

Таким образом, первым источником фонологического изучения системы древнерусского языка исследуемой эпохи являются те факты, которые накоплены наукой и которые лежат в основании всей исторической фонетики русского языка. Эти факты получают определенное переосмысление

в связи с постановкой задач изучения системы языка как взаимообусловленной в своих элементах, но эти факты остаются признанными и не подвергаются сомнению.

Однако вместе с тем историческая фонология не может обойтись только этими фактами, — для решения ее проблем необходимо иметь еще и такие факты, которыми традиционная историческая фонетика не обладала. Она не обладала такими фактами прежде всего потому, что в круг решаемых ею вопросов не входили некоторые из тех, которые стоят перед исторической фонологией. И прежде всего сюда относится рассмотренный выше вопрос о функциональной нагрузке фонологических единиц и противопоставлений, какие можно установить в системе древнерусского языка. Этот вопрос является не только новым и важным в фонологии, но и чрезвычайно сложным для решения, особенно если речь идет о прошлом состоянии языка. Ведь для того, чтобы установить функциональную значимость фонологической единицы или противопоставления, необходимо знать пол н ы й состав слов и форм, где эта единица функционировала: «оценить с некоторой точностью функциональную нагрузку противопоставления можно только в том случае, если исследуются языковые состояния, для которых существуют более или менее полные списки слов или по крайней мере большое количество текстов»¹. Сказанное означает, что для решения проблемы функциональной нагрузки фонологических противопоставлений в языке изучаемой эпохи основное значение принадлежит памятникам письменности, откуда и извлекаются те факты, на которые опирается исследователь. Однако, как известно, памятники древнерусского языка XI в. почти не сохранились, а те, что и дошли до нас, не представляют собой документов, написанных на живом древнерусском языке, — в большинстве своем это переписанные старославянские памятники. Старославянский же язык, при всей его близости древнерусскому, все же остается другим языком, судить по которому о характере древнерусского языка в общем затруднительно. Кроме того, если даже и извлекать из этих памятников лишь те факты, которые без сомнения могут быть отнесены к древнерусским, оставляя в стороне не только

¹ А. М а р т и н е, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 82.

бесспорные старославянизмы, но и явления, вызывающие сомнение в их принадлежности живому древнерусскому языку, — все же и в этом случае материал окажется ограниченным самим характером памятника. Известно, что памятники древнерусской письменности XI в. были в основном богослужебными, а это не могло не наложить отпечатка на словарный состав и морфологический строй языка, отраженного в этих памятниках. Следовательно, если даже провести новое изучение всех сохранившихся от XI в. памятников в аспекте установления степени функциональной нагрузки фонологических противопоставлений, то можно думать, что огромные усилия, затраченные на это изучение, не дадут того результата, который надо было бы получить.

Именно поэтому в работе предпринята попытка установить степень функциональной нагрузки единиц фонологических противопоставлений древнерусского языка не путем нового изучения памятников письменности, а на основе того фактического материала, который собран по древним памятникам в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, где, как известно, зафиксированы все факты, находящие себе место в письменности XI в. Конечно, подобный взгляд «сверху» на словарный состав древнерусского языка имеет свои недостатки по сравнению с изучением его «снизу», т. е. непосредственно в том или ином памятнике, но он имеет и то преимущество, что позволяет относительно легко и быстро охватить всю древнюю лексику. Как представляется, если подходить к «Материалам...» И. И. Срезневского дифференцированно и критически и видеть в них собрание фактов неоднородного характера, то возможно в общем объективно оценить функциональную значимость фонологических противопоставлений по приведенным в этих «Материалах...» фактам. Дифференцированность и критичность подхода определяют требование соблюдать два основных критерия при отборе слов из словаря: во-первых, эти слова должны быть зафиксированы в памятниках не позже XI в.; отступление от этого правила и принятие во внимание фактов памятников XII—XIII вв. можно допустить лишь в том случае, если данное слово является общеславянским, и поэтому возможно предполагать его праславянское происхождение; во-вторых, это должны быть слова, принадлежность которых древнерусскому, а не старославянскому или какому-либо иному языку не вызывает сомнений; это означает, что все

те факты, которые по тем или иным причинам могут быть причислены к старославянизмам или к заимствованиям из других языков, не должны приниматься во внимание, несмотря на то что в дальнейшей истории русского языка такие слова могли закрепиться в его словарном составе. Конечно, все сказанное не может полностью гарантировать от ошибок, однако, к сожалению, пока что нет возможности (а может быть, ее и никогда не будет) установить словарный состав живого древнерусского языка, каким он бытовал в эпоху XI—XII вв. И поэтому все те попытки опираться на факты письменности для решения этого вопроса, какие делались и делаются, всегда носят в той или иной мере приблизительный характер. Но это вовсе не означает невозможности дальнейших поисков в данном направлении.

Вместе с тем известно, что в любом словаре в качестве заглавной фиксируется лишь одна форма слова — именительный падеж у имен и местоимений и неопределенная форма (иногда вместе с 1-м л. ед. ч.) у глаголов. Для решения же проблемы функциональной нагрузки важно знать все формы, какие могло иметь данное слово в изучаемую эпоху. Установить это по данным словарей весьма затруднительно, это затруднительно сделать и по «Материалам...» И. И. Срезневского. Однако и памятники письменности при их сплошном обследовании едва ли могут дать такие исчерпывающие сведения в силу уже отмечавшегося ограниченного характера их словарного состава. Следовательно, представить действительный перечень форм, свойственных тому или иному слову древнерусского языка XI в., так, чтобы подтвердить их реальное существование в этом языке данными памятников письменности, невозможно. Поэтому здесь приходится прибегнуть к реконструкции их, опираясь на те представления о морфологическом строе древнерусского языка, которые выработаны в сравнительной грамматике славянских языков и в исторической грамматике русского языка. При этом в ряде случаев обширные примеры, приводимые И. И. Срезневым в качестве иллюстраций к отдельным словам, подтверждают реальность реконструируемых форм. Конечно, и здесь надо признать в определенной степени условность такой реконструкции, однако это обстоятельство едва ли может полностью зачеркнуть возможность подобного подхода и не дать принять выводов о степени функциональной нагрузки, полученных в результате примененного метода.

Таким образом, словарный состав древнерусского языка, как он представлен в «Материалах...» И. И. Срезневского, и его морфологический строй, как он может быть реконструирован по данным истории русского языка, являются вторым источником фактического материала, на котором строятся выводы настоящей работы.

11 Следует иметь в виду и еще одно обстоятельство, связанное с проблемой функциональной нагрузки. Дело заключается в том, что в этой проблеме существенную роль играет не только вопрос о том, были или не были пары слов, противопоставлявшиеся в своей звуковой оболочке той или иной оппозицией фонем, но и вопрос о частотности данных слов в языке. Ведь может случиться так, что какая-либо оппозиция противопоставляет несколько пар слов, но эти слова редко употребляются в живом языке, и в то же время другая оппозиция противопоставляет одну-две пары слов, но слов широко употребительных и часто встречающихся. «Чтобы быть достоверной, всякая оценка функциональной нагрузки противопоставления должна учитывать частоту подобных ситуаций»¹. Однако решение проблемы частотности предполагает широту изучаемых контекстов во всем их жанрово-стилистическом многообразии. Говоря о задачах фонологической статистики, Н. С. Трубецкой выдвигал одной из них изучение частотности фонологических элементов и видел ее решение в обследовании связных текстов². Если учесть, что в настоящей работе изучению подвергается фонологическая система мертвого языка, причем письменные памятники, сохранившиеся до нашего времени, не могут дать хотя бы приблизительно достоверного представления о частотности тех или иных слов и форм, характерной для живого их употребления, — если учесть все это, то надо заранее признать, что выводы о степени функциональной нагрузки, какие могут быть сделаны, носят условный характер, ибо привлекаемые факты свидетельствуют лишь о наличии или отсутствии тех или иных фонологически значимых противопоставлений, но не о реальной их употребительности в языке прошлых эпох.

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 80.

² См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 287.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в. КАК ИСХОДНАЯ СИСТЕМА В РАЗВИТИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

Фонологическое описание системы древнерусского языка строится во многом на тех фактах, которые уже давно известны в исторической фонетике данного языка. Это и понятно, ибо историческая фонология русского языка является новым аспектом в изучении истории его звуковой системы. Следовательно, при историко-фонологическом описании многие из тех фактов и явлений, которые так или иначе были известны науке, переосмысляются в новом свете, им дается новое толкование, новое понимание — прежде всего как фактам и явлениям, связанным в единую систему.

Обращаясь к фонологическим отношениям древнерусского языка, мы принимаем за «точку отсчета» конец X — начало XI в. — эпоху первых памятников письменности. Лингвистические границы этого периода определяются как время после утраты носовых и до смягчения полумягких согласных. Произведя синхронный срез, возможно охарактеризовать фонологическую систему древнерусского языка этой эпохи.

Однако, прежде чем описывать, вернее, восстанавливать фонологическую систему, необходимо представить себе в общем плане те условия, в которых она функционировала, так как только при установленности тех процессов, которые или имели значение для функционирования системы, или, наоборот, утратили это свое значение, можно правильно понять все отношения внутри фонологической системы.

Надо сказать, что вопрос о том, чем характеризовалась фонетическая система древнерусского языка конца X — начала XI в. в общем плане, т. е. каковы были ее основные черты, свойственные ей в данный период, не во всем пред-

ставляется ясным. Хотя, казалось бы, общие представления об этой системе уже сложились и вполне определены, все же некоторые моменты оказываются спорными, и лингвисты решают отдельные вопросы по-разному. Не считая сейчас возможным и необходимым рассматривать и оценивать все эти споры, так как такое рассмотрение могло бы увести нас слишком далеко в сторону от поставленных задач, мы считаем необходимым изложить те представления об общем характере фонетической системы древнерусского языка изучаемого периода, которые кажутся нам приемлемыми и из которых мы исходим во всех дальнейших рассуждениях. Если иметь в виду, что многое в фонетической истории языка не может быть доказано со всей достоверностью, что целый ряд моментов в этой истории является лишь предположительным, мы считаем возможным опереться на наши представления как на рабочую гипотезу, не претендуя на их окончательную истинность. Однако при этом нам кажется, что главное в восстановлении исторических процессов в развитии языка, скрытых от нас дальностью времени, заключается не только в том, чтобы восстановить со всей возможной достоверностью действительно проходившие процессы, но и в том, чтобы это восстановление логически вытекало из тех представлений, которые положены в его основу. Вместе с тем мы полагаем, что, если даже наши представления в каких-то своих частях окажутся недостаточно верными, все же их уточнение не приведет к ломке всей концепции, хотя и вызовет в ней определенные изменения.

Итак, мы принимаем за исходные следующие представления о характере фонетической системы древнерусского языка в конце X — начале XI в.

Система древнерусского языка в эту эпоху функционировала в условиях сохранения своего значения в языке тенденций к открытому слогу и слоговому сингармонизму. Это значит, во-первых, что основой звукового членения речи был слог, строившийся по принципу восходящей звучности, и что в языке существовало четкое слоговое деление: граница слога не передвигалась в пределах данного слова в его формах и в целом было исключено воздействие начального согласного следующего слога на конечный гласный предшествующего слога (исключением здесь, как кажется, является лишь влияние [j] на некоторые предшествующие гласные). Это значит, во-вторых, что в пределах слога дей-

существовала тенденция приспособляемости артикуляций элементов, входящих в данный слог. Приспособляемость могла носить различный характер, но она обязательно осуществлялась. В связи с различием в характере приспособляемости артикуляций звуков, входивших в пределы одного слога, находится возможность различных сочетаний согласных с гласными.

Данная система, далее, характеризовалась тем, что ударение сохраняло свой политонический характер. Это значит, что фонологическая роль ударения, связанная с его качеством, еще не была утрачена и могла существовать возможность противопоставления двух слов или форм, тождественных по звуковому составу, но различных по качеству ударения.

В фонетической системе древнерусского языка конца X — начала XI в. уже изменился, как видно, характер различий гласных по долготе и краткости, связанных с качественными их различиями. Хотя фонетически исконно долгие [a], [i], [y], [ы] могли еще отличаться от исконно кратких [e] и [o], фонологически эти две группы гласных уже совпали. Рассмотрения в фонологическом плане заслуживает лишь вопрос о долготе фонемы [ě] и фонемы [o] под новым акцентом, а также вопрос о сверхкраткости [ь] и [ъ], отличавшихся этим признаком от других гласных нормальной краткости.

В этой фонетической системе не было носовых гласных. Они были утрачены еще в середине X в., и к началу письменности на месте праславянского [ǫ] произносился гласный [y], не отличавшийся от исконного [y], а на месте [ę] — особый гласный [ā], перед которым согласные не получали полной степени мягкости. Наконец, эта система характеризовалась отсутствием полного смягчения твердых согласных перед гласными переднего ряда, т. е. в этой позиции твердые согласные получали позиционную полумягкость.

Таковы основные моменты, из которых мы будем исходить во всех дальнейших положениях фонологической интерпретации системы древнерусского языка конца X — начала XI в.

А. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ

Состав гласных фонем

Для того чтобы установить состав гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в., следует определить возможность употребления каждой звуковой еди-

ницы этого языка в тождественных фонетических условиях. При этом нельзя упускать из виду одно обстоятельство, о котором несколько в ином плане уже говорилось выше. Конечно, бесспорным доказательством наличия в языке той или иной гласной фонемы может служить то, что каждая из них, попадая в тождественные фонетические условия, образует новое слово или новую форму, отличающуюся от ряда иных слов или форм, в которых выступает другая гласная фонема при тождестве всех остальных элементов звуковой оболочки (ср. совр. *мал* — *мол* — *мул* — *мыл*, *л'ук* — *л'ок* — *л'ик* — *л'ак*, *сат* — *сут* — *сот* — *сыт* и т. д.). Однако это возможно, вероятно, лишь в том случае, если в данном языке есть небольшое число самостоятельных гласных фонем; если же в этом языке функционирует относительно большое количество гласных фонем, то часто (если не всегда) в данном реальном языке нет в действительности таких рядов, членами которых были бы слова и формы, включающие в свой звуковой состав все существующие в данном языке гласные фонемы и отличающиеся друг от друга лишь наличием той или иной из этих фонем при тождестве всех остальных элементов звуковой оболочки. В частности, в древнерусском языке изучаемой эпохи нельзя обнаружить такие ряды слов или их форм, которые бы состояли из такого числа членов, которое соответствовало бы числу гласных фонем, и члены этих рядов были бы тождественны по своей звуковой оболочке во всем, кроме одного — в каждом из них была бы иная гласная фонема. Однако это обстоятельство не отрицает наличия в языке тех или иных соответствующих гласных фонем. Доказательством существования в языке определенных гласных фонем является возможность их употребления в тождественных фонетических условиях, под которыми понимается тождественный характер окружающих согласных, положение по отношению к слоговой структуре слова и положение по отношению к ударению. Если гласные могут употребляться в тождественном окружении согласных, в одном и том же слоге и в одном и том же отношении к ударению, то даже при фактическом отсутствии в языке слов и форм, отличающихся гласной фонемой при тождестве всех остальных условий, наличие определенных гласных фонем не подлежит сомнению (т. е., как говорилось выше, этот вопрос решается на уровне модели). Так, если при наличии в современном русском языке слов *л'ук* — *л'ок* — *л'ик* — *л'ак* нет *л'ек*, то это не отрицает наличия

фонемы [e], так как есть *л'екарь*, где [e] находится в тождественном окружении согласных, в том же первом слоге слова и в подударной позиции. Более того, наличие данной гласной фонемы доказывается и в том случае, когда тождество окружения гласной оказывается ограниченным тождеством согласных по признаку глухости-звонкости и по признаку твердости-мягкости при отличиях в способе и месте образования.

Наконец, наличие в языке тех или иных гласных фонем не отрицается и тем фактом, что некоторые из них не могут употребляться после определенных согласных, после которых могут употребляться другие фонемы. Так, скажем, в современном русском языке наличие фонемы [e] не отрицается тем, что она не может в подавляющем большинстве случаев употребляться после твердых согласных, тогда как все остальные гласные могут употребляться в этих условиях. Точно так же наличие фонем [o], [ъ] и [ы] в древнерусском языке не отрицается фактом отсутствия их после мягких согласных, где могут употребляться все остальные фонемы. Подобные ограничения связаны с характером самой фонетической системы и условиями ее функционирования, а не с составом гласных фонем, как таковым. Иначе говоря, отсутствие в ряде случаев в древнерусском языке противопоставления звуковых оболочек слов или их форм, тождественных по звуковому составу во всем, кроме одной гласной фонемы, говорит не об отсутствии в древнерусском языке тех или иных гласных фонем, а о том, что, во-первых, фонематичность отдельных гласных определяется общим характером противопоставляемости всех их в данной фонетической системе, а во-вторых, о том, что наблюдалась ограниченность проявления отдельных фонем при их без всякого сомнения существующей самостоятельности. Таким образом, как говорилось выше, для определения состава фонем не играет роли обстоятельство, существуют или нет в языке реальные слова и формы, которые различаются данными двумя фонемами, — для определения состава, т. е. для ответа на вопрос, существует или нет такая-то фонема в изучаемом языке, — необходимо и достаточно установить возможность и наличие определенных моделей.

Итак, если признать, что при определении состава гласных фонем тождественность фонетических условий ограничивается тождеством согласного окружения по признакам твердости-мягкости и глухости-звонкости, положением в

определенном слоге слова и тождеством отношения к ударению, то состав гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в. может быть установлен вполне определенно.

В древнерусском языке изучаемой эпохи в состав гласных фонем входили передние нелабиализованные гласные верхнего подъема [и], средне-верхнего подъема [ě], среднего подъема [е] и [ь], нижнего подъема [ǣ] и непередние нелабиализованные верхнего подъема [ы], нижнего подъема [а], лабиализованные верхнего подъема [у], среднего подъема [о] и [ѡ]. Таким образом, система гласных древнерусского языка конца X — начала XI в. включала в свой состав десять гласных фонем, функционирование которых характеризовалось рядом особенностей, специфических для изучаемого периода истории русского языка.

Однако прежде чем говорить об этих особенностях, следует остановиться на некоторых явлениях, связанных с определением состава гласных фонем и могущих вызвать возражения.

Во-первых, в представленном здесь составе редуцированные гласные [ь] и [ѡ] отнесены к гласным среднего подъема, так же как [е] и [о]. Известно, что редуцированные очень часто трактуются как гласные более верхние и закрытые, чем [е] и [о], однако основания для такой трактовки очень спорны: в целом при такой характеристике основываются на соответствии [ь] и [ѡ] гласным [i] и [u] других индоевропейских языков¹. Как представляется, фонологическая трактовка [ь] и [ѡ] не позволяет опираться на эти факты, ибо при подобном понимании необходимо исходить из системы языка, подвергающегося изучению.

Если даже считать, что с чисто фонетической точки зрения [ь] и [ѡ] в отношении подъема и закрытости как-то и отличались от [е] и [о], то едва ли эти отличия были фонологически значимыми. Поэтому можно думать, что эти гласные в фонологическом плане должны быть интерпретированы как гласные среднего подъема².

¹ Из последних работ см.: В. И. Б о р к о в с к и й и П. С. К у з н е ц о в, Историческая грамматика русского языка, изд. АН СССР, 1963, стр. 48—49.

² См. подробное рассмотрение вопроса о характере [ь] и [ѡ] в кн.: С. Б. Б е р н ш т е й н, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, 1961, стр. 178—180.

Во-вторых, разделение всех гласных на передние и непередние не совпадает с разделением их на нелабиализованные и лабиализованные. Если в передней зоне все гласные были нелабиализованными, то в непредней три гласных — [y], [o], [ъ] — характеризовались наличием лабиализации, а две — [ы] и [a] — ее отсутствием. Таким образом, положение о лабиализованном характере [ы], которое вслед за А. А. Шахматовым принимается многими лингвистами, нам кажется недостаточно обоснованным. Если, признавая лабиализованность в древнерусском языке фонемы [ъ], мы опираемся на происхождение его из [û] и дальнейшее развитие в [o] (т. е. и «предок» и «потомок» [ъ] оказываются лабиализованными гласными), а кроме того, на то, что в системе фонем древнерусского языка [ъ] и [o], будучи оба лабиализованными, сохраняли различие между собой по количеству, — то признание лабиализованного характера [ы], во-первых, основывается только на происхождении его из лабиализованного [û], но не опирается на дальнейшую его судьбу как нелабиализованного гласного¹, а во-вторых, вынуждает признать отсутствие в древнерусском языке различительного признака между [ы] и [y], так как в этом случае они оказываются идентичными по всем их признакам. Не считая возможным принять все эти положения, мы признаем нелабиализованный характер древнерусского [ы] и ставим его в этом отношении в один ряд с [a]².

В-третьих, если признавать сохранение древних интонационных различий в языке конца X — начала XI в., то надо одновременно признать и то, что в этом языке различия по качеству ударения могли играть фонологическую роль. Впрочем, вопрос о качестве ударения и его роли в фонологической системе древнерусского языка встает только потому, что в более позднюю эпоху, после падения редуцированных, когда старые интонационные отношения были утрачены, в ряде русских диалектов возникла новая гласная фонема: это — так называемое [ô] (закрытое), восходящее к древнему [o] под новоакутовой интонацией, противопоставленное [o] (открытому), восходящему к [o] вне этой интонации. Следовательно, в ту эпоху, когда древние инто-

¹ См.: О. Б р о к, Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской физиологии», вып. 5, СПб., 1910, стр. 126.

² Ср. С. Б. Б е р н ш т е й н, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 176 и 180.

национные различия сохранялись, в языке могло осуществляться фонологическое противопоставление двух разноинтонированных [o]. Возможно, конечно, что фонологическая роль качества ударения проявлялась не только в противопоставлении разноинтонированного [o], но и в противопоставлении других гласных, находящихся под разным по качеству ударением и тождественных по основным их артикуляционным признакам. Однако судить об этом очень трудно, ибо в последующей истории русского языка никаких следов разных интонаций в этом плане не сохранилось, и качество гласных, находившихся в прошлом под акутовой, циркумфлексной или новоакутовой интонацией, в современном языке не обнаруживает таких былых различий, чтобы на месте одной фонемы развились две, разные по своему качеству. Поэтому фонологическая роль качества ударения в древнерусском языке конца X — начала XI в. может быть рассмотрена только для разноинтонированного [o], имевшего особую судьбу в истории русского языка.

Если признать, что в изучаемую эпоху [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации могли противопоставляться друг другу в тождественных фонетических условиях, то вместе с тем это противопоставление имело просодический характер, т. е. было связано не с фонемным составом гласных древнерусского языка, а с характером политонического ударения. Иначе говоря, можно считать, что если две словоформы в их звуковых оболочках были тождественны во всем, кроме интонации на [o], и потому их противопоставление осуществлялось именно по этому признаку, — то подобное противопоставление, имея фонологический характер, в то же время осуществлялось не как противопоставление разных по качеству фонем, а как противопоставление качества ударения.

Однако, как известно, противопоставление [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации осуществлялось лишь в начальном ударном слоге слова, где могла быть как новоакутовая интонация, так и циркумфлексная. И следовательно, фонологическое просодическое противопоставление звуковых оболочек словоформ по признаку разной интонации на [o] могло обнаруживаться только в том случае, если [o] находилось в указанном фонетическом положении.

В связи с тем что, как видно, [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации были тождественны по

присущим им конститутивным признакам среднего подъема, передней зоны и наличия лабиализации и могли отличаться лишь признаком долготы, являющимся явно избыточным, — в связи с этим надо признать, что в древнерусском языке была одна фонема [o], т. е. фонемный состав гласных оставался постоянным.

Частные системы гласных фонем, выступающие в различных фонетических условиях

1 Гласные фонемы древнерусского языка конца X — начала XI в. имели определенные особенности функционирования в системе, что было связано прежде всего с характером употребляемости их в различных фонетических условиях. Это последнее означает, что древнерусский язык характеризовался рядом таких черт, которые ограничивали возможности противопоставления гласных в тождественных фонетических позициях и которые определяли специфику этого противопоставления.

Во всех позициях системы противопоставления гласных фонем, или употребляемость их в тождественных фонетических условиях, определялись следующими особенностями, связанными с характером предшествующего согласного, т. е. со структурой слога древнерусского языка ¹.

В позиции после любого твердого согласного, кроме [к], [г], [х], могли выступать все десять фонем: они выступали в этом положении как внутри морфем, так и на стыке морфологических частей слова. В позиции после заднеязычных согласных, точно так же и внутри и на стыке морфем, могли выступать только гласные переднего образования. В позиции же после мягких согласных положение было намного сложнее: здесь возможность противопоставления гласных в тождественных фонетических условиях зависела и от того, к а к о й именно мягкий выступал в сочетании

¹ Качество начального согласного следующего слога не принимается во внимание в силу того, что, как уже говорилось, при наличии тенденции к открытости слога слогораздел не менял своего положения и влияние согласного последующего слога на гласный предшествующего должно быть исключено.

с гласным, и от того, где (внутри или на стыке морфем) выступали данные сочетания.

Так, в позиции после мягких шипящих внутри морфем могли противопоставляться фонемы [a], [y], [и], [ь], [e], [ä]; в этой же позиций, но на морфологическом стыке основы и окончания противопоставлялись фонемы [a], [y], [и], [ь], [e], [ä] и, кроме того, [ě].

В позиции после мягких свистящих внутри морфем противопоставления гласных фонем не было: здесь могла выступать только фонема [ě], если не считать преобразованного заимствованного корня *цар-* (в словах *царь*, *царство* и т. п.) и заимствований *цата* ([ц'äta]) и *църкы* с его производными. На морфологическом же стыке основы и окончания противопоставлялись фонемы [a], [y], [и], [ь], [e] и [ě].

В позиции после мягких сонорных внутри морфем противопоставления гласных фонем не было — здесь выступал только гласный [y], если не считать слова *надро* ([н'äдрo]), возникшего в результате переразложения [вн-jäдрo], и местоименных форм *него*, *немоу*, *нимь* ([н'егo], [н'ему], [н'имь]), возникших также в результате переразложения [вн-јегo], [кн-јему], [сн-јимь], а также слова *нива*. На морфологическом же стыке основы и окончания противопоставлялись те же гласные, что и после шипящих, т. е. [a], [y], [и], [ь], [e], [ä] и [ě].

Таким образом, в зависимости от качества предшествующего согласного, а в ряде случаев и от положения внутри и на стыке морфем в древнерусском языке выступали частные системы гласных фонем:

I. Система из десяти фонем, выступавшая в позиции после твердых, или несмягченных, согласных, кроме [к], [г], [х];

II. Система из пяти фонем, выступавшая в позиции после заднеязычных [к], [г], [х];

III. Система из шести фонем, выступавшая в позиции после мягких шипящих [ш'], [ж'], а также аффрикат [ч'] и [ш'ч'] внутри морфем;

IV. Система из семи фонем, выступавшая в позиции после мягких [ш'], [ж'], аффрикат [ч'], [ш'ч'], [ж'д'] и мягких сонорных на стыке морфем;

V. Система из шести фонем, выступавшая в позиции после мягких свистящих на стыке морфем.

2 Все эти частные системы гласных фонем древнерусского языка, представленные в общем плане, должны быть рассмотрены с точки зрения реального их существования в древнерусском языке изучаемой эпохи. Дело заключается в том, что все отношения, установленные для древнерусской системы гласных, являлись такими, которые м о г л и существовать в силу заложенных в ней возможностей.

Это значит, что система п о з в о л я л а осуществлять различение и противопоставление звуковых оболочек слов и форм путем противопоставления тех или иных гласных в тождественных фонетических условиях при полном совпадении всех остальных элементов этих звуковых оболочек. Однако то, что было возможно, не всегда осуществлялось в действительности: язык, как видно, никогда не использует всех тех возможностей, какие заложены в его системе. При этом, если иметь в виду, что система языка может иметь такие модели сочетаемости различных фонем в тождественных фонетических условиях, которые не образуют противопоставлений слов или форм, во всем, кроме данной модели, тождественных по своему звуковому составу, то можно утверждать, что в подобном явлении может быть заложена одна из возможностей развития фонологической системы: как усиление роли и позиций некоторых фонем, так и, наоборот, ослабление, вплоть до возможной утраты других.

В связи с этими обстоятельствами необходимо подробно рассмотреть установленные выше частные системы гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в. Такое рассмотрение целесообразно провести не только применительно к каждой системе, но и отдельно для внутриморфемного положения и для позиции на стыке морфем.

При этом последнее разделение требует специальной оговорки. Конечно, функционирование фонем определяется прежде всего фонетической позицией, для которой принципиально безразлично отношение к морфологической структуре слова. Однако в действительности эта структура оказывает воздействие на фонологические отношения: в зависимости от того, в каком положении по отношению к морфологическому строению слова выступают фонемы, их функционирование может иметь свои особенности. Именно поэтому, хотя раздельное рассмотрение положения внутри и на стыке морфем несколько усложняет все описание, его целесообразно провести для более полного представления

характера фонологических отношений в древнерусском языке.

И система прежде всего требует рассмотрения позиций в н у т р и морфем. Теоретически возможные отношения в ней определяются тем фактом, что внутри морфем после каждого твердого согласного могли употребляться все гласные фонемы.

Если обратиться к «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и к памятникам письменности для установления реального словарного состава древнерусского языка конца X — начала XI в., то можно установить, что большинство теоретических возможных сочетаний было использовано в этом языке. Вместе с тем можно обнаружить и полное отсутствие некоторых из них в изучаемую эпоху. Так, отсутствуют сочетания [н·ъ] и [н·ǣ] (слово *нъзати*, отмечается только с XIV в.), [б·ǣ] (слово *блѣзъ* отмечается только в XVI в.), [ву] (слова *воуи*, *воуза*, *воузилише*, *воудель*, *воуже*, *воулгата*, *воустье*, *воутроба*, как это вполне очевидно, имеют [в] неисконного происхождения). Очень немногочисленны образования, включающие в свой состав сочетания [нъ] (только *нъ* = *но*, *нъпера* — «но», *нъщва*), [д·ǣ] (слова, производные от *дѣдѣ*, *дѣтелѣ*, и еще два неясных по значению слова), [зу] (только *зоубѣ*, остальные слова отмечаются с XIV—XV вв.), [зы] (слова с корнями *зыб-* и *зык-*). Редки образования с [с·ь] (ср. *сьсь*, *сьде* и производные, а также слова с сочетанием типа *търт*: образования от *сьрд-*, *сьрн-*, *сьрп-*, слово *сьрсть* — «шерсть» и *сьрхъкъи* — «шероховатый»), [р·ъ] (ср. образования с *ръвн-*, *ръдр-* — «рыжий», *ръдка*, *ръль* — «луг»), [мъ] (ср. образования с *мѣлв-*, *мѣног-*, *мѣлк-/мѣлч-*, *мѣлн-*, *мѣск-/мѣщ-*), [б·ь] (ср. *бѣлыныи*, вместо *бѣлыныи*, *бѣрати*, *бѣзда*, *бѣрлогѣ*, *бѣрние*, *бѣрьвьно*), [в·ь] (слова с сочетанием типа *търт*: образования с *върб-*, *върв-*, *върг-/върж-*, *върст-*, *върх-*, *въриш-*, а также слова *въсь*, *въчера*), [з·ѣ] (ср. *зѣныи*, *зѣкрыи* — «голубоватый», *зѣница*, *зѣти*), [з·е] (ср. *зегзица*, *зегоула* — «кукушка», *зекрыи*, *зелеи*, образования с *зелен-* и *земл-/зем-*). Все остальные сочетания были широко распространены в древнерусском языке, и поэтому можно считать, что внутри морфем потенциальные возможности данной системы в отношении употребляемости разных гласных после одинаковых согласных были в целом реализованы. Однако эта реализация устанавливается пока что лишь на уровне модели, т. е. при этом не ставится вопрос

о том, насколько та или иная противопоставленность играла реальную фонологическую, если под ней понимать различительную, роль в противопоставлении звуковых оболочек разных словоформ.

Таким образом, мы подходим к проблеме ф у н к ц и о - н а л ь н о й н а г р у з к и, однако сейчас эту проблему целесообразно поставить в плане установления реализации на уровне словоформ частных систем гласных фонем и не ставить ее в плане установления фонологической роли отдельных противопоставлений гласных, отдельных их позиций.

Переходя на уровень словоформы в рассмотрении данной частной системы, можно установить, что в древнерусском языке не было рядов, состоящих из десяти членов, каждый из которых отличался бы наличием гласной фонемы при тождестве остальных их звуковых элементов. Более того, в большинстве случаев устанавливаются лишь парные соотношения, т. е. устанавливается наличие двух слов, тождественных по их звуковой оболочке во всех элементах, кроме одной гласной фонемы. Такие парные соотношения можно установить, например, в следующих случаях ¹:

- [вы] — [ва]: *выбити* — *вабити* — «приглашать»;
[вó]² — [в·и]: *вóлз* — *вилз* (род. п. мн. ч. от *вила*), *вóдз* (род. п. мн. ч. от *вода*) — *видз*;
[во] — [ва]: *водиши* — *вадиши*, *волити* — «хотеть» — *валити*;
[вó] — [ва]: *вóлз* — *валз* ³, *вóдз* (род. п. мн. ч. от *вода*) — *вадз* (род. п. мн. ч. от *вада* — «спор»);
[во] — [в·и]: *водитель* — *видитель*;
[в·ѣ] — [вы]: *въсити* — *высити*, *въяти* — *выяти*;
[в·ѣ] — [ва]: *въсь* — *вась*;
[в·ѣ] — [вó]: *въжь* (род. п. мн. ч. от *въжа*) — *вóжь* — «вождь»;

¹ За недостатком места мы не имеем возможности привести весь необходимый фактический материал и поэтому ограничиваемся лишь некоторыми примерами.

² Здесь и далее [ó] обозначает [о] под новым акутом, [о] — вне новоакутовой интонации.

³ Или [во] — [ва]: *волз* — *валз*, если в *волз* было [о] вне новоакутовой интонации: как известно, современные диалекты дают здесь противоречивый материал.

[в·ѣ] — [в·ǣ]: *вѣче* — *вǣче* — «больше»;

[в·и] — [вы]: *вити* — *выти*;

[в·и] — [ва]: *виати* — *ваити*;

[в·и] — [в·ѣ]: *винъ* (род. п. мн. ч. от *вина*, *вино*) — *вънъ* (род. п. мн. ч. от *въно*), *вира* — *въра*, *витъ* (причастие от *вити*) — *вътъ* — «советъ»;

[в·и] — [въ]: *винъ* (род. п. мн. ч. от *вина*, *вино*) — *вънъ*;

[в·е] — [вó]: *велъ* — *вóлъ*;

[в·е] — [в·ǣ]: *везлъ* (причастие от *везти*) — *вǣзлъ* (причастие от *вǣзти*);

[въ] — [ва]: *въшь* — *вашъ*;

[в·ǣ] — [во]: *вǣзиши* — *возиши*.

Вместе с тем можно установить и более сложные соотношения, когда в ряды противопоставленных слов, различающихся только одной гласной фонемой, входили три, четыре и более членов, что обуславливало более четкое проявление данной частной системы гласных как системы самостоятельных фонем древнерусского языка.

Таковы, например, некоторые трехчленные ряды:

[бы] — [б·и] — [б·ѣ]: *былъ* — *билъ* — *бѣлъ*, *было* — *било* — *бѣло*;

[бы] — [бо] — [б·ѣ]: *быль* — *боль* — *бѣль*;

[бы] — [бó] — [бу]: *быкъ* — *бóкъ* — *букъ*;

[бó] — [бу] — [ба]: *бóръ* — *боуръ* — «бурый» — *баръ* (род. п. мн. ч. от *бара* — «болото»);

[бó] — [бу] — [б·ѣ]: *бóгъ*¹ — *боугъ* — «обручъ» — *бѣгъ* и др.

Четырехчленные ряды:

[рó] — [ру] — [ра] — [р·ѣ]: *рóкъ* — *роукъ* — *ракъ* — *рѣкъ*;

[пó] — [пу] — [пъ] — [п·ǣ]: *пóтъ* — *поутъ* (род. п. мн. ч. от *поута*) — *пѣтъ* (род. п. мн. ч. от *пѣта* — «птица») — *пѣтъ* — «пять»;

[по] — [па] — [п·и] — [п·ѣ]: *полъ* — *палъ* — «огонь» — *пилъ* — *пѣлъ*.

¹ Если, конечно, перед [ъ] произносился [г], а не [γ].

Пятичленный ряд:

[са] — [съ] — [с·и] — [с·ѣ] — [с·е]: *салъ* (род. п. мн. ч. от *сало*) — *сѣлъ* — «посол» — *силъ* (род. п. мн. ч. от *сила*) — *стѣлъ* — *селъ* (род. п. мн. ч. от *село*).

И, наконец, редкие многочленные ряды:

[мы] — [ма] — [м·и] — [м·ѣ] — [м·е] — [м·ѧ]: *мылъ* — *малъ* — *милъ* — *мѣлъ* — *мелъ* — *малѣ*;

[мы] — [ма] — [мо] — [м·и] — [м·ѣ] — [м·ѧ]: *мыли* — *мали* — *моли* (косв. п. от *моль*)¹ — *мили* — *мѣли* (им. п. мн. ч. от *мѣлъ*) — *мали*;

[ны] — [на] — [нѣ] — [ну] — [н·и] — [н·ѣ] — [н·е]: *ны* (местоим.) — *на* — *но* — *нѣ* (союз) — *ноу* (межд.) — *ни* (частица) — *нѣ* (то же) — *не*.

Конечно, во всех только что установленных фактах не может не быть момента случайности; это тем более реально, что полный словарный состав живого древнерусского языка изучаемой эпохи остается неизвестным. Однако определенную долю достоверности за этими фактами все же возможно признать. И поэтому, несмотря на то что в них не обнаруживается полного использования системы гласных для противопоставления звуковых оболочек слов, можно утверждать, что любая гласная использовалась в таком противопоставлении, т. е. служила как средство фонологического различения элементов языка.

Конечно, не всегда можно сказать, что замена одной гласной фонемы другой соответствующей фонемой могла привести к нарушению взаимопонимания: в ряде случаев противопоставление звуковых оболочек слов разными гласными фонемами совмещалось с их отличиями морфологического характера (иначе говоря, в таком противопоставлении участвуют различные части речи). Поэтому в контексте речи могло выступать различие слов не только по их звуковому составу. Однако это вовсе не означает отсутствия функциональной нагрузки на том или ином противопоставлении

¹ Если в *моль* [о] было вне новоакутовой интонации.

фонем. Эта нагрузка, в конце концов, определяется не тем, могло или не могло нарушиться взаимопонимание в результате замены элемента *А* элементом *В*, а тем, используется ли данное противопоставление как средство образования разных слов. Если это использование имеет место, то можно утверждать его функциональную нагруженность, а следовательно, предполагать и его устойчивость.

И в этом отношении внимания заслуживает тот факт, что противопоставление [o] под новым акцентом и [o] вне этой интонации, осуществлявшееся, без всякого сомнения, на уровне модели, в то же самое время оказывалось функционально не нагруженным, ибо оно не использовалось в языке в качестве единственного средства различения звуковых оболочек двух разных слов. В древнерусском языке конца X — начала XI в., таким образом, не было двух слов, отличавшихся друг от друга лишь качеством ударения на [o]. А это означает, что данное противопоставление реально не использовалось как фонологическое средство. Впрочем, как известно, и в современных диалектах, различающих [ɔ̌] (или [yǒ]) и [o], это противопоставление используется очень незначительно. Таково, например, противопоставление *мѡлот* (причастие) и *молот* (существительное). Предполагать подобное противопоставление для изучаемой эпохи не представляется возможным, так как второе слово в древнерусском языке не зафиксировано.

Что касается с т ы к а морфем, то здесь противопоставление гласных рассматриваемой системы было не менее, если не более отчетливо. Это прежде всего определялось тем, что при помощи противоположения гласных осуществлялось противопоставление падежных именных форм при постоянном ударении. При этом и здесь вновь не наблюдалось того положения, чтобы в таком противопоставлении участвовали бы все гласные фонемы, способные выступать в данной позиции. Не трудно понять, что подобный факт обусловлен морфологической структурой древнерусского языка, где в качестве флексий, оформлявших тот или иной падеж, могли выступать лишь определенные гласные. Таким образом, например, в падежных формах имен существительных женского рода с древней основой на **а* твердого варианта осуществлялось противопоставление фонем [a], [ы], [y], [o], [ъ] и [ѣ]; в существительных мужского рода с древней основой на **ѡ* твердого варианта противопоставлялись фонемы [ъ], [a], [ы], [y], [ѣ], [и] и [e], а в существительных среднего рода

того же типа — фонемы [o], [ъ], [a], [ы], [y], [ě]. В падежных формах имен существительных мужского и женского родов с древней основой на *i противопоставлялись фонемы [ь] и [и]. В словах с древней основой на согласный мужского и женского родов наблюдается противопоставление фонем [e], [и], [ь], [ъ], [y], а в словах среднего рода этого же типа — [e], [и], [ъ], [a], [y] и [ě]; здесь же в ряде случаев выступало противопоставление [ъ], [ъ], [a] и [и].

Таким образом, во всех этих противопоставлениях, осуществлявших различие падежных форм имен, участвовали все гласные фонемы, кроме [ā], которая выступала в качестве падежного окончания относительно редко. Говоря точнее, [ā] в этом качестве могла выступать лишь в определенной группе имен — в словах среднего рода с древними суффиксами *-ent- и *-men-, причем известно, что склонение этих слов характеризовалось несовпадением основ именительного и винительного падежей единственного числа и всех остальных падежей, в силу чего [ā] не могла оказаться здесь, при изменении этих слов, в одной позиции с иными гласными фонемами. Однако нельзя утверждать, что [ā] на стыке морфем вступала только в такие противопоставления, которые не были функционально нагружены. Наоборот, можно с уверенностью говорить, что противопоставления [ā] иным (правда, не всем теоретически возможным) гласным фонемам характеризовались определенной степенью такой нагрузки. Вместе с тем здесь были и свои особенности, связанные с малой распространенностью [ā] на стыке морфем. И прежде всего эти особенности заключались в том, что противопоставления фонемы [ā] иным фонемам осуществляли различие форм не одного слова, а разных слов. Так, [ā] в формах *пѣсѧ* — «щенок», *скотѧ* — «домашнее животное», *осѣлѧ*, *козѣлѧ*, *коурѧ* — «цыпленок» оказывалась противопоставленной фонемам [a], [y], [ě], [и], [ы], [e] в падежных формах от слов *пѣсѣ*, *скотѣ*, *осѣлѣ*, *козѣлѣ*, *коурѣ* — «петух»; [ā] в форме *рамѧ* — «плечо» — фонемам [a], [y], [ě], [o], [ы], [ъ] в падежных формах от *рама*; [ā] в формах *имѧ*, *тѣмѧ* — фонемам [ъ] и [и] в формах местоимений *имѣ*, *ими* и *тѣмѣ*, *тѣми*; [ā] в форме *ягнѣнѧ* — фонемам [ъ], [a], [y], [ě], [и] и [ы] в падежных формах от прилагательного *ягнѣ*; [ā] в форме *робѧ* — «ребенок» — фонеме [и] в повелительном наклонении от глагола *робити* — *роби*. Таким образом, даже такой ограниченный лексический материал свидетельствует о том, что с точки зрения функциональной на-

грузки противопоставление фонемы [ä] другим фонемам не имеет принципиальных отличий от иных противопоставлений гласных фонем после твердых согласных. Однако, как видно, основная нагрузка падала на противопоставление [ä] фонеме [и] в глагольных формах. Речь идет о различении формы именительного падежа единственного числа кратких причастий действительного залога и форм 2—3-го лица единственного числа повелительного наклонения у глаголов IV тематического класса, причем различение осуществлялось во всех глаголах этого класса, имеющих основу на твердый согласный, — таких глаголов зафиксировано в «Материалах...» И. И. Срезневского более 650.

Кроме того, в целом ряде случаев фонема [ä] в форме именительного падежа единственного числа причастий могла быть противопоставлена иным фонемам, и при помощи этих противопоставлений осуществлялось различение данных форм с формами имен существительных и прилагательных, родственных по образованию. Так, [ä] в формах *видä*, *возä*, *гадä*, *квасä* (от *квасити*), *крьстä*, *ладä*, *мостä*, *плодä*, *стыдä*, *соудä* (от *соудити*), *оударä* оказывалась противопоставленной фонемам [ь], [a], [y], [ě], [и], [ы] в формах от *видъ*, *возъ*, *гадъ*, *квасъ*, *крьстъ*, *ладъ*, *мостъ*, *плодъ*, *стыдъ*, *соудъ*, *оударъ*; [ä] в *бабä* (от *бабити* — «быть повивальной бабкой»), *боронä*, *бьдä* (от *бьдити* — «убеждать»), *водä*, *воеводä*, *женаä* (от *женити*), *корä* (от *корити*), *мьнä* (от *мьнити*), *мьрä* (от *мьрити*), *ранä*, *росä* (от *росити*), *славä*, *троубä*, *хвалä*, *хоулä*, *цьнä* — фонемам [a], [ы], [y], [ь], [ě] в формах от *баба*, *борона*, *бьда*, *вода*, *воевода*, *жена*, *кора*, *мьна*, *мьра*, *рана*, *роса*, *слава*, *троуба*, *хвала*, *хоула*, *цьна*; [ä] в *гньздä* (от *гньздити*), *тьлä* (от *тьлити* — «портить») — фонемам [o], [a], [y], [ě], [ь] в формах от *гньздо*, *тьло*; [ä] в *болä*, *борä* (от *борити*), *дьлä* — фонемам [ь] и [и] в формах от *боль*, *борь* — «борьба», *дьль* — «раздел»; [ä] в *бьлä* (от *бьлити*), *готовä*, *дебелä* (от *дебелити* — «делать толстым»), *добрä* (от *добрити*), *живä*, *слабä*, *твьрдä*, *хоудä* (от *хоудити*), *хьтрä*, *цьлä* (от *цьлити* — «исцелять») — фонемам [ь], [a], [o], [y], [ě], [и], [ы] в формах прилагательных *бьлъ*, *-а*, *-о*, *готовъ*, *-а*, *-о*, *дебелъ*, *-а*, *-о*, *добръ*, *-а*, *-о*, *живъ*, *-а*, *-о*, *слабъ*, *-а*, *-о*, *твьрдъ*, *-а*, *-о*, *хоудъ*, *-а*, *-о*, *хьтръ*, *-а*, *-о*, *цьлъ*, *-а*, *-о*. Таким образом, нельзя считать противопоставления фонемы [ä] другим фонемам на стыке морфем функционально не нагруженными, хотя, конечно, эта нагруженность имеет несколько иной характер, чем нагруженность

тех противопоставлений фонем, которые противопоставляли разные падежные формы одного и того же слова.

Для второй системы гласных — в позиции после заднеязычных согласных — нетрудно установить не только теоретическую, но и реально осуществлявшуюся в языке противопоставленность гласных [ы], [у], [о], [ъ] и [а] на уровне модели. Это значит, что в русском языке были слова и формы, в составе звуковой оболочки которых можно обнаружить сочетания [кы] — [ку] — [ко] — [къ] — [ка], [гы] — [гу] — [го] — [гъ] — [га] и [хы] — [ху] — [хо] — [хъ] — [ха], выступающие в тождественных фонетических условиях как внутри, так и на стыке морфем и определяющие наличие перечисленных гласных фонем в системе древнерусского языка. Вместе с тем в словарном и грамматическом строе древнерусского языка можно установить и такие факты, когда именно противопоставлением гласных после одного и того же заднеязычного осуществлялось различие звуковых оболочек разных слов и форм. Однако анализ фактического материала показывает, что потенциальные возможности, заложенные в древнерусской системе и позволяющие заднеязычным сочетаться с гласными непереднего образования, не использовались в полной мере. Если обратиться к внутриморфемному положению, то видно, что только некоторые противопоставления гласных после заднеязычных были единственным средством различения слов в древнерусском языке. Наибольшее количество этих фактов приходится на сочетания заднеязычного [к] с гласными. Ср.:

[ка] — [кó]: *калъ — кóлъ, калъныи — «грязный» — кóльныи* (от *кóло*), *капище — кóпище*; ср. еще звательную форму от *калика — калико — кóлико*;

[ка] — [ко]: *кашьль — кошьль*;

[ка] — [ку]: *кадити — коудити, кажение — коужение, казньць — коузньць, капля — коупля, касати — коусати*;

[кó] — [кы]: *кóи — кыи*;

[ко] — [кы]: *ковати — кывати*;

[ко] — [ку]: *копа — коупа, копати — коупати, коръ* (род. п. мн. ч. от *кора*) — *коуръ, корение — «волхование» — коурение, косити — коусити, копити — коупити*;

[къ] — [ку]: *къдъ — коудъ*.

Можно также установить трехчленные ряды слов с противопоставленными гласными:

[ка] — [ку] — [къ]: *казнь* — *коузнъ* — *къзнъ*;

[ка] — [ко] — [ку]: *канъ* — «хан» — *конъ* — *коунъ* (род. п. мн. ч. от *коуна*), *капити* — *копити* — *коупити*;

[ка] — [кó] — [къ]: *кашь* (род. п. мн. ч. от *каша*) — *кóшь* — «корзина» — *къшь* — «жребий».

И четырехчленный ряд:

[ка] — [кó] — [ку] — [кы]: *катъ* — *кóтъ* — *коутъ* — *кытъ*.

Таким образом, в древнерусском языке не было таких пяти слов, которые различались бы в своей звуковой оболочке лишь одной гласной в позиции после [к] при полном тождестве всех остальных элементов.

То же самое обнаруживается и для сочетаний гласных с предшествующими [г] и [х].

Итак, теоретически возможные и реально существующие на уровне модели фонологически противопоставленные гласные непереднего образования после заднеязычных согласных в словарном составе древнерусского языка несли определенную нагрузку, различая звуковые оболочки словоформ. Однако вместе с тем возможности, заложенные в системе древнерусского языка, не были здесь использованы в полной мере: в языке могли существовать, но не существовали в действительности слова с потенциально возможной звуковой оболочкой.

Что касается стыка морфем и прежде всего — стыка основы имени с флексией, то здесь, наоборот, потенциальные возможности системы были использованы почти полностью. Это связано с тем, что в качестве окончаний падежных форм имен с основой на заднеязычный выступали все или почти все гласные непереднего образования. Поэтому противопоставление или различие указанных форм осуществлялось именно по этим гласным. Так, в именах существительных с древней основой на **а* женского рода типа *моуха* в качестве падежных окончаний выступали все пять гласных непереднего образования. Ср. им. п. *моуха*, род. п. *моухы*,

им. п. *моухоу*, зв. ф. *моухо*, род. п. мн. ч. *моухъ*. В именах существительных среднего рода с древней основой на **ō* тип *въко* — тоже пять: им. п. *въко*, род. п. *въка*, дат. п. *въкоу*, род. п. мн. ч. *въкъ*, вин. п. мн. ч. *въкы*.

Если учесть, что в «Материалах...» И. И. Срезневского зафиксировано более двух тысяч склоняемых слов с основой на заднеязычный, то можно утверждать существование высокой степени функциональной нагрузки противопоставленности гласных после заднеязычных на стыке морфем. Это обстоятельство обеспечивало устойчивость оформления морфологических категорий, падежных форм имен существительных, и таким образом, естественно, укреплялась и фонематическая значимость данных противопоставлений гласных.

Рассматривая все эти противопоставления, можно вновь столкнуться с тем фактом, что противопоставление [o] под разной интонацией внутри морфем в начальном ударном слоге слова осуществлялось лишь на уровне модели, но не имело никакой функциональной нагрузки. Точно так же, как и в I частной системе, рассмотренной выше, противопоставление [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации не осуществляло противоположения разных слов древнерусского языка. Следовательно, находилась фонема [o] под новым акутом, или была вне этой интонации, она противопоставлялась иным гласным фонемам по основным дифференциальным признакам; в этом отношении ее положение в системе принципиально не отличалось от положения иных гласных фонем. Как известно, и в современных диалектах противопоставление [ɔ] ([yɔ]) и [o] внутри морфем после заднеязычных, связанное с различием звуковых оболочек слов, осуществляется крайне редко. Есть, кажется, только одна подобная пара: [kɔs] (род. п. мн. ч. от *коса*) — [kos] (прилагательное). Существование этой пары в древнерусском языке изучаемой эпохи едва ли можно предположить, так как прилагательное *косый* регистрируется «Материалами...» И. И. Срезневского лишь с XVII в.

Таким образом, и I и II частные системы гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в. свидетельствуют о том, что для эпохи до падения редуцированных противоположение [o] под разной интонацией, осуществлявшееся на уровне модели внутри морфем в начальном слоге слова, не несло на себе какой-либо функциональной нагрузки.

III система — система из шести фонем в положении после мягких шипящих внутри морфем — характеризовалась прежде всего той особенностью, что она не функционировала после мягкой аффрикаты [ж'д'], которой вообще не было во внутриморфемной позиции (см. об этом ниже). После [ж'], [ш'], [ч'] и [ш'ч'] в древнерусском языке могли выступать гласные [и], [е], [ы], [ǣ], [а] и [у], и анализ словарного состава древнерусского языка показывает, что все сочетания шипящих с указанными гласными действительно выступали в звуковых оболочках слов, или, иначе говоря, наличие данных сочетаний на уровне модели вполне подтверждается материалом. Следовательно, фонологическая противопоставленность шести гласных фонем в данной частной системе выступала достаточно отчетливо, и шестичленная система гласных равно реализовалась после всех названных согласных.

Однако вместе с тем в отношении степени функциональной нагрузки данной противопоставленности гласных дело оказывается более своеобразным, чем это было в I и II частных системах. Речь идет о том, что противопоставление гласных в позиции после [ш'ч'] имело нулевую функциональную нагрузку, т. е. в древнерусском языке не было ни о д н о й пары слов, различавшихся в своей звуковой оболочке только наличием одной или другой гласной фонемы после [ш'ч'].

В позиции после [ш'] противопоставленность гласных фонем, связанная с различием звуковых оболочек слов, очень незначительна. Таковы две пары слов с двумя противопоставленными гласными:

[ш'и] — [ш'а]: *широта* — *шарота* — «краска»;

[ш'и] — [ш'у]: *шитѣ* (причастие) — *шутѣ*.

В позиции после [ж'] функциональная нагрузка противопоставленности гласных оказывается большей. Так, здесь обнаруживаются следующие двучленные противоположения:

[ж'и] — [ж'а]: *жила* — *жала* (род. п. ед. ч. от *жало*),
жирѣ — *жарѣ*;

[ж'и] — [ж'ǣ]: *житель* — *жѣтель*, *жидити* — *жѣдити*;

[ж'и] — [ж'ь]: *живати* — *жьвати*, *жидати* — *жьдати*;

[ж'е] — [ж'ä]: *жель* (род. п. мн. ч. от *желн* — «скорбь») — *жаль* — «жалко».

В позиции после [ч'] точно так же наблюдаются двучленные противопоставления:

[ч'и] — [ч'ä]: *чисто* — *частво*;

[ч'и] — [ч'е]: *читъ* — «щит» — *четъ* (род. п. мн. ч. от *чета* — «община»);

[ч'у] — [ч'а]: *чудити* — *чадити*;

[ч'у] — [ч'ä]: *чудо* — *чäдо*, *чудотворникъ* — *чäдо-творникъ*;

[ч'ь] — [ч'ä]: *чьсть* — *чäсть*, *чьстьныи* — *чäстьныи*.

И одно трехчленное противопоставление:

[ч'и] — [ч'ь] — [ч'ä]: *чисти* (им. п. мн. ч. от *чистъ*) — *чьсти* (косв. п. от *чьсть*) — *чäсти* (косв. п. от *чäсть*).

Таким образом, если в позиции после [ш'] функционально нагруженными оказались противопоставления трех фонем — [и], [а], [у], то в позиции после [ж'] таковыми являются уже пять ([и], [е], [ь], [ä], [а]), а после [ч'] — все шесть гласных фонем. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в этой системе противопоставленных гласных фонем отсутствует функционально нагруженное противоположение [ä] и [а] — то единственное противоположение гласных по зоне образования, которое осуществлялось в данной частной системе. Иначе говоря, если противопоставление [ä] и [а] другим гласным фонемам в этой системе могло быть связано с различием звуковых оболочек слов, то противоположение этих двух фонем друг другу не имело функциональной нагрузки и осуществлялось лишь на уровне модели. Это обстоятельство очень важно, ибо с ним, как нам представляется, в определенном отношении связана дальнейшая судьба [ä] в истории русского языка.

IV система в целом прозрачна по своему характеру, так как на стыке морфем противопоставление гласных фонем осуществлялось не только на уровне модели, но и на лексико-морфологическом уровне, т. е. это противопоставление имело отчетливо выраженную функциональную нагрузку. Правда,

отношения здесь были не во всем равнозначными: в одних случаях противопоставление гласных осуществлялось вполне определенно, и в нем участвовало несколько фонем; в других — это было редким явлением, однако все же существовавшим. Так, если обратиться к именам существительным, оканчивавшимся на [ш'ь] (типа *кóшь*), [ж'ь] (типа *моужь*), [ч'ь] (типа *оброучь*), [ж'д'ь] (типа *дѣждь*), [ш'ч'ь] (типа *товарищь*), [н'ь] (типа *конь*), [р'ь] (типа *лѣкарь*), [л'ь] (типа *пришатель*), склонявшимся по образцу древних основ на *jō, то в падежных формах этих слов окажутся противопоставленными гласные [ь], [а], [у] и [ѣ], причем эти противопоставления будут различать разные формы этих слов. В именах на [ш'а] (типа *ноша*), [ж'а] (типа *кóжа*), [ч'а] (типа *коуча*), [ш'ч'а] (типа *роща*), [н'а] (типа *вóнна*), [л'а] (типа *вóла*), [р'а] (типа *боура*) в падежных формах окажутся противопоставленными [а], [у], [и], [ѣ], [ь], [е]. В именах на [ч'е] (типа *вѣче*), [ж'е] (типа *лѣже*), [р'е] (типа *гóre*), [л'е] (типа *поле*) в падежных формах противопоставляются фонемы [е], [а], [у], [и], [ь]. Это же будет и в других именных формах, изменявшихся как существительные. Если учесть, что подобные именные образования были достаточно широко распространены в древнерусском языке, то можно утверждать определенную степень функциональной нагрузки этой противопоставленности.

В особом положении здесь оказывается вновь фонема [ǣ], которая не выступала в качестве оформителя падежа в рассмотренных выше именных образованиях, да и вообще была относительно редка на стыке морфем. Однако в определенных случаях эта фонема получала функциональную нагрузку, оказываясь в таких противопоставлениях иным гласным фонемам, которые различали звуковые оболочки форм слов. Правда, надо сказать, что так же, как и в I системе (рассмотренной выше), противопоставление [ǣ] на стыке морфем другим гласным фонемам оказывалось несколько иным, чем противопоставление других гласных: фонема [ǣ] в положении после мягких шипящих и сонорных на стыке морфем оказывалась противопоставленной прежде всего [и] и [у], что было связано с различием формы именительного падежа единственного числа краткого действительного причастия с формами 2—3-го лица единственного числа повелительного наклонения и 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов III и IV классов. При этом различие

ние данных форм, обусловленное противопоставлением указанных гласных фонем, наблюдалось в тех глаголах III класса, которые характеризовались чередованием твердых и мягких согласных в основе, и в глаголах IV класса — с основой на шипящий согласный. По данным «Материалов...» И. И. Срезневского, в древнерусском языке было около 300 глаголов III и IV классов (учитывая и приставочные образования) подобного типа. Можно думать поэтому, что в пределах образования и различения определенных форм этих глаголов функциональная нагрузка противопоставлений [ǣ] фонемам [i] и [y] была выражена вполне отчетливо.

Кроме того, в редких случаях [ǣ] на стыке морфем противопоставлялась [ь], осуществляя различение причастных и именных форм (типа *плачѣ* — *плачь*, *каплѣ* — *каплъ*). Наконец, в рассматриваемой позиции [ǣ] противопоставлялась [a] и различала причастные формы от однокорневых имен существительных. Сюда относились такие противопоставления, как *жажѣ* (от *жадати*) — *жажа*, *доушѣ* — *доуша*, *каплѣ* — *капла*, *лѣжѣ* (от *лѣгати*) — *лѣжа* — «ложь», *дѣждѣ* — *дѣждѣа* (от *дѣждь*), *кльщѣ* (от *кльщити* — «принуждать») — *кльща* — «клещи», *лѣжѣ* (от *ложити*) — *лѣжа* (от *лѣже*), *лоучѣ* (от *лоучити* — «встречать») — *лоуча* (от *лоучь*), *мочѣ* — *моча* — «дождь», *плачѣ* — *плача* (от *плачь*).

Таким образом, фонема [ǣ] в определенном отношении входила в систему противопоставлений гласных фонем древнерусского языка и имела функциональную нагрузку. Однако ее положение отличалось от положения иных гласных фонем прежде всего тем, что при противопоставлении ее другим фонемам осуществлялось различение форм слов, имеющих различную морфологическую характеристику. Это не могло не ослаблять функциональной нагрузки оппозиций [ǣ] по сравнению с нагрузкой оппозиций иных фонем в рассматриваемом положении.

V система — система после мягких свистящих [с'], [з'] и аффрикаты [ц'] на стыке морфем — также имела ряд своеобразных черт. Прежде всего эта система в наиболее полном и развернутом виде выступала после [ц'] в падежных формах имен существительных женского рода на -ца (типа *овьца*), мужского рода на -ць (типа *отць*, *мѣсць*, *затць*), среднего рода на -це (типа *лице*). В этих формах обнаруживается фонологическое противопоставление гласных, служащее для

различения звуковых оболочек форм. Так, в формах слов женского рода на *-ца* осуществлялось противопоставление всех шести гласных фонем — [a], [и], [ь], [ѣ], [y], [e]; в формах слов мужского рода на *-ць* — противопоставление фонем [ь], [a], [y], [и] и [ѣ]; в формах слов среднего рода на *-це* — противопоставление фонем [e], [a], [y], [ь], [и]. Эти категории имен существительных, таким образом, определяли основное поле форм, в которых данная система выступала в наиболее полном ее виде.

Что касается противопоставления гласных фонем после [с'] и [з'] на стыке морфем, то здесь прежде всего надо учесть то обстоятельство, что имен, основа которых оканчивалась на эти согласные, было очень мало. К ним относились заимствованные существительные *кѣнѣзь*, *пѣнѣзь*, *оуспѣзь*, а также слова *стѣзя* и, возможно, *польза*, если последнее сохраняло в конце X — начале XI в. [з']. Мягкое [с'] в основе имело местоимение *въсь* (*въся*, *въсе*). В падежных формах местоимения мужского рода *въсь* осуществлялось фонологическое противопоставление фонем [ь], [и] и [ѣ] (*въсь* — *въси* — *въсть*); в падежных формах местоимения среднего рода *въсе* — противопоставление [e] и [a] (*въсе* — *въся*); в падежных формах местоимения женского рода *въся* — противопоставление [a], [y] и [ѣ] (*въся* — *въсю* — *въсть*). В то же время здесь могло осуществляться и иное противопоставление: в женском роде — [ѣ], [и], [y] (*въсеть* — *въсеи* — *въсею*), в мужском, женском и среднем родах — [ь] и [и] (*въсьмѣ* — *въсьми*). Таким образом, в этих формах противопоставление гласных фонем было очень незначительным в том смысле, что здесь участвовали не все гласные фонемы данной системы. Однако в то же время функциональную нагрузку этих противопоставлений, конечно, отрицать нельзя.

В падежных же формах имен существительных, основа которых оканчивалась на [з'], противопоставление гласных фонем было таким же, что и противопоставление их в формах существительных с основой на [ц']. Однако единичность этих слов ограничивала, без сомнения, проявление системы гласных фонем в позиции после [з'] на стыке морфем.

Наконец, надо иметь в виду и еще одну, достаточно обширную группу форм древнерусского языка, в которых можно обнаружить фонологическое противопоставление гласных фонем после [ц'], [з'], [с']. Эта группа фактов свя-

зана с формами имен, имеющих основу на заднеязычный. Как известно, в именах мужского рода с такой основой в ряде падежных форм перед гласными [и] и [ѣ] (в именах женского рода и среднего рода свистящий выступал только перед [ѣ]) употреблялись мягкие свистящие, что приводило к фонологическому противопоставлению этих гласных в данных формах. Конечно, здесь трудно говорить о системе противопоставленных фонем, однако учитывать это при определении функциональной нагрузки противопоставленности гласных необходимо.

Проблема дифференциальных признаков гласных фонем

1 Противопоставленность гласных фонем в различных фонетических условиях определялась их различием по конститутивным признакам, присущим данным фонемам. При этом одни конститутивные признаки при противопоставлении фонем выступали как дифференциальные, а другие — как недифференциальные. Исходя из общетеоретических положений о дифференциальных признаках фонем, следует рассмотреть эту проблему применительно к гласным древнерусского языка конца X — начала XI в.

Древнерусские гласные характеризовались тремя конститутивными признаками: степенью подъема языка, наличием или отсутствием лабиализации и передней-непередней зоной образования. Кроме того, в качестве конститутивного признака могла выступать количественная характеристика (сверхкраткий — краткий — долгий). В связи с тем что все эти конститутивные признаки являлись релевантными, они могут быть определены и как дифференциальные.

Таким образом, в древнерусском языке в качестве дифференциальных признаков гласных фонем выступали прежде всего противоположения:

- 1) по степени подъема языка: нижняя — средняя — средне-верхняя — верхняя,
- 2) по передней или непередней зоне образования,
- 3) по наличию или отсутствию лабиализации.

Что касается признака количества, то здесь положение оказывается более сложным. Три конститутивных и дифференциальных признака, названные ранее, характеризовали

все гласные фонемы; каждой из них была присуща различная их комбинация, в зависимости от чего фонемы по-разному противопоставлялись друг другу. Признак же количества выступал как е д и н с т в ё н н ы й дифференциальный признак только в двух случаях — в противопоставлении фонемы [ь] фонеме [е] и фонемы [ъ] фонеме [о]; во всех иных противопоставлениях количественные фонетические различия гласных фонем оказывались такими признаками, которые не противопоставляли в качестве единственных одну фонологическую единицу другой, ибо выступали в ряду с основными дифференциальными признаками.

Однако при этом важно обратить внимание на следующий факт. Признак сверхкраткости у [ь] и [ъ] вполне достаточен, чтобы идентифицировать ту и другую фонему среди других фонем передней и непредней зоны образования, но совершенно недостаточен для противопоставления каждой из них другой фонеме данной зоны. Иначе говоря, можно, например, определить фонему [ь] как фонему передней зоны сверхкраткую, не учитывая ни степени подъема, ни отсутствия лабиализации, но невозможно определить противопоставление [ь] — [и] как противопоставление по сверхкраткости — краткости, так как это противопоставление окажется действительным и для [ь] — [ѐ], и для [ь] — [ā]. Точно так же обстоит дело и с идентификацией фонемы [ъ], с одной стороны, и с противопоставлением ее другим лабиализованным фонемам непредней зоны. В связи с этим возникает сложность в проблеме трактовки сверхкраткости как дифференциального признака в системе древнерусских гласных. К этому вопросу мы вернемся ниже, подчеркнув сейчас лишь то, что сверхкраткость могла быть единственным признаком, отличавшим две фонемы друг от друга.

В качестве дифференциального признака гласных древнерусского языка иногда выдвигается признак напряженности — ненапряженности, причем в этом случае в виду имеется противоположение [ѐ] как напряженной гласной всем остальным фонемам как ненапряженным. Однако фонема [ѐ] отличалась от других фонем не только и не столько напряженностью, сколько одним, двумя или тремя основными дифференциальными признаками. Некоторые лингвисты полагают, что напряженность выступала как единственный дифференциальный признак в противопоставлении [ѐ] — [е], однако даже здесь признание напряженности-ненапряженности дифференциальным признаком может

быть решено положительно лишь при определенных условиях.

Дело заключается в том, что [ě] противопоставлялась [e] не только как напряженная гласная ненапряженной, но еще и как закрытая — открытой, ибо «отсутствие напряженности приводит, видимо, к большей степени открытости»¹. Следовательно, напряженность фонемы [ě] сочеталась с ее закрытостью в отличие от ненапряженной [e], являющейся одновременно открытой гласной. Таким образом, напряженность-ненапряженность не была единственным признаком, отличающим одну фонему от другой. А. Мартине писал: «В действительности различия по напряженности чаще всего сочетаются с количественными различиями и в этих условиях эффективно способствуют сохранению фонологических противопоставлений»². Если учесть, что, как уже говорилось, [ě] в древнерусском языке, вероятно, действительно, являлась более долгой гласной, чем все остальные, в том числе и [e], то можно признать справедливым это положение А. Мартине.

Таким образом, [ě] должна быть определена как фонема, обладающая признаками напряженности, закрытости, долготы и средне-верхнего подъема, в то время как [e] была ненапряженной, открытой, краткой фонемой среднего подъема. Иначе говоря, оказывается, что эти фонемы имеют не одну, а четыре различные характеристики и вопрос о том, что здесь считать дифференциальным признаком, становится чрезвычайно сложным. Этот вопрос, как представляется, возможно решить лишь в том случае, если считать, что признаки [ě] были неравнозначны по своему характеру и неравноценны, что среди них есть такой, наличие которого определяет наличие других. Этим признаком можно было бы считать напряженность, которая обуславливает и средне-верхний подъем, и закрытость этой гласной. Долгота же [ě] сочетается с напряженностью, но не обуславливается ею. Однако если для идентификации [ě] в системе гласных фонем признак напряженности вполне достаточен, то для противопоставления этой фонемы любой другой конкретной фонеме передней зоны он оказывается недостаточным. Так, например, достаточно определить [ě] как фонему передней зоны напряженную (или как закрытую,

¹ А. Мартине, Принцип экономии..., стр. 166.

² Там же.

или как долгую), чтобы установить ее место в системе гласных фонем. Однако недостаточно определить противопоставление [ě] — [e] как противопоставление по напряженности-ненапряженности, так как это противопоставление окажется действительным и для остальных фонем передней зоны. В то же время не только для идентификации, но и для противопоставления [ě] другим фонемам оказывается достаточным один признак степени подъема языка, ибо в этом случае [ě] как фонема средне-верхнего подъема оказывается противопоставленной всем остальным гласным фонемам передней зоны. Таким образом, именно признак степени подъема языка выступает в древнерусскую эпоху в качестве дифференциального, тогда как признак напряженности оказывается избыточным.

Итак, различия гласных по количеству и по наличию-отсутствию напряженности не находятся в равном положении с различиями по степени подъема языка, по передней-непередней зоне образования и по наличию-отсутствию лабиализации. Нельзя отрицать, что количественные различия и различия по напряженности могли характеризовать гласные фонемы древнерусского языка, однако нельзя и не видеть особого положения двух этих признаков.

2 Вернемся к проблеме трактовки сверхкраткости как дифференциального признака в системе гласных древнерусского языка.

Итак, в средней зоне по степени подъема языка существовали две фонемы, которые отличались от всех других фонем не только одним, двумя или тремя теми конститутивными признаками, которые характеризовали любую гласную фонему, но и таким признаком, как сверхкраткость. Этими фонемами были так называемые редуцированные [ь] и [ѣ]. Если охарактеризовать отношения между фонемой [ь] и всеми остальными, кроме [e], и отношения между фонемой [ѣ] и всеми остальными, кроме [o], то можно установить, что [ь] и [ѣ] противопоставлялись этим фонемам по основным конститутивным признакам, и потому признак сверхкраткости у них кажется избыточным, как и долгота [ě]. Следовательно, казалось бы, этот признак не должен входить в число дифференциальных. Однако нетрудно установить, что степень подъема языка, отношение к лаби-

лизации и характер зоны образования были одинаковы, с одной стороны, у [ь] и [e], а с другой — у [ъ] и [o]. Если считать, что [ь] и [e], так же как [ъ] и [o], обладают общим набором конститутивных признаков, то каждая эта пара должна быть признана за одну фонему. Но это сделать невозможно, так как [ь] и [e], а также [ъ] и [o] различаются конститутивным признаком сверхкраткости, который выступает здесь в качестве дифференциального. Следовательно, для того чтобы идентифицировать фонемы [e] и [o] в системе гласных, достаточно трех их признаков, а для того чтобы определенно противопоставить [ь] и [ъ] другим фонемам, этих трех признаков оказывается недостаточно: к ним должен быть прибавлен признак сверхкраткости.

В связи с тем что в противопоставлениях [ь] — [e] и [ъ] — [o] признак сверхкраткости оказывался релевантным, его надо считать дифференциальным в системе гласных древнерусского языка наряду с другими дифференциальными признаками. Однако признак сверхкраткости оказался изолированным в системе противопоставлений гласных фонем, так как количественная сторона не выступала в качестве дифференциального признака в противоположениях гласных полного образования, противопоставлявшихся по иным признакам. Следовательно, признак сверхкраткости являлся слабым звеном в системе дифференциальных признаков древнерусских гласных и, вероятно, был обречен на утрату. Но эта утрата означала одновременно потерю двух самостоятельных фонем древнерусского языка.

Однако этот вопрос — вопрос об утрате в языке самостоятельных фонем — не может, как видно, быть решен только на основании установления неустойчивости дифференциальных признаков данных фонем. Он должен быть поставлен в связь, во-первых, с общим положением этих фонем в системе оппозиций, характерных для изучаемого языка, а во-вторых, со степенью их функциональной нагрузки. Последнее означает, что проблема утраты [ь] и [ъ] как самостоятельных фонем связана с решением вопроса о том, насколько их противопоставление другим фонемам, и прежде всего [e] и [o], играло различительную роль в древнерусском языке, было ли это противопоставление таким, что с его помощью различались многие слова и формы, или оно осуществлялось лишь на уровне модели. Если различительная роль противопоставления [ь] и [ъ] иным фонемам была достаточно значительной, то утрата этих фонем

должна была испытывать сопротивление системы; если, наоборот, эта роль была небольшой, утрата данных фонем могла осуществиться легче. Вопрос о функциональной нагрузке [ь] и [ѣ] в древнерусском языке в настоящее время остается неясным и требует изучения (в определенной степени он найдет свое разрешение в дальнейшем изложении). Пока что можно выдвинуть лишь предположение, что утрата [ь] и [ѣ] в качестве самостоятельных фонем была связана как с тем обстоятельством, что эти две фонемы оказались изолированными в системе гласных древнерусского языка в силу наличия у них неустойчивого признака сверхкраткости, так и с тем обстоятельством, что утрата их не вызвала возникновения широкой омонимичности, что было обусловлено, вероятно, малой функциональной нагрузкой противопоставлений этих фонем.

Слабым, неустойчивым звеном в системе дифференциальных признаков оказалась и средне-верхняя зона по степени подъема языка. Утверждая это, следует принять во внимание некоторые обстоятельства.

В фонологической системе древнерусского языка положение [ѣ] оказалось особым. Прежде всего, как уже известно, только этой одной фонеме был присущ признак напряженности, который не только не являлся дифференциальным, но и вообще не характеризовал какую-либо другую гласную фонему.

Эта фонема характеризовалась, далее, также закрытостью и долготой, т. е. такими признаками, которые тоже не были дифференциальными в системе гласных фонем древнерусского языка.

Таким образом, все эти признаки [ѣ] не могли оказаться устойчивыми, не будучи поддержаны общей системой фонологических противопоставлений в области древнерусских гласных.

Дифференциальным признаком, противопоставляющим [ѣ] иным фонемам, являлась степень подъема языка. Однако, несмотря на то, что по признаку средне-верхней зоны подъема при образовании [ѣ] данная фонема входила в общую систему противопоставленности гласных древнерусского языка, ее положение в системе все же оказывалось неустойчивым, так как средне-верхний подъем был обусловлен напряженностью и закрытостью артикуляции, а последние не представляли собой таких признаков, которые характеризовали изучаемую фонологическую систему.

3 Возвращаясь вновь к системе гласных фонем, следует, обобщая сказанное выше, отметить, что эта система не была устойчивой и симметричной. При том, что все эти гласные фонемы характеризовались основными конститутивными признаками, некоторые из них имели еще и такие признаки, которые были изолированы в общей системе противопоставлений. Эти последние фонемы были сосредоточены в пределах гласных неверхнего и ненижнего подъема. Если признать, что напряженность и закрытость [ě] вызвали переход этой гласной в зону средне-верхнего подъема, то можно говорить о том, что неустойчивым звеном системы гласных древнерусского языка была зона среднего подъема.

Устойчивыми конститутивными и притом релевантными признаками были различия по трем степеням подъема, по наличию или отсутствию лабиализации и по передней или непередней зоне образования. Однако и здесь в системе языка были свои особенности. Во-первых, в связи с тем, что три степени подъема — верхняя, средняя и нижняя — охватывали все гласные фонемы, кроме [ě], эта последняя фонема, утрачивая свои особые признаки, должна была изменить степень подъема. В этом случае фонема [ě] могла перейти в зону среднего подъема и совпасть с [e] или в зону верхнего подъема и совпасть с [и]. И тот и другой путь был возможен для [ě], и выбор одного из них, как видно, зависел от общего характера фонологической системы того диалекта, который переживал утрату [ě] как особой фонемы.

Во-вторых, конститутивный признак лабиализованности-нелабиализованности не был релевантным для гласных нижнего подъема, но являлся дифференциальным в области среднего и верхнего подъемов. При этом, определяя гласные неустойчивой зоны, сам этот признак оказался устойчивым: при изменении гласных передней зоны, нелабиализованных не происходило приобретения ими лабиализации, и точно так же при изменении гласных непередней зоны лабиализованных не происходило потери их лабиализации.

Наконец, конститутивный дифференциальный признак «передняя-непередняя зона образования» тоже находился не всегда в равном положении. В целом вся система гласных пронизывалась этим противопоставлением, однако в одних случаях гласные передней и непередней зоны противопоставлялись одновременно и каким-либо другим дифференциальным признаком (ср. [и] — [y], [e] — [o]), а в иных это про-

тивопоставление осуществлялось только по одному указанному признаку. Так противопоставлялись фонемы [и] — [ы] и [ā] — [a]. Эти противопоставления потенциально могли иметь различную судьбу, что зависело от развития категории твердости-мягкости согласных: при слабом ее развитии они могли сохранить свою актуальность, т. е. гласные продолжали бы выступать как самостоятельные фонемы; при сильном же развитии противопоставленности твердых-мягких передняя или непредняя зона образования гласных должна была стать фактом, зависимым от качества предшествующего согласного. Как известно, русский язык развил вторую тенденцию¹. И поэтому данное противопоставление также следует считать слабым звеном в системе гласных древнерусского языка.

Оппозиции гласных фонем и их функциональная нагрузка

1 Для того чтобы установить связи и отношения фонологических единиц внутри системы гласных фонем древнерусского языка, необходимо определить характер оппозиций этих фонем. Напомним еще раз, что, определяя дифференциальные признаки, по которым та или иная фонема древнерусского языка отличалась от другой фонемы этого языка, мы понимаем под дифференциальным признаком такой конститутивный признак фонемы, который выполняет различительную роль и является релевантным. Как известно, данный признак данного звука может приобрести различительную функцию, если он является членом фонологической оппозиции. Н. С. Трубецкой определял фонологическую оппозицию, как «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения»². При этом оппозиция «предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции»³. Если вслед за Н. С. Трубецким ввести понятия одномерных и многомерных, гомогенных (однородных) и гетерогенных (неоднородных), пропорцио-

¹ См.: R. Jakobson, *Remarques...*, стр. 60—61.

² Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 41.

³ Там же, стр. 75.

■льных и изолированных, привативных, градуальных и эквивалентных оппозиций, то можно установить характер фонологических оппозиций гласных в древнерусском языке.

Таким образом, для того чтобы представить систему гласных фонем древнерусского языка во всех связях и отношениях элементов этой системы, важно установить дифференциальные признаки, по которым противопоставлялись отдельные фонемы друг другу, причем за общее основание для сравнения должно быть принято уже не то обстоятельство, что все эти фонемы относятся к гласным, а те признаки, которые объединяют различные фонемы внутри общей группы гласных.

2 Прежде всего следует установить такие оппозиции гласных, которые определяются как одномерные и пропорциональные, так как фонемы, находящиеся в такой оппозиции, наиболее отчетливо противоплагаются друг другу, ибо у них есть лишь один дифференциальный признак (в дальнейшем — ДП) при всех остальных общих признаках. Как известно, о д н о м е р н о й является оппозиция, в которой оба члена обладают такой совокупностью общих признаков, которая присуща только этим двум членам и не присуща никаким другим или никакому другому члену той же системы¹. П р о п о р ц и о н а л ь н о й же оппозицией является та оппозиция, которая определяется тем, что «отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции»². В одномерных оппозициях в древнерусском языке находились следующие фонемы:

- [и] — [ы] — при общем основании «верхний подъем и отсутствие лабиализации» — один ДП передняя или непередняя зона образования. Совокупность общих признаков не повторяется ни в одной из других оппозиций. ДП — единственный и легко выделяемый;
- [ā] — [a] — при общем основании «нижний подъем и отсутствие лабиализации» — один ДП передняя или непередняя зона образования.

¹ См.: Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 75.

² Т а м ж е, стр. 78.

Здесь также совокупность общих признаков не повторяется ни в одной из других оппозиций, а единственный ДП легко выделяется.

Эти оппозиции являются не только одномерными, но и пропорциональными, так как отношения между членами одной оппозиции тождественны отношениям между членами второй оппозиции:

$$[и] — [ы] = [\ddot{а}] — [а].$$

Вместе с тем эти оппозиции являются э к в и п о л е н т н ы м и, т. е. такими, в которых оба члена логически равноправны, т. е. «не являются ни двумя ступенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака»¹.

Одномерными оппозициями гласных древнерусского языка являлись также следующие оппозиции:

[ь] — [е] — при общем основании «передняя зона образования, средний подъем и отсутствие лабиализации» — один ДП сверхкраткость — нормальная краткость;

[ѣ] — [о] — при общем основании «непередняя зона образования, средний подъем и наличие лабиализации» — один ДП сверхкраткость — нормальная краткость.

И эти оппозиции могут считаться пропорциональными, а вместе с тем и п р и в а т и в н ы м и, т. е. такими, в которых один член (маркированный) характеризуется наличием данного признака, а другой (немаркированный) — его отсутствием². Если учесть, что в фонологическом отношении именно признак сверхкраткости мог выступать в качестве дифференциального, тогда как нормальная краткость только в противопоставлении сверхкратким становилась дифференциальным признаком, то можно считать маркированными членами этих двух оппозиций [ь] и [ѣ], а немаркированными — [е] и [о].

Изолированной одномерной оппозицией с общим основанием «непередняя зона образования и верхний подъем» являлась оппозиция [ы] — [у], где в качестве ДП выступало

¹ Н. С. Трубейкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 83.

² Там же, стр. 82—83.

отсутствие — наличие лабиализации. И эту оппозицию можно оценить как привативную с маркированным членом [y] и немаркированным [ы].

К одномерным оппозициям гласных фонем, далее, надо отнести еще три их противоположения, в которых отношения между членами оказываются несколько сложнее. Речь идет о следующих оппозициях:

- [и] — [y] — при общем основании «верхний подъем» — два ДП: передняя — передняя зона образования и отсутствие — наличие лабиализации;
- [ь] — [ъ] — при общем основании «средний подъем и сверхкраткость» — те же два ДП.
- [е] — [о] — при общем основании «средний подъем» — те же два ДП.

Эти три оппозиции находятся в пропорциональных и привативных отношениях, причем маркированными являются лабиализованные, а немаркированными нелабиализованные члены оппозиций.

Одномерной оппозицией с общим основанием «передняя зона образования и отсутствие лабиализации» являлась еще оппозиция [ы] — [а], где в качестве ДП выступала верхняя — нижняя степень подъема. Надо сказать, что эта оппозиция оказывалась в пропорциональных отношениях с оппозицией [и] — [ä], которая относилась не к одномерным, а к многомерным оппозициям древнерусского языка, однако отношения между членами оппозиций [ы] — [а] и [и] — [ä] были тождественными (об оппозиции [и] — [ä] см. подробнее ниже). Вместе с тем оппозиция [ы] — [а] должна быть расценена как *г р а д у а л ь н а я*, т. е. такая, члены которой «характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака»¹: в данном случае члены оппозиции характеризуются различной степенью подъема языка.

Наконец, как представляется, одномерными следует считать еще оппозиции:

- [y] — [о] — с общим основанием «передняя зона образования, наличие лабиализации и фонологи-

¹ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 83.

чески равное количество» и ДП верхняя — средняя степень подъема языка;
 [y] — [ɤ] — с общим основанием «непередняя зона образования и наличие лабиализации» и ДП верхняя — средняя степень подъема языка и нормальная краткость — сверхкраткость.

Обе эти оппозиции, точно так же как оппозиция [ы] — [a], вступали в пропорциональные отношения с двумя соответствующими многомерными оппозициями, а именно: оппозиция [y] — [o] с оппозицией [и] — [e], оппозиция [y] — [ɤ] с оппозицией [и] — [ɤ], т. е. [y] — [o] = [и] — [e], [y] — [ɤ] = [и] — [ɤ] (об оппозициях [и] — [e] и [и] — [ɤ] см. подробнее ниже). Если оппозицию [y] — [o] можно расценить как градуальную, то оппозиция [y] — [ɤ] представляется эквиполентной.

3 Все остальные оппозиции гласных фонем были многомерными, т. е. такими, в которых совокупность общих признаков у членов оппозиций присуща не только одной паре фонем, но и оппозициям других членов данной системы¹.

В такой многомерной оппозиции с общим основанием «передняя зона образования, отсутствие лабиализации и фонологически равное количество» выступали в древнерусском языке следующие пары гласных фонем:

[и] — [ě]	ДП верхний — средне-верхний подъем языка;
[и] — [e]	ДП верхний — средний подъем языка;
[и] — [ä]	ДП верхний — нижний подъем языка;
[e] — [ě]	ДП средний — средне-верхний подъем языка;
[e] — [ä]	ДП средний — нижний подъем языка;
[ě] — [ä]	ДП средне-верхний — нижний подъем языка.

В многомерной оппозиции с общим основанием «передняя зона образования и отсутствие лабиализации» выступали три пары гласных фонем:

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 75.

- [и] — [ь] ДП верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость;
- [ä] — [ь] ДП нижний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость;
- [ë] — [ь] ДП средне-верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость.

В многомерной оппозиции с общим основанием «отсутствие лабиализации и фонологически равное количество» выступали фонемы:

- [ë] — [ы] ДП передняя — непередняя зона образования и средне-верхний — верхний подъем языка;
- [ë] — [a] ДП передняя — непередняя зона образования и средне-верхний — нижний подъем языка;
- [e] — [ы] ДП передняя — непередняя зона образования и средний — верхний подъем языка;
- [e] — [a] ДП передняя — непередняя зона образования и средний — нижний подъем языка;
- [ä] — [ы] ДП передняя — непередняя зона образования и нижний — верхний подъем языка;
- [и] — [a] ДП передняя — непередняя зона образования и верхний — нижний подъем языка.

В многомерной оппозиции с общим основанием «отсутствие лабиализации» выступали две пары фонем:

- [ь] — [ы] ДП передняя — непередняя зона образования, средний — верхний подъем языка и сверхкраткость — нормальная краткость;
- [ь] — [a] ДП передняя — непередняя зона образования, средний — нижний подъем языка и сверхкраткость — нормальная краткость.

С общим основанием «непередняя зона образования и фонологически равное количество» в многомерные оппозиции вступали следующие пары фонем:

- [ы] — [o] ДП отсутствие — наличие лабиализации и верхний — средний подъем;
- [a] — [y] ДП отсутствие — наличие лабиализации и нижний — верхний подъем;
- [a] — [o] ДП отсутствие — наличие лабиализации и нижний — средний подъем.

Две пары фонем образовывали многомерную оппозицию с общим основанием «непередняя зона образования»:

- [ы] — [ъ] ДП отсутствие — наличие лабиализации, верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость;
[а] — [ъ] ДП отсутствие — наличие лабиализации, нижний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость.

Еще две пары фонем образовывали многомерную оппозицию с общим основанием «средний подъем языка»:

- [ь] — [о] ДП передняя — непередняя зона образования, отсутствие — наличие лабиализации, сверхкраткость — нормальная краткость;
[ъ] — [е] ДП непередняя — передняя зона образования, наличие — отсутствие лабиализации, сверхкраткость — нормальная краткость.

Наконец, несколько пар фонем вступали в оппозиции, имея общим основанием лишь то, что все они относились к гласным, причем в одних случаях это были гласные равного фонологического количества, в других — один из членов оппозиции был сверхкратким. К первой группе оппозиций этого типа относились противоположения:

- [и] — [о] ДП передняя — непередняя зона образования, верхний — средний подъем и отсутствие — наличие лабиализации;
[y] — [ě] ДП непередняя — передняя зона образования, верхний — средне-верхний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[y] — [е] ДП непередняя — передняя зона образования, верхний — средний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[y] — [ä] ДП непередняя — передняя зона образования, верхний — нижний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[ě] — [о] ДП передняя — непередняя зона образования, средне-верхний — средний подъем и отсутствие — наличие лабиализации;

[ā] — [o] ДП передняя — непредняя зона образования, нижний — средний подъем и отсутствие — наличие лабиализации.

Ко второй группе оппозиций этого типа относились противоположения:

[i] — [ɨ] ДП передняя — непредняя зона образования, верхний — средний подъем, отсутствие — наличие лабиализации и нормальная краткость — сверхкраткость;

[y] — [ɥ] ДП непредняя — передняя зона образования, верхний — средний подъем, наличие — отсутствие лабиализации и нормальная краткость — сверхкраткость;

[ɛ] — [ɨ] ДП передняя — непредняя зона образования, средне-верхний — средний подъем, отсутствие — наличие лабиализации и нормальная краткость — сверхкраткость;

[ā] — [ɨ] ДП передняя — непредняя зона образования, нижний — средний подъем, отсутствие — наличие лабиализации и нормальная краткость — сверхкраткость.

Если рассмотреть многомерные оппозиции, то можно обнаружить, что в большинстве своем они являются изолированными, т. е. дифференциальные признаки, противопоставляющие члены одной оппозиции, не совпадают с дифференциальными признаками, противопоставляющими члены другой или других оппозиций. Точнее, набор дифференциальных признаков каждой оппозиции не равен набору дифференциальных признаков какой-либо иной из многомерных оппозиций. Вместе с тем в системе гласных древнерусского языка, как это уже отмечалось выше, можно установить наличие пропорциональных отношений между членами некоторых многомерных оппозиций с членами одномерных оппозиций. Такие пропорциональные отношения обнаруживаются у следующих оппозиций:

у многомерной оппозиции [и] — [ā] с одномерной [и] — [a];

у многомерной оппозиции [и] — [ɥ] с одномерной [y] — [ɨ];

у многомерной оппозиции [и] — [e] с одномерной [ɨ] — [o].

Таким образом, $[и] - [\text{ä}] = [ы] - [а];$
 $[и] - [ь] = [у] - [\text{ъ}];$
 $[и] - [е] = [у] - [о].$

Особо следует сказать о том, что в некоторых из многомерных оппозиций набор дифференциальных признаков между их членами оказывается одинаковым, и поэтому, казалось бы, такие оппозиции могут быть расценены как пропорциональные; однако на самом деле такие отношения здесь установлены быть не могут, ибо при одинаковом наборе распределение дифференциальных признаков между членами оппозиций оказывается прямо противоположным. Речь идет об оппозициях $[\text{ä}] - [ы]$ и $[и] - [а]$, $[ь] - [о]$ и $[\text{ъ}] - [е]$, $[и] - [о]$ и $[у] - [е]$, $[и] - [\text{ъ}]$ и $[у] - [ь]$. В самом деле, если рассмотреть, скажем, оппозиции $[\text{ä}] - [ы]$ и $[и] - [а]$, то можно установить, что в качестве дифференциальных признаков в обеих этих оппозициях выступают передняя-непередняя зона образования и нижний-верхний подъем языка. Однако если в паре $[\text{ä}] - [ы]$ передняя зона связана с нижним подъемом, а непередняя — с верхним, то в паре $[и] - [а]$ отношения оказываются обратными. Точно так же, если в паре $[ь] - [о]$ наличие признака сверхкраткости связано с передней зоной, то в паре $[\text{ъ}] - [е]$ — с непередней. В силу этого следует признать все перечисленные здесь оппозиции изолированными, а не пропорциональными.

Вне всяких сомнений, все остальные многомерные оппозиции являлись также изолированными.

С точки зрения внутренних отношений между членами многомерных оппозиций только некоторые из них могут быть расценены однозначно. Так, только как эквиолентные могут быть охарактеризованы все оппозиции с общим основанием «гласность», ибо противоположения членов этих оппозиций таковы, что в них нельзя обнаружить отношения наличия или отсутствия какого-либо признака или различной степени проявления какого-либо признака. Точно так же только как градуальные могут быть расценены оппозиции $[и] - [\text{ě}]$, $[и] - [е]$, $[и] - [\text{ä}]$, $[е] - [\text{ě}]$, $[е] - [\text{ä}]$, $[\text{ě}] - [\text{ä}]$, в которых члены оппозиций противопоставлялись по различной степени подъема языка. В этом случае $[и]$ и $[\text{ä}]$ рассматриваются как крайние члены градуальной оппозиции, а $[е]$ и $[\text{ě}]$ — как ее средние члены. Все же остальные оппозиции не могут получить подобной однозначной харак-

теристики. Так, оппозиции [и] — [ь], [ā] — [ь], [ĕ] — [ь] могут быть охарактеризованы как градуальные по признаку различной степени подъема языка, но они могут быть признаны и привативными, если их член [ь] считать маркированным (по признаку сверхкраткости), а [и], [ā] и [ĕ] — немаркированными. Точно так же или градуальными, или привативными должны быть признаны оппозиции [ы] — [о], [а] — [у], [а] — [о], где отношения между членами оппозиций такие же, что и в предыдущем случае.

Еще более сложными представляются отношения между членами тех оппозиций, где в качестве одного из дифференциальных признаков выступала зона образования гласного. Как представляется, все эти оппозиции надо признать эквивалентными: если учесть, что зона образования в древнерусском языке была конститутивным признаком каждой гласной фонемы, то противоположение фонем по этому признаку не может быть признано за привативное или градуальное. Хотя вместе с тем следует все же иметь в виду и сложность отношений между членами подобных оппозиций, а отсюда — возможность и иной их трактовки.

4 Таким образом, фонологическая система гласных древнерусского языка покоилась на сложных противопоставлениях и связях членов этой системы. При этом рассматриваемая система определяется тем фактом, что из общего числа оппозиций — 45 — одномерными были только 11, т. е. в подавляющем большинстве случаев общее основание у каких-либо двух фонем повторялось и у ряда других противопоставленных друг другу фонем, что приводило к достаточно устойчивым отношениям внутри системы. И в то же время внутри одномерных и многомерных оппозиций количество пропорциональных и изолированных противопоставлений было неодинаковым: внутри одномерных только одна была изолированной, а все остальные — пропорциональными; внутри же многомерных в пропорциональные отношения вступали только три оппозиции (к тому же эти пропорциональные отношения возникали лишь с одномерными оппозициями), тогда как 31 оппозиция была изолированной. Таким образом, можно считать вполне справедливым высказанное Н. С. Трубецким положение о том, что в языке «наибольшую группу образуют изолированные мно-

гомерные оппозиции, наименьшую — изолированные одномерные»¹.

Вместе с тем многомерные оппозиции в древнерусском языке могли быть как гомогенными, так и гетерогенными. По определению Н. С. Трубецкого, гомогенными являются «такие многомерные оппозиции, члены которых могут быть представлены в качестве крайних точек «цепочек» из одномерных оппозиций»².

Таковыми оппозициями среди многомерных в древнерусском языке являлись следующие:

[и] — [е] (ср. «цепочку» из одномерных оппозиций: [и] — [y]/[y] — [o]/[o] — [e], или [и] — [y]/[y] — [ѣ]/[ѣ] — [ь]/[ь] — [e], или [и] — [y]/[y] — [ѣ]/[ѣ] — [o]/[o] — [e]);

[и] — [ä] (ср. [и] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ä], или [и] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ä]);

[е] — [ä] (ср. [е] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ä], или [е] — [ѣ]/[ѣ] — [ѣ]/[ѣ] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ä], или [е] — [ы]/[ы] — [ѣ]/[ѣ] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ä]);

[и] — [ѣ] (ср. [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ѣ]/[ѣ] — [ь], или [и] — [y]/[y] — [ѣ]/[ѣ] — [ь], или [и] — [y]/[y] — [o]/[o] — [e]/[e] — [ѣ], или [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [e]/[e] — [ь], или [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [ѣ]/[ѣ] — [ь]);

[ä] — [ѣ] (ср. [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ѣ]/[ѣ] — [ь], или [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [ѣ]/[ѣ] — [ь]);

[е] — [ы] (ср. [е] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы], или [е] — [o]/[o] — [ѣ]/[ѣ] — [y]/[y] — [ы], или [е] — [ѣ]/[ѣ] — [ѣ]/[ѣ] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы], или [е] — [ы]/[ы] — [ѣ]/[ѣ] — [y]/[y] — [ы]);

[е] — [a] (ср. [е] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a], или [е] — [ы]/[ы] — [ѣ]/[ѣ] — [o]/[o] — [y]/[y] —

¹ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 78.

² Там же, стр. 76—77. Правда, Трубецкой говорил лишь о пропорциональных многомерных оппозициях, однако, как представляется, положение о гомогенности и гетерогенности возможно отнести и к изолированным многомерным оппозициям.

- [ы]/[ы] — [а], или [е] — [о]/[о] — [ъ]/[ъ] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а]);
- [ä] — [ы] (ср. [ä] — [а]/[а] — [ы]);
- [и] — [а] (ср. [и] — [ы]/[ы] — [а], или [и] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а]);
- [ь] — [ы] (ср. [ь] — [ъ]/[ъ] — [о]/[о] — [у]/[у] — [ы], или [ь] — [е]/[е] — [о]/[о] — [ъ]/[ъ] — [у]/[у] — [ы], или [ь] — [е]/[е] — [о]/[о] — [у]/[у] — [ы]);
- [ь] — [а] (ср. [ь] — [е]/[е] — [о]/[о] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а], или [ь] — [ъ]/[ъ] — [о]/[о] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а], или [ь] — [ъ]/[ъ] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а]);
- [ы] — [о] (ср. [ы] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [о], или [ы] — [у]/[у] — [о], или [ы] — [и]/[и] — [у]/[у] — [о]);
- [а] — [у] (ср. [а] — [ы]/[ы] — [у], или [а] — [ы]/[ы] — [и]/[и] — [у]);
- [а] — [о] (ср. [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [о], или [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [о], или [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [ь]/[ь] — [е]/[е] — [о]);
- [ы] — [ъ] (ср. [ы] — [у]/[у] — [ъ], или [ы] — [и]/[и] — [у]/[у] — [ъ], или [ы] — [и]/[и] — [у]/[у] — [о]/[о] — [ъ], или [ы] — [и]/[и] — [у]/[у] — [о]/[о] — [ъ], или [ы] — [и]/[и] — [у]/[у] — [о]/[о] — [е]/[е] — [ь]/[ь] — [ъ]);
- [а] — [ъ] (ср. [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [ъ], или [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [о]/[о] — [ъ], или [а] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [о]/[о] — [е]/[е] — [ь]/[ь] — [ъ]);
- [ь] — [о] (ср. [ь] — [е]/[е] — [о], или [ь] — [ъ]/[ъ] — [о], или [ь] — [ъ]/[ъ] — [у]/[у] — [о]);
- [ъ] — [е] (ср. [ъ] — [о]/[о] — [е], или [ъ] — [ь]/[ь] — [е], или [ъ] — [у]/[у] — [о]/[о] — [е]);
- [и] — [о] (ср. [и] — [у]/[у] — [о], или [и] — [ы]/[ы] — [у]/[у] — [о], или [и] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [о], или [и] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [ь]/[ь] — [е]/[е] — [о]);
- [у] — [е] (ср. [у] — [о]/[о] — [е], или [у] — [ъ]/[ъ] — [о]/[о] — [е], или [у] — [ъ]/[ъ] — [ь]/[ь] — [е]);
- [у] — [ä] (ср. [у] — [ы]/[ы] — [а]/[а] — [ä]);

- [ä] — [o] (ср. [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o], или [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ь]/[ь] — [o], или [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ь]/[ь] — [ь]/[ь] — [e]/[e] — [o]);
- [и] — [ь] (ср. [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ь], или [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [ь], или [и] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [e]/[e] — [ь]/[ь] — [ь]);
- [y] — [ь] (ср. [y] — [ь]/[ь] — [ь], или [y] — [ь]/[ь] — [o]/[o] — [e]/[e] — [ь], или [y] — [o]/[o] — [ь]/[ь] — [ь]);
- [ä] — [ь] (ср. [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [ь], или [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [ь], или [ä] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [e]/[e] — [ь]/[ь] — [ь]).

Таким образом, из 34 многомерных оппозиций гласных фонем древнерусского языка 25 были гомогенными, причем среди гомогенных только две являлись прямолинейными, т. е. такими, где путь от одного члена оппозиции до другого может быть представлен в виде лишь одной «цепочки»; все остальные были непрямолинейными: в них путь от одного до другого члена оппозиции может быть представлен в виде двух или нескольких «цепочек».

Гетерогенными многомерными оппозициями в древнерусском языке являлись все те оппозиции, в которых одним из членов была фонема [ě]. Таких оппозиций было девять: [и] — [ě], [e] — [ě], [ä] — [ě], [ь] — [ě], [ы] — [ě], [y] — [ě], [o] — [ě], [a] — [ě] и [ь] — [ě]. Гетерогенность этих оппозиций объясняется, конечно, тем, что фонема [ě] не входила ни в одну из одномерных оппозиций гласных в качестве одного из ее членов.

Все же члены одномерных оппозиций были связаны между собою, противопоставляясь таким членам фонологической системы, которые входили не только в данную, но и хотя бы еще в одну одномерную оппозицию. Это положение действительно не только для фонем [y], [ы], [ь], [o], [и], [a], [ь], [e], входивших в состав четырех, трех или двух одномерных оппозиций, — это было действительно и для фонемы [ä], которая входила в состав только одной одномерной оппозиции, но была связана с другими оппозициями вторым членом, в качестве которого выступала фонема [a], входившая в состав еще одной одномерной оппозиции.

5 ■ связи с рассмотрением представленной системы одномерных и многомерных оппозиций важно вновь обратить внимание на положение фонемы [ě]. Еще раз приходится повторить, что [ě] в этой системе оказалась в определенной изоляции, образуя при противопоставлении иным фонемам не только лишь многомерные изолированные, но и гетерогенные оппозиции. Такая изоляция фонемы [ě] не могла, конечно, способствовать устойчивости ее в системе. Таким образом, мы вновь приходим к тому, что положение фонемы [ě] в системе гласных древнерусского языка было неустойчивым. Иначе говоря, эта неустойчивость, как видно, определялась как тем, что данная фонема обладала такими признаками, которые не пронизывали всю систему гласных, так и тем, что в этой системе она не была связана с другими фонемами теми отношениями, какими были связаны остальные фонемы между собой.

Высказанное положение заставляет поставить вопрос об относительной важности тех или иных факторов, способствующих устойчивости или неустойчивости каких-либо элементов фонологической системы. Конкретно речь идет о том, что в числе гласных древнерусского языка были неустойчивыми фонемы [ь] и [ѣ], с одной стороны, и [ě] — с другой. Однако положение этих фонем в системе, как теперь это стало ясным, не было равнозначным. Все они одинаково обладали такими признаками, которые не были характерны для остальных гласных древнерусского языка, однако только [ě] была в изолированном положении в системе оппозиций гласных: фонемы [ь] и [ѣ], наоборот, находились в равноправном положении со всеми остальными гласными системы. Если опираться на историю русского языка, то окажется, что такое равноправное положение [ь] и [ѣ] в древнерусской системе не играло роли в укреплении устойчивости данных фонем: их утрата произошла во всех диалектах русского языка, и в общем раньше, чем утрата [ě].

Следовательно, вполне определенно можно утверждать, что характер оппозиций, в которые вступает та или иная фонема, связи оппозиций внутри системы фонем, соотношение членов разных оппозиций между собой — все это не может объяснить устойчивости или неустойчивости той или иной фонемы в системе языка. Если все эти факторы и могли играть роль в указанном отношении, то они могли играть ее только в совокупности с какими-то иными и, по всей

вероятности, более важными условиями. Этот вопрос, конечно, требует специального изучения, и окончательное его решение в настоящее время предложено быть не может.

6 Все рассмотренные выше оппозиции гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в. не представляют собой только теоретические построения: они существовали в языке прежде всего как возможные модели, а кроме того, они функционировали в древнерусской фонологической системе как элементы, служащие для различения и противопоставления разных слов или их форм. Правда, нельзя сказать, что в этом отношении все оппозиции были равноценны и равнозначны: некоторые из них были распространены в языке очень широко, и по данной оппозиции противопоставлялись друг другу многие пары словоформ; другие же, наоборот, выступали в такой роли редко, иногда лишь только в единичных случаях. Однако в древнерусской системе не было ни одной оппозиции гласных, которая существовала бы лишь на уровне модели.

Выше были приведены факты фонологического противопоставления гласных в древнерусском языке, однако они были даны без учета характера каждой оппозиции. В связи с этим, вообще говоря, по представленному ранее материалу трудно установить действительную фонологическую значимость каждой отдельной оппозиции. И поэтому было бы целесообразно сгруппировать этот материал по отдельным оппозициям. Однако мы не имеем возможности сделать это из-за недостатка места и должны будем ограничиться лишь некоторыми примерами.

Представляется целесообразным полностью охарактеризовать те оппозиции гласных, функциональная нагрузка которых оказывается наиболее слабой. Что же касается остальных оппозиций, то их нагрузка будет охарактеризована лишь в общем плане, и только в качестве иллюстрации высказываемых положений будут приводиться факты, определяющие функциональную нагрузку одной-двух оппозиций¹.

¹ Этот же принцип характеристики функциональной нагрузки различных оппозиций фонем проведен и во всех остальных разделах настоящей работы, связанных с рассмотрением данной проблемы.

Внутри морфем наиболее слабую функциональную нагрузку обнаруживает оппозиция [ɤ] — [e]: кажется, нет ни одной пары слов, противопоставляемой по звуковой оболочке этой оппозицией. Точно так же слабой оказывается функциональная нагрузка внутри морфем у оппозиций [ɤ] — [ɤ̃] (ср. противопоставления: *дѣна* — «боль в костях» — *дѣна* (род. п. ед. ч. от *дѣно*), *дѣнѣ* (род. п. мн. ч. от *дѣнь*) — *дѣнѣ* (род. п. мн. ч. от *дѣно*), *пѣрти* (от *пѣръ* — «баня») — *пѣрти* (от *пѣръ* — «кусок ткани»), *дѣбри* (от *дѣбрь*) — *дѣбри* (от *дѣбрь* — «баня»), *сѣ* — *сѣ*), [и] — [e] (ср.: *милѣ* — *мелѣ*, *ни* — *не*, *сило* — «петля» — *село*, *силѣ* (от *сила*) — *селѣ* (от *село*), *читѣ* — «щит» — *четѣ* (от *чета* — «община»), [e] — [ě] (ср.: *мелѣ* (от *мести*) — *мѣлѣ*, *не* — *нѣ*, *негѣ* — «нежели» — *нѣгѣ* (от *нѣга*), *селѣ* — *сѣлѣ*), [ě] — [ǣ] (ср.: *въче* — *ваче* — «больше», *мѣлѣ* — *мǣлѣ*), [ǣ] — [ɤ̃] (ср.: *часть* — *чьсть*, *частъныи* — *чьстьныи*), [ě] — [ɤ̃] (ср.: *мѣнити* — *мьнити*, *тѣлѣ* (от *тѣло*) — *тѣлѣ* (от *тѣло*), *тѣмѣ* — *тѣмѣ* (от *тѣма*), [ɤ̃] — [ɤ̃] (ср.: *тѣлѣ* (от *тѣло*) — *тѣлѣ*), [ɤ̃] — [o] (ср.: *лѣвъ* — *ловѣ*, *лѣгѣ* (от *лѣга*) — *логѣ*, *мѣстити* — *мостити*), [ɤ̃] — [e] (ср.: *бѣдрѣ* — *бѣдрѣ* (от *бедро*), *нѣ* — *не*, *сѣ* — *се*, *сѣлѣ* — «посол» — *селѣ* (от *село*), [и] — [ɤ̃] (ср.: *винѣ* (от *вина*, *вино*) — *вънѣ*, *си* — *сѣ*, *силѣ* (от *сила*) — *сѣлѣ*), [y] — [ɤ̃] (ср.: *логѣ* — *лѣгѣ* (от *лѣга*), *тоулѣ* — «колчан» — *тѣлѣ*), [ǣ] — [ɤ̃] (ср.: *пѣтъ* — «пятый» — *пѣтъ* (от *пѣта* — «птица»)).

На стыке морфем слабость функциональной нагрузки обнаруживается у оппозиции [e] — [o], для которой можно обнаружить только одну пару *оуне* — «лучше» — *оуно* (ср. р. от «юный»), противопоставленную по данной оппозиции (пример, впрочем, очень неубедительный ¹), а также у оппозиций [ǣ] — [ɤ̃] (ср.: *каплѣ* — *каплѣ* (род. п. мн. ч. от *каплѣ*), *плачѣ* — *плачѣ*, *сѣ* — *сѣ*), [e] — [ɤ̃] (ср. зват. форму и вин.-тв. п. мн. ч. имен муж. р. с древней основой на *ǫ, типа *робе* — *робы*), [ɤ̃] — [ɤ̃] (ср.: *новѣ* — *новы*, *сытъ* — «сытость» — *сыты*, *молодѣ* — «молодежь» — *молоды*, *лютъ* — «беда» — *люты* и т. п.), [ɤ̃] — [o] (ср.: *новѣ* — *ново*, *лютъ* — *лито*, *сытъ* — *сыто* и т. п.).

Остальные оппозиции были нагружены внутри и на стыке морфем в общем в равной степени. В качестве примера такой оппозиции можно сослаться на функциональную нагрузку противопоставления [и] — [ɤ̃].

¹ К тому же в *оуне* [н] могло быть мягким.

Оппозиция [и] — [ы] обнаруживается после всех твердых согласных, кроме [к], [г], [х]. Ее функциональная нагрузка достаточно велика.

Ср. внутри морфем: *бити* — *быти*, *бивати* — *бывати*, *вити* — *выти*, *питати* — *пытати*, *сирѣ* — *сырѣ*, *тинѣ* (род. п. мн. ч. от *тина*) — *тынѣ*, *милѣ* — *мылѣ*, *ни* (частица) — *ны* (энкл. форма от *мы*).

На стыке морфем эта оппозиция выступает в формах им. и тв. п. мн. ч. имен¹ с древней основой на **ǫ* муж. р. (типа *столи* — *столы*), а также в родовых формах муж. и жен. р. кратких прилагательных и причастий на -л- в им. п. мн. ч. (типа *дѣбри* — *дѣбры*, *несли* — *неслы*).

Кроме того, оппозиция [и] — [ы] противопоставляла формы повелительного наклонения или аориста с формами однокорневых имен существительных или прилагательных. Ср.: *багри* (от *багрити*) — *багры* (от *багра*), *борони* (от *боронити*) — *бороны* (от *борона*), *вари* — (от *варити*) — *вары* (от *варѣ*), *вѣри* (от *вѣрити*) — *вѣры* (от *вѣра*), *добри* (от *добрити*) — *добры* (от *добра*), *жени* (от *женити*) — *жены* (от *жена*), *казни* (от *казнити*) — *казны* (от *казна*), *кѣрми* (от *кѣрмити*) — *кѣрмы* (от *кѣрмѣ*), *мѣри* (от *мѣрити*) — *мѣры* (от *мѣра*), *пѣстри* (от *пѣстрити*) — *пѣстры* (от *пѣстра*), *рани* (от *ранити*) — *раны* (от *рана*), *стрѣли* (от *стрѣлити*) — *стрѣлы* (от *стрѣла*), *(по)хвали* (от *(по)хвалити*) — *(по)хвалы* (от *(по)хвала*), *хоули* (от *хоулити*) — *хоулы* (от *хоула*), *хытри* (от *хытрити*) — *хытры* (от *хытра*), *оудари* (от *оударити*) — *оудары* (от *оударѣ*), *види* (от *видѣти*) — *виды* (от *видѣ*), *готови* (от *готовити*) — *готовы* (от *готовѣ*), *грѣзи* (от *грѣзити*) — *грѣзы* (от *грѣзѣ*), *кваси* (от *квасити*) — *квасы* (от *квасѣ*), *крѣсти*, *хрѣсти* (от *крѣстити*, *хрѣстити*) — *крѣсты*, *хрѣсты* (от *крѣстѣ*, *хрѣстѣ*), *мости* (от *мостити*) — *мосты* (от *мостѣ*), *пости* (от *постити*) — *посты* (от *постѣ*), *прави* (от *правити*) — *правы* (от *правѣ*), *прости* (от *простити*) — *просты* (от *проста*), *поусти* (от *поустити*) —

¹ В дальнейшем изложении под именами понимаются не только существительные, но и краткие прилагательные и причастия, склонявшиеся однотипно. Кроме того, сюда же включаются и те числительные, которые изменялись по типам склонения существительных. Поэтому хотя в качестве примеров, иллюстрирующих оппозиции в именах, даются лишь формы существительных, они действительны и для других имен. Все же те формы, которые не образуются параллельно с формами существительных (например, родовые формы кратких прилагательных и т. п.), оговариваются специально. Формы местоимений выделены и указываются отдельно.

песты (от поуста), плоди (от плодити) — плоды (от плодѣ), слаби (от слабити) — слабы (от слабѣ), соугоуби (от соугоубити) — соугоубы (от соугоубѣ), сыти (от сытити) — сыты (от сытѣ), стыди (от стыдити) — стыды (от стыдѣ), соуди (от соудити) — соуды (от соудѣ), твърди (от твърдити) — твърды (от твърдѣ). Эта же оппозиция противопоставляла и ряд именных образований: бори (от борѣ — «борьба») — боры (от борѣ), бѣли (от бѣль) — бѣлы (от бѣла), вѣти (от вѣть — «ветвь») — вѣты (от вѣтѣ — «совет»), гнили (от гнѣль) — гнили (от гнѣль), голи (от голѣ) — голы (от голѣ), грани (от гранѣ) — грани (от гранѣ — «стих»), зади — «позади» — зады (от задѣ), люти (от лютѣ — «беда») — люты (от лютѣ), осми (от осмѣ) — осмы (от осмѣ), мѣли (от мѣль) — мѣлы (от мѣль), скоуди (от скоудѣ — «верхняя одежда») — скоуды (от скоудѣ), тали (от таль — «заложники») — талы (от таль — «растаявший»), части (от частѣ) — часты (от частѣ), иди (от идѣ) — иды (от идѣ), яри (от ярѣ) — яры (от ярѣ). Наконец, оппозиция [и] — [ы] противопоставляла и некоторые иные формы: вити — виты (прич. от вити), мыти — мыты, дани — даны (прич. от дати). Ср. еще или — ылы (от илѣ), ми — мы, ти — ты.

7 Рассмотрение всех оппозиций гласных фонем древнерусского языка, как они функционировали в его словарном и морфологическом составе, показывает, что все они в действительности осуществлялись в языке, т. е. те или иные противопоставления обнаруживаются отчетливо на уровне модели. С другой стороны, установление степени функциональной нагрузки всех этих противопоставлений (даже в той мере, в какой это возможно сделать при первой попытке решения этого вопроса для языка, отделенного от нас длительными эпохами) свидетельствует о неравноценности противопоставлений гласных в отношении их различной роли. Конечно, в вопросе о функциональной нагрузке есть одна важная сторона, которая выше почти не учитывалась. Речь идет о том, что различение слов или их форм связано не только с их звуковой оболочкой, но еще и с принадлежностью их определенным морфологическим категориям. Ведь слова и их формы употребляются в живой речи не изолированно, а в окружении иных слов и форм, т. е. в контексте. И поэтому точно так же, как контекст снимает омонимичность, точно так же употребление слова

диктуется этим контекстом. Значит, если различие звуковых оболочек слов обеспечивает, скажем, отличие двух существительных или двух глаголов, то это различие более важно, чем различие существительного и глагола, глагола и местоимения и т. д. В первом случае возможна контекстуальная замена одного слова другим, и отсюда возможно нарушение коммуникативных связей; во втором случае это невозможно в силу различной морфологической структуры слов. И поэтому здесь роль фонем в противопоставленности звуковых оболочек слов оказывается ослабленной. С этой точки зрения функциональная нагрузка той или иной противопоставленности фонем тогда может считаться проявляющейся в полной мере, когда оппозиция их связана с различием слов, имеющих однородную морфологическую характеристику, и когда речь идет о различии форм одного и того же слова. Если эти два условия не имеют места, то в этом случае функциональная нагрузка теряет в определенной степени свою актуальность.

С этой точки зрения высказанные выше утверждения о характере и степени функциональной нагрузки тех или иных противопоставлений гласных нуждаются в определенной корректировке. Конечно, едва ли возможно сейчас поставить и рассмотреть вопрос о функциональной нагрузке противопоставлений древнерусских гласных таким образом, чтобы установить контекстуальную возможность замены различаемых по оппозициям гласных звуковых оболочек слов. Это возможно было бы сделать, рассмотрев подробно все факты, связанные с противопоставлением слов и форм, но такое рассмотрение предполагает наличие широких контекстов, чего, к сожалению, нет в силу отсутствия таких памятников, где были бы разнообразные сочетания слов и форм, свойственных живому древнерусскому языку конца X — начала XI в.

Однако вместе с тем возможно определить те противопоставления гласных, которые были связаны только с различием разных по морфологической структуре слов и форм, т. е. те противопоставления, которые в коммуникативных связях, выполняемых языком, играли ослабленную роль, нейтрализуясь контекстом речи.

Следовательно, возникает необходимость уточнить вопрос о функциональной нагрузке. Если противопоставление гласных осуществляет различие звуковых оболочек двух словоформ, имеющих одну и ту же морфологическую

характеристику, то подобное различие может считаться функционально полностью нагруженным, так как оно «предохраняет» язык от нарушения его коммуникативных целей. Если же противопоставление гласных различает оболочки двух словоформ, имеющих различную морфологическую характеристику, то в этом случае функциональная нагрузка данного различия ослаблена, так как «предохранение» от нарушения коммуникативных связей распределяется между противопоставленными гласными и возможностью употребления данного слова в ином окружении, чем другого, противопоставленного ему слова. Конечно, подобное противопоставление не может считаться функционально не нагруженным, ибо оно осуществляется на уровне словоформы, но ослабленность этой нагрузки, по сравнению с нагрузкой первого типа, вне всякого сомнения.

Отсюда кажется возможным считать наиболее функционально нагруженными те оппозиции гласных, которые осуществляют различие форм одного и того же слова, т. е. те оппозиции, которые выступают на стыке морфем. Здесь противопоставленность гласных связана и подержана морфологической структурой языка, и поэтому возможность утраты или изменения того или иного члена оппозиции не может не вызвать сопротивления характера морфологической системы. Не случайно поэтому А. Мартине подчеркивал, что «функциональную нагрузку в сфере морфологических элементов следует рассматривать отдельно»¹.

Если обратиться вновь к функциональной нагрузке противопоставленности древнерусских гласных и рассмотреть все факты с учетом того, что выше говорилось о разных явлениях в этой нагрузке, то можно установить ряд особенностей, проявляющихся в древнерусском языке в этом плане.

Прежде всего на стыке морфем в особом положении находятся оппозиции, одним из членов которых является [ā]. Функциональная нагрузка всех этих оппозиций связана только с противопоставлением форм разных слов, прежде всего причастий и форм имен существительных, родственных по корню. Иначе говоря, все оппозиции гласных с [ā] были такими, которые исключали контекстуальную воз-

¹ А. Мартине, Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 81.

возможность замены одной формы другой, а следовательно, функциональная нагрузка этих оппозиций была в определенной степени ослабленной. Если учесть, что в то же самое время оппозиции [a] со всеми остальными гласными, кроме [ä], были на стыке морфем функционально нагруженными в достаточной степени, ибо при помощи этих оппозиций различались звуковые оболочки форм одного и того же слова, — то можно предполагать, что именно в этих двух обстоятельствах была заложена одна из причин утраты [ä] как особой фонемы и совпадения ее с [a] после смягчения полумягких согласных. Возможно, что сближение этих двух фонем (чему не препятствовало их функционирование в системе языка) начало развиваться до смягчения полумягких, однако этот вопрос требует более подробного рассмотрения в связи с проблемой нейтрализации в древнерусском языке конца X — начала XI в.

В особом положении на стыке морфем находились и оппозиции гласных, одним из членов которых являлся [ь] или [ъ]. Хотя все они могли противопоставлять и противопоставляли друг другу формы одного и того же слова, в то же время эти оппозиции характеризовались тем, что они могли без ущерба морфологической оформленности тех или иных слов быть заменены оппозициями «любой гласный» — «нуль гласного». Это было обусловлено тем, что [ь] и [ъ] как элементы морфологической системы не были противопоставлены нулю звука и, следовательно, при отсутствии [ь] и [ъ] в такой роли не могло возникнуть омонимии форм. Иначе говоря, фонетическая сверхкраткость и ослабленность редуцированных совмещалась на стыке морфем с отсутствием у них фактической функциональной значимости: и при наличии [ь] и [ъ], и при отсутствии их морфологический облик данной формы оставался отличным от морфологического облика других форм. Можно думать, что это обстоятельство могло способствовать утрате редуцированных, тогда как обратное положение не могло не задержать этого процесса. К тому же некоторые оппозиции с [ь] вообще на стыке морфем оказывались лишь на уровне модели.

Наконец, на стыке морфем отсутствовала фонологическая значимость оппозиции [e] — [o], что было связано с особенностями морфологической структуры древнерусского языка, где, по существу, отсутствовали факты противопоставления звуковых оболочек форм одного слова, различающихся по наличию [e] или [o].

Что касается положения внутри морфем, то здесь вновь обнаруживается слабость функциональной нагрузки фонем [ɤ] и [ʏ], а также [e] и [ě], причем [ɤ] оказывается слабо противопоставленной фонемой по отношению к своим ближайшим «соседям» по системе — к [ʏ], [e], [ě], [ā] и [o], а также к [ʏ], а [ʏ] — по отношению к [ɤ], [e], [ě], [ā] и [i]. Вполне возможно предполагать, что такая слабость функциональной нагрузки редуцированных внутри морфем также не способствовала устойчивому их положению в системе. Впрочем, для окончательного решения этого вопроса следует установить, к чему бы привела замена оппозиции «гласный» — [ɤ] или [ʏ] оппозицией «гласный» — «нуль звука» и такая же замена первой оппозиции оппозицией «гласный» — [e] или [o]. Это особый вопрос, требующий специального изучения, однако можно высказать предположение, что если подобные замены не приводили бы к развитию широкой омонимичности, то они могли осуществиться без всякого ущерба для языка.

Тенденция же к этому изменению была заложена в самой системе вокализма, где зона среднего подъема оказалась перегруженной и не находящейся в симметричных отношениях с зонами верхнего и нижнего подъемов. Если в зоне нижнего подъема были две фонемы, отчетливо различавшиеся по признаку «переднее-непереднее образование», а в зоне верхнего подъема — три фонемы, различавшиеся или при признаку «переднее-непереднее образование», или по признаку «отсутствие-наличие лабиализации», то в средней зоне оказалось четыре фонемы, попарно объединенные в области передних и непередних гласных. Тот признак сверхкраткости, который отличал одну фонему от другой в пределах каждой пары, был фонологически очень слабым (об этом уже говорилось), и поэтому подобное различие могло оказаться устойчивым только при условии значительной различительной роли фонем, обладающих этим признаком. При отсутствии такой роли или при ее слабости данные фонемы должны были стремиться или к укреплению своего положения в системе, или к утрате. Ведь падение редуцированных — это по существу процесс утраты конститутивного признака сверхкраткости фонемами [ɤ] и [ʏ]. Эта утрата могла означать одновременное приобретение этими фонемами конститутивного признака нормальной краткости и, следовательно, изменение их в [e] и [o], но могла означать и отсутствие этого приобретения, т. е.

исчезновение самих фонем. Почему в древнерусском языке в одних случаях дело обстояло так, а в других иначе — этот вопрос также требует специального изучения.

Здесь же мы подчеркнем еще раз лишь то положение, что функциональная нагрузка оппозиций с [ь] и [ъ] и внутри морфем была неравнозначна функциональной нагрузке оппозиций гласных полного образования. Однако и в отношении этих последних приходится говорить о неравноценности оппозиций отдельных фонем. Так, слабая функциональная нагрузка обнаруживается внутри морфем у оппозиций, в которых одним из членов были [e] и [ě], причем здесь наиболее важно то, что эта слабость касается противопоставления данных двух фонем друг другу. Это последнее обстоятельство важно для понимания процессов, связанных с судьбой фонемы [ě] в более поздние эпохи истории русского языка.

Коррелятивные отношения в области гласных древнерусского языка и проблема нейтрализации

1 В связи с проблемой дифференциальных признаков гласных фонем древнерусского языка стоит вопрос о коррелятивных отношениях внутри системы гласных и проблема нейтрализации. Как известно, коррелятивной парой называются две такие фонемы, которые являются членами логически привативной пропорциональной одномерной оппозиции¹. Если принять это определение, то в системе гласных древнерусского языка такими парами надо признать прежде всего оппозиции [ь] — [e] = [ъ] — [o], которые характеризовались как привативные по признаку «сверхкраткость-нормальная краткость». Такими же парами можно считать и оппозиции [и] — [y] = [ь] — [ъ] = [e] — [o], если характеризовать их по признаку отсутствия-наличия лабиализации. Пропорциональные оппозиции [y] — [o] и [и] — [e], а также [ы] — [a] и [и] — [ā] не могут быть отнесены к коррелятивным, так как они являются не привативными, а градуальными: члены этих оппозиций характеризуются различной степенью подъема языка. И точно так же нельзя считать коррелятивными

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии. Изд. иностр. лит. М., 1960, стр. 95.

эквивалентные оппозиции [y] — [ъ] = [и] — [ы]. Вместе с тем можно было бы, кажется, признать коррелятивными парами оппозиции [и] — [ы] = [ā] — [a], которые выше были определены как эквивалентные, но которые могут быть представлены и как логически привативные, если считать признак «непереднее образование» как нулевой, а «переднее образование» как «положительный». Итак, оппозиции [ъ] — [e] и [ъ] — [o], будучи одномерными пропорциональными и логически привативными оппозициями, образовывали в древнерусском языке корреляцию по признаку «сверхкраткость-нормальная краткость»; оппозиции [и] — [y], [ъ] — [ъ] и [e] — [o] образовывали корреляцию по признаку «отсутствие-наличие лабиализации»; оппозиции [и] — [ы] и [ā] — [a] — корреляцию по зоне образования. Если признать высказанные положения правильными, то надо будет признать, что в древнерусском языке все гласные фонемы, кроме [ě], были парными, т. е. каждая из них участвовала в одной из возможных корреляций. Однако вместе с тем особенностью системы гласных древнерусского языка являлось то, что коррелятивные пары в общем не нейтрализовались. Как известно, под нейтрализацией понимается утрата специфического признака членов фонологической оппозиции при сохранении общих признаков этих членов. Следовательно, если в какой-либо позиции противоположение членов оппозиции действительно, а в другой позиции это противоположение исчезает, то первая позиция является позицией различения, а вторая — позицией нейтрализации. Отсюда следует вывод, что нейтрализоваться могут вообще только одномерные оппозиции, но не многомерные ¹.

С этой точки зрения из всех коррелятивных пар древнерусского языка наиболее склонными к нейтрализации должны были бы быть оппозиции [ъ] — [e] и [ъ] — [o], где члены оппозиций противопоставлялись друг другу одним дифференциальным признаком «сверхкраткость-нормальная краткость», и оппозиции [и] — [ы] и [ā] — [a], где члены оппозиций противопоставлялись также одним дифференциальным признаком «передняя-непередняя зона образования». Как видно, менее склонными к нейтрализации могли быть оппозиции [и] — [y], [ы] — [ъ] и [e] — [o], так как члены этих

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 86—88.

оппозиций противопоставлялись друг другу двумя дифференциальными признаками. Однако и перечисленные выше оппозиции, где выступал один дифференциальный признак, противопоставляющий друг другу члены этих оппозиций, в целом были не нейтрализуемыми в древнерусском языке.

Правда, в системе этого языка, как уже говорилось, были различия в условиях употребления отдельных гласных фонем: в ряде случаев после определенных согласных не выступали те или иные фонемы, входящие в указанные коррелятивные пары.

Надо иметь в виду, что в лингвистике существует взгляд, согласно которому следует различать активную и пассивную нейтрализации: под активной нейтрализацией понимается такая нейтрализация, «когда фонемы одних и тех же морфем различаются в одних позициях и не различаются в других... Рядом с подобной активной нейтрализацией может приобрести значение нейтрализации и такое неразличение фонем, когда в данной позиции употребляется только одна из коррелятивных фонем, но при этом названная позиция находится в такой морфеме, в которой никогда не бывает представлена другая коррелятивная фонема»¹. Однако: «Если в языке нет активной нейтрализации, то неразличение фонем второго типа не является нейтрализацией противопоставления, хотя бы и пассивной, и должно квалифицироваться только как свидетельство ограниченного употребления той или иной фонемы»². Если пассивная нейтрализация существует лишь на фоне активной, то само введение этого понятия не представляется целесообразным: ограниченность возможностей у той или иной фонемы сочетаться с иными фонемами, определяемая правилами дистрибуции, — это явление, не имеющее ничего общего с нейтрализацией.

2 Говоря об отсутствии позиций нейтрализации гласных фонем древнерусского языка, мы сталкиваемся с двумя фактами, требующими специального анализа. Речь идет о позиции фонем [ā] — [a] после исконно мягких согласных и о позициях [ъ], [ь] и [ы], [и] перед [j] ([i]). Для того

¹ Л. Э. К а л н ы н ь, Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 12.

² Т а м же, стр. 13.

чтобы разобраться в этих фактах, следует вновь вернуться к вопросу о признаках гласных фонем древнерусского языка.

Как говорилось, каждая гласная древнерусского языка может быть охарактеризована по трем основным признакам — по зоне образования, степени подъема языка и по наличию-отсутствию лабиализации, — которые, каждый в отдельности или в той или иной совокупности, могли выступать в качестве дифференциальных, но всегда были присущи в определенном сочетании любой гласной фонеме. Это дает возможность определить каждую фонему как совокупность тех или иных конститутивных признаков. С этой точки зрения фонема [и] может быть определена как фонема верхнего подъема, передней зоны, нелабиализованная; фонема [ы] — верхнего подъема, непередней зоны, нелабиализованная; фонема [у] — верхнего подъема, непередней зоны, лабиализованная; фонема [ѣ] — средне-верхнего подъема, передней зоны, нелабиализованная, а кроме того, напряженная, закрытая, более долгая; фонема [е] — среднего подъема, передней зоны, нелабиализованная; фонема [ь] — среднего подъема, передней зоны, нелабиализованная, а кроме того, и сверхкраткая; фонема [о] — среднего подъема, непередней зоны, лабиализованная; фонема [ѡ] — среднего подъема, непередней зоны, лабиализованная, а кроме того, и сверхкраткая; фонема [ā] — нижнего подъема, передней зоны, нелабиализованная; фонема [а] — нижнего подъема, непередней зоны, нелабиализованная.

В связи с тем что все эти признаки исчерпывают характеристику каждой гласной фонемы и являются постоянно ей присущими, оказывается, что древнерусские гласные не имели переменных признаков, которые бы варьировались в зависимости от фонетической позиции фонемы в слове или в его форме.

Однако вместе с тем нельзя отрицать наличия в древнерусском языке влияния согласных на качество гласных, в частности влияния предшествующих мягких согласных на последующие гласные непередней зоны. Речь в данном случае идет не об изменении [о] > [е], [ѡ] > [ь], [ы] > [и] в положении после мягких согласных: подобное изменение имело место в относительно ранний период истории праславянского языка, а для древнерусской эпохи оно не было актуальным, так как в древнерусском языке не возникало такой ситуации, чтобы после мягкого оказывался бы [о],

[ъ] или [ы]. Речь здесь идет о том, что в древнерусском языке существовали действительные сочетания исконно мягких согласных с последующими [a] и [y]. Конкретно речь идет о сочетаниях мягких шипящих с [a] и [y] внутри и на стыке морфем, о сочетаниях мягких свистящих с [a] и [y] только на стыке морфем и о сочетаниях мягких сонорных с [y] внутри и с [a] и [y] на стыке морфем.

Можно ли считать, что в позиции после мягкого согласного гласные [a] и [y] выступали в точно таком же виде, что и в позиции после твердого согласного? Как представляется, такой возможности допустить нельзя, так как при действии тенденции к слоговому сингармонизму едва ли возможно предполагать полную изолированность согласного и гласного в пределах одного слога. Судя по всему, приспособление артикуляций звуков в пределах данных слогов могло идти за счет определенных изменений в артикуляции гласных [a] и [y].

3 Можно предполагать, что в слоге «мягкий согласный + [a], [y]» гласные [a] и [y] испытывали влияние предшествующего мягкого, в результате чего эти гласные несколько передвигались вперед в начальной стадии своей артикуляции. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что образование гласных по ряду начинало приобретать характер переменного признака гласных фонем в отличие от степени подъема и наличия или отсутствия лабиализации. Однако это положение не следует понимать как утверждение перехода [·a] и [·y] в позиции после исконно мягких согласных в переднюю зону образования, т. е. изменение их в [ä] и [ÿ].

В связи со сказанным уместно рассмотреть мнение Н. С. Трубецкого о наличии в працерковнославянском (Urksl.) языке корреляции гласных по мягкости. «Эта корреляция отчетливо выступала в пяти коррелятивных парах: [u] — [ü], [o] — [ö], [a] — [ä], [y] — [i], [ъ] — [ь], в которых «задние» или «твердые» согласные противопоставлялись «передним» или «мягким»¹. Как видно, это противопоставление принималось им и для праславянского, иначе невозможно объяснить возникновение подобной корреляции

¹ N. S. Trubetzkoy, Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1954. стр. 60.

в працерковнославянском¹. Если оставить в стороне не только противопоставления [y] — [i] и [ъ] — [ь], которые не вызывают сомнения, но и противопоставление [o] — [ö], ибо Трубецкой видел [ö] только в одной позиции, а именно в носовом дифтонге [öN] (типа *priemlōN, stbžōN znajōN* и т. п.), то остаются еще два противопоставления: [u — ü] и [a — ā].

Рассматривая факты, связанные, по Н. С. Трубецкому, с противопоставлением [a — ā], можно установить, что под [a] скрывается, с одной стороны, тот звук, который в старославянской письменности обозначался буквой ѿ, а с другой — звук [a] после исконно мягкого согласного. Ср. примеры: *вѣdāti, obidāti, spāōN, farisāi, zъlodāi* и *zъlodāā, ādъ, uāzъiti, dušā*. Что же касается противопоставления [u — ü], то Н. С. Трубецкой видит [ü] в положении после мягкого согласного: ср. *dušū, stbžū, ū* — «уже», *zъlodāū* и т. д. Следовательно, по мнению Трубецкого, в истории древних славянских языков было противопоставление по зоне образования фонем [a] и [ā], а также [u] и [ü], причем в первом случае речь идет об [a] исконном, а не возникшем в результате утраты [e]. Таким образом, согласно этому мнению, воздействие предшествующего мягкого согласного на последующий гласный вело к тому, что гласный преобразовывался из заднего в передний. Нет сомнения в том, что в данном случае речь идет о чисто фонетическом изменении звуков. Иначе говоря, если принять те отношения, которые предполагал Трубецкой для працерковнославянского и праславянского, для системы древнерусского языка конца X — начала XI в., то надо признать, что противопоставление [a — ā] и [u — ü] осуществлялось таким образом, что после твердых согласных выступали [a] и [u], а после мягких — [ā] и [ü], возникшие на месте [a] и [u] под воздействием предшествующих мягких согласных.

К сожалению, это мнение трудно принять прежде всего с фонетической точки зрения, так как едва ли возможно предположить, что влияние только предшествующего мягкого согласного могло вызвать подобное сильное изменение гласного; для такой передвижки, вероятно,

¹ Ср. R. Jakobson, *Remarques...*, стр. 32. Именно так поступает и Л. Э. Калнынь, перенося данные соотношения в систему праславянского языка (см. ее работу «Развитие корреляции твердых и мягких согласных...», стр. 7—9, 12—13 и др.).

необходимо было и воздействие последующего мягкого согласного, что надо исключить для эпохи сохранения действия закона открытого слога.

Таким образом, с фонетической точки зрения воздействие мягких согласных на последующие гласные [a] и [y] в плане приспособления их артикуляции к артикуляции мягкого согласного имело место в древнерусском языке, и это воздействие приводило к появлению разновидностей фонем [a] и [y] — к появлению [·a] и [·y], несколько сдвинутых вперед в начальной стадии своей артикуляции. Однако в древнерусском языке не было и не могло быть разновидностей [a] и [y] в виде [a·], [y·] и тем паче не могло быть изменения [a] и [y] в передние [ä] и [ÿ].

4 Однако если оставить пока в стороне фонетические рассуждения и обратиться к фонологической трактовке фактов древнерусского языка, связанных с употреблением [a] и [y] после твердых и мягких согласных в изучаемую эпоху, то и здесь возникают трудности для принятия положений Н. С. Трубецкого.

Как уже говорилось, в древнерусском языке после твердых согласных, кроме [к], [г], [х], выступали все гласные фонемы, и, следовательно, с фонологической точки зрения в сочетаниях *ta* — *t·ä* была одна согласная фонема (твердая) и две гласные фонемы — [a] и [ä], различавшиеся одним дифференциальным признаком — непредней или передней зоной образования. Если обратиться к тем согласным, которые были исконно парными по твердости-мягкости, т. е. имели только один этот дифференциальный признак (а к ним относились, как известно, пять пар согласных: [р — р'], [л — л'], [н — н'], [с — с'], [з — з']), то и здесь сочетания твердых с [a] и [ä] трактуются фонологически как сочетание одной согласной фонемы с двумя различными гласными фонемами. Если же обратиться к сочетаниям «парный твердый», например [р], с [a] — [pa] — «парный мягкий», например [р'], с [a] — [p'·a] (где во втором случае сочетание парного мягкого с [a] восходит к сочетанию «парный твердый» + [j] + [a]), то здесь фонологическая трактовка должна быть иной: в этом случае выступают две согласные фонемы [р] и [р'] и одна гласная фонема [a]. Почему нельзя считать, что [·a] в [p'·a] является той же самой фонемой [ä], что и [ä] в [p' ä], хотя сдвиг вперед [a]

не мягкого отрицать едва ли возможно, а установить точную степень этого сдвига, вообще говоря, трудно, если не невозможно? Этого нельзя считать потому, что в позиции перед гласными переднего образования твердость-мягкость гласного была самостоятельна, независима от качества последующего гласного: противопоставление [p — p'] перед [i], [ь], [e], [ѣ] доказывает это со всей очевидностью. А это значит, что если в [p'и] — [p'и], [p'ь] — [p'ь] и т. п. твердость-мягкость согласных как их фонологический признак была независима от качества последующего гласного, то и в [pa] — [p'a] твердость-мягкость была независимым качеством, а сдвиг гласного [a] вперед был обусловленным моментом. Точно так же обстоит дело и в сочетаниях типа [py] — [p'y], где с двумя разными согласными фонемами сочетается одна гласная фонема [y].

Таким образом, в древнерусском языке изучаемой эпохи не было двух гласных фонем [y] и [y'], отличавшихся друг от друга одним дифференциальным признаком — непередней или передней зоной образования, а была одна фонема [y], выступавшая в двух своих разновидностях — [y] и [y']. Что касается [a] и [ä], то в древнерусском языке действительно были эти две фонемы, различавшиеся по зоне образования, однако это противопоставление касалось только того [ä], которое возникло из [e]. Звук же [a] исконный в позиции после мягкого согласного являлся разновидностью фонемы [a].

Однако при этом необходимо решить и еще один вопрос, связанный с фонологической трактовкой [a] и [y] после мягкого согласного, а именно вопрос о том, к какой зоне образования надо относить разновидности фонем [a] и [y] в положении после мягкого согласного. Иначе говоря, встает вопрос, оставалась ли непередняя зона образования [a] и [y] в качестве конститутивного их признака в положении этих гласных после мягких согласных или они становились гласными передней зоны образования. Этот вопрос чрезвычайно важен для трактовки последующих этапов истории фонологической системы древнерусского языка. Итак, были ли сочетания [p'a] и [p'y] сочетаниями мягкого согласного с гласными непередней зоны образования, или это были сочетания мягкого согласного с гласными передней зоны образования. Повторяем, что речь идет о фонологической трактовке этих фактов, а не о фонетическом их истолковании: как уже говорилось, установить в подроб-

ностях древнее произношение звуков мы не можем. Как представляется, в фонологическом аспекте эти факты надо трактовать исходя из следующих соображений. Если в противопоставлении [pa] — [p·ā] — две гласные фонемы, а в противопоставлении [pa] — [p·a] — одна гласная фонема, то в противопоставлении [p·a] — [p·ā] надо признавать две гласные фонемы, различающиеся по зоне образования, т. е. [·a] в позиции после мягкого согласного должна трактоваться как разновидность фонемы [a], т. е. фонемы задней зоны образования, противопоставленной этой же позиции [ā] как фонеме передней зоны образования.

Однако, трактуя таким образом фонологические отношения [·a] и [ā], все же трудно полностью изолироваться фонетической стороны вопроса, а именно от вопроса о степени реального фонетического различия между [·a] и [ā], насколько это вообще возможно при реконструкции древних периодов в истории языка. Прежде всего при этом следует еще раз учесть, что фонема [a] могла выступать после твердых и после исконно мягких шипящих согласных как внутри, так и на стыке морфем и после исконно мягких свистящих и сонорных — на стыке морфем. Фонема же [ā] выступала после твердых согласных, кроме [к], [г], [х], и после мягких шипящих внутри морфем и на стыке морфем, а после мягких сонорных — только редко на стыке морфем (после мягких свистящих [ā] вообще не было).

Выступая в позиции после твердого согласного внутри морфем [a] и [ā], отчетливо противопоставлялись друг другу и по своему качеству, и по своему воздействию на предшествующий согласный: [ā] вызывала так называемую полумягкость предшествующего твердого: ср. *мати* — *м·āti*, *малъ* — *м·ālъ*, *радъ* — *р·ādъ*, *тати* — *т·āti* — «тянуть», *та* — *т·ā* и т. п. В положении же после мягких шипящих внутри морфем фонема [a], испытывая некоторую передвижку вперед, должна была в определенной степени сближаться фонетически с [ā] в этой же позиции. Если мы признаем, что фонологически [·a] и [ā] были разными фонемами, то мы должны признать наличие разных гласных фонем не только в [радъ] — [p·ādъ], но и в [ч·аш·a] — [ч·āш·ч·a]. Однако при этом трудно отрицать, что фонетически [·a] и [ā] должны были в позиции после мягкого шипящего в определенной степени отождествляться. Этому отождествлению мог, возможно, способствовать тот факт, что

в древнерусском языке количество корней с сочетанием мягкого шипящего с [ǣ] было совершенно незначительным. По данным «Материалов...» И. И. Срезневского, к ним относятся только слова с сочетанием [ж'ǣ] — *жати, жатѣва, жати, жало, жадѣти* и, может быть, *жабра*, с сочетанием [ч'ǣ] — *на(по)чати, част- и часть*, с сочетанием [ш'ǣ] — *шатание, шататисѧ* и что у них не было в качестве параллелей слов с сочетаниями [ж'а], [ч'а], [ш'а], тождественных во всем остальном в своей звуковой оболочке (хотя вообще корни с такими сочетаниями существовали, правда тоже в ограниченном количестве). Иначе говоря, функциональная нагрузка противопоставленности фонем [а] и [ǣ] в позиции после мягких шипящих внутри морфем, по существу, была равна нулю.

Поэтому можно думать, что фонетическое сближение [а] и [ǣ] в позиции после мягкого шипящего внутри морфем было облегчено в силу ослабленности фонологического их противопоставления.

Еще яснее в рассматриваемом отношении обстояло дело с гласными на стыке морфем, где, как уже отмечалось, [ǣ] могла выступать после мягкого шипящего и сонорного наряду с [а] и противопоставлять звуковые оболочки разных форм, но где это противопоставление было связано с различием таких форм, которые имели разную морфологическую характеристику, в силу чего функциональная нагрузка противопоставления [ǣ] — [а] также была ослаблена, и это облегчало их фонетическое сближение.

Таким образом, как видно, противопоставление фонем [а] и [ǣ] отчетливо проводилось только в позиции после твердого согласного внутри и на стыке морфем, хотя на стыке морфем это противопоставление и было ослаблено в силу различий в морфологической структуре противопоставляемых форм. Противопоставление же этих фонем в позиции после мягких согласных как на стыке, так и особенно внутри морфем было проведено неотчетливо. Поэтому можно думать, что утрата особой фонемы [ǣ] и совпадение ее с фонемой [а] началось с фонетического сближения их манифестаций после исконно мягких согласных и завершилось в эпоху образования вторичномягченных совпадением [ǣ] и [а] после вновь возникших мягких.

Если признать, что в позиции после исконно мягких манифестаций [а] и [ǣ] сближались по своему качеству, то надо признать, что именно здесь в древнерусском языке воз-

никала первая позиция нейтрализации гласных фонем, когда дифференциальный признак «зона образования» в рассматриваемой позиции начинал утрачиваться. Исходя из этого, можно считать, что приведенные выше пары слов *жажа — жажа*, *доуша — доуша*, *капла — капла*, *лѣжа — лѣжа*, *дѣжда — дѣжда*, *кльща — кльща*, *лѣжа — лѣжа*, *лоуча — лоуча*, *моча — моча*, *плача — плача* в своей звуковой оболочке не различались в силу нейтрализации здесь фонем [·а] и [ā]. Если такая нейтрализация внутри морфем не приводила к совпадению звуковых оболочек двух разных слов, так как противопоставленность [·а] и [ā] внутри морфем после мягких согласных имела нулевую функциональную нагрузку, то на стыке морфем такое совпадение обнаруживается, однако функциональная нагрузка противопоставленности фонем [·а] и [ā] была здесь ослабленной в связи с различной морфологической характеристикой совпадающих по звуковой оболочке форм, и это, без сомнения, снижало возникающую омонимичность.

Такого рода нейтрализация не возникала и не могла возникнуть в изучаемую эпоху у фонем [и] — [ы], хотя их отношения параллельны отношениям фонем [ā] — [а]. Это объясняется тем, что в отличие от последней пары пара [и] — [ы] образовывала такую оппозицию, где оба члена не могли в равной мере оказаться после исконно мягких согласных: фонема [ы] не выступала в древнерусском языке в такой позиции.

5 Что касается фонем [ѣ], [ь] и [ы], [и], то в плане проблемы нейтрализации следует рассмотреть вопрос о так называемых редуцированных [ѣ] и [и]. Как известно, фонемы [ѣ] и [ь], а также [ы] и [и], попадая в положение перед [j] или [i], выступали в своих позиционных разновидностях [ѣ], [й], т. е. [ѣ] > [ѣ], [ь] > [й], [ы] > [ѣ], [и] > [й].

Таким образом, с теоретической точки зрения в древнерусском языке здесь образовывались перекрещивающиеся ряды чередующихся гласных:

т. е. возникала позиция нейтрализации. Однако если рассмотреть действительные факты древнерусского языка, то окажется, что эти перекрещивающиеся ряды не играли, как видно, роли в фонологическом плане, так как позиционная мена [ъ] > [ѣ], [ъ] > [й], с одной стороны, и позиционная мена [ѣ] > [ѣ], [и] > [й] — с другой, наблюдались в определенных морфологических категориях, а это обуславливало то обстоятельство, что фактически наличие общих членов чередования и нейтрализация указанных фонем не оказывали видимого влияния на уменьшение степени различительной способности фонем [ъ], [ъ] и [ѣ], [и]. Значит, если в системе позиционных изменений гласных древнерусского языка наблюдалось совпадение разновидностей фонем [ъ] и [ѣ], а также фонем [ъ] и [и], то в системе фонологических противопоставлений как [ъ] и [ѣ], так и [ъ] и [и], по существу, не совпадали в одном варианте [ѣ] или [й] как заменители двух соответствующих фонем.

В самом деле, если [ѣ] и [й] выступали на месте [ъ] и [ъ] в формах им. пад. ед. ч. полных прилагательных муж. р. (типа [добрыѣ] из *[dobrŷi], [синийѣ] из *[sinŷi]), то только в им. пад. мн. ч. этих же полных прилагательных муж. р. мягкой разновидности существовала форма, оканчивавшаяся также на [йѣ] из [и + ѣ] — типа [синийѣ]. Это было, конечно, фонологическое совпадение, но оно едва ли могло вести к существенному ослаблению различительной роли фонем, так как подобные формы прилагательных, выступая в качестве определений к существительным, в живом их употреблении омонимически не совпадали.

С другой стороны, если [ѣ] и [й] выступали на месте [ъ] и [и] в 1-м л. ед. ч. настоящего времени глаголов типа [мѣѣу], [крѣѣу], в повелительном наклонении типа [мѣѣ], [крѣѣ] или в некоторых существительных (как [ш'йѣа]), то в древнерусском языке не было иных слов или форм, равных по морфологической структуре и по фонемному составу этим формам, в которых [ѣ] и [й] были бы на месте [ъ] и [ъ] (кроме упоминавшейся уже формы им. пад. ед. ч. прилагательных муж. р.).

Итак, в фонологическом плане [ѣ] и [й] должны, как видно, расцениваться в качестве самостоятельных позиционных разновидностей фонем [ѣ] и [и] и фонем [ъ] и [ъ]: будучи сходными акустически и артикуляционно, они не

были связаны фонологически; в фонологическом плане ряды [ъ]//[ы], [ь]//[й], с одной стороны, и [ы]//[ь], [и]//[й] — с другой, надо расценивать для изучаемой эпохи, скорее всего, как относительно независимые по отношению друг к другу.

Подобную трактовку этих фактов заставляет принимать и еще одно обстоятельство, которое, как представляется, не привлекало еще достаточного внимания. Дело заключается в том, что если мы признаем, что в древнерусском языке гласные фонемы характеризовались совокупностью конститутивных признаков и эта совокупность исчерпывала объем содержания фонемы, то позиционная мена должна быть связана с изменением какого-либо конститутивного признака в определенных фонетических условиях. Именно так и представляется дело при рассмотрении вопроса о позиционной мене [a] и [y], у которых изменению начинал подвергаться признак образования по ряду.

Что же происходит с фонемами [ъ], [ь] и [ы], [и] в позиции перед [j] или [й] в отношении их конститутивных признаков? Ясных суждений по этому поводу в общем нет, хотя некоторые положения здесь все же возможно обнаружить. Так, в книге С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» есть следующее положение: «Сверхкраткие гласные пережили в праславянском языке еще одно важное позиционное изменение: в положении перед [j] они стали более закрытыми, напряженными. Не пережив количественных изменений в этой позиции, они испытали некоторые качественные изменения, так как из гласных среднего подъема перешли в гласные верхнего подъема. Это приблизило их к гласным [i] и [y]»¹. Таким образом, можно думать, что [ь] и [й] из [ъ] и [ь] оставались сверхкраткими гласными, но верхнего подъема. Или, иначе говоря, изменению подвергался конститутивный признак, связанный со степенью подъема. Однако далее сказано: «Аналогичный процесс пережили исконные [i] и [y] в положении перед [j]. Они также изменились в [i] и [y̥]»². Встает вопрос: в чем же заключалась аналогичность процесса? Ведь [i] и [y] исконные не были сверхкраткими. Означает ли их изменение в [i], [y̥] приобретение ими этого

¹ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, 1961, стр. 233.

² Там же, стр. 234.

признака? Или они получали только напряженность и закрытость, но оставались звуками иного количества, чем [ъ] и [ь]. Если предполагать, что [i] и [y] не превращались в сверхкраткие, то надо думать, что было различие между [i] и [y] разного происхождения по признаку количества. Если же предполагать, что они приобретали сверхкраткость, то тогда различий между [i] и [y] разного происхождения не было. Как решать этот вопрос — остается до конца неясным, однако все же сомнительно, что влияние [j] могло вызвать подобное сокращение гласных, а не только их напряженность и закрытость. И поэтому представляется, что [ы] и [ю] из исконных [ы] и [у] должны были отличаться от [ы] и [ю] из [ъ] и [ь]. Что касается напряженности и закрытости, то эти признаки, без сомнения, у [ы] и [ю] были позиционно обусловленными.

Итак, в древнерусском языке конца X — начала XI в. возможно обнаружить факты позиционной мены гласных фонем, что было связано с определенными изменениями их конститутивных признаков.

Прежде всего это касалось фонем [a] и [y], которые выступали в позиции после мягких согласных в своих разновидностях [·a] и [·y].

В общей системе древнерусского языка в результате этой позиционной мены образовывались параллельные ряды: [a]/[·a], [y]/[·y]. Однако в положении после исконно мягких, особенно после мягких шипящих, [·a] фонетически могла сближаться с [ā] в том же положении, в результате чего начинала возникать позиция нейтрализации этих двух фонем.

Однако еще раз следует подчеркнуть, что для изучаемой эпохи может быть принят лишь начальный этап развития данного явления, причем возникновение этой нейтрализации носило во многом, так сказать, чисто фонетический характер, так как оказывало слабое влияние на степень различительной нагрузки [a] и [ā].

Фонемы [ъ], [ь] и [ы], [и], изменяясь в позиции перед [j] или [й] в [ы] и [й], также образовывали ряды позиционной мены, которые мы склонны считать параллельными (хотя это, конечно, и не бесспорно): [ъ]/[ы], [ь]/[й] и [ы]/[ы], [и]/[й]. Однако если даже считать, что здесь были не параллельные, а перекрещивающиеся ряды, то вместе с тем нельзя

не признать, что наличие общих членов в этих рядах, по существу, не оказывало влияния на степень различительной способности фонем.

Неясным остается вопрос о позиционной мене [ъ] и [ь] в сильной и слабой позициях. Вероятно, конечно, предполагать их различия в таких позициях, т. е. считать, что в слабом положении они были еще более краткими, чем сверхкраткие в сильном положении¹. Кроме того, слабые были безударными, а сильные — ударными. Однако более точную характеристику позиционной мены здесь дать затруднительно. Но если она и была, то позиционная мена [ъ]/[ъ], [ь]/[ь] носила всегда параллельный характер, и здесь, как видно, нельзя говорить о нейтрализации.

Итак, нельзя отрицать возможность появления нейтрализации некоторых гласных фонем в древнерусском языке изучаемого периода, однако вместе с тем надо видеть фонологическую ограниченность этой нейтрализации. При этом важно обратить внимание, что в отличие от современного русского языка, где позиции различения и позиции нейтрализации гласных фонем связаны с положением их по отношению к ударению, в древнерусском языке эти позиции оказывались связанными с качеством соседних согласных (в одном случае даже с влиянием последующего согласного) и безразличными по отношению к ударению.

7 К рассматриваемому вопросу примыкает непосредственно и вопрос о сильных и слабых позициях гласных фонем древнерусского языка. Если считать, что сильной позицией является позиция максимального различения гласных фонем, а слабой — та, в которой происходит совпадение двух или нескольких фонем в одну², то в древнерусском языке таких слабых позиций почти не было.

С определенными оговорками можно признать слабой позицию после исконно мягких (прежде всего шипящих) для фонем [a] и [ä]; точно так же, как видно, можно было бы

¹ См.: С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, 1961, стр. 233.

² См.: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 27—28.

считать слабой позицию перед [j] ([i]) для фонем [ъ], [ы] и [и], [и], если отбросить все те сомнения, которые были высказаны выше. Можно утверждать, что иных слабых позиций для гласных фонем не было.

Нельзя считать слабыми те позиции гласных, в которых выступало не десять, а семь или шесть гласных фонем или в которых вообще не была представлена какая-либо система этих фонем. Все эти факты определялись не сильным или слабым характером данной позиции, а возможностями сочетаемости гласных с различными согласными, определяемыми правилами дистрибуции звуковых единиц в древнерусском языке. И с этой точки зрения, если в какой-то позиции выступало не десять, а семь, или шесть, или даже одна гласная фонема, это всегда было максимальное количество фонем, могущих здесь быть. Иначе говоря, слабая позиция для гласных фонем определяется не простым количественным соотношением фонем этой позиции по сравнению с количеством фонем другой позиции, признаваемой за сильную, а тем, происходит ли в данной позиции совпадение различающихся в другой позиции двух фонологических единиц или не происходит.

Б. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ

Состав согласных фонем

1 Состав согласных фонем древнерусского языка изучаемого периода может быть восстановлен на основе тех же принципов определения тождественности фонетических условий противопоставления звуковых единиц, какие были выдвинуты при описании системы гласных. Хотя в общей характеристике системы согласных есть целый ряд моментов, или вызывающих сомнения, или дискуссионных, все же возможно опираться на те представления о составе согласных фонем, которые сложились в исторической грамматике русского языка и которые основываются на указанных выше принципах.

Общий состав согласных насчитывал в изучаемый период 26 фонем, распределение которых удобнее показать схематически, учитывая артикуляционно-физиологические их характеристики. Эта схема может быть представлена в следующем виде:

		Губные				Язычные								
						Переднеязыч- ные				Средне- язычные		Задне- язычные		
		Губно- губные		Губно- зубные		Зубные		Нёбно- зубные		Средне- нёбные		Задне- нёбные		
		тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.			тв.	м.	
Шумные	Смыч- ные	гл.	п.				т						к	
		зв.	б				д						г	
	Афф- рика- ты	гл.					ц'		ч' ш'ч'					
		зв.							ж'д'					
	Фри- катив- ные	гл.					с	с'		ш'			х	
		зв.			в		з	з'		ж'				
зв.											л			
Сонорные	Смычно-проходные	гл.												
		зв.	м				н	н'						
	Боковые	гл.												
		зв.					л	л'						
Виб- ранты	гл.													
	зв.								р	р'				

2 Представленная схема распределения согласных требует определенных комментариев в связи с некоторыми сложностями фонологической трактовки отдельных единиц системы согласных.

Во-первых, в этой системе [j] представлен как особая единица, как самостоятельная фонема, стоящая в ряду иных самостоятельных фонем древнерусского языка. Однако здесь надо иметь в виду и то, что [j] имел свою специфику в фонологическом аспекте. Прежде всего известно, что существует точка зрения, согласно которой в древний период развития славянских языков (по крайней мере до падения редуцированных) [j] не являлся самостоятельной фонемой, а представлял собой фонологически незначимый элемент, сопровождающий произношение передних гласных¹. Такое мнение основывается не только на том, что [j] действительно всегда сопровождал произношение гласных (т. е. всегда был перед гласным, хотя и не обязательно перед передним, но и перед [a] и [y]), но и на том, что в истории праславянского языка он возникал часто как протетический согласный элемент. Однако отрицание фонологической самостоятельности [j] противоречит объективной характеристике системы древнерусского языка конца X — начала XI в. и поэтому едва ли может быть принято. В действительности, хотя [j] во многих отношениях оказывался несколько в особом положении по сравнению с иными согласными фонемами, он сохранял свою фонологическую значимость. Особое положение [j] среди согласных определяется рядом моментов. Прежде всего [j] не мог находиться в позиции перед гласным внутри морфем, исключая абсолютное начало слова. Как известно, [j] не мог образовывать группу с предшествующим согласным перед гласным в силу ранней праславянской тенденции к изменению подобных групп в палатализованные согласные. В абсолютном же начале слова [j] в древнерусском языке оказывался противопоставленным иным согласным в позиции перед [a], [ě], [ā] (ср. [jazь] — [разь] — [пазь], [jěль] — [пěль] — [бěль] — [мěль] — [тěль] — [дěль] и т. п.). Точно так же он противопоставлялся иным согласным на стыке морфем (ср., например, [moja] — [мор'а] — [моч'а], [moju] — [могу] и т. п.). Как бы ни были ограничены рамки этих противопоставлений — или в отношении того, что они осуществлялись не для всех возможных согласных, или в отношении того, что они осуществлялись не перед всеми гласными, — все же фонологическая значимость [j] здесь не подлежит сомнению.

¹ См., например: Л. Э. Калнынь, Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, стр. 7—8.

Вместе с тем нельзя отрицать и того, что [j] в качестве самостоятельной фонемы не может быть просто поставлен в один ряд с иными фонемами, ибо условия, в которых он функционировал, были все же ограниченными. Кроме того, особое положение [j] определяется еще и тем, что в настоящее время остается до конца неясным вопрос о характере йотации древнерусских гласных: если графика древнерусских памятников позволяет однозначно решить эту проблему для положения [j] перед [a] и [y], то в отношении позиции перед [и] такого решения достичь не удастся. Это вторая особенность фонемы [j], создающая специфику ее положения в древнерусском языке. Следовательно, [j] не может не быть признан за самостоятельную фонему, но он не может и быть просто включенным в общую фонологическую систему противопоставлений согласных в силу специфичности его функционирования.

Во-вторых, согласные [ш'ч'] и [ж'д'] в схеме представлены как аффрикаты, однако это определение, конечно, не может быть признано точным, так как под аффрикатами в фонетике понимаются вполне определенные образования, состоящие из слитной артикуляции «взрывной + фрикативный». Образование же [ш'ч'] и [ж'д'] характеризовалось тем, что их артикуляция включала три элемента — фрикативный, взрывной и фрикативный, т. е. [ш'ч'] = [ш'т'ш'], а [ж'д'] = [ж'д'ж']. К сожалению, как известно, для подобного типа согласных нет общепринятого специального обозначения, и поэтому, называя их аффрикатами, мы вкладываем в содержание этого термина лишь тот признак, что они характеризуются неоднородной артикуляцией, хотя отчетливо видим принципиальные различия между артикуляцией, скажем, [ч'] и [ц'] и [ш'ч'] и [ж'д'].

Вместе с тем следует учесть, что образования [ш'ч'] и [ж'д'], возникшие, как известно, в истории праславянского языка из сочетаний *stj, *skj, *sk перед гласными переднего ряда и *zdj, *zgj, *zg перед теми же гласными, были неустойчивы по своему характеру. Вероятно, они относительно рано в древнерусском языке начали переживать изменения, выразившиеся в утрате взрывного элемента, причем утрата взрыва в [ж'д'], как видно, осуществлялась несколько

раньше, чем утрата его в [ш'ч']¹. В результате этого изменения возникали долгие мягкие фрикативные [ш] и [ж] ([ш'], [ж']), положение которых в системе согласных фонем, конечно, оказывалось иным, чем положение [ш'ч'], [ж'д']. Последующее отверждение [ш'] и [ж'] вновь вело к изменению их места в системе, точно так же как к этому приводило и развитие [ш'ч'], [ж'д'] не по линии утраты взрывного элемента, а по другим линиям, например к [шт'], [жд']².

Однако все эти явления в плане их хронологии остаются пока не изученными, так как памятники письменности помогают здесь очень мало: в них редко фиксируется реальное произношение звуков на месте исконных [ш'ч'], [ж'д'], причем такая фиксация обнаруживается лишь в относительно поздних по происхождению памятниках.

Поэтому мы принимаем для древнерусского языка сохранение произношения [ш'ч'] и [ж'д'] и определяем их место в системе в соответствии с таким их образованием.

Итак, рассматривая эти звуковые единицы, мы считаем их соединением не трех единиц — «фрикативный + взрывной + фрикативный», — а соединением двух единиц — «фрикативный + аффриката». Именно поэтому они представлены не в виде [ш'т'ш'], [ж'д'ж'], а в виде [ш'ч'], [ж'д'].

Однако если признать это положение, то возникает вопрос, считать ли [ш'ч'] и [ж'д'] однофонемной единицей, или надо видеть здесь сочетание двух фонем. Этот вопрос проще решается для [ж'д'], ибо эта единица не может быть разложена на две в силу отсутствия в древнерусском языке [д'] вне сочетания с предшествующим [ж']. Иначе говоря, наличие [д'] абсолютно точно предсказывает перед ним [ж']. Сложнее дело обстоит с [ш'ч'], где возможно разложение на [ш'] и [ч'], существующие в языке самостоятельно и противопоставленные друг другу. Если противопоставить такие, скажем, формы, как [ш'ить] (причастие от *шити*) — [ч'ить] (в *читати*) — [ш'ч'ить] — «щит», то здесь трудно

¹ См.: Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, Учпедгиз, М., 1949, стр. 128—129.

² См. там же, стр. 128.

решить вопрос о том, считать ли [ш'ч'] сочетанием фонем или одной фонемой. Правила определения однофонемности, выдвинутые Н. С. Трубецким¹, в этом случае помогают мало. Можно было бы в качестве фактов, толкующих этот вопрос в плане признания однофонемности [ш'ч'], выдвинуть то, что в древнерусском языке эти два элемента могли следовать друг за другом только в представленной, но не в обратной последовательности (т. е. не было возможно [ч'ш']); можно было бы указать еще и на то, что в древнерусском языке [ш'] не могло сочетаться ни с какой другой фонемой, кроме [ч'], а если в то же время [ч'] могло сочетаться с предшествующим [с] на стыке морфем (в образованиях с приставками на [с] ([з]), присоединяемыми к словам, начинающимся с [ч'], типа *ис-чезати*), то в этом случае, как видно, происходила ассимиляция и возникало произношение [ш'ч'], если судить по написанию буквы Ц на месте [сч], [зч]. Однако все эти факты в общем все же не могут служить достаточным доказательством однофонемности [ш'ч']. Поэтому следует признать равную возможность считать [ш'ч'] и однофонемным образованием, и сочетанием двух фонем². Но если учесть параллельность образований [ш'ч'] и [ж'д'], явную однофонемность [ж'д'], а также то, что [ш'ч'] и [ж'д'] входили в систему парных глухих-звонких (наряду с [п — б], [т — д], [с — з], [ш' — ж'] и т. д.), то удобнее и проще считать [ш'ч'] однофонемным образованием и ставить его в общий ряд с иными парными глухими фонемами.

Проблема дифференциальных признаков согласных фонем

1 Для того чтобы установить дифференциальные признаки согласных фонем, необходимо прежде всего определить место каждой фонемы в системе древнерусских согласных, т. е. дать характеристику каждой этой фонемы с точки зрения присущих ей особенностей.

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 62—68.

² Ср.: С. К. Шаумян, Проблемы теоретической фонологии, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 104—106.

Описывая таким образом согласные фонемы в плане их характеристики по месту образования (с учетом как активного, так и пассивного органа речи), по способу образования, по участию голоса и шума, по твердости-мягкости и глухости-звонкости, т. е. по тем признакам, которые можно считать конститутивными, целесообразно вначале не принимать во внимание, является ли тот или иной признак данной фонемы релевантным в системе противопоставления ее другим фонемам. Или, иначе говоря, мы не будем сейчас рассматривать конститутивные признаки согласных в реляционном плане и оценивать одни из них как дифференциальные, а другие — как недифференциальные. Как представляется, именно такая характеристика может быть в дальнейшем положена в основу установления тех дифференциальных признаков, которые были присущи системе согласных фонем древнерусского языка изучаемой эпохи. Итак, согласные фонемы могут быть описаны по их конститутивным признакам.

Фонемы	Конститутивные признаки согласных фонем					
	Место образования		Способ образования	Участие голоса и шума	Твердость-мягкость	Глухость-звонкость
	По активному органу	По пассивному органу				
[п]	губная	губно-губная	смычная	шумная	твердая	глухая
[б]	"	"	"	"	"	звонкая
[в]	"	губно-зубная	фрикативная	"	"	"
[м]	"	губно-губная	смычно-проходная (назальная)	сонорная	"	"
[а]	переднеязычная	зубная	фрикативная	шумная	"	звонкая
[э]	"	"	"	"	мягкая	"
[с]	"	"	"	"	твердая	глухая
[с']	"	"	"	"	мягкая	"
[т]	"	"	смычная	"	твердая	"
[д]	"	"	"	"	"	звонкая

[ц']	"	"	аффриката	"	мягкая	глух
[л]	"	"	смычно-проходная (боковая)	сонорная	твердая	
[л']	"	"	"	"	мягкая	глух
[н]	"	"	смычно-проходная (назальная)	"	твердая	
[н']	"	"	"	"	мягкая	звонки
[р]	"	нёбная	вибрант	"	твердая	
[р']	"	"	"	"	мягкая	
[ж']	переднеязычная	"	фрикативная	шумная	мягкая	
[ш']	"	"	"	"	"	глухи
[ч']	"	"	аффриката	"	"	
[ш'ч']	"	"	"	"	"	"
[ж'д']	"	"	"	"	"	звонки
[к]	заднеязычная	задненёбная	смычная	шумная	твердая	
[г]	"	"	"	"	"	звонки
[х]	"	"	фрикативная	"	"	
[й]	среднеязычная	средненёбная	"	сонорная	мягкая	глухи

2 Представленная характеристика согласных обнаруживает ряд специфических особенностей, связанных с дифференциальными признаками этих фонем в системе древнерусского языка конца X — начала XI в.

Рассматривая вопрос о дифференциальных признаках согласных фонем и в связи с этим устанавливая характер оппозиций, образуемых согласными, следует иметь в виду некоторые особенности и сложности в этой области, о которых уже говорилось выше в общетеоретическом плане.

Если согласные фонемы, взятые каждая в отдельности, точно так же как и гласные фонемы, определялись и определяются совокупностью ряда конститутивных признаков,

и сами вместе с тем эти признаки согласных в определенных случаях могли быть релевантными, т. е. выступать в качестве дифференциальных, а в других нерелевантными, то в этом отношении область согласных фонем принципиально не отличается от области гласных. Однако, в связи с тем что система согласных была намного сложнее системы гласных, в ней обнаруживались и свои особенности, в общем несвойственные гласным.

Прежде всего здесь следует иметь в виду тот факт, что гласные фонемы имели три основных конститутивных признака, которые выступали в качестве дифференциальных, охватывая в целом всю систему гласных. Согласные же фонемы имели шесть конститутивных признаков, причем два из них: «глухость-звонкость» и «твердость-мягкость» — выступали в качестве дифференциальных лишь у некоторых согласных, а противопоставление по шумности-сонорности было явно избыточным. Кроме того, сам состав согласных был вдвое больше, чем состав гласных, и это не могло не отразиться на связях и противопоставлениях фонем. Во всяком случае, в области гласных не было такого положения, чтобы один и тот же дифференциальный признак противопоставлял при одном и том же основании не две фонемы друг другу, а группу фонем какой-либо фонеме. В области согласных это объяснимо возможным потому, что часть конститутивных признаков этих фонем не выступала в качестве дифференциальных.

Известно поэтому в области согласных обнаруживаются упоминавшиеся выше факты, когда совокупность общих признаков членов оппозиции и их дифференциального признака вполне определяет оппозицию, но одновременно не дает точной идентификации каждой фонемы, входящей в данную оппозицию.

В связи с этим выше был сделан вывод, что для идентификации членов подобной оппозиции необходимо учитывать те признаки, которые в данной оппозиции не выступают в качестве дифференциальных, но которые могут оказаться такими в других оппозициях, и было введено логическое понятие полифонемы, дающее возможность установить реальные соотношения согласных фонем, но не отражающее действительных их манифестаций в древнерусском языке.

Оппозиции согласных фонем

1 Учитывая все сказанное, можно определить дифференциальные признаки и характер оппозиций древнерусских согласных фонем.

При этом, устанавливая оппозиции согласных, мы не будем принимать во внимание те противопоставления, которые образовывались противоположением [j] иным согласным фонемам, исходя из особого положения [j] в системе древнерусского языка. Из того, что сказано выше о положении [j] в древнерусском языке, главную роль в отказе от рассмотрения оппозиций этой фонемы с иными играет неясность вопроса о характере йотации древнерусских гласных, т. е. о степени распространенности [j] в живом языке.

Именно поэтому в дальнейшем изложении будут рассмотрены оппозиции, которые образовывались друг по отношению к другу 25 согласными фонемами древнерусского языка изучаемого периода.

Эти согласные фонемы в общетеоретическом плане могли образовывать всего 300 оппозиций, носящих разнообразный характер. Из числа всех этих оппозиций прежде всего можно выделить две группы, в которых согласные фонемы противостояли друг другу по признаку глухости-звонкости и по признаку твердости-мягкости. Это наиболее ясные и прозрачные отношения в системе древнерусских согласных, однако они охватывали не всю систему, а лишь часть ее.

Оппозиции по глухости-звонкости образовывали следующие пары фонем:

[п] — [б], [т] — [д], [с] — [з], [с'] — [з'], [ш'] — [ж'], [ш'ч'] — [ж'д'], [к] — [г].

Звонкость фонем [р], [р'], [л], [л'], [н], [н'], [м], [в], [j] и глухость фонем [ц'], [ч'], [х] являлись их конститутивными, но не дифференциальными признаками.

Оппозиции по твердости-мягкости образовывали следующие пары фонем:

[с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'].

Твердость фонем [п], [б], [в], [м], [т], [д], [к], [г], [х] и мягкость фонем [ш'], [ж'], [ц'], [ч'], [ш'ч'], [ж'д'], [j] являлись их конститутивными, но недифференциальными признаками.

Оппозиции по глухости-звонкости и по твердости-мягкости являлись одномерными и пропорциональными.

Таким образом, в древнерусском языке существовали ряды, состоящие из следующих пропорций:

$$\begin{aligned} [п] - [б] &= [т] - [д] = [с] - [з] = [с'] - [з'] = \\ [ш'] - [ж'] &= [\widehat{ш'ч'}] - [\widehat{ж'д'}] = [к] - [г]; \\ [с] - [с'] &= [з] - [з'] = [н] - [н'] = [л] - [л'] = \\ &= [р] - [р']. \end{aligned}$$

По ДП «губность — переднеязычность» противопоставлялись фонемы в следующих оппозициях:

$$[п] - [т], [б] - [д], [в] - [з], [в] - [с], [в] - [з'], [в] - [с'], [в] - [ш'], [в] - [ж'], [м] - [н], [м] - [н'].$$

Оппозиции $[п] - [т]$, $[б] - [д]$, $[в] - [з]$ и $[в] - [с]$ были одномерными, остальные же с $[в]$ — многомерными. Так, многомерными оппозициями при общем основании «шумность, фрикативность» были оппозиции $[в] - [с']$ и $[в] - [ш']$; при общем основании «шумность, фрикативность, звонкость» — оппозиции $[в] - [з']$ и $[в] - [ж']$.

Оппозиции $[м] - [н]$ и $[м] - [н']$ следует признать одномерными.

Если учесть то, что говорилось выше о своеобразии оппозиций согласных и о полифонемах, то некоторые из рассматриваемых оппозиций возможно свести к одной с логической полифонемой в качестве второго члена. Так, оппозиции $[в] - [с]$ и $[в] - [с']$ могут быть сведены к оппозиции $[в] - [C_2]$ с полифонемой $[C_2]$, ибо твердость-мягкость $[с]$ здесь нерелевантна, и точно так же оппозиции $[в] - [з]$ и $[в] - [з']$ могут быть сведены к $[в] - [Z_2]$. Вместе с тем, несмотря на различие общего основания у оппозиций $[в] - [C_2]$ и $[в] - [Z_2]$, их возможно свести вновь к одной оппозиции в связи с тем, что у этих оппозиций нерелевантна не только твердость-мягкость, но и глухость-звонкость. Таким образом, можно полагать, что оппозиция $[в] - [C_3]$ покрывает все четыре оппозиции $[в]$ со свистящими и отражает соотношения первой фонемы с $[с]$, $[з]$, $[с']$, $[з']$. На том же основании оппозиции $[в] - [ш']$ и $[в] - [ж']$ могут быть сведены к оппозиции $[в] - [Ш'_1]$. Между оппозициями $[в] - [C_3]$ и $[в] - [Ш'_1]$ не могут быть установлены подобные же отношения, так как члены этих оппозиций различаются по признаку «губно-зубность — зубность» или «губно-зубность — нёбность». Исходя из

сказанного, оппозицию [в] — [Ш',] надо считать изолированной, а остальные оппозиции — пропорциональными. Таким образом, возникают следующие пропорции:

$$[п] — [т] = [б] — [д] = [в] — [С_3] = [м] — [Н_2].$$

При этом в оппозиции [м] — [Н₂] признается наличие полифонемы [Н₂] в силу нерелевантности признака твердости-мягкости у [н], [н'].

По локальному ДП «губность — заднеязычность» противопоставлялись фонемы в следующих оппозициях:

$$[п] — [к], [б] — [г], [в] — [х].$$

Эти оппозиции были одномерными и пропорциональными, т. е.

$$[п] — [к] = [б] — [г] = [в] — [х].$$

По локальному ДП «переднеязычность — заднеязычность» противопоставлялись фонемы в следующих оппозициях:

$$[т] — [к], [д] — [г], [с] — [х], [с'] — [х], [з] — [х], [з'] — [х], [ш'] — [х], [ж'] — [х].$$

Из числа этих оппозиций оппозиции [т] — [к], [д] — [г], [с] — [х] и [з] — [х] были одномерными, а остальные — многомерными: оппозиции [з'] — [х] и [ж'] — [х] имели общее основание «шумность, фрикативность», а оппозиции [с'] — [х] и [ш'] — [х] — «шумность, фрикативность и глухость». Введя понятие полифонемы и тем самым уменьшив количество оппозиций, можно установить, что оппозиция [Ш',] — [х] была изолированной, а все остальные — пропорциональными. Итак:

$$[т] — [к] = [д] — [г] = [С_3] — [х].$$

Еще более сложными оказываются оппозиции, в которых в качестве дифференциального признака выступало также место образования, но по пассивному органу. Здесь прежде всего речь идет об оппозициях внутри группы переднеязычных согласных, где в качестве ДП выступала «зубность — нёбность». По этому признаку образовывались оппозиции:

$$[ц'] — [ч'], [ц'] — [\widehat{ш'ч'}], [ц'] — [\widehat{ж'д'}], [с] — [ш'], [с'] — [\widehat{ш'}], [з] — [ж'], [з'] — [ж'].$$

Все эти оппозиции следует считать одномерными. При помощи понятия полифонемы можно вновь свести рассматриваемые оппозиции к меньшему их количеству: оппозиции $[\text{ц}'] - [\text{ш}'\text{ч}']$ и $[\text{ц}'] - [\text{ж}'\text{д}']$ — к $[\text{ц}'] - [\text{Ш}'\text{Ч}'_1]$, оппозиции $[\text{с}] - [\text{ш}']$ и $[\text{с}'] - [\text{ш}']$ — к $[\text{С}_2] - [\text{ш}']$, оппозиции $[\text{з}] - [\text{ж}']$ и $[\text{з}'] - [\text{ж}']$ — к $[\text{З}_2] - [\text{ж}']$.

Рассматривая эти оппозиции, можно установить между ними пропорциональные отношения:

$$[\text{ц}'] - [\text{ч}'] = [\text{С}_2] - [\text{ш}'] = [\text{З}_2] - [\text{ж}'].$$

В качестве ДП, далее, образующего оппозиции согласных фонем древнерусского языка, мог выступать способ их образования.

Так, по ДП «смычность — фрикативность» образовывали оппозиции следующие пары согласных:

$[\text{т}] - [\text{с}]$, $[\text{т}] - [\text{с}']$, $[\text{д}] - [\text{з}]$, $[\text{д}] - [\text{з}']$, $[\text{к}] - [\text{х}]$, $[\text{г}] - [\text{х}]$.

В этих оппозициях также следует установить наличие полифонем в связи с тем, что признаки глухости-звонкости или твердости-мягкости оказываются здесь нерелевантными. Следовательно, перечисленные выше оппозиции могут быть представлены в более простом виде:

$[\text{т}] - [\text{С}_2]$, $[\text{д}] - [\text{З}_2]$, $[\text{К}_1] - [\text{х}]$.

Эти оппозиции следует считать одномерными и пропорциональными.

По ДП «смычность — аффрикатность» в оппозиции вступали фонемы $[\text{т}] - [\text{ц}']$, $[\text{д}] - [\text{ц}']$ (или через понятие полифонемы — $[\text{Т}_1] - [\text{ц}']$).

Эти оппозиции следует считать одномерными, а отношения между их членами тождественными.

По ДП «фрикативность — аффрикатность» в оппозиции вступали фонемы:

$[\text{с}] - [\text{ц}']$, $[\text{з}] - [\text{ц}']$, $[\text{с}'] - [\text{ц}']$, $[\text{з}'] - [\text{ц}']$, $[\text{ш}'] - [\text{ч}']$, $[\text{ж}'] - [\text{ч}']$, $[\text{ш}'] - [\text{ш}'\text{ч}']$, $[\text{ж}'] - [\text{ж}'\text{д}']$.

Через понятие полифонемы эти оппозиции могут быть представлены в следующем, более простом виде:

$[\text{С}_2] - [\text{ц}']$, $[\text{Ш}'_1] - [\text{ч}']$, $[\text{ш}'] - [\text{ш}'\text{ч}']$, $[\text{ж}'] - [\text{ж}'\text{д}']$.

Все эти оппозиции следует считать одномерными, причем между ними возможно установить пропорциональные отношения:

$$[C_3] - [ц'] = [Ш'_1] - [ч'] = [ш'] - [ш'ч'] = [ж'] - [ж'д'].$$

По ДП «носовой/боковой характер смычно-проходности» в оппозиции вступали фонемы $[н] - [л]$ и $[н'] - [л']$. Общим основанием в этих оппозициях были «сонорность, переднеязычность, зубность, твердость или мягкость». Это были одномерные и пропорциональные оппозиции.

По ДП «смычность — смычно-проходность», или «отсутствие — наличие назальности», в оппозиции вступали следующие фонемы:

$$[п] - [м], [б] - [м], [т] - [н], [д] - [н], [т] - [н'], [д] - [н'].$$

Учитывая нерелевантность признаков глухости-звонкости и твердости-мягкости в этих оппозициях, их можно свести к меньшему числу оппозиций, введя логическое понятие полифонемы:

$$[П_1] - [м], [Т_1] - [Н_2].$$

Эти оппозиции были многомерными и пропорциональными, т. е.

$$[П_1] - [м] = [Т_1] - [Н_2].$$

По ДП «смычность — боковая смычно-проходность» в оппозиции вступали фонемы:

$$[т] - [л], [д] - [л], [т] - [л'], [д] - [л'] \text{ (или в выражении через полифонемы — } [Т_1] - [Л_2]).$$

Эти оппозиции были многомерными и изолированными.

По ДП «фрикативность — смычно-проходность (носовая или боковая)» в оппозиции вступали фонемы:

$$[с] - [н], [з] - [н] \text{ (или через полифонему — } [C_1] - [н]), [с'] - [н'], [з'] - [н'] \text{ (или через полифонему — } [C'_1] - [н']), [с] - [л], [з] - [л] \text{ (или через полифонему — } [C_1] - [л]), [с'] - [л'], [з'] - [л'] \text{ (или через полифонему — } [C'_1] - [л']).$$

Эти оппозиции были многомерными, и между ними можно установить пропорциональные отношения:

$$[C_1] - [н] = [C'_1] - [н'],$$

$$[C_1] - [л] = [C'_1] - [л'].$$

По ДП «аффрикатность — смычно-проходность (носовая или боковая)» в оппозиции вступали фонемы:

$$[ц'] - [н], [ц'] - [н'] \text{ (или через полифонему — } [ц'] - [Н_2]),$$

$$[ц'] - [л], [ц'] - [л'] \text{ (или через полифонему — } [ц'] - [Л_2]).$$

Это были многомерные и изолированные оппозиции.

По ДП «фрикативность — вибрантность» в оппозиции вступали фонемы:

$$[ш'] - [р], [ж'] - [р], [ш'] - [р'], [ж'] - [р'].$$

Учитывая нерелевантность признаков глухости-звонкости и твердости-мягкости в этих оппозициях, их можно свести к одной, введя понятие полифонем:

$$[Ш'_1] - [Р_2].$$

Это были многомерные и изолированные оппозиции.

По ДП «аффрикатность (различного характера) — вибрантность» в оппозиции вступали фонемы:

$$[ч'] - [р], [\widehat{ш'ч'}] - [р], [\widehat{ж'д'}] - [р], [ч'] - [р'],$$

$$[\widehat{ш'ч'}] - [р'], [\widehat{ж'д'}] - [р'].$$

Как и в предыдущем случае, эти оппозиции сводятся к меньшему их числу с введением понятия полифонемы:

$$[ч'] - [Р_2], [\widehat{Ш'Ч'_1}] - [Р_2].$$

Это были многомерные и изолированные оппозиции.

В особом положении находились оппозиции $[ч'] - [\widehat{ш'ч'}]$ и $[ч'] - [\widehat{ж'д'}]$, где в качестве общего основания выступали «шумность, аффрикатность, переднеязычность и небность», а в первой оппозиции еще и глухость. Если ставить вопрос о дифференциальном признаке, противопоставляющем члены этих двух оппозиций, то прежде всего следует свести их к одной оппозиции с полифонемой в качестве второго члена: $[ч'] - [\widehat{Ш'Ч'_1}]$, ибо глухость-звонкость в данных двух оппозициях не являлась дифференциальным признаком. И в этом случае в качестве ДП

должно быть признано различие в артикуляции данных двух аффрикат. Эти оппозиции надо считать одномерными, а отношения между членами оппозиций такими, как и отношения между членами оппозиций [т] — [ц'], [д] — [ц'].

Рассмотренные выше оппозиции могут быть определены не только в плане их одномерности или многомерности, но и по отношению между членами оппозиций. С этой точки зрения следует признать логически привативными оппозиции по глухости-звонкости и по твердости-мягкости, где маркированными членами выступали глухие и мягкие фонемы, а немаркированными — звонкие и твердые.

Все оппозиции по локальному признаку, как видно, следует расценивать как логически и фактически экvipолентные. Точно так же экvipолентными надо считать и оппозиции по способу образования. Во всех этих оппозициях трудно предполагать наличие или отсутствие данного признака, как это наблюдается в привативных противопоставлениях, точно так же как и разную степень проявления какого-либо признака, как это наблюдается в градуальных оппозициях. Кроме того, как уже говорилось, все эти оппозиции являются не только логически, но и фактически экvipолентными, тогда как большая часть имевшихся в древнерусском языке привативных оппозиций была лишь логически привативной, ибо в целом отсутствовали позиции нейтрализации, в которых утрачивалось бы различие противопоставленных в других позициях пар фонем.

2 Все рассмотренные выше оппозиции охватывают 92 противопоставления согласных из 300 теоретически возможных в древнерусском языке. В остальных 208 оппозициях отношения между их членами оказываются более сложными в силу того, что эти противопоставления осуществляются не по одному, а по двум или более дифференциальным признакам. К таким оппозициям относились следующие.

При общем основании «шумность, твердость» в качестве ДП выступали место и способ образования:

переднеязычность — заднеязычность и смычность — фрикативность — [д] — [х];

переднеязычность — губность и смычность — фрикативность — [т] — [в];

губность—задняяязычность и смычность—фрикативность
 — [б] — [х];
 губность—задняяязычность и фрикативность—смычность
 — [в] — [к].
 Три ДП при том же общем основании выступали в следующих оппозициях:

- [п] — [з] ДП губность—передняяязычность, смычность—фрикативность и глухость—звонкость;
 [б] — [с] ДП губность—передняяязычность, смычность—фрикативность и звонкость—глухость;
 [к] — [з] ДП задняяязычность—передняяязычность, смычность—фрикативность и глухость—звонкость;
 [г] — [с] ДП задняяязычность—передняяязычность, смычность—фрикативность и звонкость—глухость.

При общем основании «шумность» в качестве ДП выступали также место и способ образования в оппозициях:

- [г] — [ц'], [г] — [ч'] ДП задняяязычность—передняяязычность и смычность—аффрикатность;
 [х] — [ж'д'] ДП задняяязычность—передняяязычность и фрикативность—аффрикатность;
 [б] — [ц'], [б] — [ч'] ДП губность—передняяязычность и смычность—аффрикатность;
 [в] — [ц'], [в] — [ч'], [в] — [ш'ч'] ДП губность—передняяязычность и фрикативность — аффрикатность.

Три ДП при том же общем основании выступали в оппозициях:

- [п] — [з'], [п] — [ж'] ДП те же, что и в оппозиции [п] — [з]; оппозиции [п] — [з] и [п] — [з'] сводятся в одну — [п] — [З₂];
 [б] — [с'], [б] — [ш'] ДП те же, что и в оппозиции [б] — [с]; оппозиции [б] — [с] и [б] — [с'] сводятся в одну — [б] — [С₂];
 [п] — [ж'д'] ДП губность—передняяязычность, смычность—аффрикатность и глухость—звонкость;

[б] — [ш'ч'] ДП губность—переднеязычность, смыч-
ность—аффрикатность и звонкость—глу-
хость;

[к] — [з'], [к] — [ж'] ДП те же, что и в оппозиции
[к] — [з]; оппозиции [к] — [з] и [к] — [з']
сводятся в одну — [к] — [З₂];

[г] — [с'], [г] — [ш'] ДП те же, что и в оппозиции
[г] — [с]; оппозиции [г] — [с] и [г] — [с']
сводятся в одну — [г] — [С₂];

[к] — [ж'д'] ДП заднеязычность—переднеязычность,
смычность—аффрикатность и глухость—
звонкость;

[г] — [ш'ч'] ДП заднеязычность—переднеязычность,
смычность—аффрикатность и звонкость—
глухость.

При общем основании «шумность, твердость, звонкость»
в качестве ДП выступали место и способ образования в сле-
дующих оппозициях:

[г] — [з] ДП заднеязычность—переднеязычность и
смычность—фрикативность;

[б] — [з] ДП губность—переднеязычность и смыч-
ность—фрикативность;

[в] — [г] ДП губность—заднеязычность и фрика-
тивность—смычность; вместе с оппозицией
[в] — [к] они могут быть представлены как
одна — [в] — [К₁];

[д] — [в] ДП переднеязычность—губность и смыч-
ность—фрикативность; вместе с оппози-
цией [т] — [в] они могут быть представлены
как одна — [Т₁] — [в].

При общем основании «шумность, звонкость» те же ДП
выступали в оппозициях:

[г] — [з'], [г] — [ж'] ДП те же, что и в оппозиции
[г] — [з]; оппозиции [г] — [з] и [г] — [з']
сводятся в одну — [г] — [З₂];

[г] — [ж'д'] ДП заднеязычность—переднеязычность
и смычность—аффрикатность;

[б] — [з'], [б] — [ж'] ДП те же, что и в оппозиции
[б] — [з]; оппозиции [б] — [з] и [б] — [з']
сводятся в одну — [б] — [З₂];

[b] — [ж'д'] ДП губность—переднеязычность и смычность—аффрикатность;

[v] — [ж'д'] ДП губность—переднеязычность и фрикативность—аффрикатность; вместе с оппозицией [v] — [ш'ч'] они могут быть представлены как одна — [v] — [ш'ч'].

При общем основании «шумность, твердость, глухость» в качестве ДП выступали место и способ образования в следующих оппозициях:

[p] — [c] ДП губность—переднеязычность и смычность—фрикативность;

[p] — [x] ДП губность—заднеязычность и смычность—фрикативность; вместе с оппозицией [b] — [x] они могут быть представлены как одна — [P₁] — [x];

[k] — [c] ДП заднеязычность—переднеязычность и смычность—фрикативность;

[t] — [x] ДП переднеязычность—заднеязычность и смычность—фрикативность; вместе с оппозицией [d] — [x] они могут быть представлены как одна — [T₁] — [x].

При общем основании «шумность, глухость» те же ДП выступали в оппозициях:

[p] — [c'], [p] — [ш'] ДП те же, что и в оппозиции [p] — [c]; оппозиции [p] — [c] и [p] — [c'] могут быть представлены как одна — [p] — [C₂];

[p] — [ш'ч'], [p] — [ц'], [p] — [ч'] ДП губность—переднеязычность и смычность—аффрикатность; оппозиции [p] — [ц'] и [p] — [ч'] вместе с оппозициями [b] — [ц'] и [b] — [ч'] могут попарно быть представлены как одна — [P₁] — [ц'] и [P₁] — [ч'];

[k] — [c'], [k] — [ш'] ДП те же, что и в оппозиции [k] — [c]; оппозиции [k] — [c] и [k] — [c'] могут быть представлены как одна — [k] — [C₂];

[k] — [ш'ч'], [k] — [ц'], [k] — [ч'] ДП заднеязычность—переднеязычность и смычность—

аффрикатность; оппозиции [к] — [ц'] и [к] — [ч'] вместе с оппозициями [г] — [ц'] и [г] — [ч'] могут попарно быть представлены как одна — [K₁] — [ц'] и [K₁] — [ч'];

[х] — [ц'], [х] — [ч'], [х] — [ш'ч'] ДП заднеязычность — переднеязычность и ффрикативность — аффрикатность; оппозиция [х] — [ш'ч'] вместе с оппозицией [х] — [ж'д'] могут быть представлены как одна — [х] — [Ш'Ч'₁].

При общем основании «шумность, переднеязычность, твердость» в качестве ДП выступали способ образования и глухость — звонкость в оппозициях:

[т] — [з] ДП смычность — ффрикативность и глухость — звонкость;
[д] — [с] ДП смычность — ффрикативность и звонкость — глухость.

Те же ДП при общем основании «шумность, переднеязычность» выступали в оппозициях [т] — [з'] (вместе с оппозицией [т] — [з] они могут быть представлены в виде [т] — [З₂]) и [д] — [с'] (вместе с оппозицией [д] — [с] они могут быть представлены в виде [д] — [С₂]).

Иные ДП при том же общем основании обнаруживаются в следующих оппозициях:

[з] — [ч'] ДП ффрикативность — аффрикатность и зубность — нёбность;
[с] — [ж'д'] ДП ффрикативность — аффрикатность, зубность — нёбность и глухость — звонкость;
[з] — [ш'ч'] ДП ффрикативность — аффрикатность, зубность — нёбность и звонкость — глухость;
[д] — [ч'] ДП смычность — аффрикатность и зубность — нёбность;
[т] — [ж'] ДП смычность — ффрикативность, зубность — нёбность и глухость — звонкость;
[д] — [ш'] ДП смычность — ффрикативность, зубность — нёбность и звонкость — глухость;
[т] — [ж'д'] ДП смычность — аффрикатность, зубность — нёбность и глухость — звонкость;

[д] — [ш'ч'] ДП смычность—аффрикатность, зубность—нёбность и звонкость—глухость.

Те же ДП, но при общем основании «шумность, переднеязычность, мягкость» выступали в оппозициях:

[з'] — [ч'] ДП те же, что и в оппозиции [з] — [ч']; обе они сводятся в одну — [З₂] — [ч'];

[ж'] — [ц'] ДП фрикативность — аффрикатность и нёбность—зубность;

[с'] — [ж'д'] ДП те же, что и в оппозиции [с] — [ж'д']; обе они сводятся в одну — [С₂] — [ж'д'];

[з'] — [ш'ч'] ДП те же, что и в оппозиции [з] — [ш'ч']; обе они сводятся в одну — [З₂] — [ш'ч'].

Те же ДП, но при общем основании «шумность, переднеязычность, глухость» выступают в оппозициях:

[с] — [ч'] ДП те же, что и в оппозиции [З₂] — [ч']; обе они сводятся в одну — [С₃] — [ч'];

[т] — [ч'] ДП те же, что и в оппозиции [д] — [ч']; обе они сводятся в одну — [Т₁] — [ч'].

Те же ДП, но при общем основании «шумность, переднеязычность, глухость, мягкость» выступают в оппозициях:

[с'] — [ч'] ДП те же, что и в оппозиции [С₃] — [ч']; все четыре оппозиции (т. е. [з] — [ч'], [з'] — [ч'], [с] — [ч'], [с'] — [ч']) сводятся в одну — [С₃] — [ч'];

[ш'] — [ц'] ДП те же, что и в оппозиции [ж'] — [ц']; обе они сводятся в одну — [Ш'₁] — [ц'].

При общем основании «шумность, переднеязычность и фрикативность» в качестве ДП в оппозициях [с] — [з'] и [з] — [с'] выступали глухость—звонкость и твердость—мягкость, а в оппозициях [с] — [ж'], [з] — [ш'], имеющих то же общее основание, и [с'] — [ж'], [з'] — [ш'], у которых общим признаком была еще мягкость (или с введением полифонемы — [С₂] — [ж'], [З₂] — [ш']) —зубность—нёбность и глухость—звонкость.

При общем основании «шумность, смычность, твердость» в качестве ДП выступали место образования и глухость—звонкость в следующих оппозициях:

губность—переднеязычность и глухость—звонкость—
[п] — [д], [б] — [т];

губность—заднеязычность и глухость—звонкость—
[п] — [г], [б] — [к];

переднеязычность—заднеязычность и глухость—звон-
кость — [т] — [г], [д] — [к].

При общем основании «шумность, переднеязычность, глухость или звонкость (а иногда еще и мягкость)» в качестве ДП выступали фрикативность—аффрикатность и зубность—нёбность в оппозициях [с] — [ш'ч'], [с'] — [ш'ч'] (или с введением полифонемы — [C₂] — [ш'ч']) и [з] — [ж'д'], [з'] — [ж'д'] (или с введением полифонемы — [Z₂] — [ж'д']), смычность—аффрикатность и зубность—нёбность в оппозициях [т] — [ш'ч'], [д] — [ж'д'], смычность—фрикативность и зубность—нёбность в оппозициях [т] — [ш'] и [д] — [ж'].

При общем основании «шумность, переднеязычность, нёбность, мягкость» в качестве ДП выступали фрикативность—аффрикатность и глухость—звонкость в оппозициях [ш'] — [ж'д'] и [ж'] — [ш'ч'].

При общем основании «шумность, губность, твердость (а в одном случае — и звонкость)» в качестве ДП в оппозициях [п] — [в], [б] — [в] (или через полифону — [P₁] — [в]) выступали смычность — фрикативность, билабиальность—лабиодентальность.

При общем основании «сонорность» в качестве ДП выступали губность—переднеязычность и характер смычно-проходности (носовой или боковой) в оппозиции [м] — [л'] или смычно-проходность—вibrантность в оппозиции [м] — [р'].

Те же ДП, но при общем основании «сонорность, твердость» выступали в оппозициях [м] — [л] и [м] — [р], которые могут быть сведены вместе с оппозициями [м] — [л'], [м] — [р'] в одну пару: [м] — [Л₂] и [м] — [Р₂], где [Л₂] и [Р₂] — полифонемы.

При общем основании «сонорность, переднеязычность» в качестве ДП в оппозициях [н] — [р'], [н'] — [р], [л] —

[p'], [л'] — [p] выступали зубность—нёбность, смычно-проходность (носовая или боковая)—вibrантность и твердость—мягкость.

В оппозициях [л] — [p], [н] — [p] при общем основании «сонорность, переднеязычность, твердость» в качестве ДП выступали зубность—нёбность и смычно-проходность (носовая или боковая)—вibrантность. Те же ДП, но при общем основании «сонорность, переднеязычность, мягкость» выступали в оппозициях [л'] — [p'], [н'] — [p'].

В оппозициях [н] — [л'] и [н'] — [л] при общем основании «сонорность, переднеязычность, зубность» в качестве ДП надо признать характер смычно-проходности (носовой или боковой) и твердость—мягкость.

С общим основанием «переднеязычность» в оппозиции вступала целая группа фонем, противопоставляемых друг другу по разным ДП.

В оппозициях [т] — [p'], [д] — [p'] (или с введением полифонемы — [T₁] — [p']) ДП смычность—вibrантность, зубность—нёбность.

В оппозициях [с] — [p'], [с'] — [p], [з] — [p'], [з'] — [p] (или через полифонемы — [C₁] — [p'] и [C'₁] — [p]) ДП фрикативность—вibrантность, зубность—нёбность и твердость—мягкость.

В оппозиции [ц'] — [p] ДП аффрикатность — вibrантность, зубность — нёбность.

В оппозициях [ш'] — [н], [ж'] — [н], [ш'] — [л], [ж'] — [л] ДП фрикативность—смычно-проходность (носовая или боковая) и нёбность—зубность. Эти же оппозиции через полифонемы могут быть выражены в виде [Ш'₁] — [н] и [Ш'₁] — [л].

В оппозициях [ч'] — [н], [ч'] — [л], [ш'ч'] — [н], [ш'ч'] — [л], [ж'д'] — [н], [ж'д'] — [л] (четыре последние оппозиции могут быть сведены к двум путем введения полифонем — [Ш'ч'₁] — [н], [Ш'ч'₁] — [л]) ДП аффрикатность (различного характера) — смычно-проходность (носовая или боковая), нёбность—зубность.

С общим основанием «переднеязычность, зубность» в оппозиции вступали следующие фонемы:

[с] — [н'], [с'] — [н], [з] — [н'], [з'] — [н] (или через полифонемы — [C₁] — [н'], [C'₁] — [н]) — ДП фрикативность—смычно-проходность (носовая), твердость—мягкость;

[с] — [л'], [с'] — [л], [з] — [л'], [з'] — [л] (или через полифонемы — [C₁] — [л'], [C'₁] — [л]) — ДП фрикативность—смычно-проходность (боковая), твердость—мягкость.

С общим основанием «переднеязычность, твердость» в оппозиции вступали фонемы:

[с] — [р], [з] — [р] (или через гиперфонему — [C₁] — [р]) — ДП фрикативность—вibrантность, зубность—нёбность;

[т] — [р], [д] — [р] — ДП смычность — vibrантность, зубность — нёбность; учитывая нерелевантный характер твердости — мягкости [р] в оппозициях с [т], [д], можно не только свести эти две оппозиции в одну [T₁] — [р], но и объединить ее с оппозицией [T₁] — [р'], т. е. логическая оппозиция [T₁] — [P₂] покрывает все четыре оппозиции [р], [р'] с [т], [д].

С общим основанием «переднеязычность, мягкость» в оппозиции вступали фонемы:

[с'] — [р'], [з'] — [р'] (или через полифонему — [C'₁] — [р']) — ДП те же, что и в оппозициях [с] — [р], [з] — [р];

[ц'] — [р'] — ДП аффрикатность — vibrантность, зубность — нёбность; вместе с оппозицией [ц'] — [р] она может быть сведена к одной — [ц'] — [P₂], где [P₂] — полифонема;

[ш'] — [н'], [ш'] — [л'], [ж'] — [н'], [ж'] — [л'] — ДП фрикативность — смычно-проходность (носовая или боковая), зубность — нёбность; учитывая нерелевантность признака твердости — мягкости у [н'] и [л'] в оппозициях с [ш'], [ж'] и признака глухости — звонкости у [ш'], [ж'] в оппозициях с [н'] и [л'], можно свести все эти оппозиции вместе с ранее представленными [Ш'₁] — [н], [Ш'₁] — [л] к двум — [Ш'₁] — [Н₂], [Ш'₁] — [Л₂];

[ч'] — [н'], [ч'] — [л'], [ш'ч'] — [н'], [ш'ч'] — [л'], [ж'д'] — [н'], [ж'д'] — [л'] — ДП аффрикатность — смычно-проходность (носовая или боковая), нёбность — зубность; и здесь, учитывая нерелевантность твердости — мягкости [н'] и [л'] и глухости — звонкости [ш'ч'] и [ж'д'], все эти оппозиции вместе с оппозициями [ч'] — [н], [ч'] — [л], [Ш'ч'₁] — [н], [Ш'ч'₁] — [л] можно свести к меньшему числу

логически построенных противопоставлений: [ч'] — [Н₂], [ч'] — [Л₂], [Ш'Ч'₁] — [Н₂], [Ш'Ч'₁] — [Л₂].

При общем основании «губность, твердость» в качестве ДП выступали фрикативность — носовая смычно-проходность и лабиодентальность — билабиальность в оппозиции [в] — [м].

Наконец, целая группа оппозиций характеризовалась тем, что в качестве общего основания у членов этих оппозиций выступало лишь то, что все они принадлежали согласным (в ряде случаев это были твердые согласные, а в ряде — один из членов оппозиции был мягким; однако едва ли целесообразно вводить эти признаки в общее основание и считать за последнее не только согласность, но и, скажем, твердость: принципиальной роли этот факт здесь играть не может). В качестве же ДП в этих оппозициях выступали место и способ образования. Таким образом можно охарактеризовать ряд оппозиций по следующим ДП: губность — переднеязычность и фрикативность — вибрантность —

[в] — [р], [в] — [р'], [б] — [р], [б] — [р'], [п] — [р], [п] — [р'], или с введением полифонем — [в] — [Р₂], [П₁] — [Р₂];

губность — переднеязычность и фрикативность — смычно-проходность (боковая или носовая) —

[в] — [л], [в] — [л'], [в] — [н], [в] — [н'], [б] — [л], [б] — [л'], [б] — [н], [б] — [н'], [п] — [л], [п] — [л'], [п] — [н], [п] — [н'], или с введением полифонем — [в] — [Л₂], [в] — [Н₂], [П₁] — [Л₂], [П₁] — [Н₂];

переднеязычность — губность, смычность — смычно-проходность (носовая) —

[т] — [м], [д] — [м], или через полифонему — [Т₁] — [м];

заднеязычность — переднеязычность, смычность — вибрантность —

[к] — [р], [к] — [р'], [г] — [р], [г] — [р'], или через полифонему — [К₁] — [Р₂];

заднеязычность — переднеязычность, фрикативность — вибрантность —

[х] — [р], [х] — [р'], или через полифонему — [х] — [Р₂];

заднеязычность — переднеязычность, смычность — смычно-проходность (боковая или носовая) —

[к] — [л], [к] — [л'], [к] — [н], [к] — [н'], [г] — [л],

[г] — [л'], [г] — [н], [г] — [н'], или через полифонемы — [K₁] — [Л₂], [K₁] — [Н₂];

задняязычность — передняязычность, фрикативность — смычно-проходность (боковая или носовая) —

[х] — [л], [х] — [л'], или через полифоне́му — [х] — [Л₂];

задняязычность — губность, смычность — смычно-проходность (носовая) —

[к] — [м], [г] — [м], или через полифоне́му — [K₁] — [м];

передняязычность — губность, фрикативность — смычно-проходность (носовая) —

[с] — [м], [с'] — [м], [ш'] — [м], [з] — [м], [з'] — [м], [ж'] — [м], или через полифонемы — [C₃] — [м], [Ш₁] — [м];

задняязычность — губность, фрикативность — смычно-проходность (носовая) —

[х] — [м];

передняязычность — губность, аффрикатность (различного характера) — смычно-проходность (носовая) —

[ц'] — [м], [ч'] — [м], [ш'ч'] — [м], [ж'д'] — [м], или с введением полифонемы — [ц'] — [м], [ч'] — [м], [Ш'Ч₁] — [м].

3 Все перечисленные оппозиции, которыми исчерпываются противопоставления согласных в древнерусском языке, являются многомерными (кроме оппозиции [в] — [м]) и логически и фактически экви́полентными. Что же касается изолированности или пропорциональности их, то здесь дело обстоит сложнее.

Можно считать, что в пропорциональных отношениях находились оппозиции [г] — [ж'д'] и [к] — [ш'ч'], к которым можно присоединить также оппозицию [K₁] — [ч']; [б] — [ж'д'] и [п] — [ш'ч'], к которым можно присоединить еще [П₁] — [ч']; [З₂] — [ж'д'] и [C₂] — [ш'ч'] (а также [C₃] — [ч']); [д] — [ж'д'] и [т] — [ш'ч'] (а также [Т₁] — [ч']); [г] — [З₂] и [к] — [C₂], [б] — [З₂] и [п] — [C₂], [г] — [ж'] и [к] — [ш'], [б] — [ж'] и [п] — [ш'], [д] — [ж'] и [т] — [ш'], [л] — [р] и [л'] — [р'], [н] — [р] и [н'] — [р'], [C₁] — [р] и [C₁] — [р'].

Все вставленные оппозиции были изолированными, т. е. дифференциальные признаки, противопоставлявшие одну пару фонем, не совпадали с дифференциальными признаками, противопоставлявшими иные пары фонем.

Если определить количественные соотношения одномерных и многомерных оппозиций согласных в древнерусском языке, а внутри тех и других — количественные соотношения пропорциональных и изолированных оппозиций, то окажется, что общее число 300 оппозиций распределялось следующим образом: 53 оппозиции были одномерными и 247 — многомерными; в числе 53 одномерных оппозиций только 4 были изолированными, а все остальные — пропорциональными; в числе же многомерных оппозиций 64 были пропорциональными и 183 — изолированными. Таким образом, вновь подтверждается уже приводившееся выше положение Н. С. Трубецкого о преобладании в языках среди одномерных оппозиций пропорциональных, а среди многомерных — изолированных.

Коррелятивные отношения в области согласных древнерусского языка

1 Как в области гласных, так и в области согласных древнерусского языка возможно установить коррелятивные отношения, основанные на тесных связях отдельных элементов фонологической системы. Если вновь признать, что под коррелятивной парой понимаются члены логически привативной пропорциональной оппозиции, а совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком, образует корреляцию, — если признать это, то надо считать для древнерусского языка конца X — начала XI в. коррелятивными те пары фонем, которые образуют оппозиции по глухости-звонкости, твердости-мягкости и неназальности-назальности. Следовательно, корреляцию по глухости-звонкости в древнерусском языке образовывали пары фонем:

$$[п — б] = [т — д] = [с — з] = [с' — з'] = [ш' — ж'] = [ш'ч' — ж'д'] = [к — г].$$

Корреляцию по твердости-мягкости образовывали пары фонем:

$$[с — с'] = [з — з'] = [н — н'] = [л — л'] = [р — р'].$$

Корреляцию по неназальности-назальности образовывали пары фонем:

$[П_1 - м] (= [п - м], [б - м]) = [Т_1 - Н_2] (= [т - н], [д - н], [т - н'], [д - н'])$.

Таким образом, в коррелятивных отношениях участвовали и были поэтому парными 21 согласная фонема древнерусского языка; остальные 5 фонем (а именно [в], [ц'], [ч'], [х] и [j]) в таких коррелятивных отношениях не участвовали и были непарными.

В двух коррелятивных рядах древнерусского языка — в ряду по глухости-звонкости и в ряду по твердости-мягкости — участвовали в целом различные фонемы, и только четыре из них — [с], [с'], [з], [з'] — входили в обе корреляции, образуя тем самым четырехчленный пучок, состоящий из двух родственных корреляций¹:

$$\begin{array}{cc} с & с' \\ | & | \\ з & з' \end{array}$$

2 Такое решение вопроса о коррелятивных отношениях согласных в древнерусском языке конца X — начала XI в. возникает в том случае, если под коррелятивными парами понимаются лишь те оппозиции фонем, которые могут быть определены как одномерные привативные пропорциональные оппозиции. Однако существует и более широкое понимание корреляции²: «Коррелятивные оппозиции основаны на совпадении у двух или более фонем всех выделяемых признаков, кроме одного, который и служит дифференциальной диакритикой»³. Такое понимание корреляции дает возможность считать коррелятивными те пары фонем, которые противопоставлены друг другу не только в одномерной пропорциональной, но и в одномерной изолированной,

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 96—97.

² Впрочем, так же как и более узкое, когда в корреляцию включаются только пары фонем, противопоставленные по одному и е й т р а л и з у е м о м у дифференциальному признаку.

³ А. А. Реформатский, Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 8, 1955, стр. 4.

■ только в одномерной привативной, но и в одномерной градуальной или эквиолентной оппозиции, ибо при таком понимании корреляции важно лишь то, что при общем основании у данных двух фонем есть один дифференциальный признак, противопоставляющий их в определенной оппозиции. И в этом случае по-иному решается и вопрос о нейтрализации фонем, находящихся в коррелятивных отношениях. Автор цитированной выше работы, проф. А. А. Реформатский, принимающий такое расширенное понимание корреляции, пишет: «Возможность нейтрализации присуща всем коррелятивным оппозициям данной фонетической системы, но для одних оппозиций данного языка нейтрализация существует реально как некоторый действующий «звуковой закон», а для других — лишь потенциально, и тогда она может проявляться в особых условиях (в речи детей, в лингвопатологических случаях, в иных диалектах того же языка и т. п.) или же осуществляется в иную эпоху»¹ (разрядка наша. — В. И.). Оставляя в стороне вопрос о понимании потенциального существования позиций нейтрализации, обратим внимание лишь на первое положение, связанное с утверждением, что возможность нейтрализации присуща всем коррелятивным оппозициям данной системы. Это утверждение не представляется достаточно убедительным. Дело заключается в том, что расширенное понимание корреляции, как видно, логически требует отрицания нейтрализации, если под таковой понимать утрату того дифференциального признака, который характеризовал данную оппозицию. Когда речь идет о привативной оппозиции, то в этом случае отношения между фонемами, стоящими в такой оппозиции, определяются тем, что одна из них имеет данный признак, а другая — не имеет. Поэтому приобретение одним членом данной оппозиции данного признака или, наоборот, утрата другим членом этой оппозиции данного признака приведет к нейтрализации противопоставленных фонем. Если же две фонемы находятся, скажем, в эквиолентной оппозиции, то их отношения не характеризуются наличием или отсутствием какого-либо признака при общих остальных признаках;

¹ А. А. Реформатский, «Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 8, 1955, стр. 4.

фонемы, находящиеся в эквиолентных оппозициях, «логически равноправны»¹. А это значит, что для возникновения нейтрализации такой оппозиции один член ее должен утратить признак, противопоставлявший его другому члену оппозиции, и приобрести признак, свойственный этому последнему. Например, в оппозиции по месту образования [п — т] для возникновения нейтрализации необходимо, чтобы или фонема [п] утратила губную артикуляцию и приобрела переднеязычную, или [т] утратила переднеязычную артикуляцию и приобрела губную. Едва ли можно утверждать, что в современном русском языке есть какие-либо позиции, где проявляется подобная нейтрализация. Точно так же, например, оппозиция по способу образования [ж — р] едва ли подвергается нейтрализации в какой-либо позиции в современном русском языке. Конечно, в определенных случаях, причем, надо прямо сказать, ограниченных стыком морфем, можно обнаружить факты нейтрализации согласных, противопоставленных друг другу по месту и способу образования, т. е. находящихся в эквиолентных оппозициях², однако этот факт не меняет того положения, что нейтрализация не может быть принята в качестве свойства, характерного для всех коррелятивных оппозиций, если под последними понимать не только одномерные привативные оппозиции.

Однако если не ставить вопроса о нейтрализации, то само положение о коррелятивных парах как таких, в которых члены оппозиции противопоставляются одним дифференциальным признаком при сходстве всех остальных признаков, — это положение могло бы быть принято. И в этом случае для изучаемой эпохи древнерусского языка могли бы быть установлены корреляции не только по глухости-звонкости, твердости-мягкости и неназальности-назальности, но и по месту и способу образования.

В таких коррелятивных отношениях, таким образом, окажутся фонемы, образующие следующие оппозиции:

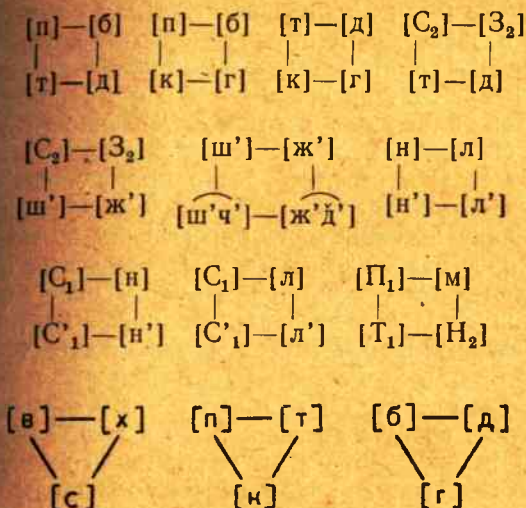
$$\begin{aligned} [п — т] &= [б — д] = [в — с_3] = [м — н_2], \\ [п — к] &= [б — г] = [в — х], \\ [т — к] &= [д — г] = [с_3 — х], \end{aligned}$$

¹ Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 83.

² Эти случаи перечислены в цитированной статье А. А. Реформатского (см. стр. 20—23).

$$\begin{aligned}
[\text{ш}' - \text{ч}'] &= [\text{C}_2 - \text{ш}'] = [\text{З}_2 - \text{ж}'], \\
[\text{т} - \text{C}_2] &= [\text{д} - \text{З}_2] = [\text{K}_1 - \text{х}], \\
[\text{C}_3 - \text{ц}'] &= [\text{Ш}'_1 - \text{ч}'] = [\text{ш}' - \text{ш}'\text{ч}'] = [\text{ж}' - \text{ж}'\text{д}'], \\
[\text{н} - \text{л}] &= [\text{н}' - \text{л}'], \\
[\text{C}_1 - \text{н}] &= [\text{C}'_1 - \text{н}'], \\
[\text{C}_1 - \text{л}] &= [\text{C}'_1 - \text{л}'].
\end{aligned}$$

С учетом оппозиций по глухости-звонкости, твердости-мягкости и неназальности-назальности возможно говорить о наличии еще десяти четырехчленных и трех трехчленных пучков корреляций в древнерусском языке:

Противопоставленность согласных в тождественных фонетических условиях

1 После рассмотрения вопроса о дифференциальных признаках согласных фонем и о характере оппозиций, которые они образовывали в древнерусскую эпоху, следует обратиться к проблеме противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях. Эта проблема, как уже говорилось выше, связана с определением состава со-

гласных фонем, однако вопрос об этом составе едва ли является сложным сам по себе, ибо не представляет труда установить в древнерусском языке наличие слов и форм, которые будут отличаться друг от друга той или иной согласной фонемой при тождестве остального звукового состава; и точно так же, как это было и с гласными, если даже и нельзя найти 26 слов или форм, которые будут тождественны по своему звуковому облику во всем, кроме одной согласной, то это не отрицает наличия в языке именно установленного количества согласных фонем. Поэтому проблема противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях в большей степени связана не с определением состава согласных фонем, а с определением степени распространенности тех или иных согласных в языке в зависимости от возможности их употребления в определенных фонетических позициях. Этим самым данная проблема связана с вопросом о функциональной нагрузке той или иной противопоставленности согласных в общей системе языка.

Следовательно, ставя вопрос о противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях, мы имеем в виду необходимость определения возможной степени распространенности отдельных согласных в тех или иных фонетических позициях и отсюда определения степени функциональной нагрузки различных противопоставлений согласных в древнерусском языке конца X — начала XI в.

При этом следует иметь в виду, что в силу тенденции к открытости слога в древнерусском языке, как известно, мало были распространены сочетания согласных, или группы согласных. В подавляющем большинстве случаев согласные выступали в сочетании с гласными, и поэтому тождественность фонетических условий для согласных определялась в целом возможностью сочетаемости их с теми или иными гласными. Конечно, в силу, во-первых, того, что определенные группы согласных в древнерусском языке были, а во-вторых, того, что имелась одна возможность сочетаемости практически любой согласной с предшествующим [з] (в приставочных образованиях с *из-*, *без-*, *роз-* (*раз-*), *вѣз-* (*воз-*), где перед глухим выступал согласный [с]), — в силу этого возникали, с одной стороны, некоторые возможности употребления согласных в тождественных фонетических условиях перед согласными, а с другой —

определенные изменения согласных в сочетании с [з] (сз).

За недостатком места мы не имеем возможности рассмотреть вопросы, связанные с противопоставленностью согласных перед согласными, хотя они представляются достаточно важными в истории фонологической системы русского языка. Однако в то же время надо иметь в виду, что в силу малой распространенности групп согласных в древнерусском языке специфику его в отношении употребляемости и противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях определяла не позиция перед согласными, а позиция перед гласными, т. е. сочетаемость согласных с гласными, в области которой было много своеобразных явлений, характерных для древнерусского языка изучаемого периода.

2 Таким образом, мы обратимся к рассмотрению вопроса о сочетаемости согласных с гласными и о противопоставленности согласных в этих позициях.

Рассмотрение этих вопросов требует прежде всего учета того, что сочетаемость согласных с гласными определялась, с одной стороны, качеством — твердостью или мягкостью — согласного, а с другой — сочетаемостью этих элементов внутри морфем и на стыке морфем.

В первом отношении все согласные древнерусского языка следует разделить на три группы: твердые согласные (кроме заднеязычных), мягкие согласные, заднеязычные согласные. Как известно, отличие заднеязычных от всех остальных твердых заключалось в том, что первые не могли сочетаться с гласными переднего образования, тогда как для остальных твердых позиция перед передним гласным была вполне возможна. Если не учитывать пока что отличий в сочетаемости согласных с гласными в различных морфологических условиях, то можно построить модели сочетаемости этих элементов в древнерусском языке конца X — начала XI в., где твердые согласные (кроме [к], [г], [х]) могли выступать перед всеми гласными, мягкие согласные — перед передними гласными, а также перед [а] и [у], заднеязычные — только перед непередними гласными. Если обозначить через [т] любой твердый, через [т'] — любой мягкий, а через [к] — любой заднеязычный, то модели сочетаемости будут выглядеть следующим образом:

Твердый согласный + + гласный	Мягкий соглас- ный + гласный	Заднеязычный соглас- ный + гласный
<i>ты</i>	—	<i>кы</i>
<i>ту</i>	<i>т'у</i>	<i>ку</i>
<i>то</i> ¹	—	<i>ко</i> ¹
<i>тѣ</i>	—	<i>кѣ</i>
<i>та</i>	<i>т'а</i>	<i>ка</i>
<i>т'и</i>	<i>т'и</i>	—
<i>т'ѣ</i>	<i>т'ѣ</i>	—
<i>т'е</i>	<i>т'е</i>	—
<i>т'ѡ</i>	<i>т'ѡ</i>	—
<i>т'а</i>	<i>т'а</i>	—

Итак, можно предварительно сказать, что только перед двумя гласными могли выступать все согласные древнерусского языка. Перед остальными гласными были возможны не все согласные: здесь действовали определенные ограничения.

Однако такое построение системы лишь на уровне модели не учитывает всех реальных фактов сочетаемости согласных с гласными, которые характеризовали древнерусскую систему и которые определяли различные ограничения в этой сочетаемости. Для того чтобы установить как характер этих ограничений, так и действительную реальность тех или иных сочетаний согласных с гласными, следует рассмотреть всю систему более подробно и расчлененно ².

Если обратиться к твердым согласным (кроме [к], [г], [х]), то их сочетаемость с последующим гласным представ-

¹ Под разной интонацией.

² В дальнейшем изложении не будет специально рассматриваться вопрос о сочетании [ј] с последующим гласным, так как проблема этой сочетаемости во многом представляется трудной для разрешения.

является достаточно прозрачной: трудно сомневаться в том, что практически любой из этих согласных мог выступать перед любым гласным. В этом случае особо обстоит дело с сочетаемостью согласного с [ä] на стыке морфем: как известно, гласный [ä] мог выступать в такой позиции лишь в падежных формах кратких причастий действительного залога настоящего времени от глаголов III и IV классов (причем твердый согласный с позиционной полумягкостью мог оказаться перед [ä] в этих формах только у глаголов IV класса), а также в падежных формах в лексически ограниченных группах слов ср. р. или с древним суффиксом **ent* — группе названий молодых животных, или с древним суффиксом **ten*, типа *имä*, *сѣмä*. В «Материалах...» И. И. Срезневского зарегистрировано всего более 800 глаголов IV класса, если учитывать как бесприставочные, так и приставочные образования (в это число не включаются слова явно старославянские или иноязычные). Отсюда можно сделать вывод, что если от таких глаголов в древнерусском языке образовывались причастия действительного залога, то их падежные формы имели в звуковом составе сочетания твердого (полумягкого) согласного с [ä]. Для доказательства того факта, что все твердые согласные могли выступать здесь в сочетании с [ä], можно привести следующие примеры форм им. п. ед. ч. муж. р.:

- [п·ä]: *вранä* (от *вранѣти*);
- [б·ä]: *гроубä* (от *гроубити*), *грабä* (от *грабити*), *доубä* (от *доубити*);
- [в·ä]: *живä* (от *живити*), *давä* (от *давити*), *гнѣвä* (от *гнѣвити*);
- [м·ä]: *громä* (от *громити*), *грѣмä* (от *грѣмѣти*), *глоумä* (от *глоумити*);
- [т·ä]: *блѣстä* (от *блѣстѣти*), *вѣртä* (от *вѣртѣти*), *гнѣтä* (от *гнѣтити*);
- [д·ä]: *блудä* (от *блудити*), *бродä* (от *бродити*), *видä* (от *видѣти*);
- [с·ä]: *висä* (от *висѣти*), *гасä* (от *гасати*), *гноусä* (от *гноусити*);
- [з·ä]: *возä* (от *возити*), *грезä* (от *грезити*), *дѣрзä* (от *дѣрзити*);
- [н·ä]: *гонä* (от *гонити*), *боронä* (от *боронити*), *женä* (от *женити*);

[л·ä]: дьлѧ (от дьлити), болѧ (от болѣти), велѧ (от велѣти);
[р·ä]: дарѧ (от дарити), борѧ (от борити), варѧ (от
варити).

В падежных формах имен существительных ср. р. с древним суффиксом **ent* можно обнаружить сочетания следующих твердых согласных с [ä]: [б·ä] (жеребѧ), [с·ä] (поросѧ), [з·ä] (порозѧ), [т·ä] (дѣтѧ), [н·ä] (нѣнѧ), [р·ä] (звѣрѧ), [л·ä] (козѣлѧ), но нельзя найти сочетаний иных твердых с [ä]. Однако это зависело не от фонетических возможностей системы, а лишь от лексического состава языка и его морфологической структуры.

В существительных ср. р. с древним суффиксом **ten* обнаруживается только сочетание [м·ä].

Таким образом, приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что позиция перед [ä] на стыке морфем была ограниченной не в том отношении, что здесь могли выступать не все твердые согласные — такого ограничения в действительности не было, — а в том только, что эта позиция существовала в языке лишь в единичных указанных выше формах. Иначе говоря, это была не фонетическая, а морфологическая или лексическая ограниченность; и в этом смысле данная позиция была отличной от позиций твердых согласных перед другими гласными. Конечно, нельзя сказать, что сочетания согласных с гласными на стыке морфем в иных случаях не были вообще ограничены определенными морфологическими категориями — эти ограничения, без сомнения, существовали и не могли не существовать, однако, в отличие от сочетаний с [ä], сочетания согласных с иными гласными на стыке морфем не ограничивались не только одной какой-либо формой, но и какой-либо частью речи. Эти сочетания принципиально могли обнаруживаться при образовании форм различных частей речи и одновременно при образовании ряда форм одной и той же части речи. Так, например, сочетание твердого согласного с [a] могло выступать и в существительных, и в прилагательных, и в местоимениях, и в глаголах, и в числительных; оно могло выступать и на стыке основы и окончания существительных и прилагательных, и на стыке корня и основы инфинитива; оно могло выступать и в различных падежных формах одного существительного или в различных формах спряжения одного глагола. Точно так же обстоит дело и с сочетаниями твердых

согласных с иными гласными. И в этом смысле сочетаемость твердых с [ā] действительно была ограниченной.

Итак, на стыке морфем любой твердый согласный мог сочетаться с любой гласной фонемой. В древнерусском языке не было никаких фонетических ограничений, которые не позволяли бы какому-либо из этих согласных выступать перед любой гласной. Если в языке некоторые сочетания выступали намного реже, чем другие, то это объясняется или морфологической структурой древнерусского языка, или условиями появления отдельных гласных в плане их происхождения, или, наконец, границами словарного состава.

Это относится и к внутриморфемному положению, где в древнерусском могли быть любые сочетания твердых согласных с гласными. И здесь ограниченность сочетаний этих согласных с [ā] связана не с фонетической возможностью или невозможностью сочетаний того или иного согласного с данным гласным, а с условиями происхождения этого гласного: наличие сочетаний с [ā] было ограничено лексически, они могли быть в тех словах, где в праславянском выступали сочетания данных согласных с [ǣ].

Точно так же обстоит дело и с явлениями сочетаемости заязычных [к], [г], [х] с последующими гласными переднего образования, где ограничения не касались фонетической стороны языка, а могли быть обусловлены лишь морфологически или лексически. Однако, в связи с тем что заднеязычные не выступали перед гласными переднего образования, на функционирование этих согласных в системе древнерусского языка конца X — начала XI в. накладывался определенный отпечаток, заключавшийся прежде всего в том, что заднеязычные были вообще менее широко распространены в языке.

3 Что же касается сочетаемости мягких согласных с гласными, то здесь надо иметь в виду целый ряд обстоятельств. Прежде всего необходимо учесть, что все мягкие согласные могли равно выступать перед всеми гласными переднего ряда, а также перед [a] и [y]; перед остальными гласными мягкие согласные были невозможны. Однако это общее положение окажется очень далеким от истины, если обратиться к конкретному материалу самого древне-

русского языка. Для того чтобы установить реальные условия функционирования мягких согласных, следует рассмотреть отдельно три группы этих согласных — мягкие шипящие, мягкие свистящие и мягкие сонорные. При этом, рассматривая возможности сочетаемости различных мягких с последующими гласными, необходимо разграничивать явления внутри морфем и на стыке морфем.

Прежде всего надо иметь в виду, что внутри морфем не было вообще сочетаний [ж'д'] с гласными, ибо [ж'д'] возникало из сочетаний *zd и *zg с [j] или из сочетаний *zg с последующей гласной переднего ряда, которых не могло быть в праславянском языке внутри морфем. Таким образом, в древнерусском языке внутри морфем сочетались с гласными лишь [ч'], [ш'], [ж'] и [ш'ч']. Эти сочетания могли быть достаточно разнообразны, так как шипящие выступали перед гласными [y], [a], [и], [e], [ь], [ā]; не могло быть лишь сочетания шипящего с [ě] в силу раннего изменения [ě] < [ē] в [a] в позиции после мягкого шипящего. Исключение здесь могла составлять лишь форма *чѣмь*, возникшая из *чимь*, однако время возникновения этой формы остается неизвестным.

На стыке морфем шипящие могли сочетаться с теми же гласными, что и внутри морфем, но одновременно с этим — и с [ě]. Это объясняется тем, что в ряде падежных форм имен с древними основами на *jǫ и *ja древнерусский язык имел в соответствии с предполагаемым праславянским [ē] флексию [ě].

Мягкие сонорные в отношении сочетаемости с гласными отличались от шипящих в том плане, что они могли сочетаться внутри морфем лишь с [y] и ни с одной другой фонемой¹. Это объясняется тем, что сочетания мягкого сонорного с гласным могли возникнуть лишь из исконных сочетаний «сонорный + [j] + гласный», а подобных сочетаний в праславянском языке внутри морфем не было. Сочетание же «мягкий сонорный + [y]» возникало из исконного «сонорный + [ey]». Что же касается стыка морфем, то здесь мягкие сонорные, так же как и мягкие шипящие, сочетались со всеми гласными переднего образования и с [y] и [a], и в этом отношении отличий между этими группами мягких не было.

¹ Как говорилось выше, в редких, единичных случаях мягкие сонорные внутри морфем оказывались еще перед [e], [и] и [ā] (см. стр. 62).

Мягкие свистящие на стыке морфем могли сочетаться со всеми гласными переднего образования, кроме [ä], и с [y] и [a]. Что же касается позиций внутри морфем, то здесь мягкие свистящие могли сочетаться только с [ě] и ни с какой другой гласной фонемой.

Если проанализировать памятники и «Материалы...» И. И. Срезневского с точки зрения наличия в них слов с сочетаниями шипящих с гласными или представить реальный состав форм древнерусского языка, то можно установить неравномерность распространения отдельных сочетаний в системе языка: некоторые из них оказываются очень ограниченно представленными в лексическом составе или в морфологических формах (таковы, например, сочетания с [ä] внутри и на стыке морфем). Однако важно, что подобные сочетания не только были реально в языке, в его лексике и морфологии, но и то, что они могли быть принципиально, т. е. в фонетическом плане система древнерусского языка допускала такие сочетания; и если они были ограничены в своем проявлении, то это было связано лишь с неиспользованием потенциальных возможностей системы.

Точно так же можно установить неодинаковую распространенность сочетаний мягких сонорных с гласными в реальном составе древнерусского языка: одни из них фактически не были ограничены в своем проявлении, другие же, наоборот, реализовывались очень редко. Так, лишь в немногих словах могли выступать мягкие сонорные [y] внутри морфем и в редких формах — сочетания этих гласных с [ä] на стыке морфем. Конкретные факты в этой области целесообразно рассмотреть ниже, при решении вопроса о противопоставленности твердых-мягких сонорных в дожественных фонетических условиях. Сейчас же мы отметим лишь тот факт, что здесь ограниченность отдельных сочетаний мягких сонорных с гласными была связана в одних случаях с условиями происхождения этих сочетаний, а тем самым — с фонетическими причинами, а в других — с характером морфологической системы.

В отношении ограниченности проявления сочетаний мягких свистящих с гласными следует, пожалуй, отметить, что наиболее редко в древнерусском языке выступали сочетания мягких свистящих с [ě] внутри морфем, что было связано с условиями образования [ě] из дифтонга [oj], [aj].

Итак, если сопоставить все приведенные факты возможных сочетаний мягких согласных с гласными, то можно установить, что внутри морфем наибольшее количество мягких согласных, а именно все шипящие, кроме [ж'д'], и все сонорные, выступало перед [y]. В позициях перед остальными гласными могли выступать только некоторые мягкие. Так, перед [a], [i], [e], [ь] и [ä] — только шипящие, а перед [ë] — только свистящие. Наоборот, на стыке морфем все мягкие равно выступали в положении перед [y], [a], [i], [e], [ь] и [ë] и только в позиции перед [ä] отсутствовали мягкие свистящие. Таким образом, именно на стыке морфем обнаруживалась наибольшая противопоставленность мягких согласных между собой, и потому именно здесь можно предполагать наибольшую степень функциональной нагрузки мягких согласных фонем.

Функциональная нагрузка оппозиций согласных внутри и на стыке морфем

1 Представленные выше оппозиции согласных древнерусского языка конца X — начала XI в. были установлены на основе того теоретического предположения, что каждая согласная фонема обязательно противопоставляется в тождественных фонетических условиях любой другой согласной фонеме данного языка. Однако на самом деле фонологическая система накладывает определенные ограничения на противопоставленность фонем и не позволяет осуществляться некоторым оппозициям в силу особенностей, присущих самой этой системе. Иначе говоря, характер фонологической системы может обусловить тот факт, что ряд оппозиций фонем может оказаться просто невозможным, теоретически не осуществимым. С другой стороны, уже не характером фонологической системы, а характером морфологического строя и лексического состава может быть обусловлен тот факт, что некоторые оппозиции фонем оказываются фонологически «пустыми»: осуществляясь лишь на уровне модели, они в то же время не различают звуковых оболочек слов и форм в силу отсутствия последних в данном языке изучаемой эпохи. И наконец, некоторые оппозиции, «разрешенные» системой, являются в действительности функционально нагруженными, и это обстоятельство, без сомнения, определяет и их значение, и их устойчивость в языковой системе.

Все это требует рассмотрения функциональной нагрузки, оппозиций согласных, а следовательно, и установления возможности или невозможности их осуществления в древнерусском языке изучаемого периода. В определенной степени эти вопросы затрагивались при рассмотрении проблемы сочетаемости согласных с гласными — теперь все это необходимо рассмотреть подробно, разграничивая положение согласных в морфологической структуре слова и отдельные категории согласных.

2 Внутри морфем из 300 теоретически предполагаемых по количеству входивших в состав согласных оппозиций древнерусская фонологическая система допускала только 246: 54 оппозиции не могли осуществляться даже на уровне модели.

К ним относились, во-первых, оппозиции фонемы [ж'д'] по отношению ко всем остальным согласным древнерусского языка. Это было обусловлено, как уже говорилось, тем, что по характеру своего происхождения фонема [ж'д'] не могла оказываться внутри морфемы.

Во-вторых, сюда относились оппозиции мягких [ц'], [с'], [з'] по отношению к [ч'] [ш'], [ж'], [ш'ч'] и к заднеязычным [к], [г], [х]. Причины отсутствия таких оппозиций заключены в условиях возникновения мягких внутри морфем. Здесь прежде всего следует рассмотреть вопрос о противопоставленности свистящих и шипящих.

В связи с тем что мягкий свистящий внутри морфемы мог возникнуть лишь из заднеязычного перед [ě] и [i] дифтонгического происхождения, теоретически могли возникнуть и существовать только сочетания [ц'ě], [с'ě], [з'ě], и [ц'и], [с'и], [з'и].

Сочетаний мягкого свистящего с другими гласными быть не могло. Правда, в «Материалах...» И. И. Срезневского отмечаются заимствованные слова [ц'ăта] (*цѣта*) (и производные — *цѣтовѣш*, *цѣтоимѣць*), [ц'ьрки] (и производные), а также — как результат фонетического преобразования — слово [ц'арь] с его производными. Если полагать, что эти слова были в живом языке изучаемого периода, то можно думать, что могла существовать и противопоставленность шипящих согласных и [ц'] перед [ă], [a] и [ь], т. е. внутри морфем могли выступать [ч'ă] и [ч'a] и т. д. наряду с

[ц'ä] и [ц'·a]. Однако нет никакого сомнения в том, что противопоставленность [ч'ä] — [ц'ä], точно так же как и противопоставленность [ч'·a] — [ц'·a], [ч'ь] — [ц'ь] и т. д., не могла играть какой-либо серьезной роли в силу единичности словоформ, содержащих эти противопоставления.

Для [с'] и [з'] сочетания с [ä], [a] и [ь] были исключены полностью: в словах *са, сабьрь* (и производных), *сабра* — «капля», *сажень, сакнути, сакъ* (и производных), *сачи* — «достать» и *забати* (и однокорневых) — «произрастать», *затъ* (и производных), засвидетельствованных в древнерусском языке, согласные [с] и [з] не были мягкими, ибо они не восходили к заднеязычным [x], [ɣ].

Итак, остаются возможными только сочетания мягких свистящих перед [ě] и перед [и]. Однако при наличии сочетаний свистящих с [ě] внутри морфем одновременно отсутствовали сочетания мягких шипящих с [ě], что, как известно, было вызвано ранним изменением [e] > [a] после смягчения заднеязычных. В древнерусском языке не было слов с сочетаниями [ч'ě], [ш'ě], [ж'ě], [ш'ч'ě] внутри морфемы. О форме тв. п. ед. ч. местоимения *что* — *чмь*, как исключения из правила, говорилось выше (см. стр. 160). Таким образом, внутри морфем мягкие свистящие и шипящие могли бы противопоставляться только перед гласным [и]. Однако оказывается, что и перед [и] этого противопоставления не было, ибо сочетания [с'и], [с'и], [з'и] могли бы восходить только к **koj*, **goj*, **choj*, но дифтонг [oi] давал двойкий результат — или [ě], или [i] (по неясным причинам) — лишь на стыке морфем; внутри же морфем этот дифтонг изменялся всегда в [ě]. И поэтому здесь могли быть сочетания [ц'ě], [с'ě], [з'ě] при отсутствии [ч'ě], [ш'ě], [ж'ě] и, наоборот, сочетания [ч'и], [ш'и], [ж'и] при отсутствии [ц'и], [с'и], [з'и]. Отмечаемые в древнерусском языке слова с сочетаниями [си] и [зи] (например, *си* (указ. част.), *сивш*, *сизживати*, *сила*, *синь*, *сирьчь*, *сито* и др., *зидарь* — «зодчий», *зима*, *зиноути* и др.) не имели [с'] и [з'] — здесь были фонологически твердые согласные.

В связи с тем что мягкие свистящие внутри морфем выступали только перед [ě], не требует каких-либо особых объяснений причина отсутствия оппозиций этих согласных заднеязычным, ибо [к], [ɣ], [х] вообще не могли быть перед гласными переднего образования.

В-третьих, к таким оппозициям относились оппозиции [ц'], [с'], [з'] по отношению к мягким сонорным: если мяг-

кие свистящие внутри морфем по условиям своего происхождения могли быть только перед [ě], то мягкие сонорные по тем же причинам выступали лишь перед [y], восходящим к [eu].

Все остальные представленные выше в общем плане оппозиции согласных реально присутствовали в древнерусском языке, однако условия их выявления внутри морфем были неодинаковыми, а потому и степень распространенности отдельных оппозиций оказывается неравномерной.

Так, из всех возможных оппозиций 57 функционировали только перед [y]. Это были оппозиции всех мягких сонорных по отношению ко всем остальным согласным, кроме [ж'д'], [ц'], [с'], [з'].

36 оппозиций функционировали внутри морфем только перед [ě]. Это были оппозиции мягких [ц'], [с'], [з'] по отношению друг к другу и ко всем твердым согласным, кроме заднеязычных.

12 оппозиций согласных функционировали внутри морфем только перед двумя гласными — перед [a] и [y]. Это были оппозиции заднеязычных по отношению к мягким [г'], [ш'], [ж'], [ш'ч'].

36 оппозиций могли осуществляться только перед гласными передней зоны образования. Это были оппозиции заднеязычных по отношению друг к другу и к остальным твердым согласным.

Наконец, одна группа оппозиций могла осуществляться внутри морфем перед гласными [a], [y], [i], [e], [ä], [ь]. Это были оппозиции мягких шипящих [ш'], [ж'] и аффрикат [ч'], [ш'ч'] по отношению друг к другу и к твердым согласным, кроме [к], [г], [х]. Таких оппозиций было 50.

И только 55 оппозиций согласных функционировали перед всеми гласными во внутриморфемной позиции. Это были оппозиции всех твердых согласных, кроме [к], [г], [х], по отношению друг к другу.

Подобная дифференциация оппозиций согласных по степени их распространенности, конечно, приближает нас к действительности, характерной для древнерусской фонологической системы. Однако реальность данных оппозиций пока что установлена лишь на основе решения вопроса о возможностях, заложенных в системе древнерусского языка: все те оппозиции и условия их функционирования, какие были выше определены, «разрешались» системой

языка. Но действительная языковая реальность не совпала с этим определением, ибо и в системе согласных, как и в системе гласных, возможности не всегда преобразовывались в действительность; наоборот, потенциальные возможности системы зачастую не использовались в фонологических отношениях. Говоря иными словами, для того чтобы установить действительную реальность и условия функционирования оппозиций согласных, необходимо определить, во-первых, фактическое наличие моделей, в которых осуществляется противопоставление согласных, а во-вторых, установить степень функциональной нагрузки разных оппозиций согласных.

3 Рассмотрим в качестве примера с указанных точек зрения оппозиции согласных перед [y], имея в виду при этом внутриморфемное положение.

Учитывая тот факт, что так как вопрос о категории твердости-мягкости согласных, как и вопрос о категории глухости-звонкости, представляет особую проблему, целесообразно отделить рассмотрение оппозиций, образуемых согласными, парными по этим признакам, от рассмотрения иных оппозиций.

Именно поэтому прежде всего мы рассмотрим те оппозиции, которые образуют согласные, непарные по признаку твердости-мягкости.

Оппозиции согласных перед [y], как говорилось, образовывали мягкие сонорные по отношению ко всем остальным согласным, кроме [ц'], [с'], [з']. Если учесть, что «Материалы...» И. И. Срезневского фиксируют сочетание [н'у] внутри морфем в глаголах *нюкати* — «понука́ть» и *нюкнути* — «крикну́ть» только с XIV в. и поэтому остается неизвестным, были ли эти образования в более ранний период¹, — то можно думать, что в древнерусском языке конца X — начала XI в. оппозиции мягкого сонорного [н'] по отношению к другим согласным внутри морфем отсутствовали даже на уровне модели.

Сочетания мягкого сонорного [р'] с последующим [y] внутри морфем обнаруживаются в словах *рюе́нь* — «сен-

¹ Ср. ограниченность образований с [н'у] и в современном русском языке: *нюни*, *нюнить*, *нюня* и *нюх* с его производными (см. «Словарь...» под ред. Д. Н. Ушакова).

тябрь», *рюма* или *рюмъ* — «падучая болезнь» (?), *рюти* — «реветь», *рютише* — «рев», *рюшити* — «рушить», *рюя* — «одежда» (?). Таким образом, при наличии в древнерусском языке сочетаний иных согласных с [y] внутри морфем осуществлялось противопоставление на уровне модели мягкого [p'] другим согласным в позиции перед данным гласным. Здесь отсутствовало лишь противопоставление [p'y] — [by], так как внутриморфемного сочетания [by], как уже говорилось (см. стр. 64), не было.

Итак, действительное противопоставление моделей, включающих сочетание мягкого [p'] перед [y] и других противопоставленных ему согласных в этой же позиции, не подлежит сомнению. Вместе с тем в большинстве случаев эти противопоставления так и оставались на уровне модели, т. е. в древнерусском языке при помощи этих противопоставлений редко осуществлялось противоположение разных словоформ, и потенциальные возможности системы, таким образом, здесь использовались не полностью. Однако вместе с тем нельзя все же сказать, что функциональная нагрузка всех этих противоположений была равна нулю: в ряде случаев можно обнаружить факты противопоставленности слов и форм по указанным оппозициям согласных.

Ср.: [p'] — [б]: *рюя* — *боуя* (род. п. ед. ч. от *боуи*);
 [p'] — [д]: *рюма* — *доума*, *рюти* — *доути*;
 [p'] — [с]: *рюти* — *соути* — «сыпать», *рюшиши* (от *рюшити*) — *соушиши* (от *соушити*);
 [p'] — [х]: *рюмъ* — *хоумъ* — «жидкость»;
 [p'] — [ш']: *рюмъ* — *шумъ*;
 [p'] — [ч']: *рюмъ* — *чюмъ* — «ковш», *рюти* — *чюти*.

Конечно, фактов подобного рода здесь очень немного, однако это, возможно, объясняется незначительным количеством морфем, включавших в свой состав сочетание [p'y].

Сочетания мягкого сонорного [л'] с последующим [y] внутри морфем обнаруживаются в следующих древнерусских словах: корень *люб-* (в *любы*, *любезьныи*, *любимикъ*, в налькированных словосложениях с *любо-* и др.), *любо* — «или», корень *люд-* (в *люди*, *людинъ* и т. п.), *люжанинъ* — «шлянин», корень *лют-* (в *лютыи*, *лють*, *люции* и т. п.). Следовательно, и здесь, так же как и в отношении с [p'], противопоставленность мягкого [л'] иным согласным перед

[у] на уровне модели может быть установлена вполне определенно. И в то же время вновь, так же как и в оппозициях с [р'], обнаруживаются, с одной стороны, факты, свидетельствующие о функционировании данных противопоставлений лишь на уровне модели, а с другой — об использовании их в качестве различителей звуковых оболочек слов и форм. Для последнего можно привести следующие примеры:

- [л'] — [п]: *люто* — *поуто*, *лють* — *поуть*;
- [л'] — [м]: *лютѣ* — *моутѣ* — «омут»;
- [л'] — [д]: *люти* — *доути*, *любѣ* — *доубѣ*;
- [л'] — [т]: *лютѣ* — *тоутѣ*;
- [л'] — [с]: *люти* — *соути*, *лють* — «беда» — *соуть*;
- [л'] — [з]: *любѣ* — *зоубѣ*, *любы* — «любовь» — *зоубы*;
- [л'] — [н]: *люта* (род. п. ед. ч. от *лютѣ*) — *ноута* — «рогатый скот»;
- [л'] — [р]: *любѣ* — *роубѣ* — «кусок», *любы* — *роубы*;
- [л'] — [г]: *любѣ* — *гоубѣ* (род. п. мн. ч. от *гоуба*);
- [л'] — [х]: *людѣ* — *хоудѣ*;
- [л'] — [ш']: *люба* — *шуба*;
- [л'] — [р']: *люти* — *рюти*.

Таким образом, и здесь противопоставления словоформ оппозициями мягкого сонорного [л'] другим согласным фонемам обнаруживают достаточную степень функциональной нагрузки.

Надо иметь в виду, что оппозиция [л'] перед [у] могла осуществляться по отношению к некоторым согласным еще в тех случаях, когда сочетание [л'у] внутри морфем возникло в результате изменения праславянского «губной + + [j]» в «губной + l-epentheticism». В результате этого изменения в древнерусском языке существовали слова с внутриморфемными сочетаниями [пл'у], [бл'у]; сюда же примыкают слова с начальным сочетанием [кл'у] из **kleu-*. К таким словам относились: корень *плю(j)-* (в *плюю*, *плюеши*, *плюеть* и т. д., *плюоути*), *плюска* — «чаша желудя», *плюскѣ* — «звук» (?), *плюча* и *плюща* — «легкое», корень *блю(j)-* (в *блюю*, *блюеши*, *блюеть* и т. д., *блюовина*), *блющѣ* — «плющ», корень *клю(j)-* (в *клюю*, *клюеши*, *клюеть* и т. д., *кловѣ*, *клюнѣ* — «клюв») *клюдити* — «говорить», *клюжати* — «говорить», корень *клюк-* (в *клюка* — «хитрость» и под.), *клюса* — «жеребенок», корень *ключ-* (в разных зна-

чениях). В древнерусском языке наряду с сочетаниями [кн'у] и [пл'у] возможны были сочетания [кнѹ], [пру], причем первое, по данным «Материалов...» И. И. Срезневского, отмечается лишь в слове *кнѹтъ*, а второе, наоборот, распространено очень широко. (Могли быть также сочетания [км], [кв] + разные гласные, но среди последних не зафиксировано [у], а также [кс] и [пс] в заимствованиях из греческого.)

Однако анализ материала показывает, что оппозиции [кн'у] — [кнѹ] и [пл'у] — [пру] осуществлялись лишь на уровне модели.

4 На стыке морфем были возможны все 300 оппозиций согласных древнерусского языка, хотя, конечно, не все они могли иметь функциональную нагрузку — многие из них существовали лишь на уровне модели и с их помощью не осуществлялось противопоставления звуковых оболочек форм слов.

Вместе с тем, как и внутри морфем, не все оппозиции согласных могли выступать здесь перед всеми гласными в силу особенностей самой фонологической системы древнерусского языка, однако количественные соотношения этих оппозиций здесь уже совершенно иные, чем внутри морфем.

Так, на стыке морфем из всех возможных оппозиций 33 осуществлялись только перед гласными [а] и [у]. Это были оппозиции заднеязычных по отношению ко всем мягким согласным.

36 оппозиций функционировали на стыке морфем только перед непредними гласными. Эти оппозиции образовывались заднеязычными по отношению друг к другу и к остальным твердым согласным.

На стыке морфем, далее, существовали оппозиции согласных, осуществлявшиеся перед гласными [а], [у], [и], [ѣ], [е] и [ѡ]. Таких оппозиций было 60, и образовывались они мягкими [ч'], [с'], [з'] по отношению друг к другу и ко всем остальным согласным, кроме заднеязычных.

116 оппозиций выступали перед теми же гласными [а], [у], [и] [ѣ], [е], [ѡ], а также перед [ä]. Это были оппозиции мягких [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'], а также мягких сонорных [н'], [л'], [р'] по отношению друг к другу и ко всем остальным согласным, кроме [ц'], [с'], [з'].

И точно так же, как и внутри морфем, только 55 оппозиций, которые образовывали твердые согласные, кроме [к], [г], [х], по отношению друг к другу, функционировали перед всеми гласными фонемами.

Таким образом, в количественном отношении только в двух случаях наблюдается совпадение данных внутри и на стыке морфем. В остальных же такого совпадения нет, как нет совпадения и в характере устанавливаемых оппозиций.

Анализируя оппозиции на стыке морфем, необходимо вновь подчеркнуть, что этот вопрос связан, во-первых, с установлением действительного наличия теоретически возможных моделей противопоставления согласных перед теми или иными гласными, а во-вторых, с определением степени функциональной нагрузки определенных противопоставлений.

Решение этих вопросов для положения согласных на стыке морфем связано со специфическими особенностями данной позиции. Ведь нет никакого сомнения в том, что подобное противопоставление согласных прежде всего могло осуществляться при словоизменении, когда в различных формах одного и того же слова данный согласный оказывался перед разными гласными. В результате этого возникали модели сочетаемости различных согласных с гласными. Если одновременно с этим возможны были формы другого или других слов, изменявшегося или изменявшихся подобным же образом, основа которых оканчивалась на иной согласный, — в этом случае возникали модели противопоставления согласных перед одними и теми же гласными.

Следовательно, установление моделей противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях на стыке морфем связано с определением того, какие согласные перед какими гласными могли оказываться на этом стыке. Здесь намечается связь с морфологической структурой языка, которую необходимо иметь в виду в дальнейшем рассмотрении.

Что касается установления степени функциональной нагрузки противопоставлений согласных на стыке морфем, то и здесь прежде всего следует учесть, что данная нагрузка определяется тем фактом, что два или несколько слов тождественны по своей оболочке во всех элементах и различаются лишь конечным согласным корня или основы.

В результате этого данные слова противопоставляются друг другу одним согласным элементом, и это определяет функциональную значимость данного противопоставления.

Рассмотрим функциональную нагрузку одной группы оппозиций согласных — оппозиций перед [a] и [y] на стыке морфем, как это было сделано и выше для внутриморфемного положения.

5 Оппозиции согласных перед [a] и [y] на стыке морфем образовывали, как говорилось, заднеязычные по отношению ко всем мягким согласным. На уровне модели все эти оппозиции выступают вполне отчетливо.

В связи с тем что сочетания рассматриваемых согласных с гласными и противопоставленность этих согласных образовывалась в именах с основой на заднеязычный или на мягкий согласный на стыке основы и окончания, а также в глаголах с такими же основами на таком же стыке или на стыке корня и суффикса, — в связи с этим функциональная нагрузка всех этих противопоставлений может быть определена с достаточной точностью.

Данные памятников и «Материалов...» И. И. Срезневского, а также реконструкция форм древнерусского языка позволяют установить функциональную значимость оппозиций заднеязычных мягким согласным:

[к] — [ц'] : *оужика, -оу* — «родственник» — *оужица, -оу* — «шнурок»;

[к] — [ч'] : *братеника, -оу* (от *братеникъ*) — *братенича, -оу* (от *братеничь* — «брат»), *воиника, -оу* (от *воиникъ*) — *воинича, -оу* (от *воиничь* — прилаг. от *воиникъ*), *волокоу* (от *волочи*) — *волочу* (от *волочити*), *впка, -оу* (от *въкъ*) — *въча, -оу* (от *въче*), *дыка, -оу* (от *дыкъ*) — *дыча, -оу* (прилаг. от *дыкъ*), *инока, -оу* (от *инокъ*) — *иноча, -оу* (прилаг. от *инокъ*), *клика, -оу* (от *кликъ*) — *клича, -оу* (от *кличь*), *клюка, -оу* — *ключа, -оу* (от *ключь*) и мн. др.;

[к] — [ш'] : *протекоу* (от *протекати*) — *протешу* (от *протесати*), *роукоу* (от *роука*) — *роушу* (от *роушити*), *соука, -оу* — *соуша, -оу*, *оутпкати* — *оутпшати*;

[к] — [ж'] : *въка, -оу* (от *въкъ*) — *въжа, -оу* — «шатер», *лыка, -оу* (от *лыко*) — *лыжа, -оу* — «ложная

вестъ», *моукоу* (от *моука*) — *моужу* (от *моуди-ти*), *рѣкоу* (от *рѣка*) — *рѣжу* (от *рѣзати*), *тоука,-оу* (от *тоукѣ*) — *тоужа,-оу* (от *тоужь* — «чужой»);

[к] — [ш'ч'] : *вѣка,-оу* — *вѣща,-оу* (от *вѣщъ* — «вещий»), *калика,-оу* — *калища,-оу* (от *калище* — «грязь»), *поука,-оу* (от *поукѣ* — «связка») — *поуща,-оу*, *рока,-оу* (от *рокѣ*) — *роща,-оу*, *тѣлка,-оу* (от *тѣлкѣ*) — *тѣлица,-оу*, *тѣкати* — *тѣцати* — «торопить», *тѣкание* — *тѣцание* — «поспешность», *тѣканыи* — *тѣцаныи*, *оумакати* — *оумашцати* — «умашать»;

[к] — [л'] : *бока,-оу* (от *бокѣ*) — *боля,-ю* (от *боль* — «больной»), *оумакати* — *оумалати*, *какоу* (от *кака* — «какая») — *калю* (от *калити*), *соукоу* (от *соукѣ*) — *соулю* (от *соулити*);

[к] — [р'] : *боука,-оу* (от *боукѣ*) — *боура,-ю*, *вѣкоу* (от *вѣкѣ*) — *вѣрю* (от *вѣрити*), *оумакати* — *оумаряти* — «убивать»;

[г] — [ч'] : *кроуга,-оу* (от *кроугѣ*) — *кроуча,-оу*, *могоу* (от *мочи*) — *мочу* (от *мочити*), *нароугати* — *нароучати*, *пороугати* — *пороучати*;

[г] — [ш'] : *вага,-оу* — «весы» — *ваша,-оу*, *нага,-оу* (от *нагѣ*) — *наша,-оу*, *пороугати* — *пороушати*, *роугоу* (от *роугѣ* — «насмешка») — *роушу* (от *роушити*), *чага,-оу* — «пленница» — *чаща,-оу*;

[г] — [ж'] : *бога,-оу* (от *богѣ*) — *божа,-оу* (от *божъ* — «божий»), *вагоу* (от *вага*) — *важу* (от *вадити*), *въздѣргати* — *въздѣржати*, *въстѣгати* — *въстѣжати*, *избѣгати* — *избѣжати*, *избѣгоу* — *избѣжу*, *инорога,-оу* (от *инорогѣ*) — *инорожа,-оу* (прилаг. от *инорогѣ*), *лоуга,-оу* (от *лоугѣ*) — *лоужа,-оу*, *недоуга,-оу* (от *недоугѣ*) — *недоужа,-оу* (от *недоужь* — «недужный»), *нетѣга,-оу* (от *нетѣгѣ*) — *нетѣжа,-оу* (от *нетѣжъ* — «ленивый»), *нога* — *ножа* и мн. др.;

[г] — [ш'ч'] : *калига,-оу* — «башмак» — *калища,-оу* (от *калище*), *лоуга,-оу* (от *лоугѣ*) — *лоуща,-оу* — «копье», *могоу* (от *мочи*) — *мощу* (от *мостити*), *рога,-оу* (от *рогѣ*) — *роща,-оу*, *чага,-оу* — *чаща,-оу*;

- [л'] : *могоу* — *молю*, *стога,-оу* (от *стогъ*) — *стола,-ю* — «скамья», *въжигати* — *въжиляти* — «укреплять»;
- [г] — [р'] : *боуга,-оу* (от *боугъ* — «обруч») — *боурга,-ю*, *нога,-оу* — *норга,-ю* — «нора», *могоу* — *морю* (от *морити*);
- [ж] — [ч'] : *стрѣха,-оу* — «кровля» — *стрѣча,-оу* — «встреча», *обоухати* — «обвеять» — *обоучати*, *плаха,-оу* — *плача,-оу* (от *плачь*), *пооухати* — «понукаль» — *пооучати*;
- [х] — [ш'] : *дыхание* — *дышание*, *жениха,-оу* (от *женихъ*) — *жениша,-оу* (прилаг. от *женихъ*), *конюха,-оу* (от *конюхъ*) — *конюша,-оу* (прилаг. от *конюхъ*), *роухоу* (от *роухъ*) — *роушу* (от *роушити*), *соуха,-оу* (от *соухъ*) — *соуша,-оу*;
- [м] — [м'ч'] : *мѣха,-оу* (от *мѣхъ*) — *мѣща,-оу* (от *мѣскъ* — «мул»), *опоухати* — *опоуцати*, *пооухати* — *пооуцати* — «побуждать», *тихоу* (от *тихъ*) — *тищу* (от *тищати* — «настаивать»);
- [л] — [л'] : *соухоу* (от *соуха*) — *соулю* (от *соулити*).

Итак, из всех оппозиций заднеязычных по отношению к мягким согласным не имели функциональной нагрузки, оставаясь на уровне модели, оппозиции [к], [г], [х] с [с'], [ц'], [ж'д'], а также оппозиции [х] с [ц'], [ж'], [н'] и [р'], оппозиции [г] с [ц'] и [н'] и оппозиция [к] с [н']. Все остальные противопоставления были функционально значимы.

Категория твердости-мягкости согласных в древнерусском языке

1 Как известно, в древнерусском языке было всего пять пар фонем, противопоставление членов которых осуществлялось по ДП «твердость — мягкость». Этими парами являлись [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р']. Таким образом, категория твердости-мягкости согласных в этом языке находила свое выражение именно в этих пяти парах фонем. Ближайшее рассмотрение соот-

ношений между членами указанных противопоставлений обнаруживает целый ряд особенностей, которые определяют специфику языка конца X — начала XI в. в данном плане. Анализируя эту специфику, следует решить вопрос о характере противопоставленности твердых-мягких согласных в древнерусском языке и о функциональной ее нагрузке.

В связи с тем что в древнерусском языке не было сочетаний сонорного с сонорным или шумным, противопоставленность твердых-мягких сонорных осуществлялась лишь перед гласными; то же самое относится и к твердым-мягким свистящим, хотя сочетания свистящих с сонорным или шумным согласным, вообще говоря, могли существовать, но в эти сочетания вступали лишь твердые свистящие, тогда как мягкие в подобных позициях оказываться не могли (наличие [з'] в [з'вѣзда] положения не меняет).

Если выделить из общей схемы, представленной выше в связи с рассмотрением сочетаемости согласных с гласными, те моменты, которые касаются лишь сочетаемости парных твердых-мягких согласных, то можно будет определить следующее.

Твердые сонорные внутри морфем могли сочетаться с любой гласной фонемой (хотя в реальном словарном и морфологическом составе древнерусского языка отсутствовали сочетания [н·ǣ] и [н·ь]; см. стр. 64). Мягкие сонорные внутри морфем могли сочетаться только с [y]. Следовательно, можно утверждать, что внутри морфем твердые-мягкие сонорные противопоставлялись перед [y], и необходимо установить реальную степень этой противопоставленности, т. е. определить ее функциональную нагрузку.

На стыке морфем твердые сонорные могли сочетаться также с любой гласной фонемой; мягкие же сонорные сочетались с [y], [a], [i], [ě], [e], [ь] и [ǣ]. Следовательно, в данном случае можно утверждать, что твердые-мягкие сонорные противопоставлялись перед только что перечисленными гласными, и вопрос опять-таки заключается в определении степени функциональной нагрузки данных противопоставлений.

Внутри морфем, далее, твердые свистящие могли сочетаться с любой гласной фонемой; мягкие же свистящие сочетались только с [ě]. Поэтому твердые-мягкие свистящие

противопоставлялись внутри морфем лишь перед [ě]; и здесь требует решения вопрос о степени функциональной нагрузки этой противопоставленности.

На стыке морфем твердые свистящие могли сочетаться также с любой гласной фонемой (хотя в ряде случаев такие сочетания были сильно ограничены); мягкие же свистящие сочетались в этой позиции с [y], [a], [i], [ě], [e] и [ь].

Пожалуй, не следует вновь приводить примеры для иллюстрации существования сочетаний твердых и мягких сонорных и свистящих с определенными гласными внутри и на стыке морфем в древнерусском языке: такие примеры уже приводились выше.

Важнее рассмотреть всю эту сочетаемость на лексическом и морфологическом уровнях, для того чтобы решить вопрос о степени функциональной нагрузки противопоставленности твердых-мягких парных согласных в конце X — начале XI в.

2 Итак, до смягчения полумягких согласных противопоставленность исконно парных по твердости-мягкости сонорных, а следовательно, и функциональная нагрузка этой противопоставленности определялась тем, что она обнаруживалась по-разному в различных морфологических условиях. Как это определено выше, наиболее широко твердые-мягкие сонорные выступали перед одними и теми же гласными лишь на стыке морфем. Внутри морфем они противопоставлялись только перед одним гласным. Это объясняется тем, что, как уже говорилось, мягкие сонорные исторически возникали из сочетаний твердых сонорных с [j], которых не было внутри морфем. Что же касается сочетаний мягких сонорных с [y], то они возникали из праславянских сочетаний сонорных с [eu], когда в результате монофтонгизации [eu] > [ju] выделялся неслоговой элемент [j], воздействовавший на предшествующий сонорный как [j], смягчая этот согласный.

Однако в лексическом составе древнерусского языка слов со внутриморфемными сочетаниями [л'у], [р'у] было очень мало, а с сочетанием [н'у] не было совсем. Все эти слова были полностью приведены выше (см. стр. 166—167). Опираясь на этот материал, возможно поставить вопрос о функциональной значимости противопоставленности твердых-мягких сонорных перед [y] внутри морфем.

Если обратиться к противопоставлению [лу] — [л'у], то оказывается, что хотя слов с сочетанием [лу] внутри морфем было много, только в единичных случаях наблюдается противопоставленность слов по оппозиции твердого-мягкого сонорного. Речь здесь может идти лишь о двух фактах: *лоубъ* — «лубок»¹ — *любъ* (краткое прилагательное), причем при сохранении склонения прилагательным противопоставленность могла осуществляться и в косвенных падежах (ср. *лоуба* — *люба*, *лоубоу* — *любоу*, *лоубьмь* — *любьмь* и т. д.); и второй случай — *лоуда* — «плащ» — *люда* (род. п. ед. ч. от *людъ*), если в них не было различия в месте ударения.

Что касается слов с сочетаниями [плу], [блу], [клу] и [пл'у], [бл'у], [кл'у] внутри морфем, то об их противопоставленности следует сказать особо. В древнерусском языке отмечен единственный корень с сочетанием [плу]: в словах *плоути* — «плавать», *плоутиє* — «плавание» и *плоутьць* (?). Следовательно, в языке не было слов и форм, противопоставленных сочетаниями [плу] и [пл'у] внутри морфем. Сочетание [блу] выступало широко в морфеме *блоуд-* (например, *блоудъ*, *блоудити*, *блоудьно* и т. д.) и *блоужд-* (в *блоуждати*, *блоуждение*), и при наличии морфемы *блюд-* в языке могли наблюдаться факты противопоставления звуковых оболочек слов твердым-мягким [л] внутри морфем, например: *блоудъ* — *блюдъ*, *блоудоу* — *блюдоу*, *блоудь* — *блюдь* и т. п., *блоудение* — «болтовня» — *блюдение* — «наблюдение». Наконец, сочетание [клу] отмечается только в слове *клоубъ* — «шар, клубок», не имеющем параллели в языке с мягким сонорным внутри морфемы. Слово же *клоуча* с неясным значением, которое могло бы быть противопоставлено форме *ключа*, регистрируется памятниками лишь с XIV в.

Что касается сочетаний [ру] — [р'у], то здесь при широком распространении внутриморфемного [ру] в то же время отсутствовала противопоставленность слов по наличию [р] или [р'] при тождестве остальных звуковых элементов. Правда, можно установить, что в древнерусском языке при существовании слов *рюма* — «падучая болезнь» (?), *рюти* — «реветь», *рюшити* — «разрушать» были слова *роума* — «обморок», *роути* — «реветь», *роушити* — «разру-

¹ Если считать, что отмечаемое в памятниках лишь с XV в. это слово было известно в древнерусском языке уже в XI в.

иногда, однако это не были пары различных слов, а были лишь произносительные варианты одного и того же слова (например, подобное явление в диалектах: *грязь* — *гразь*, *грибы* — *грибы*, *комарь* — *комар* и т. п.).

Итак, если ко всему сказанному добавить еще то, что противопоставленности [н] — [н'] внутри морфем перед [у] не было вообще, то можно утверждать, что функциональная нагрузка противопоставления твердых-мягких сонорных в этом положении была ничтожной, и это, возможно, было связано с относительной редкостью дифтонга [eu] внутри морфем и отсутствием других возможностей возникновения мягких сонорных не на морфологическом стыке.

Выше отмечалось, что в редких случаях мягкий сонорный [н] оказывался внутри морфем перед [e], [i], [ä]. Речь идет о слове [н'äдрo] и местоименных формах *нѣ*, *нѣго*, *нѣмоу*, *нѣмь*. Опять-таки с теоретической точки зрения в древнерусском языке могли быть слова, которые противопоставлялись бы твердыми-мягкими сонорными перед [e], [i], [ä] внутри морфем. Однако если при наличии *надро* было слово *надро* с тем же значением, то это был произносительный вариант слова, а не другое слово. При наличии *не* было отрицание *не*, однако форма *нѣ* не могла употребляться без предлога, а *не* — с предлогом; иначе говоря, в живой речи не могло возникнуть ситуации, когда только твердость или мягкость сонорного определяла бы характер данного слова. Следовательно, и в этих случаях функциональная нагрузка противопоставленности твердого-мягкого [н], по существу, отсутствовала.

3 В отношении противопоставленности твердых-мягких сонорных на стыке морфем дело обстоит несколько по-иному, однако и здесь эта противопоставленность осуществлялась по-разному и имела не всегда один и тот же характер, что зависело от ряда морфологических условий, и прежде всего от распространенности тех или иных флексий в древнерусском языке.

Функциональная нагрузка, падающая на противопоставления твердых-мягких сонорных на стыке морфем, определяется целым рядом фактов, связанных с различием форм разных морфологических категорий. Здесь прежде всего необходимо учесть, что мягкие сонорные на стыке морфем могли оказаться в падежных формах имен с древ-

ними основами на *jō и *jā (сюда же могут быть присоединены существительные муж. р. с суффиксами *-тель* и *-арь* и жен. р. с суффиксами *-ыня*, *-ыни*), в формах притяжательных прилагательных с суффиксом [j], в сравнительной степени, в глаголах III класса (в настоящем времени, имперфекте, повелительном наклонении, действительных причастиях настоящего времени), IV класса (в 1-м л. ед. ч. настоящего времени, имперфекте, действительных и страдательных причастиях прошедшего времени) и в итеративных глаголах, образованных от глаголов на *-и*.

Функциональная нагрузка противопоставленности твердых-мягких сонорных на стыке морфем обнаруживается прежде всего в фактах различия форм имен существительных с основой на *ō, *ā с формами этих же имен с основами на *jō, *jā. Так, в позиции перед [a], [y], [i], [ě] противопоставляются твердые-мягкие сонорные, определяя различие звуковых оболочек форм существительных:

боура, -оу, -ть, -и (от *боуръ*) — *боуриа, -ю, -ть, -и*, *крина, -оу, -ть, -и* (от *кринъ* — «лилия») — *криниа, -ю, -ть, -и* — «источник».

В позиции перед [a], [y], [i], [e] различаются формы существительных *моръ* и *море*. *моръа, -оу, -и, -е* — *мориа, -ю, -и, -е*.

В позиции перед [y] различаются формы вин. п. ед. ч. от *гора* и дат. п. ед. ч. от *горе*: *гороу* — *горю*, а также род. п. ед. ч. от *полъ* — «половина» и дат. п. ед. ч. от *поле*: *полоу* — *полю*.

Возможно, осуществлялось различие форм при помощи противопоставления твердых-мягких сонорных в существительных:

быль, -и (с [л']) — «вельможа» — *быль, -и* (с [л̣]) — «травя», *блюстель, -и* (с [л']) — «наблюдатель» — *блюстель, -и* (с [л̣]) — «хранение».

В позиции перед [ä] твердый-мягкий [p] различал формы причастий *розоръ* (от *розорити*) — *розоръа* (от *розорати*). И точно так же различались формы повелительного наклонения от этих же глаголов.

Широко представлена оппозиция твердых-мягких сонорных перед [y], при помощи которой противопоставляются

именные падежные формы формам 1-го л. ед. ч. наст. времени глаголов IV класса:

впряу (от *впря*) — *впряю*, *дебелюу* (от *дебела*) — *дебелю*,
доброу (от *добро*) — *добрю*, *жалюу* (от *жало*) — *жалю*,
женюу (от *жена*) — *женю*, *закоуу* (от *законъ*) — *законю*,
казноу (от *казна*) — *казню*, *мпряу* (от *мпря*) — *мпряю*, (*по*)
хвалюу (от (*по*)*хвала*) — (*по*)*хвалю*, *раноуу* (от *рана*) — *раню*,
стрляуу (от *стрля*) — *стрляю*, *тьлоуу* (от *тьло*) — *тьлю*.
Ср. еще *мьноу* (от *мати*) — *мьню* (от *мьнити*).

Сюда же можно присоединить противопоставление форм *тъли* (повел. от *тълити* — «портить») с [л'] и *тъли* (дат.-местн. п. ед. ч. от *тъля*) с [л'].

Можно установить еще некоторые противопоставления:

перед [e] — (с [p']) *шуре* (наречие) — (с [p']) *шуре* (ср. ст.);
перед [a] — *дъла* (сущ.) — *дъла* (предлог).

Для определения функциональной значимости оппозиций твердых-мягких сонорных на стыке морфем (точно так же, как это было и внутри морфем) не играют роли факты типа *боура* — *боури* (в одном, последнем значении), *казна* — *казни* (тоже в одном значении), *погона* — *погоня* (тоже в одном значении), где разное качество сонорного связано лишь с фонетическим варьированием одного слова, но не с различием разных слов.

Все приведенные факты дают возможность утверждать, что функциональная нагрузка противопоставленности твердых-мягких сонорных на стыке морфем была достаточно значительной, во всяком случае, значительнее, чем внутри морфем; и поэтому рассматриваемая противопоставленность, играя вполне определенную различительную роль, не могла не быть устойчивой.

4 Обращаясь к противопоставленности твердых-мягких свистящих, надо иметь в виду следующее.

Внутри морфем сочетание [с'ѐ] могло возникнуть только из **choi*, и такое сочетание обнаруживается лишь в словах с корнями *сър-* — «серый» и *сѣд-* — «седой» (судя по параллелям с чешским и словенским языками); в остальных словах с сочетанием *сѣ*, зафиксированных в памятниках, звук [с] был исконным и фонологически твердым (на-

пример, в *спѣръѣ*, *спѣвъѣ*, *спѣно*, *спѣть* и т. д. Впрочем, этих слов в общем-то было немного). Если учесть сказанное, то можно установить, что корневые морфемы [с'ѣр-] и [с'ѣд-] в *спѣрыи*, *спѣдыи* и т. п. могли быть противопоставлены корневым морфемам [с'ѣр-] и [с'ѣд-] в *спѣра*, *спѣдѣти* и т. п. Однако в данном случае речь пока что идет лишь о противопоставлении морфем, ибо противопоставления реальных слов или форм с этими морфемами в древнерусском языке почти не было. Возможно предположить только противопоставление форм [с'ѣдѣти] — «сидеть» и [с'ѣдѣти] — «сесть» (однако последнее слово у И. И. Срезневского зафиксировано). Что же касается корневых морфем [с'ѣр-] и [с'ѣд-], то здесь возможно предполагать противопоставление реальных форм слов с этими морфемами, если учесть возможность склонения краткого прилагательного *спѣра* и падежные формы существительного *спѣра* (ср. [с'ѣра] — [с'ѣра], [с'ѣру] — [с'ѣру], [с'ѣрѣ] — [с'ѣрѣ], [с'ѣръ] — [с'ѣръ]).

Если обратиться к парному звонкому свистящему [з/з'], то сочетание [з'ѣ] внутри морфемы существовало, как видно, лишь в слове [з'ѣло] (*зѣло*), входившем в состав целого ряда производных, и особенно сложных слов. Однако в древнерусском языке не было слова [з'ѣло] или подобного, хотя существовало три слова с сочетанием [з'ѣ]: *зѣница*, *зѣти* (с неясным значением), *зѣяти* — «зевать». Таким образом, противопоставление [з'ѣ] — [з'ѣ] внутри морфемы не выходило за пределы модели и не играло в языке реальной фонологической роли. Иначе говоря, функциональная нагрузка противопоставленности [з] — [з'] внутри морфем в древнерусском языке изучаемого периода была равна нулю.

Что же касается противопоставленности твердых-мягких свистящих на стыке морфем, то и здесь, при общей широкой возможности сочетаний твердого и мягкого свистящего с одним и тем же гласным, условия их противопоставленности, связанной с функциональной нагрузкой, оказываются особыми. В самом деле, мягкие свистящие могли оказаться на стыке морфем, во-первых, когда они восходили к заднеязычным, [g] и [ch] перед [ѣ] или [i] дифтонгического происхождения (это явление было широко известно), а во-вторых, в тех случаях, когда они восходили к тем же заднеязычным, подвергшимся воздействию предшествующих передних гласных [ы], [i], [ѣ] (а также иногда [r]). Эти последние случаи для [g] и [ch] были в целом редкими

(в отличие от [к]), а если говорить специально о древнерусском языке, то и вообще лексически ограниченными (как известно, в старославянском языке это явление было распространено шире). При этом изменение [g] > [z'] и [ch] > [s'] наблюдалось лишь в том случае, если [g] и [ch] были конечными согласными корневой морфемы; если же они входили в состав суффикса, то их изменение наблюдалось лишь под воздействием предшествующих гласных переднего ряда. Прежде всего следует напомнить, что влияние предшествующего переднего гласного на заднеязычный отличалось непосредственностью, и поэтому не во всех случаях происходило такое изменение [g] и [ch]. Это еще больше осложняло возможности появления [c'] и [z'] на стыке морфем. Как представляется, в древнерусском языке была всего лишь одна пара слов, члены которой различались наличием твердого-мягкого свистящего: [в'ьс'ь] — «деревня» — [в'ьс'ь'] — «весь». Кроме приведенной формы им.-ви. п. ед. ч., противопоставление по твердости-мягкости свистящего могло оказаться действительным лишь еще в одном случае: [в'ьс'и] (косв. п. от *вьсь*) — [в'ьс'и'] (им. п. мн. ч. муж. р.). Едва ли, конечно, это противопоставление могло быть значительным для языка в силу его ограниченности и различной грамматической характеристики этих двух слов. Других же подобных противопоставлений, как кажется, не было.

Следовательно, основное звено системы, где могло возникнуть реальное различие форм слов при помощи противопоставления твердого-мягкого свистящего, возможно обнаружить лишь там, где мягкий свистящий возник на месте [g] и [ch] перед [ě] и [i] дифтонгического происхождения. Говоря конкретнее, это могло возникнуть лишь в том случае, если происходило столкновение форм существительных и кратких прилагательных с основой на [г], [х] и с основой на [з], [с]. По данным «Материалов...» И. И. Срезневского, в древнерусском языке было около 400 слов, оканчивавшихся на -хъ, -гъ, -хо, -го, -ха, -га в им. п. ед. ч., т. е. имевших в некоторых падежных формах мягкие свистящие [c'] и [z'] перед [ě] и [и]. Из них только четыре могли вступить в такие отношения со словами с основой на [с], [з], которые приводили к возникновению форм, отличающихся твердым-мягким свистящим при тождестве остальных элементов звуковой оболочки слов. Речь идет о таких парах: *лисѣ* — *лихо* — «зло» (ср.

лис'нь — лис'н), роусъ — роухо (ср. роус'нь — роус'н), оуза — оугъ — «юг» (ср. оуз'нь — оуз'н), оусъ — оухо (ср. оус'нь — оус'н). Все остальные слова, образовывая формы на [с'], [з'] + [ѣ] или [и], не имели пар, в которых эти же формы выступали бы с [с'ѣ], [с'и] или [з'ѣ], [з'и] при тождестве остальных элементов звуковых оболочек данных слов.

Таким образом, если внутри морфем степень функциональной нагрузки противопоставленности твердых-мягких сонорных и твердых-мягких свистящих была примерно одинаковой в том отношении, что и та и другая играла незначительную различительную роль, то на стыке морфем между этими двумя группами согласных было отчетливое различие: при достаточно ясно выраженной различительной роли противопоставления твердых-мягких сонорных наблюдалось почти полное ее отсутствие при противопоставлении твердых-мягких свистящих.

Такова первая особенность противопоставленности парных твердых-мягких согласных в древнерусском языке изучаемого периода.

5 Второй особенностью системы древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости было то, что парные твердые-мягкие согласные не образовывали соотносительных рядов.

Это значит, что в древнерусском языке отсутствовали позиции нейтрализации твердых-мягких согласных: в любом положении, в котором выступал твердый согласный, противопоставляясь мягкому, он отличался от последнего; ни в одной позиции древнерусского языка твердый не изменял своего качества так, чтобы совпасть с мягким, и ни в одной позиции мягкий не изменял своего качества так, чтобы совпасть с твердым. Значит, твердость-мягкость согласного была постоянно присущим его признаком. И если твердый согласный, попадая в положение перед гласным переднего ряда, приобретал позиционную полумягкость, то он оставался фонологически твердым, точно так же противопоставляясь мягкому, как он противопоставлялся и перед теми непередними гласными, перед которыми мог выступать мягкий согласный.

Отсюда нетрудно сделать вывод, что между парными твердыми-мягкими не было тех тесных связей, которые раз-

вились позже, в связи с возникновением позиций нейтральности твердости-мягкости. Близость их определялась физиолого-акустическим сходством и наличием единственного ДП, противопоставляющего твердые-мягкие парные фонемы друг другу. Но она не определялась наличием таких их связей внутри системы, которые позволяли бы утверждать, что отношения между парными твердыми-мягкими принципиально отличались от отношений между непарными твердыми-мягкими. Если сравнить, например, условия противопоставленности и функционирования парных твердых-мягких свистящих [с] — [с'], [з] — [з'] с условиями противопоставленности и функционирования непарных [д] и [ц'], то окажется, что они совпадут полностью; в других случаях это совпадение будет неполным, но всегда твердый и мягкий согласные будут сохранять свое качество в любой из позиций их употребления, и всегда в этом плане они будут противопоставляться друг другу точно так же, как и парные.

Категория глухости-звонкости согласных в древнерусском языке

Как говорилось выше, парными по глухости-звонкости согласными были [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з], [с'] — [з'], [к] — [г], [ш'] — [ж'], [ш'ч'] — [ж'д']. Эти согласные противопоставлялись друг другу и играли различительную роль в позиции перед гласными как внутри, так и на стыке морфем. Вместе с тем пары [п] — [б], [т] — [д], [к] — [г] противопоставлялись и перед некоторыми сонорными согласными, выполняя также фонологическую роль.

Однако, конечно, точно так же, как противопоставленность согласных перед согласными не определяет характера общей противопоставленности этих фонем в фонологической системе, точно так же противопоставленность глухих-звонких перед сонорными не определяет характера общей противопоставленности их в системе древнерусского языка, — этот характер определяется противопоставленностью глухих-звонких перед гласными внутри и на стыке морфем. Конечно, возможности такого противопоставления парных глухих-звонких перед гласными в определенной степени ограничивались условиями общего противопостав-

ления согласных перед гласными, которые рассматривались выше и которые по-разному выявлялись внутри и на стыке морфем, однако в целом глухие-звонкие согласные обнаруживают в таких противопоставлениях определенную функциональную значимость.

Если говорить об ограничениях в противопоставленности глухих-звонких перед гласными, то, опираясь на те явления, которые были описаны выше, можно установить, что внутри морфем пара [п] — [б] противопоставлялась перед [и], [ы], [у], [ѐ], [е], [ь], [о], [ѣ], [а]; противопоставления фонем [п] — [б] перед [ä] не было, так как отсутствовали слова с внутриморфемным сочетанием [б·ä]. Перед теми же гласными, а также перед [ä] противопоставлялись пары [т] — [д] и [с] — [з]. Парные глухие-звонкие [с'] — [з'] внутри морфем противопоставлялись только перед [ä]. Парные глухие-звонкие [ш'] — [ж'] в том же положении — перед [а], [у], [и], [е], [ь] и [ä]. Противопоставление парных [к] — [г] внутри морфем осуществлялось перед непосредственными гласными [а], [о], [у], [ы], [ѣ]. Что же касается пары [ш'ч'] — [ж'д'], то они внутри морфем не противопоставлялись в силу отсутствия внутриморфемного сочетания [ж'д'] с гласными.

Таким образом, парные глухие-звонкие, за исключением [ш'ч'] — [ж'д'], вступали в оппозиции перед гласными внутри морфем на уровне модели. Однако было бы недостаточно ограничиться этим уровнем и не рассмотреть функциональную нагрузку оппозиций глухих-звонких. В этом отношении оппозиция [с'] — [з'] оказывается вне фонологической значимости в связи с отсутствием реальных слов, различающихся этим противопоставлением, и имеет, таким образом, нулевую функциональную нагрузку.

Все остальные противопоставления обнаруживают вполне определенную нагрузку, выражающуюся в различении звуковых оболочек словоформ.

Сказанное можно доказать рядом фактов.

Ср., например:

[п] — [б] : *пѣти* — *бити*, *пилъ* — *билъ*, *пили* — *били*, *пито* — *бито*, *пию*, *-иши*, *-еть* и т. д. — *бию*, *-иши*, *-еть* и т. д.; *пыль* — *быль*; *поудоу* (род. п. ед. ч. от *поудѣ*) — *боудоу*, *поуга* — *боуга* (род. п. ед. ч. от *боугѣ*), *поухати* — *боухати*; *потѣ* — *ботѣ*,

подати — *бодати*, *по* — *бо* — «ибо», *пожь* — «ложе» — *божь*, *пожити* — *божити*, *поль* (род. п. мн. ч. от *поле*) — *боль*, *польми* — «пополам» — *больми* — «больше», *польти* — «пылать» — *больти* и др.;

[т] — [д] : *тоужии* — «чужой» — *доужии* — «сильный», *то* — *до*, *то́ли* — «потом» — *до́ли* (род. п. мн. ч. от *до́ли*), *тоже* — *доже* — «до», *тѣскъ* — «натиск» — *дѣскъ* (род. п. мн. ч. от *дѣска*), *тѣска*, -*ть*, -*ою*, -*ы*, -*ѣ* — *дѣска*, -*ть*, -*ою*, -*ы*, -*ѣ*, *тѣло*, -*оу*, -*ть*, -*омѣ*, -*ѣ* — *дѣло*, -*оу*, -*ть*, -*омѣ*, -*ѣ* и др.;

[с] — [з] : *соби* (им. п. мн. ч. от *собѣ* — «существо») — *зоби* (косв. п. от *зобѣ* — «корм»), *сѣлѣ*, -*а*, -*оу*, -*ть*, -*омѣ* — *зѣлѣ*, -*а*, -*оу*, -*ть*, -*омѣ* (от *зѣло*), *сѣти* — *зѣти*, *сѣмь*, -*и* — *земь*, -*и*, *сѣрна*, -*ѣ* — *зѣрна*, -*ѣ* (от *зѣрно*), *садѣ*, -*а*, -*оу*, -*ть*, -*ы*, -*омѣ* — *задѣ*, -*а*, -*оу*, -*ть*, -*ы*, -*омѣ*;

[к] — [г] : *кыноути* — *гыноути*, *коудити* — *чудити*, *коустити* (им. п. мн. ч. от *коустѣ*) — *гоустити* — «играть на свирели», *кость*, -*и* — *гость*, -*и*, *кѣлѣ* — *гѣлѣ*, *конѣ* — «начало» — *гонѣ*, *корю* (от *корити*) — *горю* (от *горѣти*), *кора*, -*ть*, -*ою*, -*ы*, -*ѣ* — *гора*, -*ть*, -*ою*, -*ы*, -*ѣ* и др.;

[ш'] — [ж'] : *ишти* — *жити*, *шилѣ*, -*и* — *жилѣ*, -*и*, *шила* — *жила*, *ишти* — *жести*, *шарѣ* — *жарѣ*.

Нетрудно заметить, что противопоставленность парных глухих-звонких перед [ä] имела нулевую функциональную нагрузку внутри морфем, тогда как это же противопоставление перед [a], наоборот, всегда функционально значимо.

2 На стыке морфем парные глухие-звонкие [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з] на уровне модели противопоставлялись перед всеми гласными фонемами, [к] — [г] — перед передними гласными, [с'] — [з'] — перед [a], [y] и передними гласными, кроме [ä], [ш'] — [ж'] и [ш'ч'] — [ж'д'] — перед [a], [y] и всеми передними гласными.

Проблема функциональной нагрузки здесь решается так же по-разному для различных пар фонем.

Для противопоставления [п] — [б] можно указать на следующие формы:

троупъ — трoubъ (род. п. мн. ч. от трoubа), върпоу
върпсти) — върбоу (от върба), глоупи (от глоупъ) — глоуби
(от глоубъ), хапъ (от хаписти) — хабъ (от хабисти);

для противопоставления [т] — [д]:

браты (вин. п. мн. ч. от братъ) — брады — «секира»,
вотъ — водъ (род. п. мн. ч. от вода), гатити, гатъ — га-
дити, гадъ, гати (косв. п. от гать) — гади (им. п. мн. ч. от
гадъ), голотъ, -а, -оу, -н, -и, -ы, -омъ — голодъ, -а, -оу, -н, -и, -ы,
-омъ, ити — иди (и приставочные образования), кати (им.
п. мн. ч. от катъ) — кади (косв. п. от кадь), лютъ, -а, -оу,
-омъ — людъ, -а, -оу, -омъ, люти (косв. п. от лютъ — «бе-
да») — люди, обътъ, -а, -оу, -н, -и, -ы, -омъ — облдъ, -а, -оу,
-н, -и, -ы, -омъ, обита (от обити) — обиди, плотъ — плодъ,
повъти (от повътъ — «завет») — повъди (от повъдъ —
«весть») и др.;

для противопоставления [с] — [з]:

касатисъ — казатисъ, коса, -оу, -н, -оу, -ы — коза, -оу, -н,
-оу, -ы, лъсоу (дат. п. ед. ч. от лъсъ) — лъзоу (от лъзти),
поросъ — порозъ, оусъ — оузъ (род. п. мн. ч. от оуза);

для противопоставления [к] — [г]:

бокъ, -а, -оу, -ы, -омъ — богъ, -а, -оу, -ы, -омъ, боукъ, -а, -оу, -ы,
-омъ — боугъ, -а, -оу, -ы, -омъ, крикъ — кригъ — «круг», лоукъ,
-а, -оу, -ы, -омъ — лоугъ, -а, -оу, -ы, -омъ, (на) лъкоу (от (на)
лъчи — «натянуть») — (на) лъгоу (от (на) лечи), макъ, -а, -оу,
-ы — магъ, -а, -оу, -ы (от мага — «мгла»), порокъ, -а, -оу,
-ы, -омъ — порогъ, -а, -оу, -ы, -омъ и др.;

для противопоставления [ш'] — [ж']:

въношу (от въносити) — въножу (от вънозити), ношу
(от носити) — ножу (от ножъ), кошь — «корзина» — кожь
(род. п. мн. ч. от кожа), полошити, полошу — положить,
положу, съмъшиу (от съмъшити) — съмъжу (от съмъжити),
оугошу (от оугошити — «устроить») — оугожу (от оугодити),
оугаши, -аю — «гасить» — оугажати, -аю — «угождать»,
покоушу (от покоусити — «искусить») — покоужу (от покоу-
дити — «похулить») и др.;

для противопоставления [с'] — [з']:

доусъ (от доухъ) — доузь (от доуга), пороусъ (от поръ-
уха) — пороузь (от пороугъ), роусъ (от роуха) — роузь
(от роугъ), оусъ (от оуха) — оузь (от оугъ).

Противопоставление же $\cdot [\text{ш}'\text{ч}']$ — $[\text{ж}'\text{д}']$, как видно, оставалось на уровне модели, что было обусловлено ограниченным употреблением $[\text{ж}'\text{д}']$ в словарном составе древнерусского языка конца X—начала XI в.

3 Таким образом, противопоставление глухих-звонких согласных в древнерусском языке осуществлялось в позиции перед гласными и в общей системе этого языка играло фонологическую роль, выступая в качестве средства различения звуковых оболочек слов и форм. При этом так же, как это было и для парных твердых-мягких согласных, парные глухие-звонкие в целом не обнаруживают позиций нейтрализации, т. е. они всегда выступают в одном и том же присущем им виде. И только в одном случае и только для одной пары $[\text{с}]$ — $[\text{з}]$ была позиция, в которой глухость-звонкость не различалась. Речь идет о позиции $[\text{с}]$ — $[\text{з}]$ на конце приставок *без-*, *въз-* (*воз-*), *из-*, *роз-* (*раз-*), которые, как известно, исконно не имели гласного после конечного согласного $[\text{з}]$ и могли присоединяться непосредственно к слову, начинающемуся с согласной. В связи с тем что в качестве начального согласного мог быть как глухой, так и звонкий, данные приставки выступали или в виде *бес-*, *въс-* (*вос-*), *ис-*, *рос-* (*рас-*), или в виде *без-*, *въз-* (*воз-*), *из-*, *роз-* (*раз-*), в зависимости от глухости-звонкости последующего согласного. Ср.: *бесплодьныи* — *бездомьныи*, *въстопити* (*востопити*) — *въздымати* (*воздымати*), *испоустити* — *избъжати*, *роспоустити* (*распоустити*) — *роздърати* (*раздърати*) и т. п.¹ Таким образом, во всех этих случаях выступала архифонема $[\text{с}/\text{з}]$, имеющая обусловленную фонетическим положением глухость-звонкость. Однако едва ли на этом основании можно утверждать, что в древнерусском языке конца X—начала XI в. существовали позиции, в которых парные глухие-звонкие не различались бы, совпадая в одном — глухом или звонком — варианте. То неразличение $[\text{с}]$ и $[\text{з}]$, о котором говорилось выше, относится лишь к этой единственной паре из

¹ Это же наблюдалось и в более редких случаях в инфинитивах типа *вести* — *везоу*, *нести* — *несоу*. См.: Н. И. Самуйлова, Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Автореферат, изд. МГУ, 1963.

семи возможных пар древнерусского языка. Иначе говоря, для общей категории парных глухих-звонких действовала как раз обратная тенденция — различение этих согласных во всех условиях их употребления в языке. Вместе с тем возможно говорить, что эта единственная пара [с] — [з] вообще не различалась в позиции перед глухими-звонкими шумными согласными. При этом речь идет о том, что в древнерусском языке существовали группы согласных [ск], [ст], [сп] и [зг], [зд]. С точки зрения возможности употребления [с] или [з] перед [к], [т], [п], [г] и [д] следует признать обусловленность наличия [с] или [з] от последующего согласного. Следовательно, во всех этих случаях, как и в приставочных образованиях на [з], выступала архифонема [с/з], имеющая обусловленную глухость-звонкость. Таким образом, для этой пары фонем можно установить отношения, которых не было у других парных по признаку глухости-звонкости согласных.

Все остальные парные глухие-звонкие имели этот признак в качестве постоянного, всегда им присущего, и поэтому данные согласные, так же как и парные твердые-мягкие, не образовывали соотносительных рядов. Следовательно, и здесь, как и внутри группы парных твердых-мягких, вновь обнаруживается отсутствие тесных связей между парными согласными. Близость глухих-звонких парных определялась физиолого-акустическими факторами и наличием единственного ДП, противопоставляющего эти согласные друг другу. Однако внутри системы еще только складывались те отношения, которые определяли принципиальную разницу между связями парных глухих-звонких по сравнению со связями непарных глухих-звонких. Если оставить в стороне пару [с] — [з], где отношения были несколько иными по сравнению с отношениями между другими парными по глухости-звонкости, то связи, например, [п] и [б] в системе древнерусского языка принципиально ничем не отличались от связей, скажем, [в] и [ш']: они тоже различались во всех позициях их употребления, не нейтрализуясь в каких-либо условиях, и их противопоставление могло играть фонологическую роль (ср. такие противопоставления, как *вити* — *шити*, *варити* — *шарити*, *вести* — *шести*, *воуи* — *шуи*). Поэтому, как видно, следует считать, что при наличии парных по признаку глухости-звонкости согласных в древнерусском языке только начала складываться та категория глухости-звонкости, кото-

рая определяется наличием соотносительных рядов соответствующих согласных, обуславливающих существование особых связей этих фонем внутри системы.

Проблема позиционных разновидностей согласных фонем

1 В связи с рассмотренными вопросами стоит и проблема позиционных разновидностей согласных фонем и тех рядов, которые они образовывали. Здесь прежде всего необходимо учесть, что мягкие согласные фонемы не образовывали никаких рядов, включающих в себя их позиционные разновидности: в любой позиции, где употреблялась мягкая согласная, она выступала всегда в одном, постоянно присущем ей виде. И поэтому данные согласные не имели позиционных разновидностей.

Позиционные разновидности образовывали твердые согласные фонемы (кроме [к], [г], [х]): в положении перед гласными переднего ряда они, испытывая воздействие этих гласных, становились, как их обычно называют, полумягкими. Таким образом возникали ряды: [п] || [п·], [б] || [б·], [в] || [в·], [м] || [м·], [т] || [т·], [д] || [д·], [с] || [с·], [з] || [з·], [н] || [н·], [л] || [л·], [р] || [р·]. Эти ряды позиционной мены были параллельными, непересекающимися.

Позиционными разновидностями всех твердых согласных, включая заднеязычные, наконец, являлись их лабиовелярные варианты, выступающие перед лабиализованными гласными; таким путем возникали также параллельные, непересекающиеся ряды: [п] || [п⁰], [б] || [б⁰], [в] || [в⁰], [м] || [м⁰], [т] || [т⁰], [д] || [д⁰], [с] || [с⁰], [з] || [з⁰], [н] || [н⁰], [л] || [л⁰], [р] || [р⁰], [к] || [к⁰], [г] || [г⁰], [х] || [х⁰].

2 В связи с тем что глухость-звонкость согласных фонем была постоянно присущим их качеством, парные глухие-звонкие в целом не образовывали позиционных разновидностей и рядов позиционной мены. Такая позиционная мена глухого-звонкого возникала лишь в одном случае — тогда, когда образовывались слова с приставками на [з]. Кроме того, для пары [с] — [з], и только для этой пары, существовала фонетически обусловленная позиция перед шумным согласным, в которой не различалась глухость-

звонкость. Этой позицией была позиция перед шумным гласным, где выступала переднеязычная, зубная, фрикативная архифонема, глухость-звонкость которой была обусловлена качеством последующего согласного. Однако здесь установление отношений различения [с] и [з] в одних позициях и наличия одной из разновидностей архифонемы [с/з] в других, определяется только фонологическим уровнем, а не означает ни совпадения звуковых оболочек разных слов и форм в результате неразличения [с] и [з], ни того, что в древнерусском языке в каких-либо позициях, кроме разве той, которая возникала при образовании слов с приставками на [з] ([ц]), происходило оглушение [з] или тем более озвончение [с]. Следовательно, отношения между [с] и [з] отличались от отношений между другими парными глухими-звонкими тем, что если для последних не было таких позиций, в которых мог выступать или только глухой, или только звонкий (в данном случае речь не идет о лексических или морфологических ограничениях), то для [с] и [з] такие позиции были, что и связывало данные две фонемы в более тесный пучок, чем это было с остальными парными по глухости-звонкости.

Если, таким образом, учитывая все, что было уже сказано, попытаться в качестве итога рассмотрения системы согласных поставить вопрос о сильных и слабых позициях для согласных, то можно утверждать, что слабой позицией была лишь позиция [с] и [з] перед шумными согласными. Все остальные позиции были сильными, и опять-таки, как и в области гласных, надо учитывать, что факт наличия в одних из этих позиций большего или меньшего количества согласных фонем не определяет различия сильных и слабых позиций. В каждой данной позиции выступало всегда то количество согласных фонем, которое могло быть здесь по условиям функционирования фонологической системы. Оно, иначе говоря, определялось возможностями самой этой системы, а не тем, что данная система обуславливала такие изменения согласных в тех или иных позициях, которые приводили к совпадению различающихся в иных позициях двух или нескольких фонем, т. е. к уменьшению степени различительной способности согласных.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ И УСЛОВИЯХ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

1 Как известно, в определенную эпоху своей истории древнерусский язык пережил важное изменение в фонетической системе, выразившееся в том, что твердые согласные в позиции перед гласными переднего ряда приобрели «истовую» артикуляцию и стали выступать как мягкие согласные. Тем самым в древнерусском языке утратились полумягкие позиционные разновидности твердых согласных, и с этого времени согласные стали выступать только или как твердые, или как мягкие (не принимаем в данном случае во внимание лабиовеляризацию некоторых твердых, ибо эти позиционные разновидности не нарушали общего деления согласных на указанные две группы).

Вопрос о том, когда смягчились полумягкие и одновременно ли все они получали полную степень мягкости перед разными гласными переднего образования, несколько по-разному решался в лингвистической науке, однако, как видно, при изучении истории фонологических отношений второй аспект поставленного вопроса представляется относительно не существенным, ибо при таком изучении важен не процесс, а результат, к которому привел данный процесс. Результат же процесса заключается как раз в том, что все те согласные, которые выступали в позиции перед передними гласными в раннюю эпоху как полумягкие разновидности твердых, теперь стали выступать как мягкие. Следовательно, как бы ни шел сам процесс смягчения, какие этапы он бы ни проходил, — важно рассмотреть тот период, когда этот процесс завершился и когда в результате его установились новые отношения в фонологической системе древнерусского языка.

Что же касается времени смягчения полумягких, то и здесь прежде всего важно определить, что оно завершилось до эпохи падения редуцированных, что этому периоду полумягкие уже стали мягкими и что утрата редуцированных осуществлялась уже в такой системе, где были иные фонологические отношения по сравнению с отношениями в принятой нами за исходную системе.

В плане абсолютной хронологии развитие согласных вторичного смягчения, таким образом, может быть отнесено к середине XI в., хотя этот вопрос, вообще говоря, решается очень по-разному различными историками русского и славянских языков — от отнесения его в праславянский период до утверждения сохранения полумягкости вплоть до XII в. Не углубляясь сейчас в анализ разных точек зрения на этот вопрос, отметим лишь то, что известные факты из истории русского языка не позволяют признать процесс смягчения полумягких ни таким, который прошел в дописьменный период, до утраты носовых в древнерусском языке, ни таким, который мог бы быть отнесен непосредственно к эпохе падения [ъ] и [ь]¹.

Итак, приблизительно к середине XI в. полумягкие согласные в древнерусском языке приобрели полную степень мягкости — появились согласные вторичного смягчения, в результате чего в языке возникли новые, несвойственные ему ранее отношения в фонологической системе².

¹ О разных взглядах на время смягчения полумягких и обоснование отнесения этого процесса к эпохе после утраты носовых, но до падения редуцированных см. в работе Л. Э. Калнынь «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» («Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XIII, 1956, стр. 125 и 136—150).

² Говоря о смягчении полумягких, мы следуем определенной традиции, хотя, конечно, нельзя не признать справедливым замечание о том, что в связи с невозможностью определения конкретного звукового качества фонематически и позиционно мягких согласных целесообразнее говорить о ликвидации различия в степени и качестве этих согласных, т. е. о ликвидации различий между фонематической мягкостью и позиционной полумягкостью (см.: Л. Э. Калнынь, Развитие корреляции твердых и мягких согласных в славянских языках, АН СССР, 1961, стр. 18—19). Однако в применении к истории древнерусского языка, где полумягкие совпали с исконно мягкими по степени смягчения, возможно оставить прежнее определение процесса — смягчение полумягких.

Чем могло быть вызвано смягчение полумягких согласных — чисто ли фонетическими процессами усиления палатализации, или какими-либо функциональными связями, или влиянием какой-то иной причины, как и комплексом их, — это, конечно, сложные вопросы, решить которые едва ли возможно сразу и окончательно. Однако если не удовлетворяться чисто фонетическим объяснением, выводящим, как уже говорилось, вопрос о причинности изменения звуковой стороны языка за пределы его самого, то можно было бы попытаться искать причины смягчения полумягких в тех особенностях фонологических отношений, которые сложились в древнерусском языке в области твердых-мягких согласных к изучаемому периоду времени.

Пути решения этого вопроса, как представляется, в таком случае можно было бы искать в следующем.

Система согласных фонем древнерусского языка складывалась из нескольких групп резко отличающихся друг от друга единиц. Во-первых, это была группа заднеязычных, функционировавших только перед непередними гласными и не имевших никаких позиционных вариантов, связанных с признаком твердости-мягкости: твердость [к], [г], [х] была таким их конститутивным признаком, который не подвергался никакому воздействию со стороны фонетической позиции. Во-вторых, это была группа мягких — [ц'], [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'], [й], функционировавших перед передними гласными, а также перед [а] и [у], и тоже не имевших никаких позиционных вариантов, связанных с признаком твердости-мягкости: мягкость этих согласных была таким их конститутивным признаком, который также не подвергался никаким воздействиям со стороны фонетической позиции; более того, этот признак сам воздействовал на качество следующих за согласными [а] и [у], вызывая определенную передвижку их вперед в начальной стадии артикуляции. В-третьих, это была группа парных твердых-мягких согласных — [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'], отличавшихся друг от друга лишь признаком твердости-мягкости и противопоставленных друг другу перед всеми гласными, кроме [ы], [о] и [ъ]. Однако в этой группе положение с конститутивным признаком твердости-мягкости обстояло несколько по-иному: если мягкость этих парных согласных не подвергалась никаким воздействиям со стороны фонетической позиции, то твердость, наоборот,

испытывала такое воздействие, в результате чего и возникали полумягкие разновидности твердых фонем. Таким образом, фонетическая реализация твердых парных фонем оказывалась особой. В-четвертых, наконец, это была группа остальных твердых, так же как и твердые сонорные и свистящие, испытывавших воздействие со стороны передних гласных, выражавшееся в приобретении данными согласными позиционной полумягкости; однако это была группа непарных твердых согласных, т. е. в данном отношении она совпадала с заднеязычными.

Если считать, что устойчивость системы определяется тем, что все фонемы, входящие в нее, образуют корреляции и пучки корреляций¹ и, наоборот, невключенность фонем в корреляции, их дизъюнктность, не способствует устойчивости системы, то можно думать, что в древнерусской системе должна была действовать тенденция к укреплению и усилению корреляции по твердости-мягкости. Такое усиление данной корреляции должно было выразиться в увеличении парных твердых-мягких согласных за счет уменьшения непарных по этому признаку фонем. Увеличение коррелятивных пар твердых-мягких могло идти за счет появления парных мягких заднеязычных, однако для древнерусского языка XI в. этот путь был исключен, так как заднеязычные не выступали в таких позициях, где у них могла бы развиться мягкость: функционирование их только в положении перед непередними гласными указывает на это вполне определенно. С другой стороны, это могло бы идти за счет появления парных твердых [ц], [ч], [ш], [ж], [шч], [жд], однако и этот путь для древнерусского языка оказался неприемлемым; хотя, вообще говоря, в языке существовали условия, в которых могла бы развиться твердость данных согласных (они определялись положением перед [a] и [y]), этот процесс в ту эпоху вообще не возник, а развившись в более позднюю, не привел к образованию парных по твердости-мягкости согласных. Причины такого развития еще требуют специальных разысканий.

Наиболее благоприятные для развития корреляции твердых-мягких согласных в древнерусском языке условия были

¹ Ср.: «...С теоретической точки зрения наиболее устойчивой и, следовательно, наилучшей в фонологическом отношении является система, все члены которой включены в корреляции и пучки» (А. М а р т и н е, Принципы..., стр. 138).

тим, где твердые согласные по характеру своего функционирования оказались под воздействием передних гласных, т. е. там, где эти согласные уже вступили на путь смягчения, на путь приспособления своей артикуляции к артикуляции гласных передней зоны образования. Приобретая позиционную полумягкость, твердые согласные «на полшага» продвинулись в сторону развития корреляции твердых-мягких; достаточно было им сделать еще «полшага», чтобы цель была достигнута.

Смягчение полумягких согласных, с одной стороны, привело к уравниванию отношений внутри исконно парных по признаку твердости-мягкости согласных, что выразилось в утрате позиционных полумягких разновидностей твердых фонем, совпавших с исконно мягкими, а с другой — к появлению еще шести пар, связанных признаком твердости-мягкости согласных: [п] — [п'], [б] — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д']. Вместе с исконно парными в древнерусском языке, таким образом, в коррелятивных отношениях по твердости-мягкости вступили одинаковые пар фонем. Корреляция была расширена и укреплена, а следовательно, и система приобрела большую устойчивость.

Таким образом, можно думать, что тенденция к укреплению корреляции по твердости-мягкости в фонологической системе если и не вызвала как единственная и непосредственная причина смягчение полумягких, то, во всяком случае, способствовала развитию данного процесса в древнерусском языке.

Итак, в результате смягчения полумягких в древнерусском языке в позиции перед гласными переднего ряда стали выступать мягкие [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], [р'], причем последние пять согласных, явившись результатом смягчения соответствующих твердых, совпали по своему качеству с исконно мягкими [с'], [з'], [н'], [л'], [р'].

ИЗМЕНЕНИЯ В СООТНОШЕНИЯХ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ. ПРОБЛЕМА СИЛЛАБЕМ

■ Расширив состав мягких согласных, смягчение полумягких вызвало серьезные изменения в соотношениях согласных и гласных в древнерусском языке середины XI в.

Эти изменения были обусловлены тем, что в результате смягчения полумягких позиции употребления согласных перед гласными и, соответственно, гласных после согласных оказались иными, чем это было до этого процесса.

Если представить схематически все возможные модели сочетаемости исконно парных по твердости-мягкости согласных (обозначим их через [p], [p'] + гласный) до и после развития согласных вторичного смягчения, то эти модели будут выглядеть следующим образом:

До смягчения полумягких		После смягчения полумягких	
[p] + гласный	[p'] + гласный	[p] + гласный	[p'] + гласный
<i>ры</i>	—	<i>ры</i>	—
<i>ро</i>	—	<i>ро</i>	—
<i>рѣ</i>	—	<i>рѣ</i>	—
<i>ру</i>	<i>р'у</i>	<i>ру</i>	<i>р'у</i>
<i>ра</i>	<i>р'а</i>	<i>ра</i>	<i>р'а</i>
<i>р'и</i>	<i>р'и</i>	—	<i>р'и</i>
<i>р'ѣ</i>	<i>р'ѣ</i>	—	<i>р'ѣ</i>
<i>р'е</i>	<i>р'е</i>	—	<i>р'е</i>
<i>р'ь</i>	<i>р'ь</i>	—	<i>р'ь</i>
<i>р'ѧ</i>	<i>р'ѧ</i>	—	<i>р'ѧ</i>

Таким образом, если до смягчения полумягких исконно парные твердые употреблялись перед всеми гласными, а мягкие — перед [a], [y] и всеми гласными переднего ряда, то после смягчения полумягких твердые остались только перед непередними гласными, а мягкие сохранили все свои прежние позиции.

С другой стороны, представив схематически все возможные модели сочетаемости с гласными тех согласных, которые стали парными по твердости-мягкости в результате смягче-

после полумягких (обозначим их через [т], [т']), до и после этого процесса, можно установить следующую картину:

До смягчения полумягких		После смягчения полумягких	
[т] + гласный		[т] + гласный	[т'] + гласный
<i>ты</i>		<i>ты</i>	—
<i>то</i>		<i>то</i>	—
<i>тѣ</i>		<i>тѣ</i>	—
<i>ту</i>		<i>ту</i>	—
<i>та</i>		<i>та</i>	—
<i>т'и</i>		—	<i>т'и</i>
<i>т'ѣ</i>		—	<i>т'ѣ</i>
<i>т'е</i>		—	<i>т'е</i>
<i>т'ѣ</i>		—	<i>т'ѣ</i>
<i>т'а</i>		—	<i>т'а</i>

Таким образом, если до смягчения полумягких перед всеми гласными выступал [т], то после этого процесса твердый сохранился только перед непременными гласными, а перед передними стал выступать мягкий.

Однако этим не исчерпываются изменения в сочетаемости согласных с гласными после смягчения полумягких, — эти изменения были связаны еще и с условиями функционирования звуковых единиц внутри и на стыке морфем.

Если до смягчения полумягких внутри морфем мягкие сонорные могли употребляться только перед [y], то после него они оказались еще и перед всеми гласными переднего ряда; на стыке же морфем они остались перед теми же гласными, что и до смягчения полумягких.

Парные мягкие [с'], [з'] внутри морфем после смягчения полумягких стали выступать перед гласными переднего ряда, а не только перед [ѣ], а на стыке морфем — там же, где и парные мягкие сонорные.

Что касается сочетаемости неисконно парных по твердости-мягкости согласных с гласными, то после смягчения полумягких равно как внутри, так и на стыке морфем мягкие стали сочетаться со всеми гласными переднего образования, тогда как твердые — лишь с непередними гласными.

Таким образом, в сочетаемости согласных с гласными возникли такие явления, которые не были характерны для предшествующего периода истории древнерусского языка.

2 Однако в проблеме сочетаемости согласных с гласными есть некоторые сложные вопросы, не представляющиеся до конца решенными в настоящее время.

Прежде всего следует заметить, что не может быть сомнений в характере сочетаемости с гласными тех согласных, которые не были связаны в своей истории с процессом смягчения полумягких, т. е. заднеязычных, мягких шипящих и аффрикат: все то, что было характерно для их сочетаемости с гласными до смягчения полумягких, осталось действительным и в новый период истории древнерусского языка. Точно так же обстоит дело и с характером сочетаемости с некоторыми гласными тех твердых и мягких согласных, история которых связана со смягчением полумягких. В данном случае речь конкретно идет о том, что перед [ы], [о], [ъ] выступали всегда твердые, а перед [и], [ě], [е], [ь] — всегда мягкие согласные. Следовательно, здесь можно говорить о тесной, неразрывной связи согласного с гласным в отношении их качества: твердый сочетался с непередним, а мягкий — с передним гласным.

Сложности возникают при трактовке характера сочетаемости согласных с [а] и [у]. В приведенных выше схемах можно обнаружить, что в группе исконно парных по твердости-мягкости согласных в позиции перед [а] и [у] оказывались как твердые, так и мягкие согласные. Однако при этом остается неясным само качество [а] и [у] после мягких. Здесь возможны два решения: или в данных позициях твердость-мягкость согласных была независимым качеством, а артикуляция гласных после мягких характеризовалась незначительной передвижкой вперед в связи с приспособлением ее к артикуляции мягкого согласного; или в данных позициях тоже была тесная, неразрывная связь согласного с гласным, как и в других позициях, и эта связь здесь выражалась в том, что после твердого выступали непередние

гласные [a] и [y], а после мягкого — передние [ä] и [ÿ]. В этом последнем случае в приведенных выше схемах следует считать сочетания [p'a] и [p'ä] равными одному [p'ä], а сочетание [p'y] представлять как [p'ÿ].

Признание истинности того или иного решения поставленного вопроса влечет за собой различное понимание всей системы древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости согласных.

Дело заключается в том, что характер сочетаемости твердых и мягких согласных с гласными, кроме [a] и [y], обнаруживает тот факт, что эти согласные не употребляются в определенных фонетических условиях: перед одними гласными — одни согласные, перед другими — другие. В связи с тем что в эпоху сохранения открытых слогов изоляция согласного от последующего гласного была невозможна, качество согласного и качество гласного становились взаимобуловленными. Эти два элемента, образуя слог, оказывались в таких отношениях, когда они не могли быть отделены друг от друга и выступали как бы в качестве неделимой единицы, которую, вслед за проф. Р. И. Аванесовым, называют силлабемой¹.

Следовательно, устанавливая отношения [ры] — [ро] — [рā] и [р'и] — [р'ё] — [р'е] — [р'ь], где качество согласного и качество гласного неразрывно связаны друг с другом, мы признаем здесь наличие особых единиц — силлабем. Отсюда становится ясным, что, признавая независимость твердости-мягкости согласных перед [a] и [y], необходимо признать не только отсутствие силлабем в сочетаниях [pa] — [p'a], [py] — [p'y], но и сохранение прежней (как и зародыш будущей) общей независимости твердости-мягкости согласных в древнерусском языке. Если же признать наличие сочетаний [pa], [py] и [p'ä], [p'ÿ], то необходимо признать не только то, что силлабемы охватывали все сочетания согласных с гласными, но и то, что после смягчения полумягких была полностью утрачена прежняя независимость твердости-мягкости.

Для того чтобы решить поставленный выше вопрос, необходимо прежде всего установить, сохранялась ли фонема как основная фонологическая единица в системе древне-

¹ См.: Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звук и др. «Вестник МГУ», 1947, № 1.

русского языка середины XI в., или в связи с развитием взаимосвязи согласных с гласными место фонемы заняла силлабема как такая особая фонологическая единица.

3 Доказать, что основной фонологической единицей как до смягчения полумягких, так и после него в древнерусском языке выступала фонема, не представляет серьезных трудностей, ибо нет сомнений в том, что сохранялись основные модели противопоставленности звуковых единиц в тождественных фонетических условиях. Вполне возможно установить, что наличие противопоставленных моделей типа [т'и] — [т'ѐ] — [т'е] — [т'ь] или [ты] — [ту] — [то] — [тъ] — [та] свидетельствует о фонологичности гласных древнерусского языка, точно так же как противопоставление звуковых оболочек таких слов, как *билъ* — *бѣлъ*, *милъ* — *мѣлъ* — *мелъ*, *тъмъ* — *тъмъ*, *сынъ* — *сѣнъ*, *ротъ* — *рѣтъ*, *родъ* — *радъ* и т. д. (примеры эти можно увеличить во много раз), — о функциональной нагрузке противопоставлений этих гласных фонем. С другой стороны, наличие противопоставленных моделей типа [п'и] — [б'и] — [в'и] — [м'и] — [т'и] — [д'и] — [с'и] — [з'и] — [н'и] — [л'и] — [р'и] или [пы] — [бы] — [вы] — [мы] — [ты] — [ды] — [сы] — [зы] — [ны] — [лы] — [ры] свидетельствует о фонологичности согласных древнерусского языка, точно так же как противопоставление звуковых оболочек таких слов, как *пити* — *бити* — *вити* — *лити*, *билъ* — *вилъ* — *милъ* — *лилъ*, *быти* — *выти* — *мыти* — *тыти* — *сыти* — *ныти* — *рыти*, *дыръ* — *сыръ* — *ныръ* и т. д., — о функциональной нагрузке противопоставлений этих согласных фонем. И едва ли можно сомневаться в том, что на вопрос, каким элементом противопоставлялись в эту эпоху, скажем, звуковые оболочки слов *милъ* — *мѣлъ* — *мелъ*, может быть только один ответ — гласными фонемами [и] — [ѐ] — [е], а на вопрос о том, какими элементами противопоставлялись звуковые оболочки слов *быти* — *выти* — *мыти* — *тыти* — *сыти* — *ныти* — *рыти*, — тоже только один ответ — согласными фонемами [б] — [в] — [м] — [т] — [с] — [н] — [р]. Вместе с тем это, конечно, не означает, что положение тех или иных гласных или согласных фонем в системе древнерусского языка середины XI в. оставалось таким же, каким оно было до смягчения полумягких. Этот вопрос следует подробнее рассмотреть ниже.

Итак, как в предшествующую эпоху, так и в период после смягчения полумягких в качестве различителей звуковых оболочек слов и форм в древнерусском языке выступали гласные и согласные фонемы, противопоставлявшиеся друг другу в тождественных фонетических условиях. Поэтому не кажется возможным принять высказанное в обобщенной форме Р. И. Аванесовым положение о том, что после смягчения полумягких «в качестве различителей значения выступают нерасчлененно сочетания согласной с последующей гласной»¹, т. е. силлабемы. Сформулированное таким образом данное положение влечет за собою признание силлабемы как основной различительной фонологической единицы, вставшей на место фонемы предшествующей эпохи. Как было показано выше, такой вывод едва ли может быть принят.

Итак, устанавливая в древнерусском языке эпохи смягчения полумягких согласных сохранение фонемы как основной фонологической единицы, мы должны рассмотреть те особенности функционирования фонем, которые были характерны для этого периода истории языка. И прежде всего здесь необходимо вернуться к той проблеме трактовки сочетаний твердых-мягких согласных с [a] и [y], возможность двоякого решения которой была высказана выше.

Рассматривая этот вопрос, необходимо учесть то, что говорилось о соотношении [a] и [ǣ] (<[e]) в системе древнерусского языка конца X — начала XI в. При анализе этих отношений было установлено, что [a] и [ǣ] в ту эпоху являлись двумя самостоятельными фонемами, противопоставленными по зоне образования; при этом фонологическая трактовка заставляла признать [a] и [ǣ] разными фонемами не только в позиции после твердых согласных, но и в позиции после мягких, т. е. если в сочетаниях [pa] — [p'ǣ] были две разные гласные фонемы, то и в сочетаниях [p'a] — [p'ǣ] также были две разные гласные фонемы. В этом случае [a] должна трактоваться как разновидность фонемы [a], характеризующаяся определенной передвижкой вперед в начальной стадии артикуляции. Однако это была разновидность фонемы не перед ней зоны образования, отличающаяся

¹ Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 48.

именно этим признаком от фонемы [ǣ]. С этой точки зрения фонема [y] в позиции после мягкого согласного также выступала в своей разновидности [·y], т. е. это тоже была разновидность фонемы передней зоны образования.

Однако вместе с тем анализ системы и фактов древнерусского языка конца X — начала XI в. показал, что в позиции после мягкого согласного, точнее после мягких шипящих и мягких сонорных [·a] и [ǣ], вероятно, сближались по своему качеству, в результате чего здесь возникала позиция нейтрализации, когда манифестации двух фонем фактически совпадали. При этом вопрос о реальном звуковом качестве этой манифестации, конечно, остается открытым, так как установить его для эпох прошлого состояния языка не представляется возможным.

В этом отношении ясным может быть лишь то, что та манифестация, которая выступала на месте [a] и [ǣ] в позиции после мягких согласных, должна была характеризоваться определенным сдвигом в переднюю зону под воздействием предшествующего мягкого согласного.

В силу специфики функционирования гласных фонем в эпоху до смягчения полумягких позиции нейтрализации [a] и [ǣ] внутри морфем возникали лишь после шипящих (кроме [ж'д']), а на стыке морфем — после шипящих и мягких сонорных. После смягчения полумягких [ǣ] оказалось внутри и на стыке морфем и после вновь развившихся мягких. Все ограничения, которые были связаны с употреблением [ǣ] после мягких, обуславливались нефонетическими причинами.

Таким образом, в результате смягчения полумягких области употребления [ǣ] после мягких значительно расширились, а области употребления [a] после тех же согласных в целом остались прежними. Расширение распространенности [ǣ] после мягких согласных обусловило увеличение позиций нейтрализации [a] и [ǣ], ибо произношение [ǣ] после вторичносмягченных согласных едва ли отличалось от его произношения после исконно мягких. Следовательно, в результате смягчения полумягких в положении после всех мягких как внутри, так и на стыке морфем стал произноситься один гласный на месте [a] и [ǣ]. Если учесть, что появление согласных вторичного смягчения, вероятно, не внесло каких-либо изменений в произношение [a] и [ǣ] после мягких, так же как и в произношение [y] после мяг-

кого, то можно думать, что качество этих гласных оставалось таким же, каким оно было и до смягчения полумягких. Следовательно, вопрос о том, как трактовать характер гласных [a] и [y] после мягких в эту эпоху, имеет только фонологический смысл, так как именно это и определяет понимание отношений в системе языка середины XI в.

5 Если признать, что в эту эпоху в позиции после мягкого согласного могли выступать только передние гласные, то надо признать, что [a] и [ā] в этой позиции совпали в [ā], а [·y] изменилось в [ÿ]. И тогда состав гласных фонем в середине XI в. увеличился на одну единицу, ибо в этом случае в число фонем передней зоны наряду с [и], [è], [e], [ь] и [ā] войдет еще [ÿ].

Если признать, что в позиции после мягкого согласного [·a] и [ā] совпали в [·a], а [·y] сохранило тот характер, какой оно имело до смягчения полумягких, то надо признать [·a] и [·y] разновидностями фонем [a] и [y], выступающими после мягких согласных. И тогда следует признать уменьшение состава гласных фонем на одну единицу, ибо в этом случае [ā] будет являться той же разновидностью [a], что и [·a], так же как [·y] — разновидностью [y].

Принимая первое решение, мы тем самым полагаем, что взаимосвязь качества согласного и следующего за ним гласного пронизывала всю систему древнерусского языка и что всегда твердость-мягкость согласного и непередняя-передняя зона образования гласного находились в обусловленных отношениях. Это значит, что твердые-мягкие согласные и непередние-передние гласные всегда образовывали синтагмы как характерную единицу древнерусского языка изучаемой эпохи. В то же самое время, если учитывать сохранение фонемного строя, то, идя по данному пути, надо будет признать, что гласные и согласные фонемы образовывали порознь по две частные системы: одна система гласных после твердых согласных, другая — после мягких; одна система согласных — перед непередними гласными, другая — перед передними. И каждая из таких двух систем не пересекалась с другой, а функционировала с ней параллельно.

Принимая второе решение, мы тем самым полагаем, что взаимосвязь качества согласного и следующего за ним гласного носила иной характер: в одних случаях твердость-мяг-

кость согласного и непередняя-передняя зона образования гласного находились во взаимообусловленных отношениях, в других же — эта взаимосвязь заключалась в том, что твердость-мягкость согласных сохраняла свою независимость, а качество гласных изменялось под влиянием предшествующих согласных. Это значит, что твердые-мягкие согласные и непередние-передние гласные не всегда образовывали силлабемы и что в этом случае гласные и согласные порознь образовывали по две частные системы, но не параллельно функционирующие, а пересекающиеся друг с другом: в позиции перед [a] и [y] могли выступать как твердые, так и мягкие согласные, и, наоборот, [a] и [y] равно выступали после твердых и после мягких согласных.

Первое решение требует признать, что твердость-мягкость согласного и непереднее-переднее образование гласного, оставаясь конститутивными признаками, характеризующими фонемы, в то же самое время никогда не могли быть отделены друг от друга, будучи взаимообусловленными явлениями. Второе решение позволяет признать, что твердость-мягкость согласного и непереднее-переднее образование гласного, являясь конститутивными признаками, характеризующими фонемы, в одних случаях не могли быть отделены друг от друга, а в других — оказывались в таких отношениях, когда твердость-мягкость была независимым качеством, а непереднее-переднее образование — обусловленным; в этом последнем случае твердость-мягкость оказывается не только конститутивным, но и дифференциальным признаком.

Таковы основные моменты различного понимания древнерусской фонологической системы в эпоху развития согласных вторичного смягчения, связанные с различным толкованием общей проблемы силлабем, и в частности с той или иной трактовкой сочетаний твердых-мягких согласных с [a] и [y].

6 Однако во всех приведенных выше рассуждениях отсутствовал один чрезвычайно важный факт, характеризующий древнерусскую систему после смягчения полумягких согласных.

Если парные твердые-мягкие согласные противопоставлялись по этому одному ДП, а гласные могли быть передними или непередними, то отношения сочетаний согласных

с гласными, возникшие после смягчения полумягких, можно представить в виде следующей схемы ([т'], [т] = любой парный мягкий-твердый согласный):

[т'и] — [ты]
[т'е] — [то]
[т'ь] — [тъ]
[т'а] ([т'ä]) — [та]
[т'у] ([т'ÿ]) — [ту]

Вне этих пар остается сочетание [т'ё], для которого не было параллельного сочетания [т] с непередним гласным.

Однако внутри парных сочетаний отношения оказываются совсем неравнозначными. В паре [т'и] — [ты] вполне определенно и однозначно можно установить, что между [т'] и [т] нет никакой другой отличительной черты, кроме мягкости-твердости, а между [и] и [ы] — никакой, кроме передней-непередней зоны образования. И, учитывая невозможность сочетаний [ти] или [т'ы], можно утверждать, что [т'и] — [ты] являются такими сочетаниями фонем, в которых первый их член полностью определяется вторым, а второй — полностью определяется первым. Это, так сказать, силлабема в ее чистом виде. Точно так же будет обстоять дело и в сочетаниях [т'ä] — [та] и [т'ÿ] — [ту], если признать переднее образование [a] и [y] в позиции после мягкого. Как говорилось выше, здесь может быть двоякое решение вопроса, и о том, как представляется целесообразнее решать его, мы еще будем говорить. Пока что же можно признать возможность наличия силлабем и в этих двух парах сочетаний.

Особого внимания заслуживают пары [т'е] — [то] и [т'ь] — [тъ]. Вообще говоря, некоторые лингвисты и в этих сочетаниях видят те же отношения, что и в паре [т'и] — [ты]. Однако более внимательное их рассмотрение показывает, что на самом деле здесь выступают иные отношения, не идентичные отношениям в [т'и] — [ты]. Дело заключается в том, что между [е] и [о], точно так же как между [ь] и [ъ], не одна, а две отличительные черты — зона образования и отсутствие-наличие лабиализации. Может быть, возможно считать, что зона образования играет здесь главную роль, а лабиализация или ее отсутствие обусловлены этой зоной образования? Иначе говоря, может быть, возможно считать, что и в этих парах сочетаний обнаруживаются точно такие же силлабемы, что и в паре [т'и] — [ты],

когда качество согласного и качество гласного неразрывно связаны друг с другом и обусловлены друг другом? Это действительно возможно считать, если говорить о том, что при наличии [т'е] — [то] не могло быть [т'о] — [те], так же как при наличии [т'ь] — [ть] не могло быть [т'ъ] — [тъ]. Однако если говорить о характере обусловленности согласного и гласного в этих сочетаниях, то надо признать, что в соотношениях [т'е] — [то] и [т'ь] — [ть] эта обусловленность является иной, чем в [т'и] — [ты], ибо если передняя-непередняя зона образования гласного взаимосвязана с мягкостью-твердостью предшествующего согласного, то отсутствие-наличие лабиализации не связано с качеством этого согласного. То, что это действительно так, нетрудно доказать тем простым фактом, что после твердого согласного может быть нелабиализованный гласный (ср. [ты], [та]), а после мягкого — лабиализованный (ср. [т'у] или [т'ю] — в данном случае безразлично, как трактовать эту сочетаемость). Следовательно, в противопоставлении сочетаний [т'е] — [то] и [т'ь] — [ть] признак отсутствия-наличия лабиализации не зависит от мягкости-твердости предшествующего согласного. Иначе говоря, связи согласного и гласного в этих сочетаниях оказываются более ослабленными, чем в [т'и] — [ты], хотя, конечно, они и здесь таковы, что изоляция согласного и гласного друг от друга невозможна, а мягкость-твердость согласного связана с определенной зоной образования гласного.

Итак, признавая синлабемы не только в противопоставлении сочетаний [т'и] — [ты], но и в противопоставлении сочетаний [т'е] — [то] и [т'ь] — [ть], одновременно нельзя не видеть и различий в отношениях членов этих сочетаний, которые обуславливают различную трактовку единиц, входящих в данные сочетания.

7 Вернемся к вопросу о том, как трактовать отношения в сочетаниях твердого-мягкого согласного с последующими [а] и [у]. Как представляется, выбор того или иного решения зависит от общих представлений о системе фонологических отношений древнерусского языка, сложившихся в результате смягчения полумягких согласных.

Конечно, если возможно установить, что в древнерусском языке после смягчения полумягких могли существовать только связанные и взаимообусловленные сочетания

мягкого согласного с передним гласным и твердого согласного с непередним гласным, то следует признать именно эти сочетания и в [ta], [ty] и в [t'ä], [t'y]. Если же в этом языке подобные сочетания могли сосуществовать с иными явлениями, где таких отношений не наблюдалось, — в этом случае возможно трактовать сочетания твердого-мягкого согласного с [a], [y] и иным образом.

Действительно, господствующим явлением в древнерусском языке было то, что за мягким согласным следовал передний гласный, а за твердым — непередний. Хотя, как известно, вообще связь согласного с последующим гласным была обусловлена действием закона открытого слога, именно рассматриваемая эпоха определила особый характер такой связи, выразившийся в сочетании определенных согласных с определенными гласными.

Вместе с тем при описанных господствующих фактах в системе древнерусского языка были и другие явления, характеризующие ее в ином плане.

Прежде всего в этой системе гласные могли выступать без предшествующего согласного в абсолютном начале слова. Так, известно, что в языке восточных славян в подобном положении был широко распространен гласный [o]. В словах типа *осень*, *озеро* и т. п. качество [o] не было обусловлено никаким согласным, и поэтому все признаки, характеризующие этот гласный, были независимы от его фонетического положения. Вероятно, в абсолютном начале слова мог выступать еще гласный [y], качество которого, таким образом, также не было обусловлено здесь фонетическим положением. Наконец, с определенной степенью достоверности можно предполагать появление в абсолютном начале слова гласного [и]. Таким образом, хотя в этой позиции и не было противопоставления гласных по зоне образования, нельзя отрицать того, что здесь гласные фонемы выступали в независимом от согласного положении и качество их не было связано с качеством предшествующего согласного. Это явление если и не противоречило силлабемной структуре древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких, то вместе с тем оно обнаруживало возможность отрыва гласного от предшествующего согласного, возможность изоляции гласного от согласного. (Между прочим, заслуживает внимания и тот факт, что из непередних гласных в таком независимом положении выступают лишь лабиализованные. Можно думать, что и в этом

факте проявляется вновь относительная независимость лабиализации, о которой говорилось выше при анализе сочетаний [т'е] — [то] и [т'ь] — [тъ].)

С другой стороны, и согласные в ряде случаев оказываются независимыми от качества гласных. Конечно, при сохранении тенденции к открытости слога, в силу чего слова и формы всегда оканчивались на гласный, согласные в рассматриваемую эпоху не могли оказаться в наиболее независимой позиции — в позиции конца слова. И поэтому в древнерусском языке середины XI в. можно обнаружить лишь позиции относительной изоляции согласного от последующего гласного. Этими позициями являлись позиции первого согласного в группе из двух или трех согласных. Конечно, не во всех группах согласных можно предполагать отсутствие ассимилятивного смягчения, однако в ряде случаев это можно сделать вполне определенно. Не говоря уже о том, что вполне вероятно сохранение твердости начального [с] в группах [скв], [стр], [скр] в тех случаях, когда за конечным согласным группы следовал передний гласный (к подобным словам в древнерусском языке относились образования с корнем *сквьрън-*, слова *стрьдь* — «мед», *стрьмление*, *стрьмо* — «прямо», образования со *стрьм-*, слова *скривонъ* — «писец», *скрижаль*, *скриня*, *скрипати*, *скрьгътати*, образования со *скрьжът-*, *скрьнь* — «шутка»). Смягчение начального [с], возможно, было лишь в группе [ств] с передним гласным.

Из всех возможных групп двуфонемных согласных не зафиксированы в памятниках и «Материалах...» И. И. Срезневского в позиции перед гласными переднего ряда группы [кв], [гв], [хв], [кн], [зн], [зл], [зр]; однако твердость заднеязычных здесь не подлежит сомнению, и вопрос неясен только с [з]. Что касается остальных таких групп, то можно думать, опираясь на факты современного языка, что ассимилятивному смягчению подвергались первые согласные перед следующими мягкими в группах [сп] (сюда относились слова *спъти* и образования от *спъх-*), [ст] (сюда относились многие факты, например: *стенати*, *стеречи*, *стичи*, *стьза*, образования со *стих-*, *стьбл-*, *стьгн-*, *стькл-*, *стьрв-*, *стьрж-*, *стьн-*, *стаг-*, инфинитивы *нести*, *плести*, *брести* и т. д.), [см] (сюда принадлежали слова *смиатиса* и *смъти*, а также образования со *смьрд-*), [св] (сюда относились слова, образованные от *сверъп-*, *свин-*, *свир-*, *свист-*, *свит-*, *свьт-*, *свъж-*, *свън-*, *свът-*, *свът-*), [зв] (ср. образо-

вания со *звѣн-, звѣзд-, звѣтр-, звѣк-*), [зм] (по существу один пример — *змии*), [тв] (образования с *твѣрд-*), [дв] (ср. образования с *двѣг-, двѣрь*). Во всех этих группах в результате ассимилятивного смягчения, возможно, устанавливался тот же принцип взаимосвязи и взаимозависимости согласных с гласными, какой был характерен и для сочетаний одиночных согласных с гласными, т. е. принцип силлабем. Иначе говоря, как были отношения [т'и] — [ты], так были и отношения [т'т'и] — [тты].

Однако в древнерусском языке были еще и такие группы согласных, в которых возможно предполагать отсутствие ассимилятивного смягчения первого элемента группы под влиянием последующего мягкого согласного. Такое предположение может быть выдвинуто для групп [кл] (в словах *клевета, клеи* и образованиях с *клев-, клекът-, клеп-, клик-, клин-, клир-, клич-, кльц-, клит-, клюд-, клюк-, клюн-, клюс-, ключ-, клѣтв-, клѣч-*), [кр] (в словах *кринъ* и образованиях с *крем-, крив-, крил-, крич-, кръст-, крьп-, крьс-, крюк-, крян-*), [тр] (в образованиях с *трепет-, трет-, три-, трѣ-, трѣб-, трѣв-, трѣзв-, трѣн-, трѣск-, трѣп-, трѣс-*), [бл] [бл'] (в образованиях с *ближ-/близ-, блин-, блиск-, блист-, бльв-, бльск-, бльд-, блѣд-,* в словах *бловотина, блюдо, блюсти*), [бр] (в образованиях с *брех-, брид-, бритв-, брьвн-, брьѣд-, бряч-*), [вр] (в образованиях с *врѣд-, врѣм-, врѣт-*), [вл] (в старослав. *влѣщи*), [гл] (в образованиях с *глезн-, глин-, гльн-, глѣд-*), [гн] (в *гнести* и образованиях с *гнѣл-, гньс-, гньв-, гньѣд-, гньт-*), [гр] (в образованиях с *греб-, грез-, грем-, грет-, грив-, грѣд-, грѣм-, грѣз-, грѣт-, грѣх-, град-*), [др] (в образованиях с *древ-, дрем-, дрѣв-, дрѣм-, дрѣз-, драхл-*), [пл] [пл'] (в образованиях с *плѣск-, плет-, плеч-, плит-, плѣв-, плѣв-, плѣш-, плюн-, плуч-, плас-*), [пр] (в образованиях с *при-, праг-, прѣд-, прѣм-, прѣсл-*), [хл] (в образованиях с *хлип-, хлиб-, хльв-, хлѣб-*), [хм] (в *хмѣль*), [хр] (в образованиях с *хрепет-, христ-, хрьст-*), а также, возможно, [ср] (в *срьд-*) и [сл] (в *слина* и образованиях от *сльз-, слѣд-, слѣз-, слѣп-*).

Правда, надо иметь в виду, что памятники древнерусской письменности свидетельствуют о большей силе ассимилятивного смягчения согласных перед согласными в ранние периоды истории русского языка, чем в современном его состоянии. В частности, об этом говорит постановка неэтимологического *ь* между согласными в группах *бл', пл', бр, пр, вр, тр, вл*, о которых говорилось выше. Факты та-

кого рода можно найти в ряде памятников рассматриваемой эпохи¹. Однако исследователи данного явления отмечают, во-первых, необязательность подобного смягчения, а во-вторых, полное отсутствие в изучаемую эпоху такого смягчения заднеязычных². Если иметь в виду важность установления именно обязательности неразрывной связи твердости-мягкости согласных и непереднего-переднего образования гласных в древнерусском языке после смягчения полумягких, то можно утверждать, учитывая все факты, что в этом языке твердые согласные могли сохранять свое качество, попадая в положение перед мягкими согласными. Если это было так, то здесь нарушался принцип силлабемной структуры и первый согласный оказывался в независимой позиции от следующего мягкого согласного и переднего гласного. Входя в пределы одного слога, два рядом стоящих согласных оказывались различными по своему качеству, и если мягкость второго была связана со следующим за ним передним гласным, то твердость первого являлась независимым от фонетической позиции признаком.

Итак, в системе древнерусского языка середины XI в. была возможность изоляции гласного от предшествующего согласного и согласного от последующего гласного. Отсюда можно сделать вывод, что нет обязательной необходимости представлять для этого языка такую взаимосвязь и обусловленность употребления согласных и гласных, которая исключала бы возможность какой бы то ни было изоляции их друг от друга.

Следовательно, как признание изменения [a] и [y] после мягких согласных в [ǣ] и [ǔ], так и признание сохранения независимости твердости-мягкости согласных перед [a] и [y] в равной степени возможны и не противоречат общим представлениям о системе древнерусского языка после смягчения полумягких, в которой основную роль играли фонемы, а не иные фонологические единицы. Однако следует признать, что принятие того или иного решения, внося ряд существенных изменений в общие представления о древнерусской фонологической системе, в то же время принципиально меняет понимание истории категории твердости-мягкости согласных.

¹ См.: Л. Э. К а л ы н ь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, стр. 149—150.

² См. т а м ж е.

Итак, признавая в древнерусском языке середины XI в. существование такой сочетаемости согласных с гласными, когда качество этих элементов оказывается неразрывно связанным, надо в то же время признать, что такая сочетаемость, образуя силлабемы, не отменяет фонемного строя языка. Силлабема — это не особая фонологическая единица, а такая последовательность двух (а иногда, возможно, и трех) фонем, которая характеризует структуру слога древнерусского языка изучаемой эпохи.

В Однако здесь может возникнуть возражение, основанное на том, что звуковые оболочки словоформ в ряде случаев оказываются противопоставленными все же не фонемами, а силлабемами. Так обстоит дело, например, в противопоставлениях типа [б'ити] — [быти], [м'иль] — [мыль], [в'ель] — [воль], [кон'ь] — [конь], [пут'ь] — [путь] и т. д., где действительно нельзя отделить качество согласного от качества гласного (и наоборот) и где вопрос о единице, противопоставляющей эти звуковые оболочки, решается, как видно, иначе и сложнее. Действительно, в подобного типа случаях противопоставление звуковых оболочек осуществляется не отдельно согласной или гласной, а слогом в целом, или силлабемой, строение которого вполне характеризуется определенными чертами, связанными с четкой взаимообусловленностью качества согласного и качества гласного. Если бы в древнерусском языке звуковые оболочки словоформ могли противопоставляться только таким образом, необходимо было бы считать основной фонологической единицей не фонему, а силлабему. Однако это было лишь в одном звене фонологической системы, и подобная различительная роль взаимосвязанных элементов в пределах слога, вызванная смягчением полумягких, сосуществовала с различительной ролью фонем, затрагивая лишь область противопоставления твердых-мягких согласных и передних-задних гласных.

В Считая принципиально возможной и внутренне непротиворечивой трактовку сочетаний твердых-мягких согласных с [a] и [y] двояким способом, все же возможно высказать еще некоторые соображения в пользу одной из них.

Речь идет о том, что после смягчения полумягких на стыке морфем перед передними гласными оказались парные мягкие согласные, в то время как на том же стыке перед непредними гласными выступали парные твердые согласные. При условии, что такое явление наблюдалось в формах одного и того же слова, оказывалось, что в одних из этих форм выступал твердый согласный, а в других — мягкий. Если учесть, что в то же самое время в другом слове во всех его формах выступал лишь мягкий согласный перед гласными — причем этот мягкий являлся парным по данному признаку, — то оказывалось, что в одних позициях выступают и твердый и мягкий парный, а в других — только мягкий. Так, в *пора* и *боура* обнаруживается различие [p] и [p'], в то время как в формах *порь* и *боурь* выступает только [p']. Фонологически это явление может быть интерпретировано как нейтрализация твердости-мягкости в позиции перед гласными переднего ряда. Именно так и трактуется данный вопрос в лингвистической литературе. Ср.: «... в большинстве славянских языков позиция перед гласными переднего ряда стала (после смягчения полумягких. — В. И.) пунктом нейтрализации для твердых и мягких согласных»¹. Однако такая трактовка возможна лишь в том случае, если признается существование других позиций, в которых твердость-мягкость самостоятельна, независима от качества последующего гласного. Другими словами, утверждать наличие нейтрализации твердости-мягкости перед передними гласными возможно лишь с одновременным признанием противопоставленности твердых-мягких в иных позициях, прежде всего перед [a] и [y]. Если в [пора] — [бур'a], [пору] — [бур'у] твердость-мягкость независима от качества гласного, то в [пор'ě] — [бур'ě] можно видеть нейтрализацию твердости-мягкости; но если в [пора] — [бур'ä], [пору] — [бур'ÿ] видеть взаимозависимость согласного и гласного, т. е. силлабемы, то нельзя говорить о нейтрализации твердости-мягкости перед [ě], ибо при таком толковании твердость-мягкость фонематически незначима.

10 Таким образом, признание нейтрализации твердых-мягких перед передними гласными означает и признание независимости твердых-мягких перед [a] и [y]. В

¹ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 240.

позиции после твердых-мягких выступали разновидности фонем [a] и [y] — непередние и сдвинутые вперед в начальной стадии артикуляции.

Позиция твердых-мягких согласных перед [a] и [y] принципиально отличалась, таким образом, от позиций этих согласных перед [e] и [o], [ь] и [ъ], ибо, как уже говорилось, отличия между гласными в этих парах касались не только зоны образования, но и характера лабиализации. И следовательно, если различия между [a] и [·a] были связаны с качеством предшествующего согласного, то отличия [o] и [e], [ъ] и [ь] не были обусловлены только этим качеством. И поэтому как нельзя считать, что появление [o] и [ъ] целиком определяется твердостью согласного, а появление [e] и [ь] — мягкостью его, так нельзя полагать [o] и [e] и [ъ] и [ь] разновидностями одной фонемы. В отличие от [a] и [·a], [y] и [·y], являющихся такими разновидностями, [o] и [e], а также [ъ] и [ь] являлись самостоятельными фонемами, противопоставленными иным гласным фонемам древнерусского языка.

Однако [e] и [o], так же как [ь] и [ъ], в эту эпоху находились друг по отношению к другу в особом положении, выражавшемся прежде всего в том, что они не употреблялись в тождественной фонетической позиции; они находились, таким образом, в отношениях дополнительной дистрибуции, так же как в таких отношениях находились [a] и [·a], [y] и [·y]. Но если в последних двух парах различия между их членами целиком определялись положением гласных на синтагматической оси, т. е. мягкостью или твердостью предшествующего согласного, и поэтому каждую пару можно представить в виде разновидностей одной фонемы, то в парах [e] — [o], [ь] — [ъ], повторяем, дело обстояло иначе. Их сходство с предшествующими заключается лишь в том, что каждый член пары употреблялся только после мягкого или только после твердого согласного. Это обстоятельство было обусловлено тем, что каждая манифестация фонем, исконно противопоставленных по зоне образования, после смягчения полумягких оказалась прикрепленной к разным по качеству согласным; таким образом, к мягким оказались прикрепленными [и], [e] и [ь], а к твердым — [ы], [o] и [ъ].

Однако [e] и [o] и [ь] и [ъ] не могут быть представлены как разновидности одной фонемы, ибо признак отсутствия-наличия лабиализации сохраняет свою самостоятельность

и не определяется положением гласного на синтагматической оси. Это первое обстоятельство, не позволяющее трактовать [e] и [o], так же как [ь] и [ъ], в качестве разновидностей одной фонемы.

Во-вторых, не будучи противопоставленными друг другу, члены этих пар были противопоставлены фонологически двум одним и тем же гласным, а именно [a] и [y]. Равно вступая в оппозиции с [a] и [y], перед которыми твердость-мягкость не была обусловлена положением, [e] и [o], а также [ь] и [ъ] оказывались фонологически значимыми по отношению к этим двум гласным. Не образуя фонологических оппозиций непосредственно по отношению друг к другу, [e] и [o] и [ь] и [ъ] образуют их непосредственно по отношению к [a] и [y], т. е. к одним и тем же членам фонологической системы. Эти гласные, таким образом, являлись, по терминологии Н. С. Трубецкого, членами косвенно фонологической оппозиции¹.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ

Проблема частных систем гласных фонем

Полагая, что смягчение полумягких согласных обусловило такое распределение гласных на синтагматической оси, когда после твердых согласных стали выступать только непередние гласные, а после мягких — передние, а также [a] и [y], и что в результате этого противопоставленность гласных в тождественных фонетических условиях оказалась иной по сравнению с предшествующим периодом истории русского языка, возможно определить те частные системы противопоставленных гласных фонем, которые выступали в древнерусском языке после различных согласных в изучаемую эпоху.

Такие частные системы были установлены и для предшествующего периода истории, однако в ту эпоху противопоставленность гласных фонем и функционирование

¹ См.: Н. С. Трубецкой, Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 40—41.

их в тождественных условиях определялись относительно свободой гласных в соседстве с согласными; в новую эпоху связанность гласных с предшествующими согласными оказалась намного более тесной, и это обусловило преобразование частных систем гласных фонем по сравнению с системами предыдущего периода.

После смягчения полумягких противопоставленность гласных в тождественных фонетических условиях стала определяться следующими особенностями.

В позиции после твердых согласных противопоставлялись гласные переднего образования [и], [у], [о], [ь] и [а]; они противопоставлялись как в ударных, так и в безударных слогах, как внутри, так и на стыке морфем.

В позиции после мягких [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'] и мягких сонорных на стыке морфем противопоставлялись передние гласные [и], [ѣ], [е], [ь], а также задние [а] и [у], выступавшие здесь в своих разновидностях [ǎ] и [ǔ]; те же гласные, кроме [ѣ], противопоставлялись после [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'] внутри морфем.

В позиции после мягких [с'], [з'] внутри и на стыке морфем противопоставлялись гласные [и], [ѣ], [е], [ь], а также [ǎ] (из [ǣ]); на стыке морфем к этим гласным прибавлялось еще [ǔ].

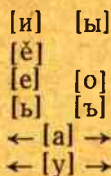
В позиции после [ц'] внутри морфем, по существу, противопоставления гласных не было, ибо здесь выступала только фонема [ѣ], если не считать некоторых фактов, где после [ц'] было [ǎ] и [ь], связанных с заимствованными словами (*царь, цата, църкы* и т. п.); на стыке морфем после [ц'] осуществлялось противопоставление тех же фонем, что и после [с'], [з'].

После остальных мягких, т. е. тех, которые возникли в результате смягчения полумягких, на стыке морфем противопоставлялись гласные [и], [ѣ], [е], [ь] и [а]; эти же гласные противопоставлялись после тех же согласных, а также после мягких сонорных внутри морфем.

Таким образом, после смягчения полумягких в древнерусском языке на стыке морфем сохранилась только одна позиция — позиция перед [а], в которой могли выступать все без исключения согласные фонемы. Здесь положение осталось тем же, что и до смягчения полумягких. Вторая же позиция эпохи конца X — начала XI в., в которой на стыке морфем различались все согласные, — позиция перед

[y] — в новый период изменила свой характер: здесь не выступала группа вторично смягченных губных и смычных зубных согласных. Внутри же морфем, наоборот, появилась позиция перед [a], в которой, по существу, выступали все согласные: здесь не могло быть только [ц'] и [ж'д'].

Вместе с тем можно установить, что частные системы гласных, функционировавшие после твердых и мягких согласных, не были просто параллельными по отношению друг к другу: гласные [a] и [y] являлись такими звеньями, которые объединяли эти частные системы. Схематически эти отношения могут быть выражены в виде

Иначе говоря, фонемы [a] и [y] являлись как бы связующим элементом между фонемами, выступавшими в позиции после мягких согласных, и фонемами, выступавшими в позиции после твердых согласных.

Состав гласных фонем древнерусского языка эпохи развития согласных вторичного смягчения

В связи с рассмотрением частных систем гласных фонем древнерусского языка встает и проблема определения состава этих фонем.

При решении этой проблемы применительно к изучаемой эпохе прежде всего необходимо учесть, что при определении состава гласных мы вновь исходим из тождественности фонетических условий, определяемых на уровне модели, т. е. на уровне установления возможной противопоставленности сочетаний гласных и согласных.

Такой подход к определению состава фонем подробно обосновывался выше, и поэтому нет необходимости останавливаться на нем еще раз. Однако вместе с тем следует обратить специальное внимание на то, что при определении состава фонем должны быть учтены условия их функционирования в том плане, что противопоставленность каждой

фонемы должна быть установлена не только по отношению к отдельным единицам, но по отношению к каждой иной единице данной системы.

С этой точки зрения недостаточно установить вполне очевидно выявляющуюся противопоставленность фонем внутри передней и непередней зоны образования, т. е. установить, что в тождественных фонетических условиях выступали и потому являлись фонемами, с одной стороны, [i], [e], [ɛ], [y], а с другой — [ɨ], [o], [ʊ], [a], [y], — но важно установить соотношения единиц между членами этих двух групп. Это важно потому, что ограниченность условий функционирования отдельных фонем может быть связана с разными явлениями. Во-первых, те или иные фонемы не могут функционировать в определенных позициях, в которых функционируют другие фонемы, но между теми и другими нет никаких общих признаков, кроме принадлежности их данной фонологической системе. Так, скажем, после смягчения полумягких фонема [o] функционирует только после твердых согласных, а фонема [i] — только после мягких; эта ограниченность не свидетельствует о каких-то связях данных двух фонем, ибо они находятся в дизъюнктивных отношениях. Такие отношения определяются в данном случае тем, что у [o] и [i] нет никаких общих признаков, кроме того, что они оба гласные. Во-вторых, те или иные фонологические единицы не могут функционировать в определенных позициях, в которых функционируют другие фонологические единицы, но между теми и другими могут быть установлены отношения дополнительной дистрибуции. Это значит, что данные две единицы, употребляясь только в разных позициях, обладают рядом общих конститутивных признаков при отличии лишь тем признаком, который связан с позицией. Так, в эпоху после смягчения полумягких фонема [i] выступала только после мягких согласных, а [ɨ] — только после твердых. Учитывая, что [i] и [ɨ] оба являются гласными верхнего подъема, нелабиализованными и различает их только зона образования, можно говорить, что они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. И в таком случае отношения между [i] и [ɨ] должны быть определены по-другому по сравнению с определением отношений между [o] и [ɨ].

Если иметь в виду то, что говорилось выше в связи с проблемой силлабем в древнерусском языке середины XI в.

об отношении гласных в позиции после твердых и мягких согласных, и то, что определяло разные явления в ограниченности условий функционирования фонем, — если иметь в виду все это, то можно определить состав гласных фонем и их аллофоны, которые существовали в древнерусском языке изучаемого периода.

В этот состав входили фонемы:

[a] — нижнего подъема, нелабиализованная, с аллофоном [·a]; [o] — среднего подъема, лабиализованная; [y] — верхнего подъема, лабиализованная, с аллофоном [·y]; [ě] — средне-верхнего подъема, нелабиализованная; [e] — среднего подъема, нелабиализованная; [ь] — среднего подъема, нелабиализованная, сверхкраткая; [ъ] — среднего подъема, лабиализованная, сверхкраткая; и, наконец, [и/ы] — верхнего подъема, нелабиализованная; последнюю фонему нельзя обозначить иначе, так как в силу полной обусловленности зоны образования предшествующим согласным манифестации [и] и [ы] выступают как равноправные аллофоны.

Таким образом, если до смягчения полумягких состав гласных фонем древнерусского языка насчитывал 10 самостоятельных единиц, то после этого процесса их осталось только 8: фонема [ā] совпала с [a] после мягких согласных, а [и] и [ы] стали превращаться в одну фонему; этот процесс еще не закончился в рассматриваемый период, так как гласные еще не освободились от связи с согласными, но условия функционирования [и] и [ы] уже стали такими, которые не позволяют считать их двумя самостоятельными фонемами.

Кроме того, если считать, что древние интонационные отношения сохранялись до эпохи падения редуцированных, то, следовательно, они сохранялись и в период развития согласных вторичного смягчения. Как говорилось выше, проблема интонационных различий для истории фонологических отношений древнерусского языка приобретает значение прежде всего постольку, поскольку с ними связана судьба фонемы [o], исконно находившейся под разной интонацией и в дальнейшей истории, после утраты старых интонационных различий, «расщепившейся» на две фонемы — [o] и [ô].

В связи с тем что у нас нет оснований предполагать какие-либо изменения в интонационных отношениях или в распределении различных интонаций, вызванные смягче-

и тем полумягких, можно думать, что те положения о различии [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации, которые были высказаны при рассмотрении системы конца X — начала XI в., остаются действительными и для середины XI в.

Иначе говоря, определяя состав гласных фонем древнерусского языка эпохи развития согласных вторичного смягчения, надо иметь в виду, что в начальном ударном слоге слова в позиции после твердого согласного фонологически противопоставлялись [o] под новым акутом и [o] вне этой интонации. Однако применительно к этой позиции можно говорить лишь о том, что противопоставление разноинтонированного [o], имея фонологический характер, осуществлялось не как противопоставление разных по качеству фонем, а как противопоставление по качеству ударения, т. е. оно имело просодический характер.

Вместе с тем выше указывалось, что и в той позиции, в которой осуществлялось фонологическое противопоставление [o] под разной интонацией, это противопоставление функционировало лишь на уровне модели и не имело никакой функциональной нагрузки: в древнерусском языке отсутствовали словоформы, различавшиеся лишь разноинтонированным [o]. И поэтому, признавая возможность фонологического противопоставления разноинтонированного [o], надо одновременно признать, что это противопоставление реально не использовалось как фонологическое средство.

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ

Развитие согласных вторичного смягчения, изменив отношения и связи фонологических единиц внутри системы, привело к изменению в составе дифференциальных признаков гласных фонем, к дефонологизации одного из тех ДП, которые были характерны для древнерусского языка до смягчения полумягких.

Выше говорилось о том, что в качестве ДП всех гласных фонем в конце X — начале XI в. выступали степень подъема языка, отсутствие-наличие лабиализации и передняя-непередняя зона образования; кроме того, в связи с сохранением редуцированных в качестве ДП в ряде случаев выступали и количественные различия. Все указанные ДП,

каждый порознь или в той или иной совокупности, противопоставляли одну гласную фонему другой, являясь, таким образом, релевантными конститутивными признаками.

Когда смягчение полумягких обусловило прикрепление передних гласных к мягким согласным, а непередних — к твердым, ДП «зона образования» дефонологизовался: этот конститутивный признак утерять свою релевантность, так как гласные фонемы уже не стали иметь возможности противопоставляться друг другу в тождественных фонетических условиях по этому признаку. Передние и непередние гласные стали возможны только в нетождественных условиях: их противопоставленность друг другу утерьяла в целом фонематическую значимость, так как оказалась связанной с качеством предшествующего согласного.

В качестве ДП сохранились лишь степень подъема языка и отсутствие-наличие лабиализации, и, так же как в предшествующий период, в связи с сохранением [ь] и [ъ] в число ДП включались иногда и количественные различия.

В связи с тем что в большинстве случаев в тождественных фонетических условиях могли оказываться лишь гласные определенной зоны образования, — в связи с этим ДП, перечисленные выше в общей форме, применительно ко всему древнерусскому языку, несколько по-разному определяли противопоставления фонем в передней и непредней зоне. Так, ДП «отсутствие-наличие лабиализации» был более существен в области непредних гласных, где и были сосредоточены лабиализованные фонемы; в области же передних гласных этот ДП выступал постольку, поскольку передние фонемы вступали в оппозиции с лабиализованной фонемой [y]. Внутри же противопоставлений самих передних фонем действовал лишь один ДП — степень подъема языка. С другой стороны, ДП «степень подъема языка» в области непредних гласных выступал в трех противоположениях, а в области передних — в четырех, так как здесь существовала средне-верхняя ступень и так как передние гласные вступали в оппозиции с непредним гласным нижнего подъема [a].

Однако, говоря о потере фонологической значимости признака зоны образования и о дефонологизации этого ДП, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что такая дефонологизация данного ДП не носит абсолютного характера. Дело в том, что в связи с возможностью противопоставления в тождественных фонетических усло-

виях гласных передней зоны образования двум непередним гласным — [a] и [y] признак образования гласных по ряду оказывался в этих случаях релевантным; он не выступал и не мог выступать в качестве единственного ДП, противопоставляющего две фонемы, но он мог выступать и выступал в качестве одного из ДП, противопоставляющих передние гласные гласным [a] и [y]. Следовательно, можно считать, что дефонологизация признака «переднее-непереднее образование гласного», вызванная смягчением полумягких, не получила полного завершения после этого процесса: потеряв в целом фонематическую значимость, данный признак все же удерживал ее в определенной степени, выступая в качестве ДП в некоторых противопоставлениях гласных фонем. Признать его полную дефонологизацию можно лишь в том смысле, что этот признак не мог выступать в данную эпоху в качестве единственного ДП, как это было возможно до смягчения полумягких. Как видно, сохранение признаком «переднее-непереднее образование» своей фонематичности в отдельных звеньях системы гласных было связано с неабсолютностью силлабемного строения фонологической системы древнерусского языка середины XI в. Если бы силлабемы пронизывали всю эту систему, рассматриваемый признак не мог бы сохранить ни в какой степени своей фонематической значимости.

Оппозиции гласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Дефонологизация признака «переднее-непереднее образование» и сокращение общего числа фонем после смягчения полумягких вызвали серьезные изменения в оппозициях гласных древнерусского языка. Эти изменения коснулись прежде всего самого числа оппозиций, которые могли образовывать гласные в тождественных фонетических условиях: вместо 45 оппозиций предшествующей эпохи их стало всего 24; вместе с тем изменился и общий характер таких оппозиций.

Для того чтобы увидеть все эти изменения, необходимо рассмотреть все оппозиции гласных, которые могли осуществляться в языке середины XI в.

В области непередних гласных оппозиции образовывали следующие фонемы:

с общим основанием «непередняя зона образования и фонологически равное количество»:

- [ы] — [о] ДП верхний—средний подъем и отсутствие—наличие лабиализации,
[о] — [а] ДП средний—нижний подъем и наличие—отсутствие лабиализации,
[у] — [а] ДП верхний—нижний подъем и наличие—отсутствие лабиализации;

с общим основанием «непередняя зона образования»:

- [ы] — [ъ] ДП верхний—средний подъем, отсутствие—наличие лабиализации и нормальная краткость—сверхкраткость,
[ъ] — [а] ДП средний—нижний подъем, наличие—отсутствие лабиализации и сверхкраткость — нормальная краткость;

с общим основанием «непередняя зона образования, верхний подъем и фонологически равное количество»:

- [ы] — [у] ДП отсутствие — наличие лабиализации;

с общим основанием «непередняя зона образования, отсутствие лабиализации и фонологически равное количество»:

- [ы] — [а] ДП верхний — нижний подъем;

с общим основанием «непередняя зона образования, наличие лабиализации и фонологически равное количество»:

- [у] — [о] ДП верхний — средний подъем;

с общим основанием «непередняя зона образования и наличие лабиализации»:

- [у] — [ъ] ДП верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость;

с общим основанием «непередняя зона образования, наличие лабиализации и средний подъем»:

- [о] — [ъ] ДП нормальная краткость — сверхкраткость.

В области передних гласных оппозиции образовывали следующие фонемы:

с общим основанием «передняя зона образования, отсутствие лабиализации и фонологически равное количество»:

[и] — [ě]	ДП верхний — средне-верхний подъем,
[и] — [e]	ДП верхний — средний подъем,
[ě] — [e]	ДП средне-верхний — средний подъем;

с общим основанием «передняя зона образования и отсутствие лабиализации»:

[и] — [ь]	ДП верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость,
[ě] — [ь]	ДП средне-верхний — средний подъем и нормальная краткость — сверхкраткость;

с общим основанием «отсутствие лабиализации и фонологически равное количество»:

[и] — [a]	ДП передняя — непередняя зона образования и верхний — нижний подъем,
[ě] — [a]	ДП передняя — непередняя зона образования и средне-верхний — нижний подъем,
[e] — [a]	ДП передняя — непередняя зона образования и средний — нижний подъем;

с общим основанием «отсутствие лабиализации»:

[ь] — [a]	ДП передняя — непередняя зона образования, средний — нижний подъем и сверхкраткость — нормальная краткость;

с общим основанием «верхний подъем и фонологически равное количество»:

[и] — [y]	ДП передняя — непередняя зона образования и отсутствие — наличие лабиализации;

с общим основанием «передняя зона образования, отсутствие лабиализации и средний подъем»:

[e] — [ь]	ДП нормальная краткость — сверхкраткость;

с общим основанием «гласность» (т. е. принадлежность к гласным):

- [ě] — [y] ДП передняя — непередняя зона образования, средне-верхний — верхний подъем и отсутствие — наличие лабиализации,
- [e] — [y] ДП передняя — непередняя зона образования, средний — верхний подъем и отсутствие — наличие лабиализации,
- [ь] — [y] ДП передняя — непередняя зона образования, средний — верхний подъем, отсутствие — наличие лабиализации и сверхкраткость — нормальная краткость.

Нетрудно заметить, что во всех этих оппозициях выступают те же ДП, которые выступали в них и до смягчения полумягких, и в данном отношении оппозиции гласных феномен как будто бы не пережили никаких изменений. Однако дело заключается в том, что сами по себе установленные оппозиции и не могли пережить какие-либо процессы — изменения затронули общую систему, в результате чего место данных оппозиций оказалось иным, чем оно было до смягчения полумягких.

Легко можно установить, что уменьшение количества оппозиций произошло за счет утраты тех, которые были связаны с противопоставлением передних и непередних гласных или только по одному этому ДП, или по большему их количеству, но с обязательным включением его в их состав. Это привело к тому, что некоторые сохранившиеся оппозиции оказались в ином положении, чем они были раньше.

Рассмотрим приведенные выше оппозиции гласных в плане определения отношений их между собой и отношений между членами отдельных оппозиций.

Во-первых, из числа 24 установленных оппозиций 8 являются одномерными, а 16 — многомерными. Если учесть, что до смягчения полумягких из 45 оппозиций гласных одномерных было 11, а многомерных — 34, то окажется, что уменьшение общего числа оппозиций не затронуло их соотношения: и до и после смягчения полумягких одномерные оппозиции составляли одну треть всех возможных оппозиций. В связи с тем, что одномерные оппозиции были тем элементом системы, который «спаивал» воедино все ее звенья, не случайно, вероятно, удельный вес одномерных оппозиций остается постоянным.

Во-вторых, в числе одномерных оппозиций четыре являлись пропорциональными, причем две из этих оппозиций образовывали пропорцию друг с другом, а две — с многомерными оппозициями, в числе которых только они и выступали как пропорциональные.

В пропорциональные отношения друг с другом вступали одномерные оппозиции [e] — [ь] и [o] — [ъ], т. е.

$$[e - ь] = [o - ъ].$$

В пропорциональные отношения с многомерными оппозициями вступали одномерные оппозиции [y] — [o] и [y] — [ъ], а именно:

$$\begin{aligned} [y - o] &= [и - e], \\ [y - ъ] &= [и - ь]. \end{aligned}$$

Все эти пропорции существовали и в эпоху до смягчения полумягких, и здесь не произошло каких-либо существенных изменений в общих отношениях фонем.

Однако в то же самое время остальные одномерные оппозиции — [ы] — [y], [ы] — [a], [ь] — [a] и [и] — [y] — оказались изолированными, причем из них только [ы] — [y] и до смягчения полумягких являлась одномерной изолированной оппозицией; с остальными же дело обстояло по-иному. Оппозиции [ы] — [a] и [и] — [y] раньше выступали как одномерные пропорциональные: [ы] — [a] была пропорциональна оппозиции [и] — [ä], а оппозиция [и] — [y] — оппозициям [ь] — [ъ] и [e] — [o]. Если первая пропорция была утрачена в результате утраты особой фонемы [ä], то вторая — в результате дефонологизации признака «переднее — непереднее образование гласного». Поэтому оппозиции [ы] — [a] и [и] — [y] оказались изолированными в новой фонологической системе.

Что касается оппозиции [ь] — [a], то она и раньше выступала как изолированная, однако, имея общее основание с оппозицией [ь] — [ы], она являлась многомерной. С утратой последней оппозиции в результате дефонологизации признака «переднее — непереднее образование» оппозиция [ь] — [a] оказалась одномерной.

Все остальные оппозиции были многомерными и изолированными.

Об отношениях внутри оппозиций, между членами одномерных и многомерных оппозиций, следует сказать, что

в одних случаях эти отношения могут быть определены вполне четко и однозначно, тогда как в других — толкование этих отношений может быть различным.

В ряду одномерных оппозиций, пожалуй, все могут быть определены однозначно: оппозиции [ы] — [у] и [и] — [у] — как привативные с маркированным членом [у] и немаркированными [ы] и [и]; оппозиции [о] — [ъ] и [е] — [ь] — тоже как привативные с маркированными членами [ъ], [ь] и немаркированными [о], [е]; оппозиции [ы] — [а] и [у] — [о] — как градуальные; наконец, оппозиции [у] — [ъ] и [ь] — [а] — как эквиполентные. В ряду многомерных оппозиций только как эквиполентные могут быть определены оппозиции [ы] — [ъ], [ъ] — [а], [и] — [ь], [ѐ] — [ь], [и] — [а], [ѐ] — [а], [е] — [а], [ѐ] — [у], [е] — [у], [ь] — [у]; только как градуальные — оппозиции [ы] — [о], [и] — [ѐ], [и] — [е]. Что же касается оппозиций [о] — [а] и [у] — [а], то они могут быть квалифицированы или как привативные по признаку наличия-отсутствия лабиализации с маркированными членами [о], [у] и немаркированным [а], или как градуальные по степени подъема языка, и тогда [а] и [у] будут крайними членами градуальной оппозиции, а [о] — средним ее членом.

В-третьих, наконец, следует рассмотреть еще и вопрос о характере многомерных оппозиций — их однородности или неоднородности. Надо сказать, что для описываемой эпохи большинство многомерных оппозиций выступает как однородные, гомогенные, т. е. такие, члены которых могут быть представлены в виде крайних точек «цепочек» из одномерных оппозиций. Конечно, по сравнению с предшествующей эпохой этих «цепочек» оказывается очень мало, и они намного менее разнообразны, однако в общем плане, принципиально картина здесь не меняется: одномерные оппозиции вновь предстают в качестве «спаивающих» звеньев всей фонологической системы.

«Цепочки» одномерных оппозиций, которые объединяют своеобразным путем многомерные оппозиции, могут быть представлены в следующем виде:

[ы] — [о]:	[ы] — [у]/[у] — [о], или [ы] — [у]/[у] — [ъ]/[ъ] — [о];
[о] — [а]:	[о] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а], или [о] — [ъ]/[ъ] — [у]/[у] — [ы]/[ы] — [а];
[у] — [а]:	[у] — [ы]/[ы] — [а];

[ы] — [ъ]:	[ы] — [y]/[y] — [ъ], или [ы] — [y]/[y] — [o]/[o] — [ъ];
[ъ] — [a]:	[ъ] — [o]/[o] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a], или [ъ] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a];
[и] — [e]:	[и] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ь]/[ь] — [e];
[и] — [ь]:	[и] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a]/[a] — [ь];
[и] — [a]:	[и] — [y]/[y] — [ы]/[ы] — [a];
[e] — [a]:	[e] — [ь]/[ь] — [a];
[e] — [y]:	[e] — [ь]/[ь] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y];
[ь] — [y]:	[ь] — [a]/[a] — [ы]/[ы] — [y].

Из одиннадцати таких однородных многомерных оппозиций всего четыре оказываются непрямолинейными; остальные семь могут быть представлены лишь в виде одной «цепочки» из одномерных оппозиций. Как кажется, это свидетельствует о меньшей силе связанности единиц в фонологической системе в данную эпоху по сравнению с предшествующим периодом истории древнерусского языка.

Вне гомогенных многомерных оппозиций, как и до смягчения полумягких, остаются все оппозиции с [ě], которая не входила ни в одну из одномерных оппозиций. Следовательно, вновь возникает та же картина, что и до смягчения полумягких: фонема [ě] оказывается в изолированном положении в системе оппозиций, однако устойчивость ее и в новую эпоху остается не поколебленной. В то же время фонемы [ь] и [ъ], входя наряду с иными гласными в систему оппозиций, находятся накануне своей утраты в древнерусском языке. Приближается та эпоха, когда фонологическая система языка переживет бурное потрясение, вызванное падением редуцированных.

Функционирование оппозиций гласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Если, как было показано выше, смягчение полумягких, приведя к утрате ряда оппозиций гласных фонем и к перестройке внутренних отношений оставшихся из них, не изменило характера ДП, противопоставлявших члены этих последних, то вместе с тем данный процесс был связан с глубокими изменениями в функционировании оппозиций в системе древнерусского языка и отсюда — в фонематической значимости этих оппозиций.

Именно поэтому целесообразно рассмотреть условия функционирования оппозиций гласных фонем и их фонологическую нагрузку в древнерусском языке середины XI в.

Однако прежде всего здесь следует иметь в виду, что изменения в условиях функционирования и в фонологической нагрузке коснулись не всех оппозиций гласных, а лишь определенной их части, хотя и значительной: они, эти изменения, не затронули оппозиций, связанных с функционированием непередних гласных, кроме [a] и [y], и существенно повлияли на оппозиции, связанные с функционированием передних гласных, а также [a] и [y]. Это обстоятельство не требует особых комментариев, так как совершенно ясно, что смягчение полумягких не коснулось области таких фонем, как [ы], [о], [ъ], так же как оно не коснулось и оппозиций этих фонем с [a] и [y]: позиции этих гласных и условия их противопоставления после смягчения полумягких остались те же самые.

Следовательно, если рассмотреть такие оппозиции, как [ы] — [о], [о] — [a], [ы] — [y], [ы] — [a], [y] — [о], [ы] — [ъ], [ъ] — [a], [y] — [ъ], [о] — [ъ], то можно установить, что как до смягчения полумягких, так и после этого процесса данные оппозиции функционировали равно как внутри, так и на стыке морфем в положении после твердых согласных. Функциональная нагрузка всех этих оппозиций представляется вполне отчетливо выраженной и определяемой теми фактами, которые можно установить для эпохи конца X — начала XI в.

Несколько по-иному обстояло дело с оппозициями других гласных фонем в эпоху смягчения полумягких.

Оппозиция [и] — [ѣ] функционировала внутри морфем после всех мягких согласных, кроме шипящих [ш'], [ж'], аффрикат [ц'], [ч'], [ш'ч'], [ж'д'], причем она функционировала лишь после тех мягких сонорных и [с'], [з'], которые возникли в результате смягчения полумягких; на стыке морфем эта оппозиция функционировала после всех мягких согласных, как исконно мягких, так и бывших полумягких. Если учесть, что изменение условий функционирования данной оппозиции в эпоху после смягчения полумягких было связано лишь с тем, что внутри и на стыке морфем она стала выступать после вновь возникших мягких на месте полумягких, — то можно понять, что функциональная нагрузка этой оппозиции не пережила принципиальных

изменений: все те слова и формы, которые могли бы быть приведены в качестве иллюстрации данной нагрузки в эпоху конца X — начала XI в., сохраняют свою значимость и в новую эпоху с той лишь разницей, что в них перед [и] и [ě] стали выступать мягкие согласные.

Точно так же было с оппозициями [и] — [e], [ě] — [e], [ě] — [ь], [и] — [ь], [e] — [ь]. Серьезным же преобразованиям подверглись все оппозиции с [a] и [y]. В качестве примера такого преобразования можно рассмотреть оппозицию [и] — [y] в системе гласных после смягчения полумягких.

Оппозиция [и] — [y] после смягчения полумягких стала функционировать только после некоторых мягких согласных; по характеру этого функционирования оппозиция [и] — [y] эпохи смягчения полумягких отличалась от прежней оппозиции этих фонем. Если раньше данная оппозиция выступала внутри морфем после твердых согласных и после [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], то новая оппозиция [и] — [y] стала выступать в этом положении только после мягких сонорных (причем перед [и] был вторичносмягченный сонорный, а перед [y] — исконно мягкий) и после тех же шипящих. Следовательно, функциональная нагрузка новой оппозиции [и] — [y] должна определяться уже совершенно иными фактами: противопоставления по оппозиции [и] — [y] после твердых утратились, а на их месте могли возникнуть противопоставления по этой оппозиции после мягких сонорных. Таких противопоставлений было очень мало, и касались они лишь оппозиции [и] — [y] после [л']: *либо* — *либы* (с неясным значением) — *любы* — «любовь», *лѣти* — *люти* (от *лють*), *клинѣ* — *клянѣ*, *кликѣ* — *клякѣ* (от *кляка*), *кличь* — *ключь*.

После [н'] и [р'] функционально значимых противопоставлений для эпохи середины XI в. не обнаруживается.

Кроме того, функциональная нагруженность этой оппозиции внутри морфем обнаруживается еще после [ш']: *шитѣ* (от *шити*) — *шутѣ*.

На стыке морфем оппозиция [и] — [y] выступает после мягких сонорных, шипящих, свистящих и [j] и имеет достаточно выраженную функциональную нагрузку, противопоставляя формы дат.-местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч. и род.-местн. п. дв. ч. имен жен. р. с древней основой на *jā (типа *вѣли* — *вѣлю*), местн. п. ед. ч., им.-тв. п. мн. ч. и дат. п.

ед. ч. имен муж. р. с древней основой на *jǫ (типа *лъкари* — *лъкарю*; сюда же включаются слова типа *отъць*), местн. п. ед. ч. и дат. п. ед. ч. имен ср. р. с древней основой на *jǫ (типа *поли* — *полю*; сюда же включаются слова типа *лице*), а также тв. п. мн. ч. и им.-вин.-зв. п. дв. ч. тех же имен и ряд падежных форм неличных местоимений: *сеи* — *сею*, *и* — *ю*, *наши* — *нашу*, *нашей* — *нашею*, *всьи* — *всью*, *всьеи* — *всьею*, *тои* — *тою*, *мои* — *мою*.

Если проанализировать все подобные преобразования, то можно установить, что функциональная нагрузка оппозиций гласных передней зоны образования с [a] и [y] в целом ослабла, так как уменьшилось число противопоставленных по оппозициям гласных слов и форм. Однако на стыке морфем эти противоположения оставались по-прежнему действительными, и именно здесь образовывалась устойчивость оппозиций гласных в эпоху смягчения полумягких.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В РЕЗУЛЬТАТЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ

Проблема состава согласных фонем в эпоху смягчения полумягких

Если иметь в виду все то, что было сказано об особенностях фонологической системы древнерусского языка середины XI в. в отношении связи согласных с гласными и противопоставленности гласных, то можно будет решить и вопрос о составе согласных фонем этой эпохи. Учитывая сохранение фонологической значимости отдельных фонем в системе древнерусского языка, несмотря на то что в этой системе определенную роль играли и неразложимые сочетания согласных с гласными — *силлабемы*, — можно утверждать, что в целом состав согласных фонем претерпел одно существенное изменение, связанное со смягчением полумягких. Это изменение коснулось категории твердости-мягкости согласных и выразилось в расширении состава мягких согласных фонем.

Однако прежде чем говорить об этом наиболее важном и сложном явлении, следует сказать о том, что смягчение полумягких не привело к существенной перестройке отно-

шений внутри тех согласных, которые не испытали на себе результатов этого процесса. К таким согласным относились непарные твердые заднеязычные [k], [g], [x] и непарные мягкие [ц'], [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'], [j]. Непарные твердые по-прежнему противопоставлялись перед передними гласными, а непарные мягкие — перед передними гласными, а также перед [a] и [y]. Все те ограничения в этих противопоставлениях, обнаруживающиеся внутри или на стыке морфем, которые можно установить для эпохи середины XI в., были восприняты из предшествующего периода истории русского языка, и смягчение полумягких не сыграло здесь какой-либо видимой роли.

В отношении же тех согласных, которые пережили процесс вторичного смягчения — к ним примыкают еще пять исконно мягких согласных, входивших в пары по твердости-мягкости и совпавших по своему характеру и по функционированию со вторичносмягченными, — в отношении этих согласных дело оказывается сложнее. И здесь опять-таки следует вернуться к тому, что говорилось выше при рассмотрении проблемы силлабем.

Если рассмотреть функционирование мягких согласных перед гласными передней зоны, а твердых — перед гласными непредней зоны, то, как это было и в области гласных, можно установить, что перед одним и тем же передним или непредним гласным выступают разные мягкие или твердые согласные, противопоставляясь тем самым друг другу. Следовательно, можно установить модели [п'и — б'и — в'и — м'и — т'и — д'и — с'и — з'и — н'и — л'и — р'и], [п'ё — б'ё — в'ё — м'ё — т'ё — д'ё — с'ё — з'ё — н'ё — л'ё — р'ё] и т. д. с другими гласными переднего ряда, [пы — бы — вы — мы — ты — ды — сы — зы — ны — лы — ры], [по — бо — во — мо — то — до — со — зо — но — ло — ро] и т. д. с другими гласными непреднего ряда и на этом основании утверждать наличие соответствующих мягких и твердых согласных в древнерусском языке. Однако если считать, что мягкие и твердые всегда выступали перед разными гласными — или только перед передними, или только перед непредними, — то в качестве самостоятельных фонологических единиц надо будет признать не [п] и [п'], не [б] и [б'] и т. д., а нерасчлененную по признаку твердости-мягкости фонему [п/п'], [б/б'] и т. д.

Признав же выше, что в позиции перед [a] и [y] твердость-мягкость была независимым качеством, а аллофоны [a] — [ǎ] и [y] — [Ǚ] возникли в результате соседства с предшествующими твердыми или мягкими согласными, мы тем самым признали, что в древнерусском языке были не нерасчлененные фонологические единицы [п/п'], [б/б'] и т. д., а отдельные самостоятельные твердые и мягкие согласные фонемы.

Особенностью же древнерусской системы изучаемой эпохи было не наличие таких нерасчлененных единиц, а своеобразие противопоставленности твердых-мягких. Эта противопоставленность осуществлялась только перед [a] и [y] и не осуществлялась перед остальными гласными, где мог выступать или только мягкий, или только твердый согласный.

Значит, если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие согласные противопоставлялись перед всеми гласными, кроме [ы], [о], [ъ], то после смягчения полумягких они сохранили свое противопоставление лишь перед [a] и [y]. Однако при этом, во-первых, перед данными двумя гласными стали противопоставляться не только исконно парные по твердости-мягкости согласные, но и все те согласные, которые получили мягкость в результате смягчения полумягких; а во-вторых, противопоставление твердых-мягких стало осуществляться не только перед исконным [a], но и перед [ǎ], возникшим из [ǎ]; в этом последнем случае [a] после мягкого восходит к [ǎ], а после твердого — к [a].

Если представить себе всю систему древнерусского языка середины XI в., то можно сказать, что состав согласных фонем, входящих в эту систему, определялся противопоставлением на уровне модели фонологических единиц перед [a] и [y]: именно в этих позициях различались все согласные фонемы изучаемого языка данной эпохи.

С этой точки зрения согласные фонемы древнерусского языка эпохи смягчения полумягких могут быть представлены в следующей таблице (см. табл. на стр. 233).

Таким образом, можно установить, что в этот период времени в древнерусском языке выступали 32 согласные фонемы, отчетливо противопоставлявшиеся перед гласными [a] и [y].

Однако сказать только это было бы недостаточным, ибо система древнерусского языка характеризовалась опреде-

		Губные				Язычные							
						Переднеязыч-ные				Средне-язычные	Задне-язычные		
		Губно-губные		Губно-зубные		Зубные		Нёбно-зубные		Средне-нёбные	Задне-нёбные		
		тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.		тв.	м.	
Шумные	Смыч-ные	гл.	п	п'			т	т'				к	
		зв.	б	б'			д	д'				г	
	Аффрика-ты	гл.					ц'	ч'	ш'ч'				
		зв.						ж'д'					
	Фри-катив-ные	гл.					с	с'	ш'			х	
		зв.			в	в'	з	з'	ж'				
		зв.								ј			
	Сопорные	Смычно-проходные	Носовые	гл.									
				зв.	м	м'		н	н'				
		Боковые		гл.									
				зв.				л	л'				
	Виб-ранты	гл.											
		зв.						р	р'				

ленными чертами, накладывавшими свой отпечаток на характер отношений внутри согласных фонем. И прежде всего здесь дело заключалось в том, что функционирование твердых и мягких согласных оказывалось подчиненным разным принципам в самой системе.

В самом деле, если в позиции перед гласными [a] и [y] все конститутивные признаки согласных оказывались независимыми от качества последующего гласного, в силу чего в этих позициях и наблюдалось противопоставление всех согласных фонем, то в позиции перед остальными гласными признак твердости-мягкости оказывался обусловленным качеством этих гласных. Силлабемный характер сочетаемости согласных с гласными определял, таким образом, тот факт, что согласные оказывались в связанной позиции по признаку твердости-мягкости. Несмотря на то что при противопоставлении звуковых оболочек слов и форм непарными по твердости-мягкости согласными в сочетании с гласными можно видеть не оппозиции силлабем, а противопоставления по оппозициям двух фонологических единиц — согласной и гласной, — все же факт сочетаемости мягких согласных только с передними, а твердых — только с непредними гласными остается без изменения. И это заставляет признать твердость-мягкость согласных самостоятельным признаком в подобных условиях: он так же обусловлен позицией перед гласным, как зона образования последнего обусловлена твердостью-мягкостью согласного.

Проблема дифференциальных признаков согласных фонем

Как представляется, нет необходимости вновь характеризовать каждую согласную фонему древнерусского языка по ее конститутивным признакам, как это было сделано для исходной системы: все характеристики тех фонем, которые существовали до смягчения полумягких и перешли в новую эпоху, действительны и для этой последней; что же касается вновь возникших мягких, то они отличались в отношении своих конститутивных признаков от соответствующих твердых лишь этим одним признаком, совпадая по всем остальным.

Поэтому кажется более целесообразным обратить внимание на те изменения, которым подверглись дифференциальные признаки, противопоставляющие различные согласные фонемы, в эпоху смягчения полумягких.

Здесь прежде всего нужно сказать, что смягчение полумягких не затронуло характера ДП, связанных с местом и способом образования, и расширило действие ДП «глу-

зость — звонкость». В связи с возникновением мягких глухих-звонких губных и зубных количество противопоставленных по этому признаку пар фонем увеличилось. К ранее существовавшим парам прибавились еще [п'] — [б'], [т'] — [д'] и укрепила свое положение пара [с'] — [з'].

Пожалуй, наиболее существенным изменениям подвергся ДП «твердость — мягкость», так как здесь, с одной стороны, расширилось количество противопоставленных по этому признаку фонем (к существовавшим ранее пяти парам прибавились еще четыре пары твердых-мягких губных и две пары твердых-мягких зубных), а с другой — сузила область действия данного ДП: он стал противопоставлять твердые-мягкие только перед [a] и [y] и дефонологизовался в позиции перед иными гласными.

Следовательно, если ДП, связанные с местом и способом образования, а также с глухостью-звонкостью, не претерпели в результате смягчения полумягких каких-либо существенных преобразований, то ДП, связанный с твердостью-мягкостью, наоборот, подвергся серьезному изменению, отчетливо сузив область своего действия. Вместе с тем в отношении этого ДП надо иметь в виду и еще одно обстоятельство.

В связи с тем что твердость-мягкость стала противопоставлять большее число согласных, релевантность этого признака усилилась, и это не могло не оказать влияния на характер оппозиций согласных фонем, что вело к определенной перестройке их в системе языка. Именно в том характере, который приобрели теперь оппозиции согласных, а отсюда — и в их функциональной нагрузке, можно увидеть те факты, которые определяли изменения в фонологической системе, вызванные смягчением полумягких согласных.

Оппозиции согласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Увеличение числа согласных фонем за счет вторично-смягченных увеличило и общее число теоретически возможных оппозиций: вместо 300 оппозиций предшествующей эпохи их стало 465¹. Однако это не означает, что в общем числе этих оппозиций все были новыми или преобразован-

¹ Как и для предшествующего периода, не рассматриваются специально оппозиции [j] по отношению к другим согласным.

ными в результате смягчения полумягких. На самом деле 240 оппозиций согласных вообще не пережили изменений в отношении общего основания и ДП, а 60 оппозиций были только преобразованы в связи с появлением согласных вторичного смягчения. Таким образом, только 165 оппозиций согласных возникло в результате смягчения полумягких.

Не рассматривая сейчас вопрос о функционировании оппозиций согласных после смягчения полумягких, попытаемся определить те изменения, которые коснулись оппозиций согласных фонем, и установить характер ДП, противопоставлявших отдельные фонемы друг другу.

Прежде всего отметим, что полностью сохранили свой характер, во-первых, оппозиции исконно непарных по твердости-мягкости твердых согласных (т. е. [p], [b], [v], [m], [t], [d], [k], [g], [x]) по отношению друг к другу и к [ц'], [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д']; во-вторых, оппозиции исконно парных по твердости-мягкости согласных по отношению друг к другу, к заднеязычным и к [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д']; в-третьих, оппозиции исконно мягких шипящих и [ц'] по отношению друг к другу и к заднеязычным. Все то, что говорилось выше при анализе системы древнерусского языка конца X — начала XI в. в отношении основания для сравнения и ДП в этих оппозициях, сохраняет полностью свою значимость и для нового периода.

Преобразованиям в связи с развитием согласных вторичного смягчения подверглись оппозиции исконно непарных по твердости-мягкости твердых согласных (за исключением заднеязычных) по отношению к исконно парным по этому признаку согласным. Все эти оппозиции существовали и до смягчения полумягких, однако при противопоставлении этих согласных твердость-мягкость не выступала в качестве ДП в силу нерелевантности этого признака в таких оппозициях в тот период истории языка. Теперь этот признак стал релевантным и стал выступать наряду с иными признаками при противопоставлении указанных согласных.

Так, например, оппозиции [p] — [p'], [b] — [p'] (или [П₁] — [p']) в предшествующий период имели в качестве ДП признаки «губность — переднеязычность» и «смычность — вибрантность». После смягчения полумягких они сохранились, имея те же ДП, к которым прибавился еще один — «твердость — мягкость», так как появились мягкие [p'], [b'].

Таким образом, преобразование всех подобных оппозиций заключалось в фонологизации признака твердости-мягкости.

В связи с этим для системы согласных фонем периода смягчения полумягких уже нельзя представить те отношения, какие можно было представить для предшествующей эпохи: построения с введением логического понятия полифонемы остались действительными здесь лишь для некоторых оппозиций, связанных с признаком глухости-звонкости согласных, но не с признаком твердости-мягкости.

Наряду с теми оппозициями, которые подверглись преобразованию в связи с процессом смягчения полумягких, в эту эпоху возникли и развились такие оппозиции, которые вообще не были свойственны древнерусскому языку в период конца X — начала XI в. Возникновение данных оппозиций было вызвано появлением таких мягких согласных, каких не было до смягчения полумягких и какие встали в оппозиции к остальным согласным древнерусского языка. Эти новые мягкие образовали друг по отношению к другу и к остальным согласным фонемам 165 оппозиций, к которым относились следующие:

с общим основанием «согласность»:

[м] — [т'], [м] — [д'] (или [м] — [Т'₁]) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — смычность, твердость — мягкость;

[м'] — [т], [м'] — [д] (или [м'] — [Т₁]) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — смычность, мягкость — твердость;

[м'] — [с], [м'] — [з] (или [м'] — [С₁]) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — фрикативность, мягкость — твердость;

[м'] — [к], [м'] — [г] (или [м'] — [К₁]) ДП губность — заднеязычность, смычно-проходность — смычность; вместе с [м] — [К] они сводятся в одну [М₂] — [К₁];

[м'] — [х] ДП губность — заднеязычность, смычно-проходность — фрикативность; вместе с [м] — [х] они сводятся в одну [М₂] — [х];

[п'] — [л], [б'] — [л] (или [П'₁] — [л]) ДП губность — переднеязычность, смычность — смычно-проходность (боковая), мягкость — твердость;

[п'] — [н], [б'] — [н] (или [П₁'] — [н]) ДП губность — переднеязычность, смычность — смычно-проходность (носовая), мягкость — твердость;

[п'] — [р], [б'] — [р] (или [П₁'] — [р]) ДП губность — переднеязычность, смычность — вибрантность, мягкость — твердость;

[в'] — [л] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычно-проходность (боковая), мягкость — твердость;

[в'] — [н] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычно-проходность (боковая), мягкость — твердость;

[в'] — [р] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — вибрантность, мягкость — твердость;

с общим основанием «согласность, мягкость»:

[м'] — [т'], [м'] — [д'] (или [м'] — [Т₁']) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — смычность;

[м'] — [с'], [м'] — [з'] (или [м'] — [С₁']) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — фрикативность;

[м'] — [ц'] ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — аффрикатность; вместе с [м] — [ц'] эти оппозиции сводятся в [М₂] — [ц'];

[м'] — [ч'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычно-проходность — аффрикатность; вместе с [м] — [ч'] эти оппозиции сводятся в [М₂] — [ч'];

[м'] — [ш'ч'], [м'] — [ж'д'] (или [м'] — [Ш'Ч₁']) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — аффрикатность; вместе с [м] — [Ш'Ч₁'] они сводятся в одну [М₂] — [Ш'Ч₁'];

[м'] — [ш'], [м'] — [ж'] (или [м'] — [Ш₁']) ДП губность — переднеязычность, смычно-проходность — фрикативность; вместе с [м] — [Ш₁'] они сводятся в [М₂] — [Ш₁'];

[п'] — [н'], [б'] — [н'] (или [П₁'] — [н']) ДП губность — переднеязычность, смычность — смычно-проходность (носовая);

- [п'] — [л'], [б'] — [л'] (или [П₁'] — [л']) ДП губность — переднеязычность, смычность — смычно-проходность (боковая);
- [п'] — [р'], [б'] — [р'] (или [П₁'] — [р']) ДП губность — переднеязычность, смычность — вибрантность;
- [в'] — [н'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычно-проходность (носовая);
- [в'] — [л'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычно-проходность (боковая);
- [в'] — [р'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — вибрантность;

с общим основанием «шумность»:

- [в] — [т'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычность, твердость — мягкость; вместе с [в] — [д'] эти оппозиции сводятся в [в] — [Т₁'];
- [в'] — [т] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычность, мягкость — твердость; вместе с [в'] — [д] они сводятся в одну [в'] — [Т₁];
- [в'] — [к] ДП губность — заднеязычность, фрикативность — смычность; вместе с [в] — [к] они сводятся в [В₂] — [к];
- [п'] — [з] ДП губность — переднеязычность, смычность — фрикативность, глухость — звонкость, мягкость — твердость;
- [б'] — [с] ДП губность — переднеязычность, смычность — фрикативность, звонкость — глухость, мягкость — твердость;
- [б'] — [х] ДП губность — заднеязычность, смычность — фрикативность; вместе с [б] — [х] они сводятся в [Б₂] — [х];
- [д'] — [х] ДП переднеязычность — заднеязычность, смычность — фрикативность; вместе с [д] — [х] они сводятся в [Д₂] — [х];

с общим основанием «шумность, звонкость»:

- [в] — [д'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычность, твердость — мягкость;

- [в'] — [д] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычность, мягкость — твердость;
- [в'] — [г] ДП губность — заднеязычность, фрикативность — смычность; вместе с [в] — [г] они сводятся в [B₂] — [г];
- [б'] — [з] ДП губность — переднеязычность, смычность — фрикативность, мягкость — твердость;

с общим основанием «шумность, глухость»:

- [п'] — [с] ДП губность — переднеязычность, смычность — фрикативность, мягкость — твердость;
- [п'] — [х] ДП губность — заднеязычность, смычность — фрикативность; вместе с [п] — [х] они сводятся в [П₂] — [х];
- [т'] — [х] ДП переднеязычность — заднеязычность, смычность — фрикативность; вместе с [т] — [х] они сводятся в [Т₂] — [х];

с общим основанием «шумность, звонкость, мягкость»:

- [б'] — [з'] ДП губность — переднеязычность (зубность), смычность — фрикативность;
- [б'] — [ж'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — фрикативность; вместе с [б] — [ж'] они сводятся в одну [B₂] — [ж'];
- [б'] — [ж'ḑ] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — аффрикатность; вместе с [б] — [ж'ḑ] они сводятся в [B₂] — [ж'ḑ];
- [в'] — [д'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — смычность;
- [в'] — [ж'ḑ'] ДП губность — переднеязычность, фрикативность — аффрикатность; вместе с [в] — [ж'ḑ'] они сводятся в одну [B₂] — [ж'ḑ'];

с общим основанием «шумность, глухость, мягкость»:

- [п'] — [с'] ДП губность — переднеязычность (зубность), смычность — фрикативность;

[п'] — [ш'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — фрикативность; вместе с [п] — [ш'] они сводятся в одну [П₂] — [ш'];

[п'] — [ц'] ДП губность — переднеязычность (зубность), смычность — аффрикатность; вместе с [п] — [ц'] они сводятся в одну [П₂] — [ц'];

[п'] — [ч'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — аффрикатность; вместе с [п] — [ч'] они сводятся в одну [П₂] — [ч'];

[п'] — [ш'ч'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — аффрикатность; вместе с [п] — [ш'ч'] они сводятся в [П₂] — [ш'ч'];

[т'] — [ш'] ДП зубность — нёбность, смычность — фрикативность; вместе с [т] — [ш'] они сводятся в [Т₂] — [ш'];

[т'] — [ч'] ДП зубность — нёбность, смычность — аффрикатность; вместе с [т] — [ч'] они сводятся в [Т₂] — [ч'];

[т'] — [ш'ч'] ДП зубность — нёбность, смычность — аффрикатность; вместе с [т] — [ш'ч'] они сводятся в [Т₂] — [ш'ч'];

с общим основанием «шумность, мягкость»:

[п'] — [з'] ДП губность — переднеязычность (зубность), смычность — фрикативность, глухость — звонкость;

[п'] — [ж'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — фрикативность, глухость — звонкость; вместе с [п] — [ж'] они сводятся в одну [П₂] — [ж'];

[п'] — [ж'д'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), смычность — аффрикатность, глухость — звонкость; вместе с [п] — [ж'д'] они сводятся в [П₂] — [ж'д'];

[б'] — [с'] ДП губность — переднеязычность, смычность — фрикативность, звонкость — глухость;

- [б'] — [ш'] ДП губность — переднеязычность (нёб-
ность), смычность — фрикативность, звон-
ность — глухость; вместе с [б] — [ш'] они
сводятся в [Б₂] — [ш'];
- [б'] — [ц'] ДП губность — переднеязычность (зуб-
ность), смычность — аффрикатность; вместе
с [б] — [ц'] они сводятся в одну [Б₂] —
[ц'];
- [б'] — [ч'] ДП губность — переднеязычность (нёб-
ность), смычность — аффрикатность; вместе
с [б] — [ч'] они сводятся в [Б₂] — [ч'];
- [б'] — [ш'ч'] ДП губность — переднеязычность (нёб-
ность), смычность — аффрикатность; вместе
с [б] — [ш'ч'] эти оппозиции сводятся в
[Б₂] — [ш'ч'];
- [в'] — [т'] ДП губность — переднеязычность (зуб-
ность), фрикативность — смычность;
- [в'] — [ц'] ДП губность — переднеязычность (зуб-
ность), фрикативность — аффрикатность;
вместе с [в] — [ц'] они сводятся в одну
[В₂] — [ц'];
- [в'] — [ч'] ДП губность — переднеязычность (нёб-
ность), фрикативность — аффрикатность;
вместе с [в] — [ч'] они сводятся в одну
[В₂] — [ч'];
- [в'] — [ш'ч'] ДП губность — переднеязычность (нёб-
ность), фрикативность — аффрикатность;
вместе с [в'] — [ж'д'] они сводятся в одну
[в'] — [ш'ч'];

с общим основанием «шумность, фрикативность»:

- [в'] — [с] ДП губность — переднеязычность, мяг-
кость — твердость;
- [в'] — [х] ДП губность — заднеязычность; вместе с
[в] — [х] они сводятся в одну [В₂] — [х];

с общим основанием «шумность, фрикативность, звон-
ность»:

- [в'] — [з] ДП губность — переднеязычность, мяг-
кость — твердость; вместе с [в'] — [с] они
сводятся в одну [в'] — [С₁];

с общим основанием «шумность, фрикативность, мягкость»:

[в'] — [с'] ДП губность — переднеязычность (зубность);

[в'] — [ш'] ДП губность — переднеязычность (нёбность), вместе с [в] — [ш'] они сводятся в одну [В₂] — [ш'];

с общим основанием «шумность, фрикативность, звонкость, мягкость»:

[в'] — [з'] ДП губность — переднеязычность (зубность); вместе с [в'] — [с'] они сводятся в одну [в'] — [С₁];

[в'] — [ж'] ДП губность — переднеязычность (нёбность); вместе с [В₂] — [ш'] они сводятся в одну [В₂] — [Ш₁];

с общим основанием «шумность, переднеязычность»:

[д'] — [с] ДП смычность — фрикативность, звонкость — глухость, мягкость — твердость;

[т'] — [з] ДП смычность — фрикативность, глухость — звонкость, мягкость — твердость;

с общим основанием «шумность, переднеязычность, глухость»:

[т'] — [с] ДП смычность — фрикативность, мягкость — твердость;

с общим основанием «шумность, переднеязычность, мягкость»:

[т'] — [з'] ДП смычность — фрикативность, глухость — звонкость;

[т'] — [ж'] ДП зубность — нёбность, смычность — фрикативность, глухость — звонкость; вместе с [т] — [ж'] они сводятся в одну [Т₂] — [ж'];

[т'] — [ж'ḑ'] ДП зубность — нёбность, смычность — аффрикатность, глухость — звонкость; вместе с [т] — [ж'ḑ'] они сводятся в одну [Т₂] — [ж'ḑ'];

- [д'] — [с'] ДП смычность — фрикативность, звон-
кость — глухость;
- [д'] — [ш'] ДП зубность — нёбность, смычность —
фрикативность, звонкость — глухость; вме-
сте с [д] — [ш'] они сводятся в одну [Д₂] —
[ш'];
- [д'] — [ц'] ДП смычность — аффрикатность; в связи
с нерелевантностью признаков глухости —
звонкости и твердости — мягкости эта оппо-
зиция вместе с оппозициями [т] — [ц'],
[д] — [ц'] и [т'] — [ц'] сводится в одну
[Т₃] — [ц'];
- [д'] — [ч'] ДП зубность — нёбность, смычность —
аффрикатность; в связи с нерелевантностью
признаков глухости — звонкости и твердо-
сти — мягкости эта оппозиция вместе с оп-
позициями [т] — [ч'], [д] — [ч'] и [т'] —
[ч'] сводится в одну [Т₃] — [ч'];
- [д'] — [ш'ч'] ДП зубность — нёбность, смычность —
аффрикатность; вместе с [д] — [ш'ч'] они
сводятся в одну [Д₂] — [ш'ч'];

с общим основанием «шумность, переднеязычность, глу-
хость, мягкость»:

- [т'] — [с'] ДП смычность — фрикативность;
- [т'] — [ц'] ДП смычность — аффрикатность; вместе с
[т] — [ц'] они сводятся в одну [Т₂] — [ц'];

с общим основанием «шумность, переднеязычность, звон-
кость»:

- [д'] — [з] ДП смычность — фрикативность, мяг-
кость — твердость;

с общим основанием «шумность, переднеязычность, звон-
кость, мягкость»:

- [д'] — [з'] ДП смычность — фрикативность;
- [д'] — [ж'] ДП зубность — нёбность, смычность —
фрикативность; вместе с [д] — [ж'] они сво-
дятся в одну [Д₂] — [ж'];

[д'] — [ж'д'] ДП зубность — нёбность, смычность —
аффрикатность; вместе с [д] — [ж'д'] они
сводятся в одну [Д₂] — [ж'д'];

с общим основанием «шумность, смычность»:

[п] — [д'] ДП губность — переднеязычность, глу-
хость — звонкость, твердость — мягкость;

[п'] — [д] ДП губность — переднеязычность, глу-
хость — звонкость, мягкость — твердость;

[п'] — [г] ДП губность — заднеязычность, глухость —
звонкость; вместе с [п] — [г] они сводятся
в одну [П₂] — [г];

[б] — [т'] ДП губность — переднеязычность, звон-
кость — глухость, твердость — мягкость;

[б'] — [т] ДП губность — переднеязычность, звон-
кость — глухость, мягкость — твердость;

[б'] — [к] ДП губность — заднеязычность, звон-
кость — глухость; вместе с [б] — [к] они
сводятся в одну [Б₂] — [к];

[т'] — [г] ДП переднеязычность — заднеязычность,
глухость — звонкость; вместе с [т] — [г]
они сводятся в [Т₂] — [г];

[д'] — [к] ДП переднеязычность — заднеязычность,
звонкость — глухость; вместе с [д] — [к] они
сводятся в [Д₂] — [к];

с общим основанием «шумность, смычность, глухость»:

[п] — [т'] ДП губность — переднеязычность, твер-
дость — мягкость;

[п'] — [т] ДП губность — переднеязычность, мяг-
кость — твердость;

[п'] — [к] ДП губность — заднеязычность; вместе с
[п] — [к] они сводятся в одну [П₂] — [к];

[т'] — [к] ДП переднеязычность — заднеязычность;
вместе с [т] — [к] они сводятся в одну
[Т₂] — [к];

с общим основанием «шумность, смычность, звонкость»:

[б] — [д'] ДП губность — переднеязычность, твер-
дость — мягкость;

[б'] — [д] ДП губность — переднеязычность, мяг-
кость — твердость;

- [б'] — [г] ДП губность — заднеязычность; вместе с [б] — [г] эти оппозиции сводятся в одну [Б₂] — [г];
- [д'] — [г] ДП переднеязычность — заднеязычность; вместе с [д] — [г] они сводятся в одну [Д₂] — [г];

с общим основанием «шумность, смычность, мягкость»:

- [п'] — [д'] ДП губность — переднеязычность, глухость — звонкость;
- [б'] — [т'] ДП губность — переднеязычность, звонкость — глухость;

с общим основанием «шумность, смычность, звонкость, мягкость»:

- [б'] — [д'] ДП губность — переднеязычность;

с общим основанием «шумность, смычность, глухость, мягкость»:

- [п'] — [т'] ДП губность — переднеязычность;

с общим основанием «шумность, губность, смычность»:

- [п] — [б'] ДП глухость — звонкость, твердость — мягкость;
- [б] — [п'] ДП звонкость — глухость, твердость — мягкость;

с общим основанием «шумность, зубность, смычность»:

- [т] — [д'] ДП глухость — звонкость, твердость — мягкость;
- [д] — [т'] ДП звонкость — глухость, твердость — мягкость;

с общим основанием «шумность, губность»:

- [п] — [в'] ДП смычность — фрикативность, твердость — мягкость;
- [п'] — [в] ДП смычность — фрикативность, мягкость — твердость;

с общим основанием «шумность, губность, мягкость»:

- [п'] — [в'] ДП смычность — фрикативность;

с общим основанием «шумность, губность, звонкость»:

[б] — [в'] ДП смычность — фрикативность, твердость — мягкость; вместе с [п] — [в'] они сводятся в одну [П₁] — [в'];

[б'] — [в] ДП смычность — фрикативность, мягкость — твердость; вместе с [п'] — [в] они сводятся в одну [П₁'] — [в];

с общим основанием «шумность, губность, звонкость, мягкость»:

[б'] — [в'] ДП смычность — фрикативность; вместе с [п'] — [в'] они сводятся в одну [П₁'] — [в'];

с общим основанием «губность»:

[п] — [м'], [б] — [м'] (или [П₁] — [м']) ДП смычность — смычно-проходность, твердость — мягкость;

[м] — [п'], [м] — [б'] (или [м] — [П₁']) ДП смычно-проходность — смычность, твердость — мягкость;

[м'] — [в] ДП смычно-проходность — фрикативность, мягкость — твердость;

с общим основанием «губность, мягкость»:

[п'] — [м'], [б'] — [м'] (или [П₁'] — [м']) ДП смычность — смычно-проходность (или отсутствие — наличие назальности);

[м'] — [в'] ДП смычно-проходность — фрикативность;

с общим основанием «зубность»:

[т'] — [н], [д'] — [н] (или [Т₁'] — [н]) ДП смычность — смычно-проходность (носовая), мягкость — твердость;

[т'] — [л], [д'] — [л] (или [Т₁'] — [л]) ДП смычность — смычно-проходность (боковая), мягкость — твердость;

с общим основанием «зубность, мягкость»:

[т'] — [н'], [д'] — [н'] (или [Т₁'] — [н']) ДП смычность — смычно-проходность (или отсутствие — наличие назальности);

[т'] — [л'], [д'] — [л'] (или [Т₁] — [л']) ДП смыч-
ность — смычно-проходность (боковая);

с общим основанием «язычность»:

[т'] — [р], [д'] — [р] (или [Т₁] — [р]) ДП смычность —
вibrантность, мягкость — твердость;

с общим основанием «язычность, мягкость»:

[т'] — [р'], [д'] — [р'] (или [Т₁] — [р']) ДП смыч-
ность — вibrантность;

с общим основанием «сонорность»:

[м'] — [л] ДП губность — переднеязычность, носо-
вая — боковая смычно-проходность, мяг-
кость — твердость;

[м'] — [р] ДП губность — переднеязычность, смыч-
но-проходность — вibrантность, мяг-
кость — твердость;

с общим основанием «сонорность, мягкость»:

[м'] — [л'] ДП губность — переднеязычность, носо-
вая — боковая смычно-проходность;

[м'] — [р'] ДП губность — переднеязычность, смыч-
но-проходность — вibrантность;

с общим основанием «сонорность, смычно-проходность
(носовая)»:

[м'] — [н] ДП губность — переднеязычность, мяг-
кость — твердость;

с общим основанием «сонорность, смычно-проходность
(носовая), мягкость»:

[м'] — [н'] ДП губность — переднеязычность.

К представленным оппозициям следует добавить еще
вновь возникшие оппозиции по твердости-мягкости:

[п] — [п'], [б] — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'],
[д] — [д']

и по глухости-звонкости:

[п'] — [б'] и [т'] — [д'].

Характеристика оппозиций согласных с точки зрения отношений между ними и между их членами

В данном выше описании оппозиций согласных были охарактеризованы те противопоставления, которые подверглись преобразованиям после смягчения полумягких, и те оппозиции, которые возникли как новые в этот период.

Однако на основе анализа только этих оппозиций нельзя установить характер их отношений друг к другу, точно так же как нельзя установить и отношения между членами разных оппозиций. Для этой цели необходимо привлечь и все те оппозиции, которые не подверглись изменениям после смягчения полумягких. Только в этом случае может быть получена полная картина тех фонологических отношений, которые касались взаимосвязей оппозиций и определялись произошедшими изменениями в фонологической системе.

Если объединить все факты, относящиеся к различным оппозициям, как не пережившим изменений, так и преобразованным и вновь возникшим, то можно установить, что в общей системе произошло изменение соотношения одномерных и многомерных оппозиций. Хотя количество одномерных оппозиций возросло (к ранее существовавшим прибавилось 6 оппозиций по твердости-мягкости, 2 — по глухости-звонкости, а также еще оппозиции [п'] — [в'], [б'] — [в'], [п'] — [т'], [б'] — [д'], [м'] — [р'] и ставшие одномерными [п] — [с], [б] — [з]), все же резкое увеличение общего числа оппозиций произошло за счет многомерных. Иначе говоря, если до смягчения полумягких из 300 возможных оппозиций 53 было одномерных, а 247 — многомерных оппозиций, то после смягчения полумягких одномерных оппозиций оказалось 68, тогда как многомерных — 397.

Если полагать, как и раньше, что именно одномерные оппозиции играют основную роль как элементы, объединяющие фонологическую систему, то следует признать ослабление связей внутри древнерусской системы согласных в рассматриваемую эпоху.

Вместе с тем необходимо констатировать и тот факт, что усилились пропорциональные отношения в системе древнерусских согласных.

С учетом всех возможных оппозиций можно установить следующие пропорции:

пропорциональные оппозиции по глухости — звонкости:
 $[п — б] = [п' — б'] = [т — д] = [т' — д'] = [с — з] =$
 $= [с' — з'] = [ш' — ж'] = [\widehat{ш'ч'} — \widehat{ж'д'}] = [к — г];$

пропорциональные оппозиции по твердости — мягкости:
 $[п — п'] = [б — б'] = [в — в'] = [м — м'] = [т — т'] =$
 $= [д — д'] = [с — с'] = [з — з'] = [н — н'] = [л — л'] =$
 $= [р — р'];$

пропорциональные оппозиции по признаку «губность — переднеязычность»:

$[п — т] = [п' — т'] = [б — д] = [б' — д'] = [в — с_1] =$
 $= [в' — с'_1] = [м — н] = [м' — н'];$

пропорциональные оппозиции по признаку «губность — заднеязычность»:

$[П_2 — к] = [Б_2 — г] = [В_2 — х];$

пропорциональные оппозиции по признаку «переднеязычность — заднеязычность»:

$[Т_2 — к] = [Д_2 — г] = [С_3 — х];$

пропорциональные оппозиции по признаку «зубность — нёбность»:

$[ц' — ч'] = [С_2 — ш'] = [З_2 — ж'];$

пропорциональные оппозиции по признаку «смычность — фрикативность»:

$[т — с] = [т' — с'] = [д — з] = [д' — з'] = [К_1 — х]; =$
 $= [П_1 — в] = [П'_1 — в'];$

пропорциональные оппозиции по признаку «фрикативность — аффрикатность»:

$[С_3 — ц'] = [\widehat{Ш'_1} — ч'] = [ш' — \widehat{ш'ч'}] = [ж' — \widehat{ж'д'}];$

пропорциональные оппозиции по признаку «носовой — боковой характер смычно-проходности»:

$[н — л] = [н' — л'];$

пропорциональные оппозиции по ДП «заднеязычность — переднеязычность» и «смычность — аффрикатность»:

$[г — \widehat{ж'д'}] = [к — \widehat{ш'ч'}] (= [К_2 — ч']);$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «смычность — аффрикатность»:

$$[Б_1 - \widehat{ж'д'}] = [П_2 - \widehat{ш'ч'}] (= [П_3 - ч']);$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «фрикативность — аффрикатность»:

$$[З_1 - \widehat{ж'д'}] = [С_2 - \widehat{ш'ч'}] (= [С_3 - ч']);$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «смычность — аффрикатность»:

$$[Д_2 - \widehat{ж'д'}] = [Т_2 - \widehat{ш'ч'}] (= [Т_3 - ч']);$$

пропорциональные оппозиции по ДП «заднеязычность — переднеязычность» и «смычность — фрикативность»:

$$[г - З_2] = [к - С_2];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «смычность — фрикативность»:

$$[б - з] = [б' - з'] = [п - с] = [п' - с'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «заднеязычность — переднеязычность» и «смычность — фрикативность»:

$$[г - ж'] = [к - ш'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «смычность — фрикативность»:

$$[Б_2 - ж'] = [П_2 - ш'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «смычность — фрикативность»:

$$[Д_2 - ж'] = [Т_2 - ш'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «смычно-проходность — вибрантность»:

$$[л - р] = [л' - р'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «смычно-проходность — вибрантность»:

$$[н - р] = [н' - р'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «зубность — небность» и «фрикативность — вибрантность»:

$$[C_1 - p] = [C'_1 - p'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «фрикативность — смычно-проходность»:

$$[C_1 - n] = [C'_1 - n'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «фрикативность — смычно-проходность»:

$$[C_1 - l] = [C'_1 - l'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — смычно-проходность» (или отсутствие — наличие назальности):

$$[P_1 - m] = [P'_1 - m'] = [T_1 - n] = [T'_1 - n'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность», «смычность — фрикативность» и «твёрдость — мягкость»:

$$[p - c'] = [b - z'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность», «смычность — фрикативность» и «мягкость — твёрдость»:

$$[p' - c] = [b' - z];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность» и «твёрдость — мягкость»:

$$[t - c'] = [d - z'] = [P_1 - v'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность» и «мягкость — твёрдость»:

$$[t' - c] = [d' - z] = [P'_1 - v];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность» и «глухость — звонкость»:

$$[t - z] = [t' - z'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность» и «звонкость — глухость»:

$$[d - c] = [d' - c'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность», «глухость — звонкость» и «твердость — мягкость»:

$$[т — з'] = [п — в'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «смычность — фрикативность», «глухость — звонкость» и «мягкость — твердость»:

$$[т' — з] = [п' — в];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность», «звонкость — глухость» и «твердость — мягкость»:

$$[б — т'] = [в — с'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность», «звонкость — глухость» и «мягкость — твердость»:

$$[б' — т] = [в' — с];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «глухость — звонкость»:

$$[п — д] = [п' — д'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «звонкость — глухость»:

$$[б — т] = [б' — т'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «фрикативность — смычность»:

$$[в — д] = [в' — д'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность», «фрикативность — смычность» и «звонкость — глухость»:

$$[в — т] = [в' — т'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «фрикативность — смычно-проходность (новая или боковая)»:

$$[в — н] = [в' — н'];$$

$$[в — л] = [в' — л'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «фрикативность — смычно-проходность» и «лабиодентальность — билабиальность»:

$$[в — м] = [в' — м'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «фрикативность — вибрантность»:

$$[в — р] = [в' — р'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «твердость — мягкость»:

$$[п — т'] = [б — д'] = [в — С_1] = [м — н'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «губность — переднеязычность» и «мягкость — твердость»:

$$[п' — т] = [б' — д] = [в' — С_1] = [м' — н];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «глухость — звонкость» и «твердость — мягкость»:

$$[п — б'] = [т — д'] = [с — з'];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «глухость — звонкость» и «мягкость — твердость»:

$$[п' — б] = [т' — д] = [с' — з];$$

пропорциональные оппозиции по ДП «звонкость — глухость» и «твердость — мягкость»:

$$[б — п'] = [д — т'] = [з — с'];$$

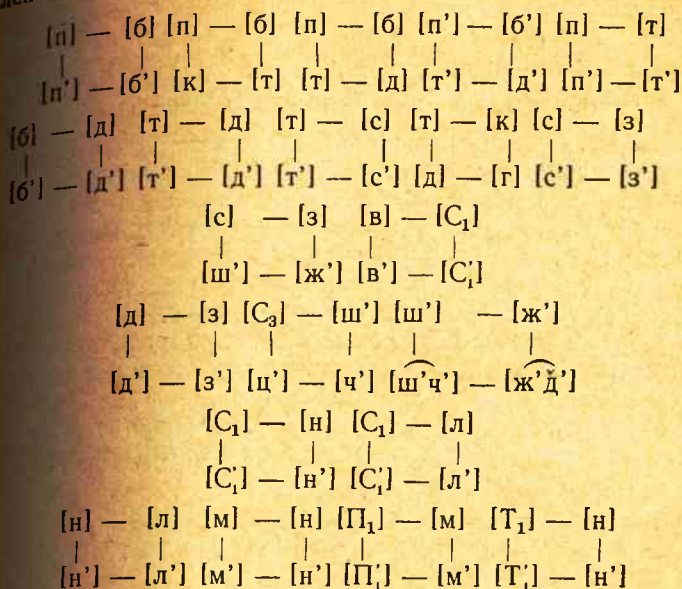
пропорциональные оппозиции по ДП «звонкость — глухость» и «мягкость — твердость»:

$$[б' — п] = [д' — т] = [з' — с].$$

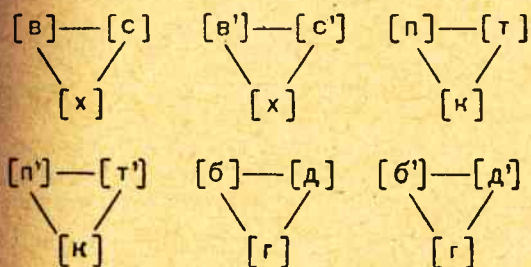
Таким образом, общее количество пропорциональных оппозиций согласных после смягчения полумягких в древнерусском языке увеличилось.

Если считать, как и выше, что те пропорциональные оппозиции, члены которых различаются только одним ДП, образуют коррелятивные пары и пучки корреляций, то в рассматриваемой системе можно установить большее число таких пучков по сравнению с предшествующим пе-

риодом. В этой системе устанавливается 21 пучок из четырех членов:

и шесть трехчленных:

Таким образом, оказывается, что увеличение многомерных оппозиций сопровождалось усилением коррелятивных связей, а следовательно, и укреплением внутрисистемных отношений. Иначе говоря, само по себе увеличение многомерных оппозиций не оказывает, как видно, влияния на изменение в характере устойчивости системы — основную

роль здесь играет усиление или ослабление коррелятивных связей. Смягчение полумягких в данном отношении вело к укреплению таких связей.

Противопоставленность согласных в тождественных фонетических условиях

Не останавливаясь на явлениях, связанных с противопоставленностью согласных перед согласными после смягчения полумягких, так как этот процесс не вызвал принципиальных изменений в этом плане, хотя, возможно, и привел к определенным фактам ассимилятивного смягчения, обратимся к вопросу о противопоставленности согласных перед гласными: в этом отношении важно, что смягчение полумягких вызвало серьезные изменения в противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях перед одними и теми же гласными.

Все эти изменения в противопоставленности согласных перед гласными после смягчения полумягких могут быть охарактеризованы следующим образом.

Внутри морфем все согласные (кроме [ж'д'], которой никогда здесь не было) противопоставлялись только перед одним гласным — перед [a].

В позиции перед [ь] противопоставлялись все мягкие — как исконно мягкие, так и вторичносмягченные; в позиции перед [ѣ] противопоставлялись вторичносмягченные, [ц'] и [j]; в позиции перед [е] — вторичносмягченные, шипящие [ш'], [ж'], аффрикаты [ч'], [ш'ч'] и [j]; в позиции перед [и] — все вторичносмягченные и исконно мягкие, кроме [ц'].

В позиции перед гласными непредного образования, кроме [y], противопоставлялись все твердые согласные.

Наконец, в позиции перед [y] противопоставлялись все твердые, [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'] и мягкие сонорные [н'], [л'], [р'].

Таким образом, после смягчения полумягких внутри морфем впервые возникла такая позиция, в которой противопоставлялись все согласные фонемы древнерусского языка. И следовательно, это была позиция, в которой противопоставлялись внутри морфем парные твердые-мягкие согласные. В остальных позициях такого противопоставления не было.

На стыке морфем противопоставленность согласных между одними и теми же гласными может быть представлена также вполне определенно, если не учитывать возможные морфологические процессы, которые могли приводить к расширению той или иной противопоставленности (конкретно речь идет о процессах, связанных с объединением типов склонения имен, в результате чего могли возникнуть сочетания вторичнослабых согласных с [y]).

Сравнивая противопоставленность согласных внутри и на стыке морфем, можно установить, что позиция перед [a] являлась и здесь такой, в которой противопоставлялись все согласные древнерусского языка, в том числе и парные твердые-мягкие. Вместе с тем близкой к [a] оказывается на стыке морфем и позиция перед [y], где не выступали только мягкие [t'], [d'], [n'], [b'], [v'], [m'], а остальные согласные были противопоставлены.

Что касается позиции перед остальными непредними гласными, то здесь, так же как и внутри морфем, противопоставлялись все твердые согласные; в позиции же перед всеми передними гласными противопоставлялись все мягкие согласные. Следовательно, на стыке морфем отношения противопоставленности были более четкими, чем внутри морфем.

Функциональная нагрузка оппозиций согласных внутри морфем после смягчения полумягких

Если проанализировать возможные сочетания согласных с гласными и отсюда — характер возможного противопоставления согласных в тождественных фонетических условиях, то можно установить, что после смягчения полумягких произошли серьезные изменения в том и другом отношении по сравнению с предшествующим периодом.

Возможно установить, что в силу отсутствия внутриморфемных сочетаний фонемы [ж'д'] с гласными система полностью исключала оппозиции этой фонемы со всеми остальными согласными древнерусского языка середины II в. В этом отношении дело обстоит так же, как и в предшествующую эпоху. Таким образом, из 465 теоретически возможных оппозиций согласных система языка запрещала оппозиций.

Все остальные оппозиции могли осуществляться по условиям функционирования системы на уровне модели,

однако они осуществлялись в совершенно различных условиях.

Так, только в позиции перед [a] функционировало 126 оппозиций: это были оппозиции твердых [п], [б], [в], [м], [т], [д], [с], [з] по отношению к мягким [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'] и [ц'] и оппозиции этих мягких по отношению к тем же твердым и к твердым сонорным и заднеязычным.

В позиции только перед [a] и [y] функционировало 98 оппозиций: это были оппозиции всех твердых, кроме заднеязычных, по отношению к шипящим и мягким сонорным, оппозиции мягких сонорных по отношению к заднеязычным и оппозиции заднеязычных по отношению к шипящим.

В положении перед непередними гласными выступала 91 оппозиция: это были оппозиции всех твердых, включая [к], [г], [х], по отношению друг к другу.

В положении перед [и], [е], [ь], [a] функционировало 32 оппозиции, образуемые мягкими [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'] по отношению к шипящим.

В положении перед [ѐ], [ь], [a] функционировало 15 оппозиций, которые образовывала фонема [ц'] по отношению к остальным мягким.

В положении перед [и], [ѐ], [е], [ь], [a] выступали 52 оппозиции: это были оппозиции мягких [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'] по отношению друг к другу и к мягким сонорным.

В позиции перед [и], [y], [е], [ь], [a] функционировало 18 оппозиций, образуемых мягкими шипящими по отношению друг к другу и к мягким сонорным.

Наконец, в положении перед [и], [y], [ѐ], [е], [ь] и [a] выступало 3 оппозиции мягких сонорных по отношению друг к другу.

Всеми этими фактами исчерпываются оппозиции согласных внутри морфем в древнерусском языке середины XI в.

Рассмотренные оппозиции возможно отчетливо установить на уровне модели, однако задача заключается еще и в том, чтобы определить степень их функциональной нагрузки, как это делалось и выше при анализе характера оппозиций в исходной системе.

Учитывая то, что рассмотренный ранее период конца X — начала XI в. и изучаемый теперь период середины XI в. отделены относительно небольшим промежутком времени, можно опираться в целом на те факты словаря, которые уже использовались для определения степени функциональ-

ной нагрузки, хотя, конечно, при этом должны быть приняты во внимание и все те изменения в характере оппозиций и в области противопоставленности согласных, какие были вызваны смягчением полумягких.

Рассматривая проблему функциональной нагрузки всех оппозиций согласных после смягчения полумягких, целесообразно вновь выделить из этого рассмотрения оппозиции согласных, парных по глухости-звонкости и по твердости-мягкости, — эти оппозиции удобнее проанализировать в связи с вопросами истории данных двух категорий, а не в общем анализе нагрузки оппозиций согласных.

В качестве примера рассмотрим функциональную нагрузку оппозиций согласных перед [a], опустив анализ всех остальных оппозиций.

Оппозиции согласных перед [a] вполне определенно устанавливаются на уровне модели для всех противопоставлений, кроме оппозиций с [б']. Сочетание [б'а] внутри морфем отмечается «Материалами...» И. И. Срезневского лишь в слове *бязь* с XVI в. Если иметь в виду малую распространенность такого внутриморфемного сочетания и в современном языке¹, то можно думать, что в середине XI в. слов с данным сочетанием не было, и, следовательно, все оппозиции согласных с [б'] существовали только как возможность, разрешаемая системой и не использованная в языке.

Все остальные оппозиции, одни — в большей, другие — в меньшей степени, осуществлялись на уровне модели. Различная степень их распространенности зависела от характера более ранней сочетаемости твердых согласных с [ā].

Этот факт определил и то, что большинство оппозиций согласных перед [a] оказалось вне функциональной нагрузки. Кроме того, надо иметь в виду еще и то, что все рассматриваемые оппозиции, кроме оппозиций парных по твердости-мягкости, являются заместителями двух оппозиций предшествующей эпохи: оппозиции «мягкий — твердый согласный» перед [a] встали на место оппозиций «твердый + [ā]» — «твердый + [a]». Это значит, что, для того чтобы новая оппозиция оказалась функционально нагруженной, необходимо совпадение звуковых оболочек двух

¹ Ср. в «Словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова: *бязь, бязевый, бяка, бязи, бязка.*

таких слов, которые в предшествующую эпоху различались качеством двух противопоставляемых согласных и качеством последующего гласного при тождестве остальных элементов звуковых оболочек. Нетрудно понять, что такие пары слов не могли быть распространены в языке слишком широко.

И на самом деле функционально нагруженные оппозиции согласных перед [а] в языке середины XI в. оказываются ограниченными в своем проявлении. Такими оппозициями являлись, например, следующие:

[п] — [в']: *пазъ* — *вазъ*, *паче* — *ваче* — «больше»;

[п] — [м']: *пасти* — *масти* — «смущать»;

[п] — [с']: *пакъ* — *сакъ*;

[п] — [ц']: *парю* (от *парити*) — *царю* (от *царь*);

[б] — [п']: *бати* (от *баты*) — *пати* — «толкать»;

[б] — [т']: *бати* — *тати* — «тянуть»;

[б] — [з']: *бати* — *зати* (от *зать*);

[в] — [м']: *васъ* — *масъ* (от *месо*);

[в] — [д']: *вагъ* (от *вага*) — *дагъ* — «ремень»;

[в] — [ц']: *варю* (от *варити*) — *царю*;

[м] — [в']: *мажу* (от *мазати*) — *важу* (от *вазити* — «вязнуть»);

[м] — [п']: *масть* — *пасть*, *мати* — *пати* — «пнуть»;

[м] — [т']: *мати* — *тати*;

[м] — [с']: *макъ* — *сакъ*;

[м] — [з']: *мати* — *зати*.

Функциональная нагрузка оппозиций согласных на стыке морфем после смягчения полумягких

В отличие от положения внутри морфем в позиции на стыке морфем не было не разрешаемых системой каких-либо противопоставлений согласных: здесь могли быть определенные ограничения в таких противопоставлениях, но всегда каждая фонема вступала в оппозицию с каждой другой фонемой в положении перед тем или иным гласным. С другой стороны, здесь, так же как и внутри морфем, многие оппозиции осуществлялись лишь на уровне модели, имея нулевую функциональную нагрузку.

Ограничения в противопоставленности согласных перед различными гласными на стыке морфем могут быть определены вполне отчетливо и однозначно.

Так, только в позиции перед [a] функционировало 84 оппозиции, образуемые твердыми губными и смычными зубными по отношению к мягким губным и смычным зубным и мягкими губными и смычными зубными по отношению ко всем твердым согласным.

Наибольшее количество оппозиций функционировало в положении перед [a] и [y]. Здесь выступали оппозиции, образуемые всеми твердыми согласными по отношению к мягким шипящим, свистящим и сонорным. Таких оппозиций было 154.

В положении перед гласными [i], [ë], [e], [ɤ], [ä] выступало 15 оппозиций, образуемых мягкими губными и смычными зубными по отношению друг к другу, и 66 оппозиций этих же согласных по отношению к остальным мягким.

В положении перед [i], [y], [ë], [e], [ɤ], [ä] функционировало 55 оппозиций, которые образовывали мягкие шипящие, свистящие и сонорные по отношению друг к другу.

Наконец, в позиции перед непередними гласными выступала 91 оппозиция согласных, образуемая твердыми по отношению друг к другу.

Точно так же, как и для внутриморфемного положения, необходимо при анализе оппозиций согласных на стыке морфем поставить вопрос о степени функциональной нагрузки этих противопоставлений. Это тем более необходимо, что с данным вопросом связана проблема нейтрализации, о которой следует сказать подробнее уже после анализа функциональной нагрузки.

Вновь рассмотрим в качестве примера только оппозиции согласных перед [a] на стыке морфем, опустив анализ всех остальных оппозиций.

Оппозиции согласных перед [a], связанные с противопоставлением твердых губных и смычных зубных мягким и наоборот, образовались после смягчения полумягких как новое явление, не известное в предшествующий период. В самом деле, если до смягчения полумягких могли существовать оппозиции твердых перед [a] и [ä], то эти оппозиции не могли непосредственно преобразоваться в те оппозиции, которые возникли после смягчения полумягких: здесь оказался более сложный процесс. Увидеть сущность этого процесса можно на простом примере. Так, скажем,

оппозиции [п] — [б'] или [п'] — [б] не могут непосредственно восходить к каким-либо оппозициям предшествующего периода и являться возникшими из них в результате смягчения полумягких. До этого смягчения существовали оппозиции перед [а] и [ä] только в следующем виде:

[па] — [п·ä] [ба] — [б·ä]
[па] — [ба] [п·ä] — [б·ä].

Оппозиции [па] — [п·ä], [ба] — [б·ä] после смягчения полумягких преобразовались в оппозиции [п] — [п'], [б] — [б'] перед [а], оппозиция [п·ä] — [б·ä] — в оппозицию [п'] — [б'] перед [а], а оппозиция [па] — [ба] сохранилась. Следовательно, в эпоху до смягчения полумягких не могло быть оппозиций [па] — [б·ä] или [п·ä] — [ба], ибо здесь согласные находились не в тождественных фонетических условиях. Эти условия возникли лишь после смягчения полумягких, когда и развились рассматриваемые оппозиции. Отсюда становится ясным, что функциональная нагрузка подобных оппозиций уже не может быть определена теми фактами противопоставления форм, какие могут быть использованы при анализе этой нагрузки в предшествующий период, — здесь должны быть привлечены новые факты.

Однако при этом вновь необходимо учесть, что мягкие губные и смычные зубные на стыке морфем в положении перед [а] могли оказаться лишь в том случае, если до смягчения полумягких на месте этого [а] была фонема [ä], вызывавшая позиционную полумягкость предшествующего согласного. Следовательно, это могло быть прежде всего и шире всего в форме им. п. ед. ч. действительных кратких причастий муж. и ср. р., а также в немногих существительных с древними суффиксами **ent* и **men*.

Реконструируя формы причастий и опираясь на засвидетельствованные формы указанных имен существительных, попытаемся установить возможности различения форм слов анализируемыми противопоставлениями согласных перед [а]. Факты такого противопоставления, надо сказать, довольно многочисленны, и мы не имеем возможности привести их полностью. Поэтому ниже дается материал только на оппозиции твердых по отношению к мягким¹.

¹ Как и при анализе внутриморфемных оппозиций, за пределы рассмотрения выносятся оппозиции, связанные с категорией твердости-мягкости, т. е. не рассматриваются противопоставления парных твердых-мягких согласных по отношению друг к другу.

- [п] — [б']: *вапа* — «лужа» — *вабл* (от *вабити* — «приглашать»);
 [п] — [м']: *слъпа* (от *слъпѣ*) — *слъмл* — «бревно»;
 [ш] — [д']: *вапа* — *вадл* (от *вадити*);
 [б] — [в']: *баба* — *бавл* (от *бавити*), *слаба* (от *слабѣ*) — *славл* (от *славити*);
 [б] — [м']: *слаба* — *сламл* — «бревно»;
 [б] — [д']: *роба* (от *робѣ*) — *родл* (от *родити*), *гоуба* — *гоудл* (от *гоудѣти*);
 [в] — [м']: *ива* — *имл*, *сѣва* (от *сѣвѣ*) — *сѣмл*, *слава* — *сламл*;
 [в] — [д']: *вама* (от *вы*) — *вадл*;
 [т] — [д']: *плота* (от *плотѣ*) — *плодл* (от *плодити*), *бѣта* (от *бѣтѣ* — «бочка») — *бѣдл* (от *бѣдѣти*), *вита* (от *вити*) — *видл* (от *видѣти*).

* * *

Рассмотрение характера функциональной нагрузки оппозиций различных согласных фонем обнаруживает со всей очевидностью тот факт, что после смягчения полумягких эта нагрузка значительно увеличилась, что выразилось в расширении состава слов и форм, противопоставляемых в своей звуковой оболочке разными согласными фонемами. В этом плане смягчение полумягких в определенном смысле оказалось противоречивым процессом: с одной стороны, оно связало в неразрывное целое согласные с последующими гласными, когда твердость-мягкость согласного и непременное-переднее образование гласного в семи из девяти возможных позиций стали взаимообусловленными признаками (лишь в положении перед [a] и [y] твердость-мягкость согласных может быть признана независимым их качеством, обуславливавшим определенные изменения последующих гласных); с другой стороны, смягчение полумягких, расширив состав мягких согласных фонем, усилило функциональную нагрузку оппозиций согласных: если даже не учитывать, как это было и сделано, увеличение словарного состава древнерусского языка к середине XI в. (в общем плане это едва ли может вызвать сомнения, хотя трудно указать бесспорные конкретные факты появления новых слов за период с конца X до середины XI в.), то все же надо иметь в виду,

что смягчение полумягких не уничтожило ни одной ранней оппозиции согласных, хотя во многих случаях сократило области их функционирования, но, наоборот, более чем в полтора раза увеличило общее их количество. А это означает, что в языке развились такие противопоставления согласных, которые обусловили различие звуковых оболочек слов и форм, ранее противопоставлявшихся не качеством одной согласной фонемы при тождестве остальных элементов этих оболочек, а какими-то иными явлениями, и ставших после смягчения полумягких противопоставленными именно качеством противопоставляющихся друг другу двух согласных фонем.

Ведь если проанализировать весь фактический материал, то можно установить, что только оппозиции [ж'д'] с остальными согласными полностью отсутствовали внутри морфем и почти полностью оставались лишь на уровне модели на стыке морфем; все остальные оппозиции в той или иной степени оказывались функционально значимыми, играя роль различителей звуковых оболочек слов и форм. Иначе говоря, по сравнению с эпохой конца X — начала XI в. период после смягчения полумягких представляется таким, когда роль консонантных противопоставлений в древнерусском языке увеличилась.

Если учесть, что этот период одновременно характеризовался уменьшением количества гласных фонем на одну единицу, хотя такое уменьшение и не сыграло видимой роли в ослаблении функциональной значимости оппозиций гласных, то можно полагать возможным утверждать, что период истории русского языка, определяемый смягчением полумягких, был периодом, когда система этого языка стремительно пошла по пути усиления роли консонантизма в фонологических отношениях.

Впрочем, следует добавить к сказанному еще и то, что, несмотря на отмеченное уже отсутствие видимого ослабления функциональной значимости оппозиций гласных после смягчения полумягких, все же такое ослабление можно обнаружить, и оно было связано с развитием силлабем в фонологической системе древнерусского языка изучаемого периода. Дело заключается здесь в том, что появление силлабем, затронувших отношения согласных и гласных, сказалось больше на противопоставлениях гласных, чем согласных. Общее незначительное количество

гласных по сравнению с количеством согласных фонем обусловило то, что прикрепленность их к предшествующим мягким или твердым согласным определила значительное уменьшение возможностей их противопоставления друг другу. В области согласных этого не произошло, ибо прикрепленность их к определенным гласным была перекрыта значительным количественным расширением их состава; возможности противопоставления согласных друг другу, таким образом, не сократились, а расширились; возможности же противопоставления гласных, наоборот, сузились.

Все это приводит к мысли о том, что система консонантизма уже до падения редуцированных начала господствовать в древнерусском языке, играя основную фонологическую роль в осуществлении коммуникативных связей. Современная подчиненность русского вокализма консонантизму, которая, как известно, развилась после падения редуцированных, имела начальным этапом своего развития эпоху смягчения полумягких согласных.

Категория твердости-мягкости согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Смягчение полумягких согласных не только увеличило общее число консонантных фонем в системе древнерусского языка и усилило функциональную значимость их противопоставлений, но и вызвало принципиально новые отношения между твердыми и мягкими согласными. Категория твердости-мягкости согласных в эту эпоху получила такое развитие, какое не могло осуществиться до смягчения полумягких.

Внешне развитие твердости-мягкости в древнерусском языке выразилось в том, что увеличился состав парных по этому признаку согласных фонем. В отношении парности по твердости-мягкости вступили фонемы [п] — [п'], [б] — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'], причем в последних пяти парах сосредоточились противопоставления как исконно парных свистящих и сонорных, так и тех, которые возникли в результате смягчения полумягких.

Однако вместе с тем отношения между парными по твердости-мягкости согласными в рассматриваемую эпоху стали складываться совершенно по-иному, чем это было в предшествующий период.

Здесь прежде всего требует рассмотрения вопрос об условиях противопоставленности различных пар твердых-мягких внутри и на стыке морфем. В целом положение в данном плане оказалось таким, что позиций противопоставления стало меньше, но конкретный анализ обнаруживает здесь достаточно сложные отношения.

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие сонорные внутри морфем противопоставлялись только перед [y], то после этого смягчения они стали противопоставляться еще и перед [a] в результате изменения [ä] > [a].

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие свистящие внутри морфем противопоставлялись только перед [ë], то после этого процесса они утратили данную позицию противопоставления в результате смягчения согласных перед гласными переднего ряда, но получили возможность противопоставления перед [a] в силу изменения [ä] > [a].

Наконец, внутри морфем возникли противопоставления твердых-мягких губных и смычных зубных перед [a] — противопоставления, полностью отсутствовавшие до смягчения полумягких. Как уже говорилось, оппозиции типа [pa] — [p'·a] восходят непосредственно к оппозиции типа [pa] — [p·ä], где до смягчения полумягких выступала одна согласная фонема перед двумя разными гласными фонемами.

На стыке морфем для парных твердых-мягких свистящих и сонорных после смягчения полумягких были утрачены позиции противопоставления перед гласными переднего ряда, где стали выступать только мягкие согласные, и сохранились позиции такого противопоставления перед [y] и перед [a], причем последняя позиция являлась и унаследованной из прошлой эпохи, и новой, возникшей в результате изменения [ä] > [a]. Для вторичносмягченных парных губных и смычных зубных возникла позиция противопоставления перед [a] также в результате изменения [ä] > [a].

Таким образом, после смягчения полумягких позиция перед [a] стала такой позицией, в которой противопоставлялись как внутри, так и на стыке морфем все парные твердые-мягкие согласные; в позиции же перед [y] противопоставлялись внутри и на стыке морфем парные твердые-мягкие сонорные и только на стыке морфем — парные твердые-мягкие свистящие.

Однако изменениями в условиях противопоставления парных твердых-мягких согласных не исчерпываются те новые явления в истории этой категории, которые были вызваны смягчением полумягких. Эти новые явления были связаны еще с тем, что в изучаемую эпоху впервые возникли тесные взаимосвязи между парными твердыми-мягкими, что было обусловлено развитием нейтрализации данных согласных.

В период до смягчения полумягких связи парных твердых-мягких принципиально не отличались от связей непарных по этому признаку согласных. Они оказывались парными лишь потому, что имели общую физиолого-акустическую характеристику, отличаясь друг от друга только отсутствием или наличием «йотовой» артикуляции; однако никаких иных связей между ними в языке не существовало: во всех тех позициях, где эти согласные могли выступать, они всегда отличались друг от друга, противопоставляясь одинаково или различно другим согласным фонемам.

После смягчения полумягких положение коренным образом изменилось, ибо в отношениях между парными твердыми-мягкими развились такие явления, которые принципиально отделили эту группу согласных от остальных членов консонантной системы. Смягчение полумягких обусловило развитие позиций нейтрализации признака твердости-мягкости, — таких позиций, в которых парные твердые-мягкие, различающиеся в иных положениях, стали выступать только как мягкие согласные.

Здесь прежде всего следует иметь в виду, что о нейтрализации твердости-мягкости возможно говорить лишь тогда, когда можно установить тот несомненный факт, что данные парные согласные фонемы различаются в одной позиции и не различаются в другой. Это значит, что если, скажем, внутри морфем в позиции перед [è] выступает только мягкий согласный, то данная позиция не может быть признана позицией нейтрализации, ибо нельзя доказать, что тот или иной мягкий согласный может соответствовать в другой позиции как твердому, так и мягкому. Если в языке нет таких условий, которые показывали бы, что в одних позициях есть различие твердости-мягкости у данной пары согласных фонем, а в других — этого различия нет, то наличие в определенной позиции только одной фонемы свидетельствует не о нейтрализации здесь рассматриваемого при-

знака, а лишь о дистрибутивных явлениях в фонологической системе.

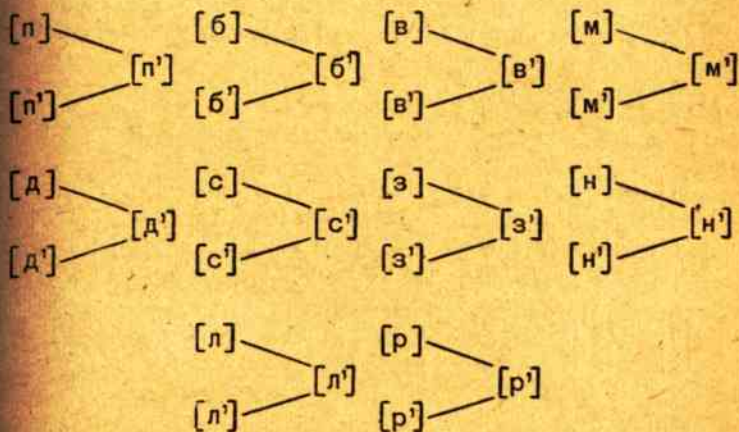
Отсюда нетрудно сделать вывод, что о наличии нейтрализации твердости-мягкости можно судить прежде всего по явлениям, обнаруживающимся на стыке морфем, ибо здесь наиболее отчетливо выявляются как те возможности противопоставления твердых-мягких согласных, которые были характерны для древнерусского языка, так и те факты, которые определяли нейтрализацию твердости-мягкости. Именно на стыке морфем варьирование гласных было наиболее разнообразным, и потому именно здесь можно обнаружить те несомненные доказательства нейтрализации твердости-мягкости, о которых говорилось выше.

Вообще говоря, позиции нейтрализации твердости-мягкости должны были образовываться в положении парных по этому признаку согласных перед гласными переднего ряда, однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Речь здесь опять-таки должна идти о разных уровнях фонологического изучения отношений в системе языка. Конечно, если иметь в виду тот факт, что в позиции перед [a] на стыке морфем может выступать как твердый, так и мягкий согласный, а в позиции перед [и], [ě], [e], [ь] и на месте твердого, и на месте мягкого — только мягкий, то можно говорить о нейтрализации признака твердости-мягкости в этих положениях. Однако все эти рассуждения относятся к тому уровню, на котором не ставится вопрос о функциональной значимости того или иного противопоставления фонем, а следовательно, и о функциональной значимости явления нейтрализации, — к тому уровню, который мы называем уровнем модели. Поставить же эти вопросы означает перейти на иной уровень, когда во главу угла выдвигается проблема функциональной нагрузки. А это значит, что на подобном уровне позиции нейтрализации могут оказаться не совсем идентичными тем, какие устанавливаются на уровне модели. Это связано с тем, что различие звуковых оболочек слов и форм оппозициями парных твердых-мягких согласных и их неразличие в результате нейтрализации твердости-мягкости будут обусловлены возможностями лексической и морфологической систем изучаемого языка, в котором не всегда та или иная пара слов, противопоставленная в своей звуковой оболочке парными твердыми-мягкими согласными, будет иметь такие формы, где в положении перед данными согласными будут высту-

пать все гласные переднего ряда, нейтрализуя тем самым данные противопоставления.

В этом плане предварительно, до анализа материала, можно сказать, что наиболее отчетливо нейтрализация твердых-мягких выступала перед [ě] и [и], широко распространенными в качестве оформителей именных падежных флексий.

Однако, рассуждая пока что без учета словарного состава и морфологических форм древнерусского языка середины XI в., можно говорить о том, что позиция перед гласными переднего ряда на стыке морфем была позицией нейтрализации для твердых-мягких согласных, — в этой позиции на месте твердых и на месте мягких выступали только мягкие согласные. Таким образом, на стыке морфем возникали перекрещивающиеся ряды позиционной мены согласных:

Наличие такой нейтрализации твердых — мягких согласных обусловило и тот факт, что внутри морфем не были возможны твердые согласные перед гласными передней зоны образования. Учитывая наличие действительной нейтрализации твердых-мягких на стыке морфем, можно говорить вообще о развитии данного явления в языке середины XI в., но при этом учитывать и то, что внутриморфемная позиция твердых-мягких согласных не могла подвергаться и не подвергалась такому варьированию, какое наблюдалось на стыке морфем.

Функциональная нагрузка оппозиций парных твердых-мягких согласных

Внутриморфемные противопоставления парных твердых-мягких согласных вполне отчетливо могут быть представлены на уровне модели, однако функциональная нагрузка этих противопоставлений оказывается весьма слабой. Вообще, как видно, устойчивость оппозиций твердых-мягких определялась их функциональной значимостью на стыке, а не внутри морфем, где противопоставляемые этими оппозициями пары слов были редки и единичны.

В положении перед [a] вне функциональной значимости оставались полностью оппозиции [п] — [п'], [б] — [б'], [д] — [д'], [з] — [з'] и [н] — [н']; к ним, как видно, следует присоединить и оппозицию [в] — [в'], так как единственная пара слов *вазнь* — «счастье» — *вазнь* (значение неизвестно), возможно, относится к более позднему времени. Для остальных оппозиций перед [a] можно указать следующие противопоставления:

[м] — [м']: *масти* (от *масть*) — *масти* — «смущать», *малица* — «девушка» — *малица* (с неизвестным значением);

[т] — [т']: *тати* (от *тать*) — *тати* — «тянуть»;

[с] — [с']: *садоу* (от *садъ*) — *садоу* (от *състи*), *сатъ* (от *сата* — «мера») — *сатъ* — «говорят», *сагоу* (от *сагъ* — «грубая одежда») — *сагоу* (от *сачи* — «достать»);

[л] — [л']: *ладьныш* — *ладьныш* (от *ладь* — «судно»);

[р] — [р']: *радити* — *радити*, *ражу* — *ражу*, *радъ* — *радъ*.

Что же касается противопоставления твердых-мягких сонорных внутри морфем перед [y], то в отношении функциональной нагрузки здесь дело обстоит так же, как и в предшествующую эпоху: для пары [ру] — [р'у] действительно противоположения лишь на уровне модели; пара [ну] — [н'у] вообще не существовала в силу отсутствия внутриморфемного сочетания [н'у]; и только для пары [лу] — [л'у] обнаруживаются некоторые противопоставленные оппозицией этих согласных слова и формы, из которых наиболее достоверны лишь отношения между *блюдъ*, *-оу*, *-нь* и *блюдъ*, *-оу*, *-нь* (от *блюдо*), *блюдение* — «болтовня» — *блюдение* — «наблюдение».

Таким образом, внутри морфем функциональная нагрузка оппозиций твердых-мягких сонорных хотя и обнаруживается, но является явно ослабленной.

Основная же тяжесть этой нагрузки оппозиций парных твердых-мягких согласных приходится на стык морфем, где выявляется значительное количество противопоставленных этими оппозициями форм слов. При этом для противопоставления парных твердых-мягких сонорных в положении перед [a] оказываются действительными и противоположения форм слов, имевших в составе своей звуковой оболочки исконно парные твердые-мягкие сонорные, и противоположения форм слов с вторичноослабленными парными по этому признаку сонорными. Подобное совпадение не характерно для противопоставления твердых-мягких свистящих, ибо исконно мягкие свистящие на стыке морфем оказываются вне функциональной нагрузки, и поэтому противопоставления звуковых оболочек форм слов по данной оппозиции выявляются только тогда, когда речь идет о вторичноослабленных согласных.

Отсюда ясно, что если в противопоставлении твердых-мягких сонорных перед [a] участвуют и оппозиции исконно парных по этому признаку согласных, и преобразованные оппозиции гласных [a] и [ä], то в противопоставлении остальных парных твердых-мягких выступают лишь последние оппозиции. Иначе говоря, все подобные оппозиции соответствуют оппозициям [a] — [ä] после твердых согласных эпохи до смягчения полумягких. Таким образом, в подобном преобразовании отчетливо можно видеть дефонологизацию признака зоны образования гласной фонемы и фонологизацию признака твердости-мягкости.

Не рассматривая сейчас вопроса о нейтрализации твердости-мягкости на стыке морфем, можно установить те противопоставления звуковых оболочек форм слов, которые противопоставлялись твердыми-мягкими согласными. Эти противопоставления складываются из целого ряда фактов, которые мы приведем лишь частично. Так:

в положении перед [a]:

- [п] — [п']: *кропа* — «капля» — *кропѧ* (от *кропити*), *сльпа* — *сльпѧ* (от *сльпити*), *копа* — *копѧ* (от *копити*);
[б] — [б']: *баба* — *бабѧ* (от *бабити*), *слаба* (от *слабѣ*) — *слабѧ* (от *слабити*), *троуба* — *троубѧ* (от *троубити*), *роба* (от *робѣ*) — *робѧ* — «ребенок»;

- [в] — [в']: *жива* (жен. р.) — *жива* (от *живити*), *права* (от *правѣ*) — *права* (от *правити*), *слава* — *слава* (от *славити*), *готова* — *готова* (от *готовити*);
- [м] — [м']: *кѣрма* — «пища» — *кѣрма* (от *кѣрмити*), *рама* — *рама*, *има* (дв. ч. от *и*, *я*, *ю*) — *има*;
- [т] — [т']: *крѣста* (от *крѣстѣ*) — *крѣста* (от *крѣстити*), *свѣта* (жен. р.) — *свѣта* (от *свѣтити*), *оуста* — *оуста* (от *оустити* — «наущать»), *хрѣста* (от *хрѣстѣ*) — *хрѣста* (от *хрѣстити*), *часта* (от *частѣ*) — *часта* (от *частити*), *моста* (от *мостѣ*) — *моста* (от *мостити*);
- [д] — [д']: *бѣда* — *бѣда* (от *бѣдити*), *вада* — *вада* (от *вадити*), *вида* — *вида* (от *видѣти*), *вода* — *вода* (от *водити*), *воевода* — *воевода* (от *воеводити*), *гнѣзда* (от *гнѣздо*) — *гнѣзда* (от *гнѣздити*), *года* (от *годѣ*) — *года* (от *годити*), *города* (от *городѣ*) — *города* (от *городити*), *досада* — *досада* (от *досадити*);
- [с] — [с']: *кваса* (от *квасѣ*) — *кваса* (от *квасити*), *роса* — *роса* (от *росити*), *пѣса* (от *пѣсѣ*) — *пѣса* — «щенок»;
- [з] — [з']: *грѣза* (от *грѣзѣ* — «грязь» — *грѣза* (от *грѣзити*), *слѣза* — *слѣза* (от *слѣзити*), *воза* (от *возѣ*) — *воза* (от *возити*);
- [н] — [н']: *борона* — *борона* (от *боронити*), *закона* (от *законѣ*) — *закона* (от *законити*), *казна* — *казна* (от *казнити*), *рана* — *рана* (от *ранити*);
- [л] — [л']: *бѣла* (жен. р.) — *бѣла* (от *бѣлити*), *(по)вела* (жен. р.) — *(по)вела* (от *(по)вельти*), *весела* (жен. р.) — *весела* (от *веселити*), *вола* (от *волѣ*) — *вола* (от *волити*), *дебела* (жен. р.) — *дебела* (от *дебелити*), *дѣла* (от *дѣло*) — *дѣла* — «для», *жала* (от *жало*) — *жала* (от *жалити*), *(по)хвала* — *(по)хвала*;
- [р] — [р']: *коура* (от *коурѣ*) — *коура*, *ѣра* (от *ѣрѣ*) — *ѣра* — «ягненок», *багра* (жен. р. «багровая») — *багра* (от *багрити*), *вара* (от *варѣ*) — *вара* (от *варити*), *гора* — *гора* (от *горѣти*), *добра* (жен. р.) — *добра* (от *добрити*), *кора* — *кора* (от *корити*);

в положении перед [y]:

- [н] — [н']: *криноу* (от *кринѣ*) — *криню* (от *криня*), *женоу* (от *жена*) — *женю* (от *женити*), *законоу* (от *за-*

конѣ) — закону (от законити), казною (от казна) — казню (от казнити), раню (от рана) — раню (от ранити), мьною (от мяти) — мню (от мьнити);

[a] — [a']': волю (от волѣ) — волю (от волити), дебелю (от дебела) — дебелю (от дебелити), жалоу (от жало) — жалоу (от жалити), (по)хвалоу (от (по)хвала) — (по)хвалю (от (по)хвалити), хоулоу (от хоула) — хоую (от хоулити);

[p] — [p']': багроу (от багра) — багрю (от багрити), варюу (от варѣ) — варю (от варити), доброу (от добра) — добрю (от добрити), мьроу (от мьра) — мьрю (от мьрити), пьстроу (от пьстра) — пьстря (от пьстрити).

Таким образом, можно считать, что противопоставленность парных твердых-мягких согласных фонем в положении перед [a] и [y] на стыке морфем имела значительную функциональную нагрузку, противопоставляя звуковые оболочки разных слов и форм. Конечно, рассматривая эти факты, не всегда возможно утверждать, что утрата той или иной противопоставленности могла привести к появлению омонимов и отсюда к затруднению или нарушению коммуникативных связей. Выше уже говорилось обо всем этом подробно, и нет необходимости вновь повторять положения о принципиальном различии противопоставления слов и форм с одной морфологической характеристикой и с разными морфологическими особенностями, что обуславливает различия в возможностях контекстуальной замены одного слова или формы другим словом или формой. Однако все это не отрицает того, что противопоставленность парных твердых-мягких согласных имела в древнерусском языке определенную функциональную значимость, и это обстоятельство свидетельствует об устойчивости подобных противопоставлений.

Функционирование оппозиций силлабем в эпоху развития согласных вторичного смягчения

В связи с проблемой противопоставленности твердых-мягких согласных и ее функциональной нагрузки вновь возникает вопрос о роли силлабем в системе древнерусского языка середины XI в. Если признать, как это было сделано

выше, что система изучаемого языка характеризовалась наличием в определенных условиях неразложимых сочетаний согласных с гласными, в которых твердость-мягкость согласных и непредняя-предняя зона образования гласных были взаимообусловлены, то надо признать, что в этой системе могло наблюдаться противопоставление этих неразложимых сочетаний, или силлабем. При этом вполне должно быть ясно, что если в качестве гласных таких элементов сочетаний выступали [и] — [ы], [е] — [о], [ь] — [ѣ], то в качестве согласных их элементов могли выступать лишь парные твердые-мягкие. Иначе говоря, речь идет и может идти о противопоставлении вполне ограниченных в своем составе сочетаний.

В то же самое время нельзя считать, что в древнерусском языке наблюдалось противопоставление таких же неразложимых сочетаний непарных мягких или твердых согласных с гласными: в таких случаях противоположение было связано с различием двух самостоятельных фонем — согласной и гласной.

Таким образом, в противопоставлении, скажем, [со] — [ж'е] надо видеть фонологическую роль не у силлабем, а у согласных [с] — [ж'] и гласных [о] — [е], так как различие между [с] и [ж'] не определяется только различием в твердости-мягкости, обусловленным положением перед [о] или [е], так же как различие [о] и [е] — только положением после твердого или мягкого согласного. В самом деле, если в противопоставлении [со] — [с'е] у согласных отнять признак твердости-мягкости, обусловленный позицией перед разными гласными, то фонологическая характеристика этих согласных совпадет, т. е. здесь окажется одна фонема — шумная, переднеязычная, зубная, фрикативная, глухая. Если же признак твердости-мягкости, также обусловленный позицией, отнять у согласных в противопоставлении [со] — [ж'е], то фонологическая характеристика их останется различной, т. е. эта операция не приведет к появлению одной фонемы на месте двух. Это обстоятельство и заставляет признать самостоятельную фонологическую значимость как у согласных, так и у гласных в подобного типа противопоставлениях. Точно так же обстоит дело и с противопоставлениями, где в качестве гласных элементов выступали [ь] и [ѣ].

Итак, первой особенностью функционирования силлабем в системе древнерусского языка являлось то, что эти силла-

бемы выступали в относительно ограниченном числе случаев: они представляли собой сочетания только парных твердых-мягких согласных перед [и] — [ы], [е] — [о] и [ь] — [ъ].

Следует иметь в виду, что противопоставления силлабем были таковы, что с их помощью осуществлялось различие звуковых оболочек слов и форм, т. е. эти противопоставления были функционально нагруженными.

Однако при этом важно учесть, что такая нагрузка силлабем развилась в связи с приобретением подобной различительной роли оппозициями данных сочетаний после смягчения полумягких на базе прежних оппозиций гласных фонем древнерусского языка. Иначе говоря, функциональная нагрузка силлабем равна функциональной нагрузке, которую в предшествующую эпоху развития древнерусского языка имели оппозиции гласных фонем [и] — [ы], [е] — [о], [ь] — [ъ] после согласных, ставших парными по твердости-мягкости после смягчения полумягких. Если до смягчения полумягких оппозиция, скажем, [с'е] — [со] являлась оппозицией [е] — [о] после твердого [с], то после смягчения полумягких оппозиция [с'е] — [со] стала оппозицией силлабем. И отсюда если до смягчения полумягких звуковые оболочки слов различались гласными фонемами, то после этого процесса они стали различаться силлабемами.

Итак, противопоставления звуковых оболочек слов и форм, осуществлявшиеся неразложимыми сочетаниями парных твердых-мягких согласных с гласными непереднего-переднего образования, имели функциональную нагрузку, равную в целом нагрузке оппозиций соответствующих гласных предшествующей эпохи.

Следовательно, те факты, которые выше были приведены в качестве иллюстраций функциональной нагрузки оппозиций гласных [и] — [ы], [е] — [о], [ь] — [ъ] (см. стр. 101 — 103), могут быть использованы как примеры, характеризующие функциональную нагрузку оппозиций силлабем с этими гласными.

В связи с этим нетрудно установить, что в фонологической системе древнерусского языка как количественно, так и в отношении значимости силлабемы играли ограниченную роль: основная различительная функция при осуществлении коммуникативных связей выполнялась противопоставлениями фонем как основных фонологических единиц древнерусского языка.

Еще раз о нейтрализации твердости-мягкости согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Рассматривая вопросы, связанные с категорией твердости-мягкости согласных и с функционированием оппозиций силлабем, нельзя не обратить внимание на то явление, о котором уже говорилось выше и которое определяется как нейтрализация твердости-мягкости. Анализируя это явление, надо иметь в виду одно обстоятельство. Как уже отмечалось, нейтрализация твердости-мягкости обнаруживается как активный процесс прежде всего на стыке морфем. Это значит, что если внутри морфем в позиции перед одними гласными выступают только твердые согласные, а в позиции перед другими гласными — только мягкие, то этот факт относится к дистрибуции фонем, но не свидетельствует о нейтрализации твердости-мягкости. Это то, что пражские лингвисты называли «мнимой нейтрализацией».

Вообще говоря, нейтрализация фонем только тогда и приобретает в языке определенную значимость, когда она приводит к неразличению звуковых оболочек слов и форм. Если бы такого совпадения не было, различительная сила фонем принципиально бы не изменялась, ибо для языка оказалось бы безразличным, противопоставляются ли по данному признаку две единицы или не противопоставляются. Различительная сила оппозиций фонем важна, конечно, не сама по себе (хотя, возможно, с какой-то точки зрения и представляет интерес определить, в каких позициях данные две единицы различаются, а в каких — не различаются) — она важна постольку, поскольку оказывает влияние на коммуникативную роль языка. И если, скажем, в древнерусском языке было бы такое положение, что даже на стыке морфем в позиции перед гласными переднего ряда выступали на месте твердых и на месте мягких только мягкие согласные, но при этом не происходило бы совпадения звуковых оболочек разных словоформ, то для этого языка подобная нейтрализация фактически не играла бы никакой существенной роли. Все дело в том, что нейтрализация не проходит бесследно для лексико-морфологической стороны языка, — в том, что она ослабляет различительную силу фонем и это выражается в утрате противопоставления звуковых оболочек словоформ, различающихся в иных условиях.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что к а ж д а я из тех форм слов древнерусского языка, которая входит

в систему словоизменения, будет обнаруживать такое явление, когда парный твердый согласный, выступающий в составе ее звуковой оболочки на стыке морфем, в позиции перед передним гласным чередуется с парным ему мягким согласным. И если данная форма противопоставлена по твердости-мягкости перед [a] и [y] другой форме, то можно установить, что перед передними гласными твердый и мягкий согласные не будут различаться, совпадая в одном мягком и в той и в другой форме, т. е. твердость-мягкость окажется нейтрализованной. Однако в то же время не всегда такая нейтрализация приведет к неразличению звуковых оболочек двух разных словоформ: очень часто отношения здесь оказываются такими, что неразличение твердости-мягкости согласных не сопровождается таким совпадением двух словоформ, а ограничивается лишь неразличением твердости-мягкости в одной и той же позиции. В этом последнем случае нейтрализация оказывается функционально незначимой, ибо она не влияет на силу различительной способности фонем.

В плане рассматриваемых вопросов древнерусский язык после смягчения полумягких имел целый ряд особенностей, которые требуют специального анализа.

И прежде всего эти особенности были связаны с тем, что противопоставление звуковых оболочек словоформ осуществлялось в эту эпоху не только оппозициями твердых-мягких согласных, но и оппозициями силлабем. Это обстоятельство создавало определенные противоречия в системе, о которых уже говорилось выше. Кроме того, в ряде случаев оказывалось, что одни формы данных двух слов противопоставлялись друг другу оппозициями твердых-мягких согласных, а другие — оппозициями силлабем, что также усложняло всю систему.

Наконец, надо иметь в виду и то обстоятельство, что не все такие противопоставления могли подвергаться нейтрализации, если под последней понимать явление совпадения звуковых оболочек двух словоформ, связанное с неразличением твердости-мягкости.

Если рассмотреть факты противопоставления звуковых оболочек словоформ по оппозициям твердых-мягких согласных и силлабем, то можно наметить шесть групп таких противопоставлений, характерных для древнерусского языка.

1) Противопоставления, осуществлявшиеся только твердыми-мягкими согласными и не обнаруживающие при ней-

трализации твердости-мягкости совпадения звуковых оболочек словоформ. К таким фактам относились, например, следующие:

баба — баба́,	города — городá,
ба́да — ба́да́,	досада — досада́,
ба́ла — ба́ла́,	дѣла — дѣла́,
лада — лада́,	слѣпа — слѣпа́,
мѣна — мѣна́,	слава — слава́,
моудра — моудра́,	свѣта — свѣта́

и др.

2) Противопоставления, осуществлявшиеся только силлабемами и не обнаруживающие при нейтрализации совпадения звуковых оболочек словоформ. К ним относились, например, следующие:

гроудѣ — гроудѣ́,	лѣтъ — лѣтъ́,
житѣ — житѣ́,	прамѣ — прамѣ́,
селѣ — селѣ́,	оуно — оуне́,
стрѣлъ — стрѣлъ́,	оутрѣ — оутрѣ́

и др.

3) Противопоставления, осуществлявшиеся и твердыми-мягкими согласными и силлабемами и не обнаруживающие при нейтрализации твердости-мягкости совпадения звуковых оболочек словоформ. Таковы, например, следующие факты:

борона — борона́,	жена, -оу — жена́, -ю,
бороны — борони́;	жены — жени́;
вара, -оу — варá, -ю,	казна, -оу — казна́, -ю,
вары — вари́;	казны — казни́;
рана, -оу — рана́, -ю,	
раны — рани́;	
стрѣла, -оу — стрѣла́, -ю,	
стрѣлы — стрѣли́	

и др.

4) Противопоставления, осуществлявшиеся только твердыми-мягкими согласными и обнаруживающие при нейтрализации твердости-мягкости совпадение звуковых оболочек словоформ. Кажется, в эту группу входит только одна пара противопоставленных форм — *мноу* — *мню* с нейтрализа-

стей твердости-мягкости в *мъни* (повелительное наклонение). При этом нейтрализация здесь достигает высшей формы своего выражения: неразличение [н] и [н'] приводит к полному совпадению таких двух форм, которые могут быть употреблены в одном контексте, и только, как видно, более широкое контекстное окружение может снять эту омонимию.

5) Противопоставления, осуществлявшиеся только силлабемами и обнаруживающие при нейтрализации совпадение звуковых оболочек словоформ. Здесь также можно привести некоторые примеры:

боръ, - и
боръ, - и

> бори

да лъ, - ы
да лъ, - и

> дали

бы лъ, - ы
бы лъ, - и

> были

да нь
да нь

> дани

бѣ лъ, - ы
бѣ лъ, - и

> бѣ ли

за дъ, - ы
за дъ, - и

> за ди

протъ
протъ

> прости

скоудъ, - ы
скоудъ, - и

> скоуди

талъ, - ы
талъ, - и

> тали

6) Противопоставления, осуществлявшиеся и твердыми-мягкими согласными и силлабемами и обнаруживающие при нейтрализации твердости-мягкости совпадение звуковых

оболочек словоформ. К подобным фактам можно отнести, например, следующие:

бана, — оу, бань
банн, — ю, бань

бани, — ѣ, — е

багра, — оу, багры
багрѣ, — ю, багри

багри

боура, — оу, боурѣ
боурн, — ю, боури

боури, — ѣ, — е

поста, посты
постѣ, пости

пости

права, правы
правѣ, прави

прави

поуста, поусты
поустѣ, поусты

поусты

Если в пятой группе совпадение звуковых оболочек разных словоформ связано прежде всего с неразличением именных падежных образований или, реже, таких образований с причастиями (*были, дали*) и инфинитивом (*вити, мыти*), то в шестой группе подобные факты занимают меньше места, так как в основном нейтрализация касается здесь неразличения именных и глагольных форм. Кроме того, можно заметить, что звуковая оболочка формы, являющейся выражителем нейтрализации именного и глагольного образования, одновременно выступает и как член противопоставления, осуществляемого синлабематами с гласными [и] — [ы].

Учитывая все приведенные факты, можно полагать, что проблема омонимии, возникающей в результате нейтрализации, разрешалась здесь или ближайшим контекстом, или невозможностью одноконтекстного употребления таких форм. Конечно, здесь могла играть роль и частотность употребления слов (ср. явно различные по вероятной частоте в речи такие слова, как *банъ* и *бана*), однако решить этот вопрос для середины XI в. не представляется возможным.

Наконец, в вопросе о нейтрализации твердости-мягкости в древнерусском языке после смягчения полумягких есть еще одна сторона, представляющая определенные сложности в ее интерпретации. Речь идет о том, что если две словоформы противопоставляются друг другу в их звуковых оболочках оппозицией твердого-мягкого согласного и если при словоизменении наблюдается совпадение этих звуковых оболочек, то можно говорить, что перед нами нейтрализация твердых-мягких согласных. Но если две словоформы противопоставляются не оппозицией твердого-мягкого согласного, а оппозицией силлабем, то возникает вопрос, какая единица подвергается нейтрализации при совпадении звуковых оболочек этих форм при словоизменении. Еще более сложные отношения в этом плане обнаруживаются тогда, когда словоформы противопоставляются и твердыми-мягкими и силлабемами. Если в тех случаях, когда две словоформы противопоставляются только силлабемами, еще можно признать при ее наличии нейтрализацию силлабем как особых фонологических единиц, выступавших наряду с фонемами и на уровне фонем, то в тех случаях, когда противопоставление осуществляется и твердыми-мягкими и силлабемами, подобное утверждение едва ли можно признать верным. Как представляется, в таких фактах надо видеть нейтрализацию твердости-мягкости и считать, что силлабемное противопоставление подчинено фонемной оппозиции, точно так же как сама силлабема занимает подчиненное место по отношению к системе фонем древнерусского языка середины XI в.

Итак, категория твердости-мягкости согласных в древнерусском языке середины XI в. получила достаточно отчетливое оформление, выразившееся в развитии противопоставленных по данному признаку согласных в положении перед [a] и [y] внутри и на стыке морфем и в установлении позиций нейтрализации твердости-мягкости перед гласными

переднего ряда. И та и другая сторона в развитии данной категории получила свое реальное воплощение в различении и неразличении звуковых оболочек разных слов и форм. Древнерусский язык, таким образом, перешел на новую ступень в развитии категории твердости-мягкости.

Проблема отношения парных глухих-звонких согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Смягчение полумягких согласных не вызвало и не могло вызвать принципиальных изменений в отношениях между парными глухими-звонкими согласными, ибо оно не затронуло тех позиций, в которых осуществлялось их противопоставление. Однако этот процесс не прошел бесследно для данной категории: он содействовал расщеплению и усилению оппозиций глухих-звонких, что в первую очередь выразилось в увеличении пар глухих-звонких согласных по сравнению с предшествующим периодом.

В результате возникновения мягких согласных фонем [п'], [б'], [т'], [д'] возникли новые противопоставления по глухости-звонкости: [п'] — [б'] и [т'] — [д'], включившиеся в корреляцию согласных, парных по этому признаку. С другой стороны, в результате смягчения полумягких расширила сферу своего распространения оппозиция [с'] — [з'], но одновременно сузила эту сферу оппозиция [с] — [з]. Таким образом, в середине XI в. в коррелятивных отношениях по признаку глухости-звонкости стали находиться девять пар согласных фонем:

$$[п — б] = [п' — б'] = [т — д] = [т' — д'] = [с — з] = [с' — з'] = [\text{ш}' — \text{ж}'] = [\text{ш}'\text{ч}' — \text{ж}'\text{д}'] = [к — г].$$

Смягчение полумягких, иначе говоря, расщепило оппозиции [п] — [б] и [т] — [д] на две — на оппозиции твердых глухих-звонких и на оппозиции мягких глухих-звонких; точно так же, расщепив единую ранее оппозицию [с] — [з] на две, оно передало оппозицию вторичносмягченных свистящих исконно существовавшей оппозиции этих мягких согласных.

Такое расщепление указанных трех оппозиций не сказалось на функционировании оппозиций [п] — [б], [т] — [д] и [с] — [з] в положении перед согласными: все, что характеризовало эти противопоставления до смягчения полумягких, оставалось действительным и в середине XI в.

Однако это расщепление оказало влияние на функционирование данных оппозиций перед гласными. Как это совершенно ясно, такое влияние выразилось прежде всего в том, что твердые глухие-звонкие стали противопоставляться внутри и на стыке морфем только перед непередними гласными, а мягкие — перед передними, а также, с рядом определенных ограничений, — перед [a] и [y].

Если рассмотреть этот вопрос подробнее и точнее, то можно установить, что внутри морфем оппозиции [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з] и [к] — [г] функционировали перед всеми непередними гласными; оппозиция [п'] — [б'] — перед [и], [е], [е̃], [е̌] и [ь] (она не выступала перед [a] в силу отсутствия внутриморфемного сочетания [б'a]); оппозиция [с'] — [з'] — перед [и], [е̃], [е], [ь] и [a]; оппозиция [ш'] — [ж'] — перед [и], [е], [ь], [a] и [y]; и, наконец, оппозиция [ш'ч'] — [ж'д'] внутри морфем не выступала. На стыке морфем условия функционирования совпадали с внутриморфемным положением для оппозиций [п] — [б], [п'] — [б'], [т] — [д], [т'] — [д'], [с] — [з] и [к] — [г]; для оппозиций [с'] — [з'], [ш'] — [ж'] и [ш'ч'] — [ж'д'] условия противопоставления включали в себя гласные [и], [е̃], [е], [ь], [a] и [y].

Имея в виду сказанное, можно попытаться установить и те изменения в функциональной нагрузке оппозиций глухих-звонких, которые были связаны со смягчением полу-мягких.

Если учесть, что функционирование оппозиций [к] — [г] и [ш'] — [ж'] внутри морфем не подверглось каким-либо изменениям, возможно опереться в определении степени функциональной нагрузки этих оппозиций на факты, установленные для предшествующего периода (см. стр. 185).

Что же касается оппозиций [п] — [б] и [п'] — [б'], [т] — [д] и [т'] — [д'], [с] — [з] и [с'] — [з'], то функциональная нагрузка противопоставлений твердых фонем равна нагрузке их перед непередними гласными в предшествующую эпоху, а функциональная нагрузка противопоставлений мягких фонем — нагрузке тех же твердых перед передними гласными в ту же предшествующую эпоху истории русского языка.

Точно так же обстоит дело с функциональной нагрузкой оппозиций парных глухих-звонких на стыке морфем.

Таким образом, вновь возникшие оппозиции глухих-звонких согласных не привели к утрате функциональной

нагрузки прежними оппозициями и одновременно сами приобрели такую нагрузку, встав в общий ряд парных глухих-звонких. Все эти процессы укрепили коррелятивные отношения в фонологической системе древнерусского языка и содействовали устойчивости даже тех оппозиций глухих-звонких, которые оказались действительными лишь на уровне модели.

Однако вместе с тем смягчение полумягких не привело к возникновению каких-либо новых, более тесных связей между глухими и звонкими согласными, как это случилось с твердыми и мягкими.

Если после смягчения полумягких твердые-мягкие согласные, получив возможность нейтрализации, стали образовывать соотносительные ряды, то глухие-звонкие таких рядов не образовывали, так же как они их не образовывали и до смягчения полумягких. За исключением пары [с] — [з], имевшей более тесные связи в приставочных образованиях *сиз-, без-, роз-, въз-* (см. стр. 187 — 188), члены всех остальных пар были близки лишь в физиолого-акустическом плане, но не в системных отношениях древнерусского языка. Иначе говоря, соотносительный ряд глухих-звонких согласных и в эту эпоху находился лишь на самом начальном этапе своего развития.

Возникновение новых рядов позиционной мены согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения

Все те явления в области твердости-мягкости и глухости-звонкости согласных, которые были рассмотрены выше, позволяют сделать определенные выводы о характере позиционной мены, а отсюда — и о характере позиций согласных фонем древнерусского языка эпохи смягчения полумягких.

В этом плане прежде всего нужно сказать, что так как смягчение полумягких не привело к принципиально новым явлениям в условиях функционирования глухих-звонких согласных, — в связи с этим в изучаемую эпоху не возникло каких-либо изменений в характере поведения этих согласных в системе древнерусского языка по сравнению с предшествующим периодом его развития. И поэтому, так же как и до смягчения полумягких, глухость-звонкость оставалась постоянно присущим признаком согласных, не подвергавшимся никаким изменениям ни в одной позиции своего

функционирования. Исключение из этого правила, касавшееся отношений между [с] и [з], продолжало действовать также без всяких изменений в эпоху развития согласных вторичного смягчения, как оно действовало и до смягчения полумягких (см. стр. 189—190).

Следовательно, глухие-звонкие согласные не образовывали рядов позиционной мены: во всех тех позициях, в которых они выступали, они характеризовались одним и тем же постоянно присущим им набором признаков.

Не образовывали рядов позиционной мены по-прежнему и мягкие согласные фонемы, и эти фонемы в любой позиции сохраняли все свои отличительные признаки как постоянно присущие. Наконец, сохранялись, как и в предшествующую эпоху, лабиовелярные разновидности всех твердых согласных, выступавшие перед лабиализованными гласными, в результате чего образовывались параллельные ряды позиционной мены твердых нелабиовелярных с твердыми лабиовелярными (см. стр. 189).

Все эти факты представляют собой унаследованные особенности в системе древнерусского языка середины XI в., и смягчение полумягких не внесло здесь каких-либо изменений.

Эти изменения коснулись отношений парных твердых-мягких согласных, где возникли принципиально новые явления в области позиционной мены.

Как уже говорилось, в позиции перед [a] и [y] парные твердые-мягкие выступали как самостоятельные единицы, противопоставляясь друг другу. В позиции же перед гласными переднего ряда твердость-мягкость подвергалась нейтрализации: на месте твердых выступали мягкие, совпадавшие по своему качеству с теми мягкими, которые не подвергались такому изменению. В результате всего этого в древнерусском языке развились перекрещивающиеся ряды позиционной мены твердых-мягких согласных. Это было совершенно новое явление, неизвестное в истории русского языка до смягчения полумягких. Возникновение таких перекрещивающихся рядов обусловило развитие в древнерусском языке отчетливых различий между сильными и слабыми позициями согласных: если до смягчения полумягких все позиции (за исключением положения [с] — [з] перед шумными), в которых выступали согласные, были сильными, то в новую эпоху положение коренным образом изменилось.

В древнерусском языке возникли абсолютно сильные позиции для согласных — позиции перед [a] и [y], в которых различались все согласные фонемы. Для непарных твердых [k], [g], [x] сильной позицией было положение перед непередними гласными: несмотря на то что заднеязычные не могли выступать перед гласными переднего образования, положение их перед непередними гласными было сильным, так как здесь выступали, противопоставляясь друг другу, все заднеязычные фонемы.

Точно так же сильной позицией для непарных мягких согласных являлось положение перед гласными переднего образования, где ситуация была такой же, что и для непарных твердых перед непередними гласными.

Иначе обстояло дело с позициями парных твердых-мягких согласных. Здесь образовалась слабая позиция — позиция перед гласными передней зоны, где возникала нейтрализация признака твердости-мягкости и где на месте твердого и на месте мягкого равно выступал мягкий согласный. С другой стороны, парные твердые-мягкие не могли противопоставляться перед [ы], [о] и [ъ], где выступали только твердые. Можно было бы считать эту позицию также слабой по твердости-мягкости, однако при этом следует иметь в виду одно важное обстоятельство.

Дело заключается в том, что если возможно показать и доказать наличие нейтрализации твердости-мягкости перед передними гласными, то этого невозможно сделать для положения перед непередними гласными. Нельзя найти таких фактов, которые бы утверждали возможность появления твердого согласного и на месте твердого, и на месте мягкого перед непередними гласными. Явление нейтрализации твердости-мягкости, таким образом, здесь отсутствует.

Именно поэтому представляется целесообразным выделить позицию парных твердых согласных перед непередними гласными от позиции парных мягких перед передними гласными и считать ее не слабой, а связанной позицией, т. е. такой, в которой возможны только определенные согласные, но невозможны их корреляты.

Надо сказать, что различение слабой по твердости-мягкости и связанной по этому признаку позиций наиболее отчетливо можно установить при функционировании парных твердых-мягких согласных фонем на стыке морфем, где обнаруживаются подобные различия при образовании форм

одного и того же слова. В положении же внутри морфем дело, вообще говоря, обстоит сложнее. Если бы в древнерусском языке не было возможностей варьирования фонем по флексиях, а существовали бы лишь внутриморфемные отношения согласных и гласных, то, вероятно, надо было бы говорить лишь о связанных, но не о слабых позициях парных твердых-мягких согласных. В этом случае положение перед [a] и [y] оказывалось бы сильной позицией по твердости-мягкости, а положение перед [i] — [ы], [e] — [o], [ь] — [ъ] — связанной по этому признаку позицией. Связанность подобной позиции выражается в том, что если в сочетании «парный мягкий + [и], [е], [ь]» заменить первый элемент — мягкий согласный — на твердый, то автоматически меняется и второй элемент: на месте переднего возникает определенный непередний гласный. В этом случае в особом положении вновь оказывается позиция мягкого перед [ě], так как здесь замена мягкого на твердый в изучаемую эпоху была невозможна: в языке не было еще фонемы, отличавшейся от [ě] лишь одной зоной образования, и данное сочетание, таким образом, не входило в такие парные соотношения, в какие входили сочетания с [и] — [ы], [e] — [o], [ь] — [ъ].

Так обстоит бы дело, повторяем, если бы в языке не было явлений действительной нейтрализации твердости-мягкости. Наличие же этого явления обуславливает необходимость разграничения слабой и связанной позиций для парных твердых-мягких согласных.

Развитие нейтрализации твердости-мягкости и появление перекрещивающихся рядов позиционной мены этих согласных позволяют говорить о возникновении в древнерусском языке архифонем в области твердых-мягких согласных. Можно считать, что в позиции перед гласными переднего образования выступали архифонемы [п/п'], [б/б'], [в/в'], [м/м'], [т/т'], [д/д'], [с/с'], [з/з'], [н/н'], [л/л'], [р/р'], твердость-мягкость которых была обусловлена фонетическим положением.

* * *

Итак, смягчение полумягких согласных, одной из причин которого было, как видно, стремление к усилению коррелятивных связей в системе древнерусского языка, привело к серьезной перестройке фонологических отношений в этом

языке. Затронув как вокализм, так и консонантизм древнерусского языка, смягчение полумягких обусловило дефонологизацию признака зоны образования гласных фонем и тем самым вызвало утрату особой фонемы [ä]. С другой стороны, влияние смягчения полумягких на систему согласных оказалось противоречивым: оно, во-первых, обусловило развитие неразрывных сочетаний твердых-мягких согласных с непередними-передними гласными, что, вообще говоря, при благоприятных условиях могло бы повести к превращению силлабем в особые фонологические единицы. Во-вторых же, оно значительно расширило состав согласных, сохранивших свое фонологическое значение как основных различительных единиц в общей системе. Сохранение противопоставленности твердых-мягких согласных перед [i] и [y] разрушало сам силлабемный принцип в структуре древнерусского языка. Твердые-мягкие согласные оказались в принципиально разных условиях перед разными гласными. Система усилила асимметричность в этой своей области.

Увеличение состава согласных фонем при одновременном уменьшении состава гласных, дефонологизация признака зоны образования гласных и развитие фонологических противопоставлений твердых-мягких согласных не могли не повлечь за собой усиления фонематической роли консонантной системы при ослаблении этой роли у вокализма. Можно думать поэтому, что эпоха смягчения полумягких была эпохой переходной от вокалистической к консонантной системе в истории русского языка, переходной в том смысле, что система согласных уже завоевала основные позиции в борьбе консонантизма и вокализма, но еще не подчинила себе систему гласных. С другой стороны, система гласных уже потеряла в значительной степени ту самостоятельность по отношению к консонантизму, которой она обладала до смягчения полумягких, но еще сковывала силы системы согласных, не давая им возможности самостоятельно, без сопровождения гласными, функционировать в языке. Участь борьбы консонантизма и вокализма была предрешена смягчением полумягких — после этого процесса, учитывая характер его протекания и результаты, развитие фонологических отношений в русском языке могло идти только одним путем — путем, ведущим к подчинению системы гласных системе согласных фонем в общей фонологической структуре древнерусского языка. Явлением, которое знаменовало завершение данного процесса, было падение редуцированных.

РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕ XII в. В РЕЗУЛЬТАТЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЭПОХИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Общее значение процесса падения редуцированных для истории всех славянских, и в том числе древнерусского, языков общеизвестно: утрата редуцированных окончательно прекратила действие всех тех закономерностей, которые функционировали в языке до этой утраты и которые имели отношение к структуре слога, а через нее — ко всей фонетической и фонологической сторонам языка. Прошедшее в древнерусском языке в середине XII в. падение редуцированных привело к полной перестройке всей его звуковой системы. Это выразилось не только в количественных изменениях гласных и согласных фонем, но, главное, в глубоких изменениях связей и отношений внутри фонологической системы. Однако при этом не следует упускать из виду и то немаловажное обстоятельство, что падение редуцированных не просто ликвидировало прежние отношения, но что оно во многом довело до своего логического завершения те тенденции, которые уже были заложены в системе древнерусского языка до этого процесса. Иначе говоря, не надо видеть «пропасти» между системой середины XI в. и системой, складывающейся после утраты [ь] и [ъ], — между этими системами можно установить определенную преемственность и можно видеть в новой системе те черты, которые вырисовывались, хотя и не всегда достаточно отчетливо, в системе предшествующей эпохи.

Как известно, в результате падения редуцированных в древнерусском языке прекратили свое действие тенденции к открытости слога и к слоговому сингармонизму, что привело к потере слогом своей автономности и к появлению свободного перемещения слогораздела внутри словоформы.

Утрата редуцированных, далее, создала возможность освобождения согласных от обязательного соседства с последующими гласными, т. е. возможность изолированного употребления согласных. Это создало условия для окончательного оформления категории глухости-звонкости в древнерусском языке и завершения становления категории твердости-мягкости. Возникновение групп согласных и развитие ассимиляционных и диссимиляционных процессов после падения редуцированных обусловили появление разнообразных позиций согласных, в которых последние стали обнаруживать определенные изменения своего качества. В то же самое время утрата редуцированных способствовала развитию новых явлений и в области гласных, что выразилось как в изменении фонемного состава, так и в истории отношений всех гласных фонем древнерусского языка.

Таким образом, не требует особых доказательств утверждение чрезвычайной сложности всех тех процессов в истории русского языка, которые стали осуществляться в нем после падения редуцированных. Это определяет и сложности в восстановлении и изучении тех фонологических отношений, которые стали складываться в новую эпоху в древнерусском языке. Однако к сказанному надо прибавить и еще ряд моментов, определяющих специфику изучения фонологической системы периода после утраты редуцированных.

Прежде всего, как говорилось во вводной части книги, рассматривая тот период в истории фонологической системы древнерусского языка, начало которого определяется утратой редуцированных, мы не имеем возможности точно определить конечную временную границу этого периода, ибо те явления, которые были вызваны или обусловлены падением редуцированных, развивались зачастую в эпохи, достаточно отдаленные от времени начала и завершения самого процесса утраты [ь] и [ѣ]. Иначе говоря, определенные изменения в фонологических отношениях, будучи вызваны к жизни падением редуцированных, получили свое развитие и относительно окончательное завершение спустя несколько веков после того, как сами редуцированные уже перестали существовать в системе.

Одновременно с развитием и становлением таких явлений в языке в этот период развивались и иные изменения, которые не были ни обусловлены, ни вызваны падением

редуцированных. Эти изменения также приводили к перестройке фонологических отношений.

Наконец, рассматриваемый период характеризуется еще и тем, что в это время, т. е. после XII в., широкое и отчетливое выражение получает развитие диалектных особенностей в фонологической системе. Это обстоятельство приводит к необходимости расчлененного рассмотрения фонологических систем разных диалектов и установления как отличий одной системы от другой, так и их общих черт.

Все изложенное показывает, что анализ фонологических связей и отношений в истории русского языка после XII в. связан с целым комплексом сложных вопросов, решить которые полностью в данной работе мы не можем прежде всего из-за слишком большого объема необходимых предварительных исследований.

Именно поэтому в этом последнем разделе книги задачи исследования ограничиваются совершенно сознательно определенными рамками.

Во-первых, рассмотрению подвергаются только те явления и те изменения, которые были вызваны или обусловлены непосредственно падением редуцированных, и не рассматриваются те явления и изменения, которые или вообще не были связаны в своем развитии с указанным процессом, или если и могут быть с ним связаны, то лишь как следствие развития явлений первого рода. Таким образом, например, рассмотрению подвергается вопрос об изменении [e] в [o], но не рассматривается история [ě]; анализируется вопрос о развитии [ô], но оставляется в стороне история аканья; изучается проблема становления категории глухости-звонкости, но не рассматривается история шипящих и [ц'] и т. д. Указанное обстоятельство необходимо иметь в виду при знакомстве с данным разделом книги.

Во-вторых, рассматриваемые явления принимаются как уже завершенные в их развитии. Это значит, что, если в истории языка одни из таких явлений закончили свое развитие к XIII в., другие — к XIV—XV, а третьи — только к XVI в., в настоящей работе все они рассматриваются как одновременные. Конечно, в этом случае возникает определенная условность всех построений и рассуждений, определенное смещение исторической перспективы, но все это представляется возможным и даже неизбежным прежде всего потому, что осуществление синхронного среза в эпоху после XII в. оказывается, по существу, невозможным имен-

но в силу длительного и неодновременного процесса развития многих явлений, равно вызванных и обусловленных одним и тем же падением редуцированных. Кроме того, если ставится задача не исследования истории развития того или иного явления, а установления тех отношений и связей, которыми характеризуется фонологическая система на данном этапе своего развития, а этот этап может быть определен лишь как период после падения редуцированных, — в этом случае, как представляется, вопрос о том, как протекало развитие тех или иных явлений и когда оно, это развитие, привело к становлению новых отношений, оказывается не столь существенным, если известно, что такое становление действительно произошло.

Все это и дает возможность отвлечься от рассмотрения этапов развития определенных явлений и анализировать их как уже завершенные в своей истории.

Вместе с тем это означает, что не представляется необходимым и подробное рассмотрение всех тех фактов, которые определяют конкретные изменения в звуковой стороне древнерусского языка в том плане, как они, эти изменения, протекали в историческом развитии, когда и как они получили отражение в памятниках письменности и как в результате всех этих изменений возникли новые явления в древнерусской фонетике. Все подобные процессы не однажды подвергались описанию и изучению, и поэтому более важным и необходимым кажется не рассмотрение истории отдельных явлений в фонетической системе древнерусского языка, а определение того, что произошло с этой системой в результате развития тех или иных явлений, вызванных утратой редуцированных. Важно дать фонологическую интерпретацию происшедшим изменениям и установить те отношения, которые стали определять фонематическую систему языка в новую историческую эпоху.

В-третьих, известно, что после утраты редуцированных процесс распада древнерусского языка, который в дальнейшем выразился в оформлении трех отдельных восточнославянских языков, получил вполне отчетливое отражение в различной судьбе отдельных явлений в истории звуковой системы, связанных с падением редуцированных: дифтонгизация [o] и [e] в новых закрытых слогах, судьба сочетаний типа **trbt*, история изменения [e] в [’o] и некоторые иные явления с достаточной убедительностью указывают на развитие таких особенностей в древнерусском языке, которые

впоследствии станут чертами, определяющими отличия великорусского, украинского и белорусского языков друг от друга.

Это означает, что период после XII в. характеризуется тем, что на юге и юго-западе древнерусской территории стали возникать такие особенности, какие не были свойственны северу, северо-востоку и северо-западу, т. е. тем территориям, на которых впоследствии сложился язык великорусской народности. Это обстоятельство дает возможность отделить южные и юго-западные явления как несвойственные диалектам на остальной древнерусской территории и представляющие больший интерес для историков украинского и белорусского языков, хотя и не безразличные для истории русского языка, и ограничиться анализом лишь тех явлений, которые определяли развитие фонологической системы последних диалектов. Таково первое ограничение, вызванное развитием диалектных особенностей в древнерусском языке. Однако сложности, связанные с диалектным членением языка, требуют еще одного ограничения.

В эпоху после падения редуцированных в самих диалектах севера, северо-востока и северо-запада развивается целый ряд таких особенностей, которые определяют необходимость специального анализа применительно к отдельным диалектам. Это тем более очевидно, что изучаемый период, определяемый как период после падения редуцированных, оказывается достаточно протяженным во времени и характеризующимся постепенным накоплением диалектных различий. Следовательно, исчерпывающий анализ истории фонологических отношений должен дать ее как историю отношений во всех отдельных диалектах, что в настоящее время не представляется возможным. И поэтому фонологические отношения рассматриваемой эпохи приходится анализировать лишь в общем плане, т. е. как отношения, равно проявляющиеся во всех диалектах изучаемой территории. Более того, во многом этот анализ ограничивается лишь установлением тех основных путей развития, по которым пошла фонологическая система в эпоху после падения редуцированных, без учета тех «отклонений» от основных тенденций, которые характеризовали ту или иную диалектную систему.

Опять-таки нельзя не признать ограниченность и определенную условность подобной постановки вопроса, но нельзя и не согласиться с возможностью и даже с неиз-

бежностью этой постановки. Эпоха после падения редуцированных в истории русского языка настолько богата фактами и настолько сложна, что лишь постепенное и по необходимости расчлененное ее изучение может в конце концов привести к восстановлению полной картины. Одним из шагов в данном направлении и может явиться попытка описания фонологических отношений этой эпохи в предлагаемом здесь плане.

Кажется целесообразным, однако, отделить рассмотрение явлений, свойственных северу и северо-востоку, от явлений, свойственных северо-западу древнерусской территории, что связано с фактом развития [ô] и сохранения [ě] на первых территориях и с отсутствием [ô] и утратой [ě] — на второй. Это значит, что в дальнейшем рассмотрении проблемы фонологических отношений будут решаться с учетом подобного различия. Однако другие диалектные особенности, развившиеся после XII в., останутся за рамками настоящей работы ¹.

Наконец, надо сказать еще и о том, что в этом разделе изложение материала идет не совсем по тем путям, по которым оно шло выше. Если при анализе исходной системы возможно было отделить рассмотрение явлений в области гласных от явлений в области согласных; если при анализе системы эпохи смягчения полумягких это оказалось возможным сделать лишь частично, так как фонологические отношения уже стали таковыми, что в некоторых случаях гласные и согласные в их функционировании стали тесно взаимосвязаны, — то при анализе системы эпохи после падения редуцированных можно столкнуться с такой зависимостью явлений в области гласных от системы согласных, которая определяет невозможность их раздельного рассмотрения. Это обстоятельство обуславливает определенные сложности в анализе системных отношений изучаемой эпохи. Именно поэтому в данном разделе хотя сначала выделяются вопросы, которые связаны с рассмотрением явлений в области гласных, они, эти явления, не могут быть рассмотрены без учета фактов, характеризующих систему согласных; в то же время рассмотрение явлений в области

¹ Точно так же в работе не ставятся проблемы развития языка на территориях будущего южновеликорусского наречия. Это объясняется почти полной неизученностью древнейших явлений на данных территориях.

согласных хотя и возможно иногда без учета системы гласных, в то же время во многих случаях требует привлечения данных, характеризующих эту систему. Все это создает определенную перебивку изложения, но вызвана она сложностью самих фонологических отношений в системе языка.

Таковы особенности последнего раздела настоящей работы, без учета которых нельзя понять характера его построения и принципов отбора и изложения материала.

ПРОБЛЕМА ФОНЕМНОГО СОСТАВА ГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Утрата [ь] и [ѣ] как самостоятельных фонем

Изменение фонемного состава гласных древнерусского языка, вызванное падением редуцированных, было связано прежде всего с утратой [ь] и [ѣ] как самостоятельных фонем и с утратой их позиционных разновидностей [й] и [ѣ]. Вместе с тем были утрачены и позиционные разновидности фонем [и] и [ы], выступавшие также в виде [й] и [ѣ]. Известно, что и [ь], [ѣ] и [й], [ѣ] исчезли в так называемых слабых позициях и проявились в гласные [e], [o] — в сильных. Таким образом, утрата [ь] и [ѣ] уменьшила общее количество гласных фонем древнерусского языка и одновременно расширила области распространения фонем [e] и [o], включивших в свой объем те [e] и [o], которые развились из редуцированных и совпали с исконным [e] и с [o] вне новоакутовой интонации. Однако утрата редуцированных не означала только количественных изменений — она означала и качественные изменения, ибо вызвала перестройку в отношениях фонологических единиц в области гласных, перестройку в их дистрибуции и в их оппозициях.

Но прежде чем говорить обо всех этих явлениях, следует остановиться на вопросе о причинах утраты [ь] и [ѣ] в фонетической системе древнерусского языка.

Известно, что эта проблема не представляется в настоящее время достаточно поддающейся определенному решению. Если стремление вынести вопрос о причинности падения редуцированных за пределы языка, о чем уже говорилось выше, по существу, отрицает саму его постановку и приводит к отказу от какого-либо решения, то попытки разрешить

данную проблему в плане анализа парадигматических и синтагматических отношений, как видно, тоже не дают пока что положительных результатов. В этом последнем случае решение проблемы причины утраты редуцированных можно было бы искать в отношениях противопоставления фонологических единиц в системе языка, — в отношениях, основанных на характере распределения этих единиц на синтагматической оси, а отсюда — в характере функциональной нагрузки тех или иных противопоставлений. Как было показано выше, положение [ь] и [ѣ] в фонологической системе древнерусского языка в отношении их противопоставлений и связи с иными гласными фонемами принципиально не отличалось от положения гласных полного образования: [ь] и [ѣ] входили в оппозиции с иными гласными точно так же, как последние — друг с другом, и [ь] и [ѣ] образовывали с иными гласными такие оппозиции, которые определяли тесные их связи в общей системе древнерусского языка. Следовательно, с точки зрения положения в системе трудно установить такие факты, которые могли бы свидетельствовать о возможной слабости позиций редуцированных.

В этом плане подобные факты можно видеть в другом, и в первую очередь — в характере тех конститутивных признаков, которые определяли отдельные гласные фонемы древнерусского языка и создавали систему противопоставленности этих признаков. В рассматриваемом отношении редуцированные оказывались действительно в особом положении, ибо они характеризовались таким признаком, который не определял отношений гласных фонем в системе и потому не мог оказаться устойчивым. Речь идет о признаке сверхкраткости, который — единственный — противопоставлял фонему [ь] фонеме [e] и фонему [ѣ] фонеме [o]. Количественные различия гласных древнерусского языка, если они и были, не являлись фонологически значимыми: гласные противопоставлялись иными признаками, вполне достаточными для такого противопоставления. И только наличие редуцированных вводило количественные отношения в фонологическую систему. Это не могло не нарушать общей симметричности системы и делало ее менее экономной и внутренне нелогичной. Утрата фонологически значимого признака сверхкраткости уничтожала противоречие в системе и устанавливала более четкие отношения между фонологическими единицами.

Но эта утрата означала и утрату [ь] и [ъ]. Следовательно, причину падения редуцированных можно было бы видеть в характере системных отношений фонологических единиц в древнерусском языке, однако едва ли возможно признать этот характер в качестве единственной такой причины. Нет сомнения в том, что какой бы характер ни носили противопоставления отличительных признаков фонем, утрата той или иной единицы не могла бы осуществиться, если бы в результате такой утраты была уничтожена или нарушена коммуникативная сторона деятельности языка как средства общения. Иначе говоря, причины сохранения или утраты данной фонологической единицы не могут не быть поставлены в связь с характером той роли, какую играла эта единица в языке как коммуникативном явлении, т. е. с характером функциональной нагрузки данной единицы в противопоставлении ее иным единицам системы. Если та или иная фонема обладала значительной функциональной нагрузкой в системе противопоставлений ее иным фонемам, то можно полагать, что даже при условии наличия каких-либо особых явлений в характере признаков, свойственных данной фонеме и определяющих ее неустойчивость в системе оппозиций, — даже при этом условии трудно ожидать утрату такой фонемы. И наоборот, слабость функциональной нагрузки может содействовать такой утрате, ибо для языка, для осуществления коммуникативных связей подобная утрата не сыграет существенной роли. Как это было показано выше (см. стр. 106—108), функциональная нагрузка оппозиций [ь] и [ъ] иным фонемам, насколько это может быть установлено в настоящее время, была такой, которая не могла противостоять давлению системы. Вполне вероятно, что более глубокое исследование проблемы функциональной нагрузки редуцированных с достаточной долей убедительности докажет действительную ее слабость в системе древнерусского языка.

В настоящее время возможно полагать, что в утрате редуцированных сыграли свою роль, по крайней мере, две причины, лежащие внутри самой языковой системы, — характер конститутивных признаков, определяющих [ь] и [ъ] и противопоставляющих их иным гласным фонемам, и слабость их функциональной нагрузки. Обе эти причины, возможно в соединении еще с какими-то, сейчас пока неизвестными, обусловили в истории древнерусского языка утрату двух гласных фонем.

Возникновение фонемы [ô] в результате утраты древних акцентно-интонационных отношений

Как предполагается в истории русского языка, падение редуцированных означало окончание той эпохи, когда в древнерусском языке сохранялись еще древние акцентно-интонационные отношения. Несмотря на то что такое утверждение трудно доказать бесспорными фактами, оно может быть принято как рабочая гипотеза, опираясь на которую возможно поставить вопрос о возникновении новой фонологической единицы, по крайней мере, в большинстве тех древнерусских диалектов, на основе которых складывался язык великорусской народности. Речь идет о том, что с утратой древних акцентно-интонационных отношений связывается появление в древнерусском языке новой гласной фонемы: так называемого напряженного или закрытого [o] ([ô]). Эта фонема возникла как отличная от открытого [o], и тем самым более древнее противопоставление [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации преобразовалось в противопоставление закрытого и открытого [o]. Возникновение [ô] на месте [o] под новым акутом означает, что различие [o] и [ô] могло осуществляться лишь там, где прежде различались [o] вне новоакутовой интонации и [o] под новым акутом, т. е. в начальном ударном слоге слова после твердых согласных. Во всех остальных позициях могло быть или только [o], или только [ô].

Таким образом, учитывая, что в подударных неначальных слогах [o] до падения редуцированных было под новым акутом, можно говорить о большей распространенности [ô] в положении под ударением и о большей распространенности [o] безударного в тех диалектах, где после падения редуцированных развилось это различие. Определенные изменения в эти отношения внесло прояснение [ъ] в [o], так как подударный [ъ] дал [o], расширив тем самым его употребление даже в неначальном ударном слоге.

К сожалению, мы не имеем и, вероятно, не будем иметь возможности установить, насколько широко был охвачен древнерусский язык этим новообразованием. Однако можно утверждать, судя по диалектным данным, что появление [ô] характеризовало не все территории древнерусского языка, и здесь прежде всего важно, что его не было на тех территориях, где позже развился украинский язык и юго-

западные белорусские говоры¹. Следовательно, это было новое новообразование, которое входило в состав особенно-стей, отделивших южные и юго-западные земли от северных и северо-восточных. С другой стороны, судя по тем же данным, [ô] не развилось и на западных русских территориях — Смоленской и Полоцкой землях, где наряду с этим возникло и раннее изменение [ě] > [e]². Вся же остальная территория будущих великорусских диалектов была охвачена этим новообразованием.

Чем объяснить все эти факты, остается до конца неясным, но возникает возможность определенных предположений в рассматриваемом плане.

Если утрата древних акцентно-интонационных отношений произошла на всей древнерусской территории, то, как кажется, следовало бы ожидать и одинаковых результатов этой утраты, полагая исходную систему единой. Если же, вопреки ожиданиям, результаты эти оказались разными, то или в исходной системе были какие-то существенные различия по диалектам, или в той системе, которая переживала утрату древних интонаций, уже развились такие особенности, которые вызывали различия в судьбе тех или иных явлений. Повторяем, решить этот вопрос окончательно не представляется возможным, хотя, как кажется, можно думать, что развитие [ô] или отсутствие этого развития связано с историей гласных средне-верхнего подъема в отдельных диалектах, точнее, с историей [ě]. Представляется неслучайным отсутствие развития [ô] в смоленских и полоцких диалектах, сосуществующее вместе с ранней утратой [ě]. Рассуждая с историко-диалектологической точки зрения, надо считать утрату [ě] как особой фонемы в этих диалектах не вторичным или, во всяком случае, более поздним фактом по сравнению с отсутствием [ô], а первичным или, по крайней мере, прошедшим ранее. Иначе говоря, представляется более верным говорить о том, что [ô] не развилось там, где ко времени утраты старых интонаций уже не было фонемы [ě]. Если вспомнить о том, что говорилось выше о положении этой фонемы в исходной системе, о ее изоляции и неустойчивости, то можно высказать предположение, что утрата [ě] могла обусловить противодейст-

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в, Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 130—132.

² См. там же.

вие возникновению [ô], ибо это возникновение вновь нарушало ту систему, которая получила более логичное построение, чем оно было при наличии [ě]. Наоборот, в тех диалектах, где ко времени утраты древних интонаций фонема [ě] сохранялась как особая единица системы, возникновение [ô] могло облегчиться, ибо появление [ô] в задней зоне образования устанавливало между [ě] и [ô] такие же отношения, какие были между [e] и [o] и между [и] и [у]. Система языка, таким образом, становилась более симметричной.

Конечно, все это лишь предположения; более того, такая постановка вопроса влечет за собой необходимость решения проблемы причинности одновременной утраты [ě] в древнерусских диалектах. Однако кажется, что поиск окончательного решения необходимо вести именно в этом направлении, ибо без учета системных отношений добиться каких-то положительных результатов здесь едва ли возможно.

Как бы то ни было, ясно одно: в эпоху после падения редуцированных на значительной территории древнерусского языка, точнее, на всех тех землях, где в XIV—XV вв. сложился великорусский язык, за исключением западных земель, развилась новая гласная фонема, включившаяся в систему и способствовавшая складыванию определенных отношений в области гласных изучаемого языка.

Функциональное объединение [и] и [ы] и превращение фонемы [ы] в разновидность фонемы [и]

Если до вторичного смягчения согласных гласные [и] и [ы], противопоставленные по признаку переднего-непереднего образования, выступали в древнерусском языке как самостоятельные фонемы, функционируя в позиции после твердых согласных, то после смягчения полумягких они, выступая соответственно только после мягких или только после твердых, оказались непротивопоставленными друг другу как независимые фонологические единицы. Признак зоны образования [и] и [ы] дефонологизовался вместе с дефонологизацией признака твердости-мягкости у парных твердых-мягких, вступавших в сочетания с [и] — [ы]. Возникли противопоставленные силлабемы «мягкий парный + [и]» || «твердый парный + [ы]», где как мягкий-твердый согласный, так и передний-непередний гласный

функционировали как потенциальные варианты одной согласной и одной гласной фонемы.

Падение редуцированных не привело к каким-либо новым изменениям в сочетаниях твердых-мягких согласных с [ы] и [и]: как и до этого процесса, так и после с [и] остался только мягкий, а с [ы] — только твердый согласный. Однако фонологическое содержание отношений согласных с [и], [ы] коренным образом изменилось. И это изменение было связано с судьбой твердости-мягкости.

Так мы сталкиваемся впервые с зависимостью фонологических отношений в области гласных от отношений в системе согласных. Конкретно в рассматриваемом случае речь идет о том, что утрата редуцированных на конце слов создала условия изолированного от последующего гласного употребления твердого-мягкого согласного. Если в словах [кон'ь] — [кон'и] до падения редуцированных [н] и [н'] были перед гласными [ъ] и [ь], с которыми они образовывали неразложимые силлабемные сочетания, то после утраты конечных [ъ] и [ь] согласные [н] и [н'] оказались в абсолютном конце слова, и их твердость или мягкость стала полностью независимым качеством. Это обстоятельство позволяет говорить и о том, что в новую эпоху формы [коны] и [кон'и] различаются не силлабемами [ны] — [н'и], а твердым-мягким [н], являющимися самостоятельными фонемами, в то время как различие [ы] и [и] полностью обусловлено твердостью-мягкостью [н].

В связи с тем что между [ы] и [и] нет никакого иного различия, кроме зоны образования, а эта последняя зависит от предшествующего согласного, — в связи с этим [ы] и [и] выступают как разновидности одной гласной фонемы. Основной вид этой фонемы определяется как [и], а разновидность — как [ы].

Процессы изменения [и] в [ы] после твердых согласных (типа *в-ыной, к-ызбе, сыграть* и т. д.), широко отраженные в памятниках и известные в современном языке, доказывают со всей очевидностью функциональное единство [и] и [ы] и указывают еще на одно принципиальное изменение. Если до смягчения полумягких наличие [ы] или [и] определяло, твердый или полумягкий согласный будет выступать в качестве представителя фонемы перед тем или другим гласным; если после смягчения полумягких качество согласного и качество гласного здесь было взаимно обусловлено, — то после падения редуцированных твер-

дость-мягкость согласных определяет, какой будет следовать далее гласный — [ы] или [и].

Превращение [ы] в разновидность фонемы [и] завершило в эту эпоху процесс утраты еще одной самостоятельной гласной фонемы в древнерусском языке, процесс, начавшийся в период после смягчения полумягких согласных¹.

Проблема фонологической интерпретации отношений между [е] и [о]

Проблема фонологической интерпретации [е] и [о] оказывается различно решаемой для разных этапов развития древнерусского языка. Она относительно просто решалась для эпохи до смягчения полумягких: возможность употребления [е] и [о] в тождественных фонетических условиях, после одних и тех же твердых согласных, давала возможность толкования их как двух самостоятельных фонем древнерусского языка, хотя [о] одновременно никогда не выступало после исконно мягких, а [е] — после заднеязычных, т. е. условия противопоставления [е] и [о] были ограниченными.

После смягчения полумягких отношения между этими двумя фонемами усложнились: неразрывная связь [е] с предшествующим мягким согласным параллельно с такой же связью [о] с твердым превращала такие сочетания в силлабемы, хотя и с более ослабленной связью элементов, чем в силлабемах с [и] — [ы]. В то же самое время в этот период были утрачены все условия противопоставления [е] и [о] друг другу в тождественных позициях. Все это как будто бы приводит к мысли о том, что после смягчения полумягких [е] и [о] стали выступать как потенциальные разновидности одной фонемы. Однако такой вывод не представляется верным, и выше было выдвинуто положение, согласно которому и в этот период [е] и [о] сохраняли свою фонологическую самостоятельность и являлись двумя разными фонемами древнерусского языка, хотя и не противопоставленными друг другу, но равно противопоставленными одним и тем же фонологическим единицам.

¹ Подробное рассмотрение истории отношений [и] и [ы] дано в статье Р. И. Аванесова «Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*». «Вестник МГУ», 1947, № 1.

Фонологическая интерпретация отношений между [e] и [o] после падения редуцированных связана вновь с рядом сложных вопросов и потому требует специального рассмотрения. Это тем более очевидно, если учесть, что признание [e] и [o] самостоятельными фонемами или разновидностями одной фонемы обуславливает различное понимание фонемного состава гласных в этот период.

Решая поставленный вопрос, необходимо расчленим его по крайней мере на три частных — на вопрос о характере фонологических отношений между [e] и [o] до изменения [e] > [ʰo] перед твердыми согласными, на вопрос о характере этих отношений после изменения [e] > [ʰo] и, наконец, на вопрос о характере фонологических связей [e] и [o] при наличии [ʰo] на месте [e] не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными. При этом в связи с тем, что процесс изменения [ě] в диалектах севера и северо-востока проходил в общем позже изменения [e] в [ʰo], все поставленные вопросы решаются при предположении о сохранении [ě] как особой фонемы в системе изучаемого языка.

Итак, обращаясь к вопросу о фонологических отношениях [e] и [o] после падения редуцированных, но до изменения [e] > [ʰo], надо признать, что по сравнению с предшествующей эпохой в новый период эти отношения стали в определенной степени яснее. Если после смягчения полумягких в сочетаниях «мягкий парный + [e]» || «твердый парный + [o]» качество согласного по мягкости-твердости полностью определялось положением перед передним или непредним гласным, а переднее или непреднее образование гласного также полностью определялось положением после мягкого-твердого согласного, то после падения редуцированных зависимость оказалась действительной только по отношению к гласным: мягкость-твердость согласного, как уже говорилось, полностью освободилась от позиционной обусловленности и стала независимым качеством согласных. Однако, говоря о зависимости качества гласного от мягкости-твердости согласного применительно к [e] и [o], эту зависимость можно признать лишь по отношению к зоне образования этих гласных. Тот же факт, что [e] отличается от [o] отсутствием лабиализации, а [o] от [e] — наличием этого признака, не зависит от мягкости-твердости согласного. Можно вновь обратить внимание, что так обстояло дело и до падения редуцированных в эпоху развития согласных вторичного смягчения. Значит, отношения

между сочетаниями «мягкий парный + [e]» || «твердый парный + [o]» не равны отношениям между сочетаниями «мягкий парный + [и]» || «твердый парный + [ы]», где отличия между [и] и [ы] связаны только с зоной образования и, при условии независимости мягкости-твердости согласного, полностью обусловлены положением после определенных согласных. А отсюда можно сделать вывод, что если [и] и [ы] после падения редуцированных функционируют как разновидности одной фонемы, то в отношении [e] и [o] такое решение вопроса не представляется правомерным.

Однако известно, что в истории русского языка существует точка зрения, согласно которой в эпоху после падения редуцированных как до изменения, так и после изменения [e] в [o] гласные [e] и [o] являлись разновидностями одной фонемы¹. Эта точка зрения основывается на простом и вполне очевидном факте, заключающемся в том, что [e] и [o] в эту эпоху находились в отношениях дополнительной дистрибуции. Они не выступали в тождественных фонетических условиях и потому не могли противопоставляться друг другу.

Здесь вновь возникает тот принципиальный вопрос, который ставился уже выше: можно ли считать две звуковые единицы, которые не могут быть противопоставлены друг другу в тождественных фонетических условиях, всегда разновидностями одной фонемы? Рассматривая принцип дополнительной дистрибуции, мы уже говорили о тех границах, в пределах которых он может и должен быть применен при решении проблемы тождества и различия фонологических единиц (см. стр. 25—27). Сейчас к сказанному ранее следует добавить еще несколько слов.

В той системе, какая стала складываться в древнерусском языке после падения редуцированных, отношения, подобные отношениям между [e] и [o], были характерны и для отношений между [ě] и [ô]: и эти две звуковые единицы не могли употребляться по отношению друг к другу в тождественной фонетической позиции, и эти две единицы отличались друг от друга отсутствием — наличием лабиализации, т. е. признаком, не обусловленным мягкостью-твердостью предшествующего согласного. Следовательно, и для фонологической интерпретации отношений между [ě]

¹ См., например: Л. Э. К а л н ы н ь, Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем..., стр. 45.

и [ô] необходимо решить тот же вопрос, что и для интерпретации этих отношений между [e] и [o].

Итак, если сопоставить отношения между [т'и] и [ты], [т'а] и [та], [т'у] и [ту] (обозначив через [т'], [т] любой парный мягкий-твердый согласный) с отношениями между [т'е] и [то], [т'ё] и [тô], то можно установить, что во всех этих сочетаниях есть то общее, что гласные в каждой паре находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, однако при этом в первой группе сочетаний различия между [и] и [ы], [а] и [а], [у] и [у] обусловлены полностью мягкостью-твердостью предшествующего согласного, во второй же группе эти различия обусловлены качеством согласного лишь частично: признак отсутствия — наличия лабиализации оказывается независимым. Отсюда можно сделать вывод о том, что [e] и [o], [ě] и [ô] находятся в таких отношениях, когда применение принципа дополнительной дистрибуции оказывается недостаточным для признания их аллофонами одной фонемы.

Выше было сформулировано положение, что аллофонами одной фонемы две звуковые единицы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, будут, во-первых, тогда, когда они обладают большинством общих конститутивных признаков. Это значит, что при таком определении необходим учет общности физиолого-акустической характеристики звуковых единиц, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции.

Вместе с тем две звуковые единицы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, будут являться аллофонами одной фонемы лишь в том случае, если они не только обладают определенной совокупностью общих физиолого-акустических признаков, но и отличаются таким или такими признаками, которые полностью обусловлены положением этих единиц на синтагматической оси. Если же две звуковые единицы, обладающие такой совокупностью общих физиолого-акустических признаков, в то же время отличаются таким или такими признаками, которые не обусловлены положением этих единиц на синтагматической оси, — эти две единицы не могут быть признаны аллофонами одной фонемы (см. стр. 26—27). Именно с этой точки зрения отношения как между [e] и [o], так и между [ě] и [ô] не могут быть признаны отношениями разновидностей одной фонемы.

Однако факт отсутствия возможности употребления [e] и [o] в тождественной фонетической позиции остается дей-

ствительным и требует дополнительного истолкования. Как представляется, сама, по себе невозможность употребления двух звуковых единиц в одной позиции не имеет отношения к проблеме фонологического тождества и различия. Возможность или невозможность такого употребления в системе, сложившимся на протяжении истории, возможностями этой сочетаемости, разрешаемыми и не разрешаемыми системой, распространенностью или ограниченностью распространения единиц в потоке речи. И поэтому для решения проблемы фонологического тождества и различия оказываются более важными факты, связанные с характером противопоставленности звуковых единиц в целостной системе.

В этом плане важно обратить внимание на то, что [e] и [o], так же как [ě] и [ô], не противопоставляясь друг другу, в то же время противопоставлялись иным фонемам, в том числе одним и тем же. Так, [e] противопоставлялось в тождественных условиях фонемам [i], [y], [a] и [ě], а [o] — [и] (в ее разновидности [ы]), [y], [a] и [ô]; [ě] противопоставлялось [и], [y], [a] и [e], а [ô] — [и], [y], [a] и [o]. Следовательно, [e] и [ě] функционировали как самостоятельные фонемы по отношению к тем трем фонемам, по отношению к которым также как самостоятельные фонемы функционировали [o] и [ô].

Все сказанное приводит к выводу о том, что в рассматриваемый период [e] и [o], точно так же как [ě] и [ô], являлись самостоятельными фонемами древнерусского языка, а не разновидностями одной фонемы.

Ко всему этому, наконец, надо добавить еще и то, что до изменения [e] в [’o] не могло быть чередования [e] и [o] в пределах одной корневой морфемы, и поэтому и в данном плане они были независимы по отношению друг к другу.

Положение серьезно осложнилось, когда произошло изменение [e] в [’o]. Это изменение, осуществившееся, как известно, перед твердыми согласными и действительное для исконного [e] и для [e] из [ь], обусловило прежде всего то, что в пределах одной морфемы после мягкого согласного стало возможно появление [e] или [’o] в зависимости от мягкости-твердости последующего согласного ([t’et’] || [t’ot’], т. е. отношения типа [с’ѣл’скои] / [с’ола], [в’ес’ѣл’и] / [в’ес’олои]). С другой стороны, сохранялось большое число слов и форм, характеризующихся тем, что в звуко-

вой оболочке составляющих их морфем мог выступать только гласный [e], и при словоизменении здесь не возникало чередования [e] с [ʼo], так как в подобных словах [e] оказывался всегда перед мягким согласным. К таким словам и формам относились в древнерусском языке, например, *беленъ* — «белена», *берегоу*, *бережеши*, *беречи*, *берегъ*, *береза*, *беремъ*, *бересто*, *бесѣда*, *великыи*, *величати*, *вельти*, *вещь*, *дебелыи*, *дѣлать*, *дѣньга*, *дерево*, *деревни*, *дешевыи* и мн. др. Вместе с тем сохранялись и существовали слова и формы с [o] после твердого согласного, как это было и до изменения [e] в [ʼo]. Следовательно, могли существовать морфемы, имеющие только [o], имеющие только [e] и, наконец, знающие чередование [e/ʼo]. При этом в позиции после мягкого согласного перед твердым наличие [o] обязательно определялось тем, что в той же морфеме, но в иной словоформе на месте этого [o] после мягкого перед мягким в этой последней позиции выступала только фонема [e]. В тех случаях, когда в пределах морфемы выступала только фонема [e], она выступала лишь перед мягким согласным, т. е. аллофоном этой фонемы был [ĕ]. Вопрос о том, как произносились слова с древним сочетанием **tbrt* в эпоху изменения [e] в [ʼo], остается открытым и, как кажется, не поддающимся однозначному решению; возможно также, что в эту эпоху заимствования из старославянского языка могли иметь [e], не изменившийся в [ʼo] (типа *крестъ*, *небо*, *перстъ*), но насколько они были распространены в живом древнерусском языке, остается только гадать.

Если учесть, что фонема [o], таким образом, оказалась возможной перед твердым согласным как после твердого, так и после мягкого, то надо признать, что в сочетаниях типа [тот] — [т'от] выступали две разновидности фонемы [o]. С другой стороны, если сочетание [т'от] входило в такую морфему, которая знала чередование [e/ʼo], то в этом случае [ʼo] и [e] после мягкого оказываются также разновидностями одной фонемы. Однако, как говорилось, в том случае, когда [e] оказывался между мягкими, он становился напряженным и, как видно, совпадал по своему качеству с [ĕ]. В то же время сама фонема [ĕ] употреблялась после мягкого как перед твердым, так и перед мягким согласным.

Во всех приведенных выше рассуждениях нетрудно заметить то новое, что возникло лишь после падения редуцированных, — влияние последующего согласного на пред-

шествующий гласный. Как известно, изменение характера слоговой структуры древнерусского языка после падения редуцированных выразилось и в развитии воздействия согласного на предшествующий гласный, что было исключено в эпоху сохранения тенденции к открытости слога. Это воздействие выражалось в появлении напряженности в позиции между мягкими согласными под ударением у передних гласных и в той или иной степени передвижки в переднюю зону у задних гласных.

С этой точки зрения можно представить себе те отношения в системе древнерусского языка в области гласных, которые сложились после падения редуцированных и изменения [e] в [ʼo], но до появления [o] по аналогии между мягкими согласными и до распространения слов с [e] после мягких перед твердыми:

в позиции
после твердых
перед твердыми

[тат]
[тут]
[тыт]
[тот]
[тот̣]

в позиции
после твердых
перед мягкими

[та·тʼ]
[ту·тʼ]
[ты·тʼ]
[то·тʼ]
[то̣·тʼ]

в позиции
после мягких
перед твердыми

[тʼат]
[тʼут]
[тʼит]
[тʼот]
[тʼёт]

в позиции
после мягких
перед мягкими

[тʼātʼ]
[тʼūtʼ]
[тʼītʼ]
[тʼētʼ]
[тʼётʼ]

Эта схема действительна для ударного слога слова, ибо в безударных слогах, даже при отсутствии редукции, передние гласные не были напряженными, а [ô] вообще отсутствовал.

Представленная схема показывает, что в зоне нижнего подъема фонема [a] выступает в четырех разновидностях — [a], [aʼ], [ʼa], [ā]; в зоне верхнего подъема фонемы [y] и [и] — тоже в четырех — [y], [yʼ], [ʼy], [ÿ], и [ы], [ыʼ], [и], [ÿ]. Что же касается фонем среднего и средне-верхнего

подъема [e], [o], [ě] и [ô], то здесь отношения оказываются более сложными. В этой системе аллофоном фонемы [e] является только гласный [ê], совпадающий по качеству с [e], представлявшим собой также напряженный [ê]. Во-вторых, в этой системе обнаруживаются закономерные отношения в распределении [o] и [e], с одной стороны, и [ô] и [ě] — с другой. Фонема [o] выступает в трех своих разновидностях — [o], [o·], [·o] — во всех позициях, кроме положения между мягкими, где может быть лишь [ê]; фонема [ô] выступает лишь после твердых согласных как перед твердыми, так и перед мягкими, имея, таким образом, две разновидности — [ô] и [ô·]; в положении после мягкого перед твердым и перед мягким выступает только [ê], т. е. [ê].

Отсюда можно сделать вывод, что если в положении после мягкого перед твердым-мягким существовало чередование [·a || ä], [·y || ŷ], [и || î], то одновременно с этим было чередование [·o || ê] и отсутствовало чередование у [ê]. Таким образом, возникает перекрещивающийся ряд:

после мягкого перед твердым

[·o]
[ê]

после мягкого перед мягким

[ê]

Однако чередование [·o || ê] возможно обнаружить лишь в том случае, если исконный гласный [e] или [e] из [ь] в пределах данной морфемы мог оказываться как перед твердым, так и перед мягким согласным (типа [д'он] || [д'ён']). Если же такого положения не было, то, вообще говоря, [ê] как аллофон [e] оказывается изолированным от [o] и точно так же, как и [ě], не находится с [o] в таких отношениях, которые давали бы возможность истолковать их как отношения разновидностей одной фонемы.

Если считать, что в безударных слогах [e] и [и] между мягкими не испытывали усиления напряженности, а [ô] отсутствовал, то [ê] был аллофоном особой фонемы, единственной в зоне средне-верхнего подъема; что же касается [e] и [o], то их отношения в фонологическом плане оставались такими же, как и отношение [ê] и [·o] в ударной позиции.

Итак, отношения между [e] и [o] после изменения [e] в [·o] представляют своеобразие в том смысле, что они

выступают в языке в этот период истории то как разновидности одной фонемы, обеспечивая тождество морфемы, то как самостоятельные фонемы, противопоставленные одним и тем же, а иногда разным членам фонологической системы.

Двойственные отношения между [e] и [o] не могли, конечно, оказаться устойчивым явлением, однако едва ли в системе языка мог развиваться процесс, ведущий к полному превращению этих двух единиц только в аллофоны одной фонемы; скорее, можно было ожидать усиление самостоятельности [e] и [o] по отношению друг к другу. Надо иметь в виду, что с точки зрения системных отношений само изменение [e] в [o] вело к укреплению параллелизма, симметричности в области вокализма. Эта симметричность выразилась в том, что система гласных становилась более однообразной после твердых и после мягких согласных. Если до изменения [e] в [o] вокализм после твердых выглядел как [та — ту — ты — то — tō], а после мягких — как [t'а — t'у — t'и — t'е — t'ě], то после этого изменения последний выравнивал одно звено и стал выглядеть как [t'а — t'у — t'и — t'o — t'ě]. Так было в ударных слогах и в позиции перед твердым согласным. В позиции же перед мягким согласным отношения оставались теми же, какими они были и до изменения [e] в [o]. Отсюда в плане укрепления системности должен был развиваться [o] на месте [e] и в позиции перед мягким согласным. В этом случае симметричность в отношении [e] — [o] оказалась проведенной в подударной позиции равно как перед твердым, так и перед мягким согласным. Оставалось, таким образом, лишь одно звено в вокализме, выпадающее из общей системы, — звено гласных средне-верхнего подъема. При этом если в подударной позиции это звено включало две гласные фонемы, что, вероятно, как-то усиливало его устойчивость, то в позициях без ударения, при отсутствии [ō], фонема [ě] оказывалась вообще изолированной. Не явилось ли это тем обстоятельством, которое, вместе с иными причинами, обусловило более раннее изменение [ě] в безударных позициях?

В тех русских диалектах, где к изучаемому периоду времени произошло совпадение [ě] с [e] и где не развилось фонемы [ō], — в этих диалектах развитие изменения [e] в [o] и появление [o] в позиции после мягкого не только перед твердым, но и перед мягким согласным привели к полному параллелизму системы вокализма после твердых

и после мягких согласных. Эту систему следует, как видно, признать наиболее устойчивой, хотя и в ней, в результате появления [e] на месте [ě] и сохранения его без изменения в [o], оказалось звено, не имеющее параллелизма: позиция перед этим [e] стала позицией нейтрализации твердости-мягкости. Как известно, подобная система, характерная в древности западным диалектам, позже оказалась во многих русских говорах и в современном литературном языке. Таким образом, вокализм такой системы может быть представлен в следующем виде:

после твердых

[ta]

[ty]

[ты]

[to]

—

после мягких

[t'·a]

[t'·y]

[t'и]

[t'·o]

[t'e]

И вновь можно поставить вопрос: не является ли наличие в системе звена [t'e], изолированного от общих отношений, тем фактом, который в числе прочих обусловил отвержение шипящих и [ц'], а в дальнейшем — развитие произношения твердых согласных перед [e], все шире охватывающее русский язык в его истории?

Оппозиции гласных фонем и условия их функционирования

Как известно, если до смягчения полумягких согласных гласные фонемы характеризовались тремя основными конститутивными признаками — по зоне образования, степени подъема языка и наличию-отсутствию лабиализации, то после смягчения полумягких признаков зоны образования пережил дефонологизацию. И хотя каждая гласная фонема и в эту эпоху могла быть охарактеризована по данному признаку, в системе противопоставления гласных зона образования утратила свою фонологичность и вместе с твердостью-мягкостью предшествующего согласного стала обусловленным качеством. Это не означает, конечно, что в рассматриваемый период истории зона образования гласных варьировалась, так же как это стало позже, в зависимости от качества соседних согласных: для такого явления время еще не наступило, но осуществился уже тот факт, что из всех

гласных фонем две — [a] и [y] — оказались равно употребительными после твердых и после мягких согласных, что обусловило возможность в определенной степени варьирования этих гласных по признаку зоны образования. Все же остальные гласные фонемы были возможны лишь после определенных по качеству согласных и выступали лишь в одном своем аллофоне, который мог быть или передним или непредним гласным. Именно в этом смысле и только в этом смысле можно говорить об утрате зоной образования гласных фонологической самостоятельности после смягчения полумягких согласных.

Падение редуцированных, освободив полностью твердость-мягкость от позиционной обусловленности, привело к развитию такой же полной зависимости зоны образования гласных от качества предшествующего согласного, а возникновение и распространение закрытых слогов — зависимости зоны образования и от качества последующего согласного. В результате этого после падения редуцированных гласные фонемы сохранили только два конститутивных признака — степень подъема языка и наличие-отсутствие лабиализации: зона образования гласного стала переменным признаком, варьирующимся в зависимости от твердости-мягкости соседних согласных. Указанные два признака стали единственными противоположающимися гласные фонемы друг другу в качестве дифференциальных, ибо с утратой редуцированных количественные различия полностью перестали иметь фонологическую значимость.

В связи со сказанным оппозиции гласных фонем после падения редуцированных значительно упростились. Это сказалось и в уменьшении их общего количества, что было связано с уменьшением самого состава гласных. Гласные фонемы диалектов, сохранявших [ě] и развивших [ô], образовывали всего 21 оппозицию, а гласные фонемы диалектов без [ě] и [ô] — только 10.

Рассмотрим оппозиции гласных в системе с [ě] и [ô].

Оппозицию с общим основанием «верхний подъем» и ДП «наличие — отсутствие лабиализации» образовывали фонемы [и] — [y];

оппозицию с общим основанием «средний подъем» и с тем же ДП — фонемы [e] — [o];

оппозицию с общим основанием «средне-верхний подъем» и с тем же ДП — фонемы [ě] — [ô].

Две последние оппозиции для эпохи, непосредственно следующей за падением редуцированных, могут быть построены лишь теоретически, так как по условиям функционирования системы языка этого периода данные фонемы практически не были противопоставлены друг другу в той же фonetической позиции. Поэтому хотя в теоретическом плане эти три оппозиции могли бы считаться одномерными пропорциональными, в действительности была лишь оппозиция [и] — [y], являвшаяся одномерной и изолированной. С точки зрения внутренних отношений эта оппозиция может быть расценена как привативная с маркированным членом [y] и немаркированным [и].

С общим основанием «отсутствие лабиализации» образовывались следующие оппозиции:

[и] — [ě]	ДП верхний — средне-верхний подъем;
[и] — [e]	ДП верхний — средний подъем;
[и] — [a]	ДП верхний — нижний подъем;
[ě] — [e]	ДП средне-верхний — средний подъем;
[ě] — [a]	ДП средне-верхний — нижний подъем;
[e] — [a]	ДП средний — нижний подъем.

Оппозиции с общим основанием «наличие лабиализации» образовывались фонемами:

[y] — [ô]	ДП верхний — средне-верхний подъем;
[iy] — [o]	ДП верхний — средний подъем;
[ô] — [o]	ДП средне-верхний — средний подъем.

Все оппозиции обеих этих групп являлись многомерными; при этом оппозиции [и] — [a], [ě] — [a] и [e] — [a] были изолированными, а остальные — пропорциональными:

$$\begin{aligned} [и — ě] &= [y — ô]; \\ [и — e] &= [y — o]; \\ [ě — e] &= [ô — o]. \end{aligned}$$

С точки зрения внутренних отношений все эти оппозиции следует расценить как градуальные.

Все остальные оппозиции образовывались с общим основанием «гласность», — иных общих признаков у вступавших в оппозиции фонем здесь не было. К таким противопоставлениям относились:

[и] — [ô]	ДП верхний — средне-верхний подъем и отсутствие — наличие лабиализации;
-----------	---

[и] — [о]	ДП верхний — средний подъем и отсутствие — наличие лабиализации;
[y] — [ě]	ДП верхний — средне-верхний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[y] — [e]	ДП верхний — средний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[y] — [a]	ДП верхний — нижний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[ě] — [о]	средне-верхний — средний подъем и отсутствие — наличие лабиализации;
[ô] — [e]	ДП средне-верхний — средний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[ô] — [a]	ДП средне-верхний — нижний подъем и наличие — отсутствие лабиализации;
[о] — [a]	ДП средний — нижний подъем и наличие — отсутствие лабиализации.

Все эти оппозиции являлись также многомерными, но изолированными; в плане же отношений между членами оппозиций их, вероятно, надо считать эквиолентными, хотя по одному ДП — степени подъема языка — они могли бы быть истолкованы как градуальные, а по второму ДП — как привативные с маркированным лабиализованным членом и немаркированным нелабиализованным.

Надо сказать также, что в этой последней группе оппозиций одна — [ô] — [e] — представляет, как и ранее рассмотренные [e] — [о] и [ě] — [ô], лишь теоретическое построение: в системе древнерусского языка она не функционировала, так как [ô] и [e] не выступали в тождественных фонетических условиях.

Таким образом, фактически в эпоху, непосредственно следующую за падением редуцированных, система гласных фонем образовывала 18 оппозиций, функционировавших в диалектах, знавших [ě] и [ô], как внутри, так и на стыке морфем.

В тех диалектах, где не было ни [ě], ни [ô], теоретически было возможно 10 оппозиций, а фактически — 9, так как оппозиция [e] — [о] не функционировала по указанным выше причинам. В этих диалектах выступали те же оппозиции, что и в говорах с [ě] и [ô], образовывавшиеся по тем же ДП, за исключением тех, которые были связаны с гласными средне-верхнего подъема.

Таким образом, оказывается, что после падения редуцированных не только изменился в сторону уменьшения

сам состав гласных фонем и их оппозиций, но и соотношение одномерных и многомерных оппозиций: в новой системе оказалась только одна одномерная оппозиция, все же остальные были многомерными. Если считать, как уже говорилось выше, что одномерные оппозиции представляют важный элемент системы, спаивающий воедино все ее части, то отсутствие, по существу, этих оппозиций может говорить лишь о слабости внутренних связей этой системы. Однако при этом не следует упускать из виду, что такая внутренняя слабость связей в системе гласных компенсировалась усилением внутренних связей в системе согласных, взявшей на себя всю тяжесть фонологических противопоставлений. Иначе говоря, расшатыванию системы вокализма после падения редуцированных сопутствовало укрепление системы согласных, где развивались коррелятивные отношения, обуславливающие устойчивость всей фонологической системы.

Точно так же, как изменился состав оппозиций гласных фонем, изменились и условия их функционирования, причем в ряде случаев эти изменения были очень ощутимыми.

Если внимательно рассмотреть все те оппозиции гласных, которые были представлены выше, то можно установить, что во многих случаях характер их функционирования претерпел серьезные изменения не только по сравнению с концом X — началом XI в., но и по сравнению с относительно близким по времени периодом после смягчения полумягких. При этом направление таких изменений определялось тем, что оппозиции гласных оказались возможными равно как после твердых, так и после мягких согласных, что почти было исключено в период после смягчения полумягких и носило более ограниченный характер в ранний период истории русского языка. Это обстоятельство объясняется освобождением твердости-мягкости от позиционной зависимости и развивающейся зависимостью системы гласных от системы согласных. Это последнее обусловило и значительное разнообразие аллофонов одной гласной фонемы, что также, по существу, отсутствовало в эпохи до падения редуцированных.

В качестве иллюстрации таких изменений можно рассмотреть функционирование оппозиции [и] — [о].

Эта оппозиция выступала внутри и на стыке морфем как после твердых, так и после мягких согласных, причем во внутриморфемном положении она выступала не после всех

мягких, а только после вторичноослабленных и шипящих, кроме [ж' д']. При этом в позиции после твердых согласных [o] восходит к [o] вне новоаккутовой интонации и к [ъ], а после мягких — к [e]. Поэтому оппозиция [и] — [o] с [o] исконным и из [ъ] выступает как перед твердым, так и перед мягким согласным, а эта же оппозиция с [o] из [e] — только перед твердым. В абсолютном конце слов оппозиция [и] — [o] функционировала только после твердых согласных в безударных слогах. Аллофонами фонем данной оппозиции были [ы], [ы'], [и] и [o], [o'], [o''].
 Можно считать, что функциональная нагрузка оппозиции [и] — [o] внутри морфем складывается из тех фактов, которые определяли эту нагрузку до падения редуцированных у прежних оппозиций [ы] — [o], [ы] — [ъ] с сильным [ъ] после твердых согласных и [и] — [e], [и] — [ы] с сильным [ы] после мягких перед твердыми согласными. Таким образом, характеризуя функциональную нагрузку новой оппозиции [и] — [o], можно привести следующие факты:

старая оппозиция [ы] — [o]: *быкъ — бокъ, боль — боль, дымъ — домъ, дыръ (от дыра) — доръ (от драги), кивати — ковати, мыли — моли (от моль), ны — но, рыбъ — робъ;*
 старая оппозиция [ы] — [ъ]: *рытъ (от рыти) — ротъ, сынъ — сонъ, сытъ — сотъ (от сто), хызъ — хозъ;*
 старая оппозиция [и] — [e]: (предполагается изменение [e] > [o]) *милъ — мелъ (lм'ол), сило — «петля» — село (lс'олó), читъ — четъ (lч'от);*

старая оппозиция [и] — [ы] не дает таких фактов, которые определяли бы ее функциональную нагрузку при преобразовании данной оппозиции в оппозицию [и] — [o] после мягкого согласного.

Что касается стыка морфем, то здесь функциональная нагрузка рассматриваемой оппозиции определяется теми же фактами, которыми она определялась прежде у оппозиции [ы] — [o] после твердых и [и] — [e] после мягких перед твердыми согласными. Здесь речь идет о противопоставлении форм тв. и местн. п. ед. ч. кратких прилагательных с твердой основой (типа *добрымъ — добромъ*, возможно, уже с твердым [м]) и форм этих же падежей некоторых неличных местоимений: *чимъ — чемъ, моимъ — моемъ, нашимъ — нашею, симъ — сему* (с учетом возможного отвер-

ения [м] и изменением [e] > ['o] формы, данные с [e], могут быть представлены как [ч'ом], [мој'ом], [наш'ом], [о'ом]). В абсолютном конце слов нагрузка оппозиции [и] — [о] равна нагрузке прежней оппозиции [ы] — [о].

* * *

Итак, рассмотрение системы гласных фонем древнерусского языка эпохи после падения редуцированных показывает, что основным процессом, вызванным утратой [ѣ] и [ь] и определившим дальнейшее развитие вокализма русского языка, явилось возникновение зависимости гласных от качества соседних согласных. Это обстоятельство обусловило утрату конститутивного и дифференциального признака зоны образования гласных, превращение этого признака в полностью обусловленный твердостью-мягкостью предшествующих и последующих согласных. Отсюда вытекает та возможность многообразия аллофонов одной фонемы, которая стала характерна для системы вокализма древнерусского языка. Уменьшив число гласных фонем и подчинив качество гласных качеству соседних согласных, падение редуцированных привело к ослаблению фонологической значимости вокализма в общей системе древнерусского языка.

Однако до возникновения аканья, которое, как результат редукции гласных, вызвало неразличение некоторых из них в безударных слогах, а отсюда — еще более выраженное ослабление фонологической роли вокализма, — до этого времени система гласных одинаково функционировала как в ударных, так и в безударных слогах. И только отсутствие [ô] в положении без ударения в тех диалектах, где эта фонема вообще развилась, характеризовало отличия в ударном и безударном вокализме. Однако это отсутствие [ô] в слогах без ударения нельзя расценивать как факт нейтрализации [ô] и [o], ибо оно объясняется не характером функционирования системы изучаемой эпохи, а условиями происхождения фонемы [ô].

Таким образом, после падения редуцированных в диалектах, сохранивших [ě] и развивших [ô], сложился семифонемный состав гласных. В него входили гласные верхнего подъема [и], [у], гласные средне-верхнего подъема [ě], [ô], гласные среднего подъема [e], [o] и гласная нижнего подъема [a]. Каждая из этих фонем характеризовалась,

кроме степени подъема, еще признаком наличия-отсутствия лабиализации. В тех диалектах с семифонемным составом гласных, которые знали изменение [e] в [ʰo] перед твердым согласным, фонема [e] функционировала только в позиции между мягкими, выступая под ударением в аллофоне [ê] и совпадая, таким образом, с фонемой [ě]. Следовательно, в таких диалектах развивалась позиция нейтрализации этих двух фонем. Фонема же [o] в этом случае функционировала не только после твердых, но и после мягких перед твердыми согласными.

В то же время в тех диалектах, которые не знали изменения [e] в [ʰo], фонема [e] выступала как перед мягкими, так и перед твердыми согласными и аллофонами ее были [e] и [ê]; и здесь возникала позиция нейтрализации [ě] и [e], однако если в диалектах с [ʰo] на месте [e] не было позиции различия [ě] и [e], то в диалектах без [ʰo] такие позиции были. Фонема [o] в последних диалектах выступала только после твердых согласных.

Диалекты запада и северо-запада, утратившие [ě] и не развившие [ô], характеризовались пятифонемным составом гласных, причем при наличии или отсутствии изменения [e] > [ʰo] характер функционирования фонем [e] и [o] менялся так же, как и в диалектах с семифонемным составом. Однако в то же время здесь отсутствовала полностью позиция нейтрализации, ибо аллофон фонемы [e] — [ê] не совпадал по качеству с аллофоном никакой другой фонемы.

Дальнейшее развитие вокализма русского языка было связано с утратой [ě] и [ô] в отдельных диалектах и с развитием аканья и сопутствующих ему явлений. Эти вопросы остаются за пределами настоящей работы и требуют специального изучения.

Проблемы фонологического описания согласных эпохи после падения редуцированных

Если фонологические отношения в области гласных требовали подробного рассмотрения, ибо они недостаточно разрабатывались в предшествующей науке об истории русского языка в том смысле, что не подвергалась исследованию вся совокупность явлений этой стороны системы (хотя, конечно, многие проблемы ставились и успешно решались), — то фонологические отношения в области консонансов

нантизма, наоборот, описывались уже достаточно подробно. Более того, надо сказать, что в работе Л. Э. Калнынь, посвященной истории категории твердости-мягкости согласных в русском языке¹, и Н. И. Самуйловой об истории категории глухости-звонкости² были поставлены и решены проблемы развития основных сторон системы согласных фонем древнерусского языка. Учитывая тот факт, что главное внимание в этих работах было уделено эпохе после падения редуцированных, хотя в достаточной степени освещались и более ранние периоды, — представляется нецелесообразным ставить и решать эти проблемы заново. Это, конечно, не означает, что можно просто сослаться на указанные работы и не рассматривать совершенно вопросы истории категории твердости-мягкости и глухости-звонкости согласных. Нетрудно заметить, что при описании исходной системы и системы, сложившейся после смягчения полумягких согласных, проблемы истории этих двух категорий ставились в настоящей работе с определенной долей полноты. Это объясняется как тем, что в исследованиях Л. Э. Калнынь и Н. И. Самуйловой некоторые вопросы истории категории твердости-мягкости и глухости-звонкости не получили достаточного освещения (к ним, в частности, относится вопрос о функциональной нагрузке оппозиций твердых-мягких и глухих-звонких), так и тем, что в самом решении поставленных проблем обнаруживаются некоторые такие моменты, которые не представляются вполне бесспорными. Именно поэтому, не вступая даже в ряде случаев в открытую полемику, мы сочли необходимым подробно рассмотреть вопросы истории категорий твердости-мягкости и глухости-звонкости в эпохи, предшествующие падению редуцированных, с тем чтобы обосновать то понимание этой истории, какое представляется нам более приемлемым.

Это обстоятельство обуславливает и то, что оказывается необходимым уделить внимание этим вопросам и при описании фонологических отношений в области согласных в древнерусском языке после падения редуцированных.

¹ См.: Л. Э. К а л н ы н ь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, М., 1956.

² См.: Н. И. С а м у й л о в а, Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Канд. дисс., МГУ, 1963.

Это кажется необходимым прежде всего для того, чтобы обозначить линии преемственности и развития от эпох до утраты [ъ] и [ь] к эпохе после этой утраты. Однако вместе с тем, считая решение вопросов, связанных с историей категорий твердости-мягкости и глухости-звонкости после падения редуцированных, в работах Л. Э. Калнынь Н. И. Самуиловой вполне правомерным, мы не будем останавливаться на них так подробно, как это должно было бы быть при отсутствии указанных исследований.

Поэтому при описании системы согласных и фонологических отношений в этой области в языке середины XII и последующих веков в настоящей работе в определенной степени будут поставлены все вопросы, которые представляются относящимися к этому описанию, но одни из них кажутся требующими более подробного рассмотрения, тогда как другие могут быть охарактеризованы с опорой на те выводы, какие были получены в предшествующих исследованиях. Конечно, подобное различие может внести определенную диспропорцию в описание консонантной системы, когда более важные ее категории окажутся представленными в явно кратком изложении, а менее важные — в более подробном. Однако такая диспропорция кажется оправданной, если учитывать все то, что было сказано выше об изучении истории системы согласных и фонологических отношений в этой системе.

Изменения в составе согласных фонем древнерусского языка после падения редуцированных

Падение редуцированных оказало определенное, хотя и незначительное влияние на изменение состава согласных фонем. По существу, здесь возможно говорить только о появлении новой пары согласных фонем [ф] — [ф'], однако ее развитие едва ли может быть отнесено непосредственно к эпохе утраты [ъ] и [ь]. Падение редуцированных вызвало, как известно, лишь появление разновидностей парных губно-зубных фонем [в] — [в'] в виде [ф] — [ф'], развившихся на конце слова и перед глухими согласными. Такое позиционное явление имело, правда, принципиальное значение, ибо возникла такая артикуляция, которая не была свойственна языку в ранние эпохи, но оно само по себе еще не создало новых особых фонологических единиц. Развитие этих последних в русском языке, как видно, было связано

не только с усвоением заимствованных слов с [ф] — [ф'], но и с принципиальной возможностью появления этих согласных в позиции перед гласными в ту эпоху, когда они стали уже известны в системе как разновидности [в] — [в']. Трудно, конечно, сказать, как долго шло усвоение [ф], [ф'] и превращение их в самостоятельные фонемы, однако с точки зрения системности этот процесс был вполне закономерен, ибо он создавал те отношения в группе шумных губных, которые уже частично были осуществлены как в этой группе, так и в группе шумных зубных и заднеязычных. Отношения [п] — [б], [п'] — [б'], [т] — [д], [т'] — [д'], [с] — [з], [с'] — [з'], [к] — [г], [ш'] — [ж'], [ш'ч'] — [д'] определяли возможность возникновения и отношений [в] — [в'], расширяющих и укрепляющих корреляцию по глухости-звонкости.

В связи с тем что мы рассматриваем те фонологические отношения, которые сложились в древнерусском языке в эпоху после падения редуцированных, не ограничиваясь только XII в., возможно считать, что в определенный период времени после утраты [ѡ] и [ѣ] в тех диалектах, которые к этому моменту имели [в], [в'] губно-зубного образования, развились в результате оглушения [в], [в'] позиционные разновидности этих фонем [ф], [ф'], превратившиеся постепенно в самостоятельные фонемы, хотя и ограниченные в определенной степени в своем функционировании¹. Вызванное падением редуцированных, но развивавшееся на протяжении веков становление фонем [ф], [ф'] закончилось, в конце концов, включением их в систему глухих-звонких и твердых-мягких согласных фонем. Тем самым расширился состав парных по этим признакам согласных и укрепились их коррелятивные отношения.

Однако, говоря об изменении состава согласных фонем древнерусского языка, важно обратить внимание на то явление, которое принято считать фактом, наиболее отчетливо определяющим роль падения редуцированных в развитии системы консонантизма, и в частности в увеличении количества согласных фонем древнерусского языка. Речь идет о том, что роль падения редуцированных в рассматри-

¹ Мы не входим в подробности развития в древнерусских диалектах губно-зубного [в] и появления соотносительной пары [в — ф]. См. об этом в названном выше исследовании Н. И. Самуиловой.

ваемом плане видят в превращении в эту эпоху мягких согласных в самостоятельные фонемы, что было обусловлено завершением эпохи силлабем и освобождением твердости-мягкости от позиционной зависимости. Нет необходимости приводить факты, доказывающие существование указанной точки зрения: она широко известна и, можно сказать, общепринята. Однако, исходя из того представления, какое было дано при описании системы древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких, в указанное понимание влияния падения редуцированных на расширение состава согласных фонем необходимо внести определенные уточнения.

Прежде всего положение о превращении мягких согласных в самостоятельные фонемы в результате падения редуцированных не может быть отнесено к исконно мягким согласным, которые еще с конца праславянской эпохи выступали как самостоятельные фонемы, потеряв связи с теми твердыми согласными, из которых они развились. Что же касается вторичносмягченных согласных, то, как это было показано выше, они и до падения редуцированных могли функционировать в роли самостоятельных фонем, противопоставляясь твердым в тождественных фонетических условиях — перед [a] и [y]. Следовательно, падение редуцированных не превратило мягкие согласные из разновидностей твердых в самостоятельные фонемы, а обусловило полное освобождение твердости-мягкости от связи с последующими гласными, что дало возможность развития такого ее функционирования, когда твердый-мягкий согласный стал выступать изолированно и ничем не был связан в своем качестве с качеством гласных. Как известно, такие условия были вызваны падением редуцированных, и прежде всего утратой их на конце слова. Именно этот факт и обусловил полное освобождение твердости-мягкости от связи с последующим гласным и знаменовал собой разрушение силлабем. Освобождение твердости-мягкости от последующего гласного на конце слова дает возможность трактовать твердые-мягкие как самостоятельные единицы и в положении перед любыми гласными как внутри, так и на стыке морфем. Если в [пут'] — [пут] мягкий и твердый [т] независимы и представляют собой самостоятельные фонемы, то и в [т'ина] — [тына] или [т'ек] — [ток] эта мягкость-твердость должна быть признана также независимой.

Итак, в плане решения проблемы состава согласных фонем эпохи после падения редуцированных необходимо признать, что утрата [ъ] и [ь] не привела к резкому увеличению количества согласных в древнерусском языке, однако она, во-первых, создала условия для полной фонематической самостоятельности твердых-мягких согласных, ограниченной в предшествующую эпоху определенными позициями, а во-вторых, обусловила новые отношения как внутри системы согласных, так и между системами согласных и гласных.

Рассматривая первый план проблемы, следует учесть, что в эпоху до смягчения полумягких количество согласных фонем было меньшим, чем в последующие эпохи, и наименьшим в системе было количество парных по твердости-мягкости фонем. Однако в эту эпоху твердые-мягкие имели широкие условия противопоставления: они противопоставлялись перед гласными переднего ряда и перед [a] и [y]. Но и противопоставляясь в этих условиях, твердые-мягкие не могли выступать в изолированном положении — они всегда сопровождались последующими гласными. В эпоху после смягчения полумягких количество согласных фонем возросло, увеличилось при этом количество парных по твердости-мягкости. Однако позиции противопоставления последних резко сократились: они сохранились только перед [a] и [y] и не стали возможны перед остальными гласными. В этих последних позициях твердость-мягкость вместе с непередней-передней зоной образования гласного создали противопоставленные силлабемы. И по-прежнему твердые-мягкие согласные не могли выступать без сопровождения последующим гласным. Наконец, в эпоху после падения редуцированных твердые-мягкие согласные оказались возможными в изолированной от последующего гласного позиции — в конце слова. Это создало возможность полной фонематической самостоятельности твердости-мягкости и расширило вновь условия противопоставленности твердых-мягких, хотя, конечно, это расширение не представляло собой возвращения к эпохе до смягчения полумягких.

Этот вопрос, как и вопрос о новых отношениях внутри системы согласных и между системами согласных и гласных, требует специального рассмотрения; пока что целесообразно сказать лишь о том, что основную роль падения редуцированных для истории

древнерусского языка надо видеть как раз во влиянии этого процесса на изменение внутрисистемных отношений.

Становление категории глухости-звонкости согласных

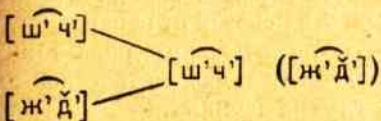
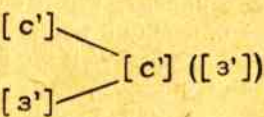
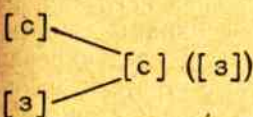
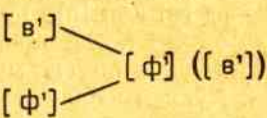
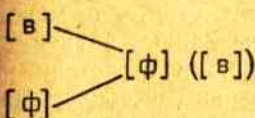
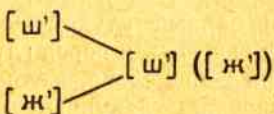
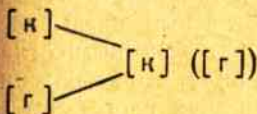
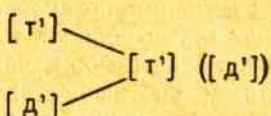
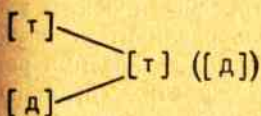
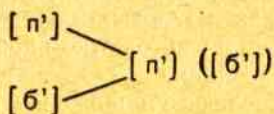
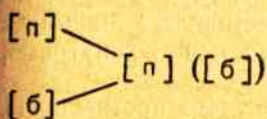
Одним из важных изменений во внутрисистемных отношениях, вызванным падением редуцированных, явилось становление в древнерусском языке категории глухости-звонкости согласных. Это становление выразилось в возникновении таких отношений между парными глухими-звонкими, которые не были свойственны языку в предшествующие эпохи его развития. Сущность новых отношений глухих-звонких заключается в том, что эти согласные оказались теперь в соотносительных связях друг с другом, в таких связях, когда различающиеся в одних условиях парные глухие-звонкие стали нейтрализоваться в иных условиях.

Если до смягчения полумягких в древнерусском языке были пары согласных, противопоставленных по признаку глухости-звонкости, и если смягчение полумягких расширило состав этих парных согласных, то ни в ту ни в другую эпоху в языке не было такого положения, чтобы та или иная пара глухих-звонких оказалась в такой позиции, где на месте двух согласных выступал бы только глухой или звонкий. Исключение в этом отношении, касавшееся [с] и [з], не меняло, по существу, общего положения с глухими-звонкими согласными. Отсутствие позиций нейтрализации глухости-звонкости, связанное с тем, что согласные всегда сопровождались последующим гласным, уравнивало отношения между парными глухими-звонкими с отношениями непарных по этому признаку согласных.

Это положение коренным образом изменилось с падением редуцированных, когда принципиально любой согласный стал возможным в позиции перед любым согласным и на конце слова. В результате этого возникли ассимиляционные процессы оглушения шумных звонких перед глухими и озвончения шумных глухих перед звонкими, а также оглушение шумных звонких на конце слова. Ликвидация в таких позициях единственного различия между парными глухими-звонкими привела к нейтрализации глухости-звонкости, к потере ими различительной роли в таких позициях. Таким образом, возник соотносительный ряд глухих-звонких согласных, строящийся на основе перекрещи-

входящих отношений: две фонемы в одной позиции, одна на месте двух — в другой позиции. При этом в качестве члена, выступающего в позиции нейтрализации, большей частью оказывается глухой согласный, что связано с большей распространенностью позиций оглушения по сравнению с позициями озвончения шумных.

Если считать, что в отношении по глухости-звонкости были включены не только те фонемы, которые существовали уже до падения редуцированных, но и возникшие в эту эпоху [ф], [ф'], то соотносительные ряды глухих-звонких можно представить в следующем виде:

Конечно, эта общая схема полностью не отражает реального положения вещей, ибо, во-первых, прошедшее во многих русских диалектах отверждение губных на конце слов ликвидировало возможность противопоставления твердых-мягких губных в этом положении, и поэтому на конце слов оказывались возможными лишь парные глухие твердые губные; во-вторых, в тех диалектах, где ко времени падения редуцированных существовал согласный [ɣ], в соотносительный ряд входила пара [ɣ — x] с членом нейтрализации [x] или [ɣ]; в тех же диалектах, где к этому времени сохранялся [w], отсутствовали пары [w — f] и [w' — f']; в-третьих, нейтрализация глухих-звонких, впрочем как и твердых-мягких, осуществлялась лишь на стыке морфем и в абсолютном конце слова, но не во внутриморфемной позиции.

Последнее положение означает, что противопоставленность глухих-звонких внутри морфем, оставаясь без каких-либо изменений по сравнению с предшествующей эпохой, продолжала выполнять ту же роль различителя звуковых оболочек слов и форм, как это было и до падения редуцированных; противопоставленность же этих согласных на стыке морфем могла также сохраняться без изменений, но могла и нейтрализоваться, если в результате утраты [ɣ] и [ɣ] парный глухой-звонкий согласный оказывался не перед гласным, а перед глухим-звонким шумным согласным или на конце слова. Если иметь в виду, что до падения редуцированных звуковые оболочки двух словоформ могли противопоставляться глухим-звонким согласным в позиции перед [ɣ] или [ɣ], подлежащим утрате, то можно утверждать, что после такой утраты данные звуковые оболочки совпали по своему звучанию и перестали различаться. Иначе говоря, различительная способность парных глухих-звонких согласных в эту эпоху оказалась ослабленной. Это значит, что и функциональная нагрузка, падающая на оппозиции парных глухих-звонких, оказалась иной на стыке морфем, чем это было до падения редуцированных.

Таким образом, с одной стороны, утрата в древнерусском языке фонем [ɣ] и [ɣ] способствовала становлению и развитию тесных взаимосвязей глухих и звонких согласных, отделению их по характеру этих связей от непарных глухих и звонких, оформлению соотносительного ряда таких согласных, а с другой — ослаблению фонематической значимости оппозиций парных глухих-звонких.

Правда, повторяем, это ослабление обнаруживается лишь на стыке морфем; внутри морфем дело обстоит несколько по-иному. Здесь, во внутриморфемной позиции, противопоставленность глухих-звонких не только сохранялась, но и получала дальнейшее развитие вместе с возникновением новых слов, различающихся по своей звуковой оболочке парными глухими-звонкими. В этот процесс, вероятно, были вовлечены и новые фонемы — [ф] и [ф'], хотя, к сожалению, реальных доказательств этого у нас нет. Можно, правда, сослаться на пример, зафиксированный в Евангелии 1144 г., греческого слова *форъ* — «дань» (в Остромировом евангелии — *дань*), которое могло бы быть противопоставлено слову *воръ*, а также греч. *фаса* — «дикий голубь»; которое в форме род. п. мн. ч. *фасъ* может быть противопоставлено местоимению *васъ*, греч. *фарь* — «конь», которое в форме *фари* может быть противопоставлено им. п. мн. ч. *вари* от *варъ* — «смола», однако эти факты едва ли могут быть признаны полностью достоверными. Но как бы то ни было, само предположение о развитии противопоставленности глухих-звонких внутри морфем в эпоху после падения редуцированных едва ли может вызвать сомнения.

На стыке же морфем отношения глухих-звонких оказываются другими. Конечно, и здесь развитие новых слов могло оказать свое воздействие на усиление оппозиций глухих-звонких, на то, что появлялись новые факты противопоставления звуковых оболочек слов и форм оппозициями таких согласных. Однако в то же время, если даже учесть только те слова и формы, которые существовали в древнерусском языке до падения редуцированных, то можно обнаружить факты, связанные с нейтрализацией оппозиций глухих-звонких и отсюда с неразличением тех форм, которые различались в предшествующую эпоху.

Памятники письменности эпохи после падения редуцированных, широко отражают становление соотносительности глухих-звонких согласных в древнерусском языке. Эти памятники подвергались достаточному изучению, и факты, извлеченные из них, известны¹. Поэтому нам не представляется необходимым рассматривать вновь эти

¹ См. уже не раз упоминавшуюся обобщающую все основные вопросы истории категории глухости-звонкости согласных в русском языке работу Н. И. Самуйловой.

факты, тем более потому, что сама история становления отдельных пар глухих-звонких выходит за пределы границ настоящей работы. Для нас важно установить лишь то, что падение редуцированных вызвало такую перестройку внутрисистемных отношений между парными глухими-звонкими, которая, развиваясь после XII в., привела к такому состоянию, какое характеризует в данном плане современный русский язык.

Развитие категории твердости-мягкости согласных

Полное освобождение твердости-мягкости согласных от позиционной связи с гласными, с одной стороны, и процессы, приведшие к развитию [ô], функциональному объединению [и] и [ы] и к изменению [e] в [’o] — с другой, способствовали развитию категории твердости-мягкости согласных, выразившемуся в расширении позиций противопоставления твердых-мягких перед гласными и в возникновении явлений изменения твердых-мягких согласных перед различными согласными. Однако, как видно, расширению противопоставленности твердых-мягких согласных в древнерусском языке способствовали не только те фонетические процессы, которые были связаны с падением редуцированных, — этому способствовали и некоторые морфологические явления, возникшие, конечно, вне влияния падения редуцированных и даже, вероятно, до этого падения.

Как говорилось выше, после смягчения полумягких парные твердые-мягкие согласные противопоставлялись перед [a] и [y] и нейтрализовались в мягком перед гласными переднего ряда. В позиции перед [ы], [o] и [ъ] выступали только твердые согласные, противопоставлявшиеся мягким лишь в пределах силлабем. Такая ограниченность условий противопоставления парных твердых-мягких усиливалась еще и тем обстоятельством, что даже в положении перед [a] и [y] противопоставлялись не все возможные в языке парные твердые-мягкие. Внутри морфем перед [y] различались только исконно парные по твердости-мягкости сонорные, а на стыке морфем — эти же сонорные и исконно парные твердые-мягкие свистящие [c] — [c’], [z] — [z’]. Ни внутри, ни на стыке морфем перед [y] не противопоставлялись парные твердые-мягкие губные и смычные зубные. Даже если иметь в виду, что перед [a] в эту эпоху противопоставлялись все парные твердые-мягкие, то вместе с тем

■ здесь нельзя не видеть ограниченности такого противопоставления, так как внутри морфем эти согласные различались лишь перед тем [a], которое возникло из [ā] < [e], а на стыке морфем только исконно парные по твердости-мягкости противопоставлялись перед [a] из древнего [a], вторично смягченные — вновь лишь перед [a] из [ā].

Начало расширению условий противопоставленности парных твердых-мягких было положено, как видно, развитием грамматической аналогии, связанной с явлениями взаимодействия разных типов склонения имен существительных, а также твердой и мягкой разновидностей склонения имен с древними основами на *ō и *ā¹. Эти процессы могли развиться уже до падения редуцированных, однако расширение условий противопоставленности парных твердых-мягких при этом оставалось ограниченным прежде всего стыком морфем, а кроме того, и лексико-морфологическими пределами.

Действительное развитие категория твердости-мягкости получила только после падения редуцированных и вызванных им фонетических процессов. Если говорить точнее, падение редуцированных привело к одному принципиально важному изменению в категории твердости-мягкости: оно обусловило возможность противопоставления твердых-мягких согласных на конце слов, т. е. в изолированной от последующего гласного позиции. Это, во-первых, как уже говорилось, полностью освободило твердость-мягкость от всякой зависимости от гласных, а во-вторых, тем самым усилило функциональную нагрузку этих оппозиций. С другой стороны, изменение [ъ] и [ь] в гласные [v] и [e] обусловило утрату одной позиции, в которой выступали только твердые согласные (перед [ъ]), и одной позиции, в которой выступали только мягкие согласные (перед [ь]), что, без сомнения, отразилось определенным образом в истории категории твердости-мягкости.

Не менее важными в рассматриваемом плане были те процессы, которые в своем возникновении так или иначе были определены влиянием падения редуцированных. Для изучаемого периода здесь особенно важны явления, связанные с превращением [и] и [ы] в разновидности одной фонемы, с изменением [e] в [ʼo] и с развитием [ô].

¹ См.: Л. Э. К а л н ы н ь, Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, стр. 145 и след.

Если до смягчения полумягких [и] и [ы] были самостоятельными фонемами, противопоставленными друг другу по зоне образования, причем перед [и] твердые-мягкие противопоставлялись, а перед [ы] выступали только твердые; если после смягчения полумягких [и] и [ы] стали противопоставляться лишь в составе силлабем с мягкими и твердыми согласными, а вместе с тем позиция перед [и] стала являться на стыке морфем позицией нейтрализации твердости-мягкости, — то после падения редуцированных, когда [и] и [ы] функционально объединились, позиция перед фонемой [и] стала позицией противопоставления парных твердых-мягких. В положении перед [и] стали различаться парные твердые-мягкие [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], при этом после твердых фонема [и] выступает в аллофоне [ы], а после мягких — в аллофоне [и]. Позиция перед [и], таким образом, стала новой позицией противопоставления твердых-мягких.

Следует иметь в виду, что эта позиция противопоставления твердых-мягких является позицией, распространенной по всем диалектам русского языка. В отличие от этого возникшая после падения редуцированных позиция противопоставления твердых-мягких перед [о] выступает лишь в тех диалектах, которые пережили процесс изменения [е] в [’о]. В таких диалектах, при отсутствии [о] между мягкими согласными, твердость-мягкость различается лишь перед [о] после твердого перед любым согласным и перед [о] после мягкого перед твердым. Изменение [е] > [’о], таким образом, обусловив возможность противопоставления парных твердых-мягких, перечисленных выше, перед [о], создало новую позицию такого противопоставления и ликвидировало еще одну позицию, в которой могли выступать только твердые согласные. Тем самым в диалектах, не развивших [ô], полностью исчезли позиции перед гласными, где могли выступать только твердые согласные. В тех же диалектах, которые после падения редуцированных развили различие [о] и [ô], может быть позиция, в которой выступают только твердые согласные — позиция перед [ô], однако эти диалекты могут впоследствии утратить такую позицию, так как в результате развития аналогического характера [ô] могло начать появляться и после мягкого, в результате чего и эта позиция становилась позицией различения твердости-мягкости.

Если считать, что в изучаемую эпоху в большинстве русских диалектов еще сохранялась особая фонема [ě], то надо признать, что в таких диалектах были две позиции перед гласными, в которых могли выступать только мягкие согласные и в которых твердость-мягкость не различалась, — это были позиции перед [ě] и [e]. В тех же диалектах, где [ě] как особая фонема была утрачена, такой позицией оставалось лишь положение перед [e]; к этому же вело и развитие утраты [ě] в дальнейшей истории русского языка в отдельных его диалектах.

Итак, после всех описанных процессов парные твердые-мягкие согласные стали противопоставляться перед гласными фонемами [a], [y], [o], [и] и не противопоставляться перед [ě] и [e]; в диалектах, имевших [ǫ], могла возникнуть еще одна позиция противопоставления — перед этой фонемой; в диалектах, утративших [ě], оставалась только одна позиция неразличения твердости-мягкости — перед [e].

Надо, наконец, иметь в виду, что до возникновения аканья система противопоставления твердых-мягких была одинаковой как в ударных, так и в безударных слогах (отличие касалось лишь наличия или отсутствия [ǫ]), и поэтому она оказывалась единой для всех диалектов древнерусского языка. И только после возникновения аканья системы противопоставления твердых-мягких в ударном и безударных слогах стали различными в разных говорах и их соотношения сильно усложнились.

В вопросе об истории категории твердости-мягкости согласных в эпоху после падения редуцированных есть еще одна чрезвычайно важная сторона — это проблема соотношения твердых-мягких перед согласными. Как известно, после падения редуцированных и возникновения различных групп согласных в древнерусском языке развились сложные процессы взаимодействия твердых-мягких перед твердыми-мягкими, в результате чего возникли позиции различения или неразличения отдельных категорий согласных по признаку твердости-мягкости перед различными согласными. Эти процессы были подробно описаны в исследовании Л. Э. Калнынь и потому не требуют сейчас подробного рассмотрения. Важно сказать о том, что в результате всех этих процессов в древнерусском языке широко развились позиции, в которых могут выступать или только твердые, или только мягкие согласные при не-

значительном числе позиций, в которых твердость-мягкость продолжает противопоставляться перед согласными.

Глухие-звонкие и твердые-мягкие архифонемы древнерусского языка эпохи после падения редуцированных

В результате того, что после падения редуцированных в древнерусском языке развились непараллельные, перекрещивающиеся ряды глухих-звонких согласных, когда в одних позициях парные глухие-звонкие различаются, а в других — на месте этих двух согласных выступает или только глухая, или только звонкая, — в результате этого в последних позициях в качестве фонологической единицы стала выступать согласная, характеризующаяся по месту и способу образования, а также по признаку твердости-мягкости, но не характеризующаяся по признаку глухости-звонкости. Дифференциальный признак глухости-звонкости, противопоставлявший парные по этому признаку фонемы, в таких позициях дефонологизовался, и поэтому здесь в качестве фонологической единицы стали выступать глухие-звонкие архифонемы. Таким образом, в древнерусском языке в позициях неразличения глухости-звонкости функционировали архифонемы [п/б], [п'/б'], [в/ф], [в'/ф'], [т/д], [т'/д'], [с/з], [с'/з'], [ш'/ж'], [ш'ч'/ж'д'], [к/г].

Этим самым соотносительный ряд парных глухих-звонких встал в параллельные отношения с соотносительным рядом парных твердых-мягких согласных, развившимся до падения редуцированных, но укрепившимся после этого процесса; и в ряду парных твердых-мягких согласных в позициях неразличения твердости-мягкости стали выступать твердые-мягкие архифонемы, характеризующиеся по месту и способу образования, а также по признаку глухости-звонкости, но не характеризующиеся по признаку твердости-мягкости. Это явление было связано с дефонологизацией признака твердости-мягкости у парных по данному признаку согласных в позициях их неразличения. Таким образом, твердые-мягкие архифонемы могут быть представлены в виде [п/п'], [б/б'], [в/в'], [ф/ф'], [м/м'], [т/т'], [д/д'], [с/с'], [з/з'], [н/н'], [л/л'], [р/р'].

Развитие глухих-звонких архифонем и укрепление позиций твердых-мягких архифонем были полностью обуслов-

лены возникновением позиций неразличения глухости-звонкости и твердости-мягкости в древнерусском языке. При этом следует иметь в виду еще некоторые обстоятельства.

Во-первых позиция перед гласными всегда была такой, в которой различались и противопоставлялись парные глухие-звонкие согласные фонемы, но не всегда такой, где противопоставлялись парные твердые-мягкие: перед [ě] и [e] такого противопоставления не было. Следовательно, если перед [a], [y], [o], [и] (а также в ряде случаев и перед [ô]) могли выступать все четыре фонемы, входящие в оппозиции по твердости-мягкости и по глухости-звонкости

(например, [п] — [п'] [т] — [т']
 | | | |
 [б] — [б'], [д] — [д'] и т. д.),

то перед [ě] и [e] различались лишь глухие-звонкие фонемы, являвшиеся одновременно твердыми-мягкими архифонами

(т. е. [п/п'] [т/т']
 | | | | |
 [б/б'] [д/д'] и т. д.).

С другой стороны, в позиции конца слова различались только твердые-мягкие фонемы, являвшиеся одновременно глухими-звонкими архифонами, если, конечно, они были парными по последнему признаку

(т. е. [п/б] [т/д]
 | | | |
 [п'/б'] [т'/д'] и т. д.).

Однако если учесть возможность отвердения губных на конце слов, то в диалектах, знавших это явление, в позиции конца слова при различении твердых-мягких зубных выступали лишь такие губные архифоны, которые характеризовались нейтрализацией как признака глухости-звонкости, так и признака твердости-мягкости.

Во-вторых, позиция перед различными согласными для разных категорий твердых-мягких и глухих-звонких могла быть такой, в которой также выступали или только глухие-звонкие архифоны, противопоставленные по признаку твердости-мягкости, или только твердые-мягкие

архифонемы, противопоставленные по признаку глухости-звонкости, или, наконец, только такие архифонемы, в которых были нейтрализованы оба эти признака. Все сказанное объясняет те сложные, но одновременно тесные взаимосвязи глухих-звонких и твердых-мягких парных согласных фонем, которые возникли и развились в древнерусском языке после падения редуцированных.

Развитие и изменение характера функционирования оппозиций согласных после падения редуцированных

Изменение состава согласных и появление фонем [ф], [ф'], изменение соотношения между глухими-звонкими, а также между твердыми-мягкими парными согласными и развитие подчиненности системы вокализма системе консонантизма, наконец, общая эволюция всех фонологических отношений в древнерусском языке — все это привело к преобразованиям в системе оппозиций согласных фонем и в характере их функционирования после падения редуцированных.

Если обратиться к рассмотрению всех этих вопросов, то прежде всего следует оговорить то обстоятельство, что после падения редуцированных изменилось положение фонемы [j] в системе древнерусского языка. Это изменение коснулось того, что, являясь фонологически значимой единицей, [j] в то же время до падения редуцированных функционировал в системе в определенных ограниченных условиях — или в абсолютном начале слова, или в позиции между гласными, причем и в том и в другом случае остается открытым вопрос о том, выступал ли [j] в положении перед всеми гласными.

После падения редуцированных условия функционирования [j] определенным образом изменились. Эта фонема оказалась возможной не только в абсолютном начале слова и между гласными, но и после согласных перед гласными в силу появления возможности сочетаний согласных с [j]. Однако эта фонема по-прежнему выступала лишь перед гласными. Из этого правила было лишь одно исключение — функционирование фонемы [j] в абсолютном конце слов, но и до падения редуцированных и позже в этом положении выступал не [j], а [i], который может быть признан за аллофон фонемы [j]. Гласный [i] принимается за аллофон фонемы [j] прежде всего потому, что [j] и [i] могут чередо-

ваться в пределах одной морфемы: в положении перед ударным гласным — [j], перед безударным — [i] ¹.

Если предполагать, что, как и в современном языке, употребление [j] в ряде случаев факультативно, т. е. что он может присутствовать, но может и не присутствовать в составе звуковой оболочки, то можно считать, что, во-первых, фонема [j] как до падения, так и после падения редуцированных была изолированной фонемой, не включенной в систему: она не только не входила ни в один из соотносительных рядов согласных, но и могла отсутствовать в определенных положениях. Можно сослаться на слова Р. И. Аванесова об ослаблении значения [j] как фонемы в современном русском языке: «Фонема ([j]. — В. И.) в собственном смысле слова склонна превратиться в переходную артикуляцию между гласными, наличие или отсутствие которой оказывается несопряженной с различием звуковой стороны разных слов и форм; ее наличие в этих случаях скорее свидетельствует об отсутствии согласной фонемы между гласными, чем о присутствии [j] как фонемы, так как последняя может и отсутствовать» ². Все эти выводы, как представляется, могут быть отнесены и к характеристике фонемы [j] в эпоху, непосредственно следующую за падением редуцированных.

В силу сказанного, анализируя оппозиции согласных и характер их функционирования, мы вновь, как и прежде, оставим в стороне те оппозиции, которые могла образовывать фонема [j] по отношению к другим согласным.

И наоборот, в представленном ниже анализе рассмотрению подвергается такая система, в которой [ф] и [ф'] уже выступают как самостоятельные фонемы, хотя, как говорилось выше, становление их в этой роли было длительным процессом, охватывавшим в некоторых диалектах не один век. Однако важно увидеть именно те отношения, которые сложились в системе оппозиций согласных с появлением этих двух новых фонем, ибо до этого момента данная система сохраняла в целом отношения предшествующей эпохи, хотя и пережила определенные изменения.

Итак, рассмотрим те оппозиции согласных и характер их функционирования, которые сложились в диалектах древне-

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956, стр. 187.

² Т а м ж е, стр. 192.

русского языка после становления как фонем [ф] и [ф'] и после развития тех фонетических процессов в области согласных и гласных, которые были охарактеризованы выше.

В связи с возникновением двух новых фонем — [ф] и [ф'] — общее количество оппозиций согласных по сравнению с эпохой после смягчения полумягких увеличилось до 528, ибо прибавились 32 оппозиции [ф] с иными согласными и 31 оппозиция [ф'] также с другими согласными. Однако дело не только в таком общем количественном росте — более важно то, что этот рост сопровождался преобразованием целого ряда оппозиций существовавших до падения редуцированных согласных фонем. Подобное преобразование было обусловлено изменениями отношений дифференциальных и дополнительных признаков. Появление глухих (твердой и мягкой) губных фрикативных фонем преобразовало дополнительный признак звонкости у [в], [в'] в дифференциальный, что привело к изменению состава ДП, противопоставлявших фонемы [п] — [в], [п] — [в'], [п'] — [в], [п'] — [в'], а отсюда — и в отношениях этих оппозиций с оппозициями [б] — [в], [б] — [в'], [б'] — [в], [б'] — [в']. Определенные изменения были внесены и в отношения между членами иных оппозиций, в составе которых выступали фонемы [в], [в'], и в отношения таких оппозиций с некоторыми иными оппозициями согласных.

Анализируя все эти явления, следует отметить прежде всего расширение состава оппозиций, входивших в соотносительные ряды согласных по признаку глухости-звонкости и по признаку твердости-мягкости.

Соотносительный ряд глухих-звонких согласных увеличился на две пары фонем и стал насчитывать 11 пар:

$$\begin{aligned} [п — б] &= [п' — б'] = [в — ф] = [в' — ф'] = [т — д] = \\ &= [т' — д'] = [с — з] = [с' — з'] = [ш' — ж'] = [\widehat{ш'ч'} — \\ &— \widehat{ж'д'}] = [к — г]. \end{aligned}$$

Таким образом, ранее непарные по признаку глухости-звонкости фонемы [в], [в'] преобразовались в парные по этому признаку согласные. Следовательно, возникшие фонемы [ф], [ф'] включились в корреляцию по глухости-звонкости, уже существовавшую в древнерусском языке.

Соотносительный ряд твердых-мягких согласных увеличился на одну пару фонем и стал насчитывать 12 пар:

$[п - п'] = [б - б'] = [в - в'] = [ф - ф'] = [м - м'] =$
 $[т - т'] = [д - д'] = [с - с'] = [з - з'] = [н - н'] =$
 $[л - л'] = [р - р']$.

Таким образом, возникшие фонемы [ф], [ф'] включились в корреляцию по твердости-мягкости, тоже существовавшую в древнерусском языке.

Возникновение фонем [ф], [ф'] не изменило характера общего основания у оппозиций [в], [в'] с остальными согласными по сравнению с эпохой после смягчения полумягких: то основание для сравнения, которое устанавливалось между [в], [в'] и какой-либо иной фонемой, оставалось прежним и после падения редуцированных. Однако в ряде случаев изменился характер ДП, противопоставлявших ту или иную фонему фонемам [в], [в'].

Но прежде чем говорить об этих изменениях, следует обратить внимание на то, что большинство новых оппозиций согласных, развившихся в результате возникновения [ф], [ф'], т. е. оппозиций этих последних с другими согласными, было включено по характеру общего основания противопоставляемых фонем в ряды тех оппозиций, которые существовали до эпохи падения редуцированных.

Так, например, в ряд оппозиций с общим основанием «согласность» включились оппозиции [ф'] — [н], [ф'] — [л], [ф'] — [р], [ф] — [н'], [ф] — [л'], [ф] — [р'];

в ряд оппозиций с общим основанием «согласность, твердость» — оппозиции [ф] — [н], [ф] — [л], [ф] — [р];

в ряд оппозиций с общим основанием «согласность, мягкость» — оппозиции [ф'] — [н'], [ф'] — [л'], [ф'] — [р'] и т. д.

И лишь в некоторых, вполне определенных случаях развились оппозиции, в которых противопоставленные согласные имели такое общее основание, которое не выступало в языке до возникновения фонем [ф], [ф'].

Так, развитие [ф], [ф'] образовало вторую (после [п], [п']) глухую губную фонологическую единицу — из потенциальных фонем возникли действительные, вставшие в оппозиции к уже существовавшим фонемам. Так появились оппозиции с общим основанием «шумность, губность, глухость» [ф] — [п'], [ф'] — [п], с общим основанием «шумность, губность, глухость, твердость» — [ф] — [п] — или «мягкость» — [ф'] — [п'].

Это же развитие [ф], [ф'] образовало вторую (после [в], [в']) губную щелевую фонологическую единицу — и

здесь из потенциальных фонем возникли действительные, вставшие в оппозиции к уже существовавшим фонемам. Так появились оппозиции с общим основанием «шумность, губность, фрикативность» — [ф] — [в'], [ф'] — [в], с общим основанием «шумность, губность, фрикативность, твердость» — [ф] — [в], с общим основанием «шумность, губность, фрикативность, мягкость» — [ф'] — [в'].

Нетрудно установить, что все описанные явления привели к большому увеличению числа многомерных оппозиций и создали только четыре новые одномерные оппозиции: [ф] — [п], [ф'] — [п'] и [ф] — [в], [ф'] — [в'], находящиеся друг по отношению к другу в пропорциональных связях:

$$\begin{aligned} [ф — п] &= [ф' — п'], \\ [ф — в] &= [ф' — в']. \end{aligned}$$

С точки зрения характера ДП ряд оппозиций [в], [в'] с другими согласными не изменился, однако в то же время в связи с возникновением [ф], [ф'] состав этих оппозиций претерпел определенные преобразования. Речь конкретно идет о том, что по характеру ДП после падения редуцированных остались без изменения оппозиции [в] — [н], [в] — [л], [в] — [р], [в] — [н'], [в] — [л'], [в] — [р'], [в'] — [н], [в'] — [л], [в'] — [р], [в'] — [н'], [в'] — [л'], [в'] — [р'], однако появление оппозиций [ф], [ф'] с этими же согласными позволяет говорить о развитии оппозиций с полифонемами [B₁], [B'₁] в качестве первых членов: одни и те же ДП равно противопоставляют указанным согласным и [в], [в'] и [ф], [ф']. Поэтому старые оппозиции [в], [в'] с названными согласными в новую эпоху могут быть представлены в виде [B₁] — [н], [B₁] — [л], [B₁] — [р], [B₁] — [н'], [B₁] — [л'], [B₁] — [р'], [B'₁] — [н], [B'₁] — [л], [B'₁] — [р], [B'₁] — [н'], [B'₁] — [л'], [B'₁] — [р'], где под [B₁], [B'₁] равно скрываются как [в], [в'], так и [ф], [ф'].

Здесь можно установить и пропорциональные отношения:

$$\begin{aligned} [B_1 — н] &= [B'_1 — н'] \text{ (т. е. } [в — н] = [в' — н'], [ф — н] = [ф' — н']); \\ [B_1 — л] &= [B'_1 — л'] \text{ (т. е. } [в — л] = [в' — л'], [ф — л] = [ф' — л']); \\ [B_1 — р] &= [B'_1 — р'] \text{ (т. е. } [в — р] = [в' — р'], [ф — р] = [ф' — р']). \end{aligned}$$

Точно так же обстоит дело и с оппозициями [м] — [в], [м] — [в'], [м'] — [в], [м'] — [в']: возникновение оппози-

ций [м] — [ф], [м] — [ф'], [м'] — [ф], [м'] — [ф'], где ДП оказываются одинаковыми с ДП первых оппозиций, а член [м], [м'] — общим, позволяет представить все эти оппозиции в виде [м] — [В₁], [м] — [В'₁], [м'] — [В₁], [м'] — [В'₁] с полифонемами [В₁], [В'₁]. Здесь можно увидеть и пропорциональные отношения:

[м — В₁] = [м' — В'₁] (т. е. [м — в] = [м' — в'], [м — ф] = [м' — ф']).

Иначе было со всеми теми оппозициями, в которых с [в], [в'] и [ф], [ф'] вступали парные по глухости-звонкости согласные. В этих случаях произошел распад глухих-звонких и твердых-мягких полифонем, и на их месте стали выступать оппозиции глухих и звонких фонем с [В₂], [Ф₂], т. е. с полифонемами по твердости-мягкости.

Так, вместо оппозиции [К₁] — [В₂] стали выступать оппозиции [к] — [В₂], [к] — [Ф₂] и [г] — [В₂], [г] — [Ф₂]:

[к] — [В₂] ДП заднеязычность — губность, смычность — фрикативность, глухость — звонкость;

[г] — [В₂] ДП заднеязычность — губность, смычность — фрикативность;

[к] — [Ф₂] ДП заднеязычность — губность, смычность — фрикативность;

[г] — [Ф₂] ДП заднеязычность — губность, смычность — фрикативность, звонкость — глухость.

Тем самым возникли пропорциональные отношения [г — В₂] = [к — Ф₂].

То же самое произошло с оппозициями [Ш'Ч₁] — [В₂], [Ш'₁] — [В₂], где возникли четыре оппозиции глухих-звонких с [В₂], [Ф₂].

Однако наиболее полный распад полифонем и тем самым полное преобразование оппозиций возникли тогда, когда в качестве первого члена этих оппозиций выступали парные по глухости-звонкости и по твердости-мягкости согласные. В этом случае на месте прежних оппозиций с полифонемами развились оппозиции с четырьмя фонемами.

Так, вместо оппозиции [П₁] — [в] развились:

[п] — [в] ДП смычность — фрикативность, глухость — звонкость;

[п] — [ф]	ДП смычность — фрикативность;
[б] — [в]	ДП смычность — фрикативность;
[б] — [ф]	ДП смычность — фрикативность, звон- кость — глухость.

Пропорциональные отношения здесь установились между [п — ф] и [б — в].

То же самое произошло с оппозициями [П₁] — [в'], [П₁'] — [в], [П₁'] — [в'], [Т₁] — [в], [Т₁] — [в'], [Т₁'] — [в], [Т₁'] — [в'], [С₁] — [в], [С₁] — [в'], [С₁'] — [в], [С₁'] — [в'].

Таковы те изменения, которые внесло в характер оппозиций согласных фонем развитие новых фонологических единиц [ф], [ф']. Остальные звенья системы оказались унаследованными из предшествующей эпохи, однако вместе с тем новые оппозиции согласных не просто появились в языке, но они включились в те отношения, которые уже существовали, и укрепили эти последние. Выше уже говорилось о включении пар [в — ф], [в' — ф'] в соотносительный ряд согласных по признаку глухости-звонкости и [ф — ф'] — в соотносительный ряд согласных по признаку твердости-мягкости. Надо иметь в виду, что новые оппозиции включились также в иные ряды пропорциональных оппозиций, а в ряде случаев способствовали возникновению новых таких оппозиций, превращая изолированные противопоставления в пропорциональные.

Так, пропорциональными оппозициями по признаку «губность — переднеязычность» стали теперь оппозиции

[п — т] = [б — д] = [п' — т'] = [б' — д'] = [в — з] = [в' — з'] = [ф — с] = [ф' — с'] = [Ф₂ — ш'] = [В₂ — ж'] = [м — н] = [м' — н'];

пропорциональными оппозициями по признаку «смычность — фрикативность» — оппозиции

[т — с] = [т' — с'] = [д — з] = [д' — з'] = [К₁ — х] = [п — ф] = [п' — ф'] = [б — в] = [б' — в'];

пропорциональными оппозициями по признакам «глухость — звонкость», «твердость — мягкость» — оппозиции

[п — б'] = [ф — в'] = [т — д'] = [с — з'];

пропорциональными оппозициями по признакам «глухость — звонкость», «мягкость — твердость» — оппозиции

[п' — б] = [ф' — в] = [т' — д] = [с' — з];

пропорциональными оппозициями по признакам «звонкость — глухость», «твердость — мягкость» — оппозиции

$$[б — п'] = [в — ф'] = [д — т'] = [з — с'];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «звонкость — глухость», «мягкость — твердость» — оппозиции

$$[б' — п] = [в' — ф] = [д' — т] = [з' — с];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «смычность — фрикативность», «твердость — мягкость» — оппозиции

$$[т — с'] = [д — з'] = [п — ф'] = [б — в'];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «смычность — фрикативность», «мягкость — твердость» — оппозиции

$$[т' — с] = [д' — з] = [п' — ф] = [б' — в];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «губность — переднеязычность», «твердость — мягкость» — оппозиции

$$[п — т'] = [б — д'] = [м — н'] = [ф — с'] = [в — з'];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «губность — переднеязычность», «мягкость — твердость» — оппозиции

$$[п' — т] = [б' — д] = [м' — н] = [ф' — с] = [в' — з];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «смычность — фрикативность», «звонкость — глухость» — оппозиции

$$[д — с] = [д' — с'] = [б — ф] = [б' — ф'];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «губность — переднеязычность», «глухость — звонкость» — оппозиции

$$[п — д] = [п' — д'] = [ф — з] = [ф' — з'];$$

пропорциональными оппозициями по признакам «губность — переднеязычность», «фрикативность — смычность» — оппозиции

$$[в — д] = [в' — д'] = [ф — т] = [ф' — т'].$$

Пропорциональные оппозиции $[в — м] = [в' — м']$, $[в — н] = [в' — н']$, $[в — л] = [в' — л']$, $[в — р] = [в' — р']$ в результате возникновения новых пропорциональных оппозиций фонем $[ф]$, $[ф']$ с теми же согласными преобразовались в оппозиции, где первым членом выступают полифонемы $[В_1]$, $[В'_1]$, не дифференцированные по глухости-звонкости:

$[В_1 — м] = [В'_1 — м']$, $[В_1 — н] = [В'_1 — н']$, $[В_1 — л] = [В'_1 — л']$, $[В_1 — р] = [В'_1 — р']$.

Вместе с тем возникли новые пропорциональные оппозиции, каких не было до развития фонем $[ф]$, $[ф']$. Пропорциональными по признакам «смычность — фрикативность», «звонкость — глухость», «твердость — мягкость» стали оппозиции $[д — с'] = [б — ф']$; по признакам «смычность — фрикативность», «звонкость — глухость», «мягкость — твердость» — оппозиции $[д' — с] = [б' — ф]$; по признакам «губность — переднеязычность», «глухость — звонкость», «твердость — мягкость» — оппозиции $[п — д'] = [ф — з']$; по признакам «губность — переднеязычность», «глухость — звонкость», «мягкость — твердость» — оппозиции $[п' — д] = [ф' — з]$; по признакам «губность — переднеязычность», «фрикативность — смычность», «глухость — звонкость» — оппозиции $[ф — д] = [ф' — д']$; по признакам «губность — переднеязычность», «фрикативность — смычность», «мягкость — твердость» — оппозиции $[ф' — т] = [в' — д]$; по признакам «губность — переднеязычность», «фрикативность — смычность», «твердость — мягкость» — оппозиции $[ф — т'] = [в — д']$; по признакам «губность — заднеязычность», «фрикативность — смычность» — оппозиции $[Ф_2 — к] = [В_2 — г]$.

Ко всем рассмотренным пропорциональным оппозициям следует добавить еще и те, которые выступали такими уже в системе языка после смягчения полумягких и не изменили своего характера в новую эпоху.

Не требует доказательств тот факт, что общее количество пропорциональных оппозиций в системе языка значительно увеличилось. А это означает, что укрепились те внутренние связи системы, которые определяют ее устойчивость и логичность. Вместе с тем внутри пропорциональных оппозиций выделяется группа коррелятивных противопоставлений, которая характеризуется наличием ряда пучков корреляций:

четырёхчленные пучки:

[п] — [б] [п] — [б] [п] — [б] [п'] — [б'] [п'] — [б']
 [п'] — [б'] [к] — [т] [к] — [т] [т'] — [д'] [ф'] — [в']

[п] — [б] [п] — [б]
 [т] — [д] [ф] — [в]

[п] — [т] [б] — [д] [б] — [в] [т] — [д] [т] — [с]
 [п'] — [т'] [б'] — [д'] [б'] — [в'] [т'] — [д'] [т'] — [с']

[т] — [к] [ф] — [в]
 [д] — [г] [ф'] — [в']

[с] — [с'] [з] — [з'] [с] — [з] [с] — [з] [C₃] — [ш']
 [ф] — [ф'] [в] — [в'] [с'] — [з'] [ш'] — [ж'] [ц'] — [ч']

[з] — [з'] [ш'] — [ж']
 [д] — [д'] [ф] — [в]

[ф] — [п] [в] — [с] [ш'] — [ж'] [м] — [н] [н] — [л]
 [ф'] — [п'] [в'] — [с'] [ш'ч'] — [ж'д'] [м'] — [н'] [н'] — [л']

[C₁] — [н] [C₁] — [л]
 [C'₁] — [н'] [C'₁] — [л']

[C₁] — [р] [П₁] — [м] [Т₁] — [н]
 [C'₁] — [р'] [П'₁] — [м'] [Т'₁] — [н']

Трехчленные пучки остались прежними, какими они установились после смягчения полумягких (см. стр. 255).

Таким образом, по сравнению с эпохой до падения редуцированных группа коррелятивных пар согласных значительно увеличилась. В целом эта группа сложилась в том ее виде, в каком она существует в современной фонологической системе русского языка. Следовательно, все развитие

системы согласных с конца X — начала XI в. до середины XII в., до падения редуцированных, шло по пути расширения коррелятивных отношений в языке, по пути укрепления тех связей внутри этой системы, которые определяют тесное сцепление ее элементов, обуславливающее устойчивость всей фонологической системы. Начало расширению и укреплению коррелятивных связей было положено смягчением полумягких согласных, а завершился этот процесс после падения редуцированных. При всем многообразии диалектных различий в языке поздних эпох положение о силе коррелятивных связей остается действительным для всего русского языка в его говорах. Как бы различно ни развивались русские диалекты, в отношении рассматриваемых явлений они оказываются едиными: в общей фонологической системе доминирующее положение занимает консонантизм с широко развитыми коррелятивными связями.

Развитие противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях

Общее расширение состава согласных и усиление роли консонантизма в фонологических отношениях нашло свое выражение и в изменениях, затронувших характер противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях. Эти изменения коснулись прежде всего того, что, в отличие от предшествующих периодов и особенно от эпохи до смягчения полумягких, после падения редуцированных и возникновения новых явлений в системе древнерусского языка характер противопоставленности согласных стал определяться большим однообразием в том смысле, что разные группы согласных стали противопоставляться перед одними и теми же гласными. Конечно, прежние отношения в этом плане не могли полностью утратиться: в положении внутри морфем противопоставленность согласных во многом сохраняла прежние особенности; однако в целом все же выравнивание условий противопоставления обнаруживается в изучаемую эпоху вполне определенно.

Если иметь в виду все оппозиции согласных, включая и оппозиции с [j], то теоретически этих оппозиций могло быть 561, однако не все они в действительности могли осуществляться по требованиям системы. В целом ряде случаев, особенно в положении внутри морфем, системные отноше-

ния не позволяли определенным согласным вообще находиться в тождественных фонетических условиях.

Внутри морфем не существовало оппозиций фонемы [ж'д'] со всеми согласными; как видно, были ограничены и внутриморфемные противопоставления [j] другим согласным, что, вообще говоря, требует специального изучения.

Таким образом, в н у т р и м о р ф е м можно установить следующие особенности в характере противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях.

В позиции перед фонемами [a], [y], [и], [o] и [õ] под ударением в тех диалектах, которые развили эту фонему, противопоставлялись друг другу все твердые согласные, образуя 105 оппозиций.

В положении перед [a], [и] и [o] в диалектах, где произошло изменение [e] в [ʼo], противопоставлялись парные твердые и заднеязычные парным мягким, за исключением мягких сонорных. Таких оппозиций было 135.

В положении перед [a], [и], [y] и [o] в диалектах, переживших изменение [e] в [ʼo], противопоставлялись парные твердые и заднеязычные мягким сонорным, шипящим и [j], образуя 120 оппозиций.

В положении перед [a], [и], [e] и [o] в диалектах, знавших изменение [e] в [ʼo], противопоставлялись парные мягкие шипящим и [j]. Таких оппозиций было 45.

В положении перед [a], [и], [e], а также [ě] в диалектах, сохранивших эту фонему, и [o] в диалектах, знавших изменение [e] в [ʼo], противопоставлялись парные мягкие, кроме сонорных, по отношению друг к другу, образуя 63 оппозиции.

В положении перед [a], [и], [y], [e] и [o] в диалектах, знавших изменение [e] в [ʼo], противопоставлялись мягкие сонорные и шипящие, а также [j] по отношению друг к другу. Здесь существовало 28 оппозиций.

В положении только перед [a] и [ě] в диалектах, сохранивших эту фонему, образовалось 9 оппозиций фонемы [ц'] по отношению к парным мягким согласным, кроме сонорных.

И наконец, только перед [a] противопоставлялась фонема [ц'] по отношению ко всем твердым, мягким сонорным, шипящим и [j]. Этих оппозиций было 23. При этом [ц'] перед [a] внутри морфем, как известно, было лишь в немногих заимствованных словах.

Таким образом, внутри морфем все возможные здесь согласные, за исключением [ц'], противопоставлялись перед [a], [и], [о], — это были позиции максимального различения согласных. К ним приближалась позиция перед [у], однако она была более ограниченной в своих возможностях.

Что касается оппозиций на стыке морфем, то здесь прежде всего выделяется позиция абсолютного конца слова, где противопоставлялись твердые и мягкие согласные по отношению друг к другу; при этом в силу оглушения звонких шумных в этой позиции выступали только глухие шумные. Все эти согласные образовывали на конце слова 253 самостоятельные оппозиции.

В положении же перед гласными на стыке морфем картина складывается следующим образом.

В положении перед [a], [y], [и], [о] и [ô] образовывалось 105 оппозиций твердых согласных по отношению друг к другу. Здесь положение было таким же, как и внутри морфем.

В положении перед [a], [y], [и] образовывалось 285 оппозиций всеми твердыми согласными по отношению ко всем мягким.

Наконец, в положении перед [a], [y], [и], [e] и [ě] образовывалась 171 оппозиция мягких согласных по отношению к мягким.

Мы не останавливаемся на характере противопоставленности согласных перед согласными, полагая, что этот вопрос должен быть изучен специально, однако надо сказать, что его решение наталкивается на ряд трудностей, связанных с тем, что после падения редуцированных развились процессы, которые серьезно усложнили все отношения противопоставленности согласных перед согласными. К сожалению, многие из этих процессов не получили отражения в орфографии письменных памятников, а потому оказались скрытыми от нашего времени. Можно лишь предполагать осуществление таких процессов, основываясь на данных современного русского языка и диалектологии. Однако все это требует, повторяем, специальных разысканий. Впрочем, в настоящей работе данный вопрос, как представляется, может быть опущен, ибо как бы конкретно здесь дело ни обстояло, в общем плане это не может оказать влияния на характер и условия противопоставленности согласных в тождественных фонетических позициях.

Проблема функциональной нагрузки оппозиций согласных

Рассматривая функциональную нагрузку оппозиций согласных эпохи после падения редуцированных, следует иметь в виду то обстоятельство, о котором говорилось выше: как во всей системе фонологических отношений нельзя не видеть преемственности новой эпохи с предшествующей, так нельзя и считать, что в отношении функциональной нагрузки между периодом до утраты [ъ] и [ь] и периодом после этого процесса нет каких-либо связей. Наоборот, чаще вопрос об этой нагрузке применительно к тем или иным оппозициям решается в таком плане, что установленный ее характер для эпохи до падения редуцированных и даже до смягчения полумягких остается действительным и для нового периода истории языка. Во всяком случае, нельзя увидеть коренной ломки функциональной нагрузки, приводящей к разрыву прежних отношений со складывающимися вновь. Наоборот, можно предполагать, что с развитием древнерусского языка, в силу определенного направления этого развития, фонологическая значимость оппозиций согласных в целом возрастала, и возрастала она за счет расширения и унификации условий противопоставления различных консонантных фонем. И в то же время можно с достаточной уверенностью говорить о сохранении прежних отношений в рассматриваемом плане.

Если обратиться к оппозициям согласных внутри морфем, то здесь прежде всего должно быть определено, что функциональная нагрузка оппозиций твердых согласных по отношению друг к другу оставалась той же, какой она могла быть определена для эпохи после смягчения полумягких, с той лишь разницей, что положение перед [ы] стало положением перед разновидностью фонемы [и] и потеряло силлабемный характер, а положение перед [о] под новым акутом или вне новоакутовой интонации могло распасться на положение перед [ô] и [o].

Однако в отношении этих оппозиций можно указать на одну новую особенность — на появление оппозиций твердых по отношению к [ф], и поэтому здесь возникает вопрос о степени функциональной нагрузки этих последних оппозиций.

Решение этой проблемы серьезно затруднено тем, что до конца остается не известным тот лексический фонд, который участвовал в подобных противопоставлениях. Памятники

и «Материалы...» И. И. Срезневского фиксируют в общем очень незначительное число слов, в состав звуковых оболочек которых входила фонема [ф]: таких слов насчитывается всего около 20, причем, конечно, все это заимствования, степень распространенности которых в живом языке остается неизвестной. Поэтому установить более или менее точно, насколько оппозиции согласных с [ф] выполняли различительную роль, противопоставляя звуковые оболочки слов, кажется почти невыполнимой задачей.

Оппозиции согласных перед [a], [и], [o], осуществлявшиеся парными твердыми и заднеязычными по отношению к мягким парным, за исключением сонорных, выступали в древнерусском языке как средство различения звуковых оболочек слов и форм, т. е. были функционально нагружены. Однако полностью решить этот вопрос, даже ставя его лишь в плане выяснения наличия или отсутствия пар подобных противопоставлений, представляется затруднительным как в связи с отсутствием достаточных данных, так и в связи с тем, что такое решение предполагает установление характера произношения тех или иных слов в живом языке. А это последнее связано с необходимостью учета всех тех процессов, которые прошли в звуковой системе языка к изучаемому времени. Иначе говоря, орфографическое написание слов здесь уже не может быть признано за достаточное отражение произношения, и поэтому, устанавливая противопоставленные пары слов и форм, возможно опираться скорее на те факты, какие можно предполагать по данным современной диалектологии, чем на те, какие можно обнаружить в письменных памятниках. Речь здесь идет, во-первых, об отсутствии написаний с *o* после мягких согласных, кроме щипящих и [ц'].

Не говоря сейчас о причинах этого явления — они хорошо известны, — скажем лишь то, что этот факт затрудняет установление противопоставленности согласных перед [o]. Однако, полагая, что в тех диалектах, где процесс изменения [e] в [’o] осуществился, мы можем предположить, что в таких диалектах было противопоставление твердых и мягких согласных перед фонемой [o], и соответственно реконструировать факты произношения.

Во-вторых, здесь должны быть учтены факты изменения согласных после падения редуцированных, и особенно неразличение глухих-звонких в конце слов и изменение групп согласных, что также непоследовательно отражается

в письменности. И таким образом, и в этом случае интерпретация фактов идет по той же линии установления общих возможностей изменения звуков в живом языке с опорой на современные данные.

Таким образом, при рассмотрении всех оппозиций согласных необходимо учитывать не столько их написание в памятниках, сколько реконструируемое их произношение на основе учета изменений в звуковой системе после падения редуцированных.

Кроме того, надо иметь в виду и сложность установления словарного состава языка изучаемой эпохи, без чего, вообще говоря, трудно делать какие-либо выводы о характере функциональной нагрузки. К сожалению, мы не имеем возможности точно установить этот состав и поэтому не можем претендовать на окончательные заключения о характере функциональной нагрузки оппозиций согласных перед разными гласными в рассматриваемую эпоху.

Прежде всего внимания заслуживают парные твердые-мягкие, противопоставлявшиеся перед [а], [и], [о]. Здесь обнаруживается тот факт, что не все противопоставления таких согласных оказываются функционально нагруженными равно перед всеми гласными. Так, если оппозиции [п] — [п'], [в] — [в'], [т] — [т'] [с] — [с'] обнаруживают функциональную значимость перед всеми тремя гласными (ср. *пѣсти* — *пѣсти* (от *пѣсть*), *пытати* — *питати*, *полы* (от *полѣ*) — *пелы* [п'·олы́]; *вазнь* — *вѣзнь*, *выти* — *вити*, *волѣ* — *велѣ* [в'·ол], *возѣ* [вос] — *везѣ* [в'·ос]; *тати* (от *татѣ*) — *тѣти*, *тынѣ* — *тинѣ* (от *тина*), *токѣ* [ток] — *текѣ* [т'·ок]; *сагоу* (от *сагѣ*) — *сѣгоу* (от *сѣчи*), *сырѣ* — *сирѣ*, *солѣ* [сол] — «посол» — *селѣ* [с'·ол]), то оппозиция [б — б'] обнаруживает такую значимость только перед [и] и [о] (ср. *бывати* — *бивати*, *быти* — *бити*, *бодрѣ* [бодр] — *бедрѣ* [б'·одр]), но не перед [а] в силу отсутствия сочетания [б'·а] внутри морфем; оппозиция [м] — [м'] — только перед [а] и [и] (ср. *масти* (от *масть*) — *мѣсти*, *малица* — *мѣлица*, *мылѣ* — *милѣ*), но не перед [о]; оппозиция [д] — [д'] — только перед [а] и [о] (ср. *дѣть* [дѣ·т'] — «даяние» — *дѣдѣ* [д'·ѣт'] (от *дѣдѣ*), *донѣ* [дон] (от *дно*) — *денѣ* [д'·он] (от *день*), но не перед [и]; оппозиция [ф] — [ф'] отсутствует вообще в таком плане.

И точно так же обстоит дело с иными оппозициями. Так, перед всеми тремя гласными фонологическую значимость обнаруживают, например, оппозиции:

[п] — [в']: *пазѣ* — *вазѣ*, *паче* — *ваче*, *пытати* — *вита-ти*, *полѣ* [пол] — *велѣ* [в'ол];

[п] — [м']: *пасти* — *масти*, *пыра* (от *пыро*) — *мира* (от *мирѣ*), *полѣ* [пол] — *мелѣ* [м'ол], *подѣ* [пот] — *медѣ* [м'от];

[п] — [с']: *пакѣ* — *сакѣ*, *пыра* — *сира* (от *сирѣ*), *полѣ* [пол] — *селѣ* [с'ол].

Только перед [а] и [о] такими оппозициями оказываются, например,

[в] — [т']: *важу* (от *вадити*) — *тажу* (от *тажа*), *возѣ* [вос] — *тезѣ* [т'ос], *ворѣ* [вор] — *терѣ*, [т'ор];

[в] — [д']: *вагѣ* (от *вага*) — *дагѣ*, *вонѣ* [вон] — *денѣ* [д'он];

[м] — [т']: *мати* — *таги*, *мокѣ* [мок] — *текѣ* [т'ок].

Только перед [и] и [о] функционально нагруженными выступают, например, оппозиции:

[п] — [д']: *пыра* — *дира*, *постныи* [посныи] — *десныи* [д'осныи];

[б] — [в']: *быти* — *вити*, *бодрѣ* [бодр] — *ведрѣ* [в'одр], *босѣ* [бос] — *везѣ* [в'ос];

[б] — [м']: *было* — *милло*, *ботѣ* [бот] — *медѣ* [м'от];

[б] — [д']: *быкѣ* — *дикѣ*, *борзо* — *дерзо* [д'орзо].

Только перед [о] функциональную значимость имеют оппозиции:

[п] — [т']: *полѣ* [пол] — *телѣ* [т'ол] (от *тло*);

[п] — [з']: *подѣ* [пот] — *зедѣ* [з'от];

[ф] — [т']: *форѣ* [фор] — *терѣ* [т'ор];

[с] — [з']: *сотѣ* [сот] (от *сто*) — *зедѣ* [з'от];

[х] — [т']: *хорѣ* [хор] — *терѣ* [т'ор].

Следует добавить к сказанному несколько слов по поводу противопоставлений согласных перед [о]. Нетрудно убедиться, что рассмотренные противопоставления во многих случаях действительны лишь для диалектов, которые не только знали изменение [е] в [о], но которые в то же время характеризовались отсутствием [ô], так как в том случае, если при развитии [о] из [е] сохранялось [ô] после твердых, противопоставления, приведенные выше, могли оказы-

ваться недействительными. Сейчас нет необходимости анализировать подобные различия — это целесообразно сделать при изучении истории противопоставленности согласных в отдельных русских диалектах, однако учитывать такую возможность необходимо, ибо она может обусловить еще ряд ограничений в характере функциональной нагрузки рассмотренных оппозиций.

Приблизительно так же обстоит дело и с оппозициями перед [a], [i], [y] и [o], образуемыми твердыми парными и заднеязычными по отношению к мягким сонорным, шипящим и [j]. В числе этих оппозиций прежде всего вновь выделяются оппозиции парных твердых-мягких сонорных, которые оказываются в неравном положении. Так, оппозиция [n] — [n'] не различает звуковых оболочек перед [a] и [y] в силу отсутствия слов с внутриморфемными сочетаниями [n'a] и [n'y], но различает их перед [i] и [o] (ср. *ныти* — *нити*, *носъ* — *несъ* [n'os]). Оппозиция [p] — [p'] выступает в такой роли перед [a] и [o], но не выступает перед [i] и [y] (ср. *разъ* [pac] — *расъ* [p'ac], *радъ* — *рдъ*, *радити* — *рдити*, *ровъ* [rof] — *ревъ* [p'of], *рокъ* [rok] — *рекъ* [p'ok]). И только оппозиция [л] — [л'] оказывается функционально нагруженной перед всеми четырьмя гласными (ср. *ладьный* — *лдьный*, *блудъ* — *блудъ*, *блудение* — *блудение*, *лоудъ* — *людъ*, *лыкъ* — *ликъ*, *логъ* [лок] — *leggъ* [л'ок], *лонъ* [лон] — *ленъ* [л'он]).

Обращаясь к иным противопоставлениям, надо иметь в виду, что вопрос о функциональной нагрузке оппозиций парных твердых и заднеязычных по отношению к мягким сонорным, шипящим и [j] в положении перед [a] и [y] решается в целом так, как он решался для эпохи после смягчения полумягких. Это связано с тем, что противопоставления данных согласных перед этими двумя гласными сложились уже до падения редуцированных и изменения в этой области коснулись только или возможного расширения словарного состава, или того, что в результате падения редуцированных произошли такие фонетические процессы, которые изменили произношение тех или иных слов, что привело к их совпадению с другими словами. Так, например, возникли новые факты противопоставлений для оппозиций [n] — [p'] перед [a]: *назъ* [nac] — *расъ* [p'ac] (от *раса*); [б] — [л'] перед [a]: *батъ* [ба·т'] (от *бата*) — *лдь* [л'ät']; [д] — [л']: *дать* [да·т'] — «даяние» — *лдь* [л'ät'] и т. д.

Однако основное в истории этих оппозиций заключается, конечно, в том, что они стали осуществляться в положении перед [и] и [о] и получили здесь возможность выступать как средство различения звуковых оболочек слов и форм, существовавших в живом древнерусском языке. Перед указанными двумя гласными в такой роли стали выступать, например, оппозиции:

[б] — [н']: *быти* — *нити*, *босъ* [бос] — *несъ* [н'·ос];

[б] — [л']: *быти* — *лити*, *быкъ* — *ликъ*, *бокъ* [бок] — *легъ* [л'·ок];

[б] — [ч']: *бытъ* — «имущество» — *читъ* — «щит», *ботъ* [бот] — *четъ* [ч'·от];

[б] — [ш']: *быти* — *шити*, *ботъ* [бот] — *шедъ* [ш'·от];

[б] — [ж']: *быти* — *жити*, *бывати* — *живати*, *бокъ* [бок] — *жегъ* [ж'·ок];

[б] — [ш'ч']: *бытъ* — *щитъ*, *бодръ* [бодр] — *щедръ* [ш'ч'·одр] и др.

Оппозиции согласных перед [а], [и], [е] и [о], образуемые мягкими парными, кроме сонорных, по отношению к шипящим и [j], могут быть охарактеризованы в отношении их функциональной нагрузки в целом так же, как для эпохи после смягчения полумягких. Преобразования коснулись здесь лишь того, что в ряде случаев после падения редуцированных и изменения [е] в [о] звуковые оболочки двух слов стали противопоставляться оппозициями согласных не перед [ь] или [е], а перед [о].

Все сказанное относится и к вопросу о функциональной нагрузке оппозиций согласных перед [а], [и], [е], [ě] и [о], которые образовывали парные мягкие, кроме сонорных, по отношению друг к другу, где преобразования коснулись также позиций перед [ь] и [е], ставших в ряде случаев позицией перед [о].

К сожалению, мы не имеем возможности подробно рассмотреть все эти явления и даже, более того, вынуждены опустить все вопросы, связанные с функциональной нагрузкой оппозиций согласных на стыке морфем и особенно в абсолютном конце слова. Ограничимся поэтому лишь самым общим замечанием о том, что падение редуцированных внесло и здесь очень серьезные изменения, обусловив в целом усиление и укрепление фонологической значимости оппозиций согласных. Развитие различных фонетических

процессов, вызванных падением редуцированных, привело к тому, что возникли и развились такие противопоставления звуковых оболочек разных слов и форм, которых не было и не могло быть до утраты [ъ] и [ь].

Рассмотрением проблемы функциональной нагрузки согласных мы заканчиваем анализ фонологических отношений, развивавшихся в русском языке после падения редуцированных. Конечно, за пределами этого анализа остались многие вопросы истории звуковой системы, имеющие непосредственное отношение к проблемам диахронической фонологии. Более того, можно предполагать, что в работе не получили достаточного освещения или не были поставлены совсем очень важные вопросы, которые требуют пристального внимания. Это объясняется тем, что подобные вопросы предполагают большую подготовительную работу, которая, к сожалению, еще не проделана. Многие явления в истории фонологической системы русского языка, как будто бы в общем ясные и известные, в то же самое время в действительности оказываются такими, о которых мы, по существу, знаем мало. Правильно же оценить их, поставить их в связь друг с другом, включить их в общую систему — все это возможно лишь в том случае, если предварительно будет проделана работа по накоплению необходимых фактов. Эта работа, как кажется, еще впереди.

Именно поэтому прежде всего и оказалось, что, рассматривая последний период в истории фонологической системы, мы были вынуждены во многих случаях ограничиться лишь самой общей постановкой вопросов, а иногда и вообще отказать от их анализа.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, изд. МГУ, 1956.
- Аванесов Р. И., Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9.
- Аванесов Р. И., Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*, «Вестник МГУ», 1941, № 1.
- Бодуэн де Куртене И. А., Избранные труды по общему языкознанию, т. I, II, изд. АН СССР, М., 1963.
- Вахек Й., Лингвистический словарь Пражской школы (русск. перевод), изд. «Прогресс», М., 1964.
- Горшкова К. В., Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, изд. МГУ, 1965.
- Горшкова К. В., Историческая диалектология русского языка, изд. «Просвещение», М. (готовится к печати).
- Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, изд. «Просвещение», М., 1964.
- «Исследования по фонологии», изд. «Наука», М., 1966.
- Калнынь Л. Э., Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956.
- Калнынь Л. Э., Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках, изд. АН СССР, М., 1961.
- Клычков Г. С., Развитие диахронической фонологии за последние годы (Обзор литературы). «Вопросы языкознания», 1962, № 4.
- Колесов В. В., Падение редуцированных в статистической интерпретации. «Вопросы языкознания», 1964, № 2.
- Косериу Э., Синхрония, диахрония и история. Сб. «Новое в лингвистике», вып. III, Изд. иностр. лит., М., 1963.
- Крупаткин Я. Б., Две проблемы исторической фонологии. «Вопросы языкознания», 1958, № 6.
- Кузнецов П. С., О дифференциальных признаках фонем. «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
- Ломтев Т. П., Причинность и вероятность в развитии языка. «Филологические науки», 1966, № 3.

Мартине А., Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии), Изд. иностр. лит., М., 1960.

Matthews W. K., Russian Historical Grammar, London, 1960.

Реформатский А. А., Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. VIII, 1955.

Реформатский А. А., О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). Сб. «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, М., 1955.

Самуйлова Н. И., Развитие соотносительной категории глухости-звонкости согласных в русском языке. Автореферат, изд. МГУ, 1963.

Трубецкой Н. С., Основы фонологии, Изд. иностр. лит., М., 1960.

Trubetzkoy N., Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1954.

Trubetzkoy N. S., Principien de Phonologie, Paris, 1949.

Шаумян С. К., История системы дифференциальных элементов в польском языке, изд. АН СССР, М., 1958.

Шаумян С. К., Проблемы теоретической фонологии, изд. АН СССР, М., 1962.

Jakobson R., Principien der historischen Phonologie, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 4, 1931.

Jakobson R., Remarques sur l'évolution phonologie du russe comparée à celle des autres langues slaves, Prague, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5
Историческая фонология как наука, ее принципы и задачи	—
Проблема периодизации истории фонологической системы русского языка	12
Некоторые проблемы теории исторической фонологии	16
Фонологическая система древнерусского языка конца X — начала XI в. как исходная система в развитии фонологических отношений	53
Лингвистическая характеристика эпохи конца X — начала XI в.	—
А. Фонологические отношения в области гласных	55
Состав гласных фонем	—
Частные системы гласных фонем, выступающие в различных фонетических условиях	61
Проблема дифференциальных признаков гласных фонем	79
Оппозиции гласных фонем и их функциональная нагрузка	86
Коррелятивные отношения в области гласных древнерусского языка и проблема нейтрализации	108
Б. Фонологические отношения в области согласных	123
Состав согласных фонем	—
Проблема дифференциальных признаков согласных фонем	128
Оппозиции согласных фонем	132
Коррелятивные отношения в области согласных древнерусского языка	149
Противопоставленность согласных в тождественных фонетических условиях	153
Функциональная нагрузка оппозиций согласных внутри и на стыке морфем	162
Категория твердости-мягкости согласных в древнерусском языке	173
Категория глухости-звонкости в древнерусском языке	183
Проблема позиционных разновидностей согласных фонем	189
Изменение фонологических отношений древнерусского языка в результате смягчения полумягких согласных	191
Вопрос о времени и условиях смягчения полумягких	—
Изменения в соотношениях согласных и гласных в результате смягчения полумягких. Проблема силлабем	195

Изменение фонологических отношений в области гласных древнерусского языка в результате смягчения полумягких	214
Проблема частных систем гласных фонем	—
Состав гласных фонем древнерусского языка эпохи развития согласных вторичного смягчения	216
Проблема дифференциальных признаков гласных фонем после смягчения полумягких	219
Оппозиции гласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения	221
Функционирование оппозиций гласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения	227
Изменение фонологических отношений в области согласных древнерусского языка в результате смягчения полумягких	230
Проблема состава согласных фонем в эпоху смягчения полумягких	—
Проблема дифференциальных признаков согласных фонем	234
Оппозиции согласных фонем в эпоху развития согласных вторичного смягчения	235
Характеристика оппозиций согласных с точки зрения отношений между ними и между их членами	249
Противопоставленность согласных в тождественных фонетических условиях	256
Функциональная нагрузка оппозиций согласных внутри морфем после смягчения полумягких	257
Функциональная нагрузка оппозиций согласных на стыке морфем после смягчения полумягких	260
Категория твердости-мягкости согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения	265
Функциональная нагрузка оппозиций парных твердых-мягких согласных	270
Функционирование оппозиций силлабем в эпоху развития согласных вторичного смягчения	273
Еще раз о нейтрализации твердости-мягкости согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения	276
Проблема отношения парных глухих-звонких согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения	282
Возникновение новых рядов позиционной мены согласных в эпоху развития согласных вторичного смягчения	284
Развитие фонологических отношений в древнерусском языке после XII в. в результате падения редуцированных	289
Принципы анализа фонологической системы эпохи после падения редуцированных	—
Проблема фонемного состава гласных древнерусского языка после падения редуцированных	295
Утрата [ь] и [ѣ] как самостоятельных фонем	—
Возникновение фонемы [ѡ] в результате утраты древних акцентно-интонационных отношений	298
Функциональное объединение [и] и [ы] и превращение фонемы [ы] в разновидность фонемы [и]	300
	357

Проблема фонологической интерпретации отношений между [e] и [o]	302
Оппозиции гласных фонем и условия их функционирования	311
Проблемы фонологического описания согласных эпохи после падения редуцированных.	318
Изменения в составе согласных фонем древнерусского языка после падения редуцированных	320
Становление категории глухости-звонкости согласных	324
Развитие категории твердости-мягкости согласных	328
Глухие-звонкие и твердые-мягкие архифонемы древнерусского языка эпохи после падения редуцированных	332
Развитие и изменение характера функционирования оппозиций согласных после падения редуцированных	334
Развитие противопоставленности согласных в тождественных фонетических условиях	344
Проблема функциональной нагрузки оппозиций согласных	347
Основная литература	354

Валерий Васильевич Иванов
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Редактор *Г. В. Карпюк*
Художественный редактор *Н. А. Володина*
Технический редактор *Т. А. Семейкина*
Корректор *М. М. Крючкова*

* * *

Сдано в набор 19/VII—67 г. Подписано к печати 23/IV 1968 г. 84×108¹/₃₂. Типогр. № 2. Печ. л. 18,9 (11,25). Уч.-изд. л. 19,25. Тираж 22 тыс. экз. (Тем. пл. 1968 г. БЗ—№ 59—1967 г.—№ 25). А03610. Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26. Заказ № 1796.
Цена без переплета 77 к., переплет 10 к.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В издательстве «Просвещение» в 1968 году выходят следующие книги серии «Из лингвистического наследства».

Селищев А. М. Избранные труды. 42 л. Цена 1 руб. 41 коп.

А. М. Селищев — один из крупнейших русских славистов, известен не только в СССР, но и во всем мире.

В издаваемом томе впервые собраны исследования ученого разных лет и различного характера, посвященные истории русского языка, ономастике, топонимике, сравнительной грамматике славянских языков.

Трудам А. М. Селищева предпосланы очерк о жизни ученого и статья «А. М. Селищев как славист».

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике (т. III, «Об изменении значения и заменах существительного»). 40 л. Цена 1 руб. 90 коп.

Труд выдающегося ученого А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» — одно из значительных достижений русского до-революционного языкознания.

Третий том, выпускаемый в настоящее время и являющийся продолжением изданных в 1958 г. I и II томов, посвящен вопросу происхождения имени существительного и имени прилагательного из имени.

Заказ на интересующее Вас издание можно оформить в ближайшем книжном магазине Книготорга или Потребкооперации.

Издательство «Просвещение»

